
S 32/239
VIII

S 32
230

А. Я. МАКСИМОВЪ.

На далекомъ Востокѣ

ПОЛНОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
Книга VIII.
8

С.-П.Б.
ИЗДАНІЕ М. К. МАКСИМОВОЙ

Изданіе М. К. Максимовой.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Я. МАКСИМОВА.

ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

„НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ“

(Раманы, повѣсти и разсказы изъ жизни на восточной окраинѣ).

Все изданіе состоитъ изъ **10 книгъ**; каждая книга объемомъ въ 16—20 печатныхъ листовъ, съ 5—6 иллюстраціями.

Подписная цѣна на **полное изданіе въ 10 книжекъ. 10 рублей** безъ перес.

Въ отдѣльной продажѣ (въ книжныхъ магазинахъ) цѣна каждой книги **1 р. 50 к.**

Складъ изданія: С.-Петербургъ. Петербургская сторона. Большая Гребецкая улица, домъ № 23. кв. 3.

Рисунки доз. Ценз. Спб. 15 Мая 1901 г. Тип. К. Л. Пентковскаго, Казач. 9.

А. Я. Максимовъ.

НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

Изданіе М. К. МАКСИМОВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія К. Л. Пентковскаго, Казначейская, 6—71.
1901.

Рисунки дозволены Цензурою. Спб. 6 мая 1901 г.

ВОКРУГЪ СВѢТА.

ГЛАВА XIV.

Сборы.—Буеносъ-Айресъ.—Извощики-тритоны.—Французская гостинница.--Необыкновенная правильность постройки улицъ. — Патіо. — Азотеи.—Наружный и внутренній видъ домовъ.—Аристократическій кварталъ.—Кварталъ бѣдныхъ.—Церкви и духовентство. — Площадь «Побѣды» —Буеносъ-айресскій рынокъ и гигантскія фуры.—Гаучо, его характеръ и одежда. -Населеніе Буеносъ-Айреса.—Внутренняя жизнь аргентинскаго семейства.

Черезъ два дня, по приходѣ въ бухту Баррaганъ, собралась небольшая компанія для прогулки по Буеносъ-Айресу и его окрестностямъ; кромѣ того предполагалось, если позволитъ время, побывать въ неизмѣримыхъ лугахъ Южной Америки и познакомиться съ житьемъ-бытьемъ поселянъ Аргентинской республики, жизнь которыхъ обставилась такъ странно, такъ оригинально, что заслуживаетъ особеннаго вниманія всѣхъ путешественниковъ, которые когда либо посѣтятъ эту своеобразную, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательную, страну. Между нами нашлось нѣсколько любителей верховой ѣзды, желавшихъ попробовать свое искусство на быстрыхъ, какъ вѣтеръ, мѣстныхъ лошадяхъ; нѣкоторые даже вооружились ружьями, въ надеждѣ подстрѣлить въ преріяхъ какую нибудь птаху или даже звѣря, если попадется; но конечно звѣря не страшнаго и не опаснаго (мы съ подобнымъ звѣремъ встрѣтиться не пред-

полагали, да, откровенно сказать, и не желали), а такъ что нибудь въ родѣ зайца или лисицы.

Сборы нашей компаніи были очень шумны и мы никакъ не могли между собою согласиться, съ которой стороны начать осмотръ столицы Аргентинской республики, какія окрестности осмотрѣть раньше, на что обратить большее вниманіе и, наконецъ, какъ начать нашу прогулку: съ Буеносъ-Айреса ли или же высадиться на бижайшій берегъ въ деревню Баррaганъ, и оттуда уже направиться къ городу, осмотрѣвъ такимъ образомъ часть его окрестностей раньше... Одинъ совѣтывалъ обратить вниманіе на гостинницы, кондитерскія, магазины и разные увеселительные дома столицы; другой билъ на то, чтобы осмотрѣть непремѣнно храмы, капеллы, монастыри, въ которыхъ полагалъ найти что нибудь таинственное, дѣйствующее на воображеніе и фантазію; третьи, напротивъ, хлопотали о томъ, чтобы посмотрѣть сперва на картины потрясающія, какъ напримѣръ, матадеро (matadero), саладеро (saladero) и тому подобныя учрежденія (о нихъ будетъ сказано въ свое время), между тѣмъ, какъ четвертые—стремились полюбоваться поскорѣе прелестными дамами Буеносъ-Айреса, о красотѣ и граціи которыхъ носились на корветѣ такіе удивительные слухи, что онѣ заранѣе пріобрѣли себѣ въ корветской молодежи самыхъ ревностныхъ и смѣлыхъ поклонниковъ... Словомъ, каждый предлагалъ что нибудь свое и простодушно увѣрялъ остальныхъ, что совѣтъ его и планъ предстоящей прогулки—самый наилучшій. Чтобы удовлетворить общему желанію, рѣшено было осмотрѣть по возможности рѣшительно все, побывать вездѣ, куда заносила раньше времени каждаго изъ членовъ, собравшейся компаніи, его пылкая фантазія; рѣшено было осмотрѣть Буеносъ-Айресъ со всѣхъ сторонъ, не выпуская ничего изъ виду, начиная съ гостинницъ, магазиновъ и тому подобныхъ коммерческихъ учрежденій и кончая таинственными монастырями, храмами и капеллами. Что же касается до

живыхъ существъ, то компанія рѣшила посмотрѣть съ одинаковымъ вниманіемъ, какъ на извѣстныхъ чуть ли не всему міру дикихъ гаучо, которые своимъ видомъ, по нашему мнѣнію, должны были напомнить намъ какихъ нибудь ужасныхъ, отвратительныхъ разбойниковъ (въ чемъ мы, сознаюсь, немного ошиблись), такъ и на прелестныхъ буеносъ-айресскихъ женщинъ, которыхъ наше пылкое воображеніе рисовало намъ такими красавицами, съ черными страстными глазами, съ стройною, гибкою таліею, крошечными, бѣленькими ручками и ножками, что раньше времени уже нѣкоторые изъ насъ замирали отъ восторга полюбоваться такими чудными произведеніями лаплатской природы...

Да, всѣ ждали предстоящей прогулки съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ удовльствіемъ, и не мудрено; пробывъ въ морѣ тридцать дней, и не видя вокругъ себя ни одного предмета, сколько нибудь напоминающаго берегъ, лубуясь постоянно давно знакомыми физіономіями, каждая черта которыхъ, кажется, каждая морщинка, пятнышко и рубчикъ давно уже врѣзались въ память,—невольно начнешь мечтать о землѣ, о ея жителяхъ, удобствахъ и удовольствіяхъ... Берегъ казался намъ такимъ прекраснымъ, привлекательнымъ и очаровательнымъ, что мы не могли дождаться той блаженной минуты, когда нога наша ступитъ наконецъ на твердую, неколеблющуюся подъ ногами почву, когда глаза наши будутъ скользить не по давно знакомымъ измученнымъ лицамъ, но будутъ пытливо останавливаться на лицахъ новыхъ, совершенно намъ не знакомыхъ, на лицахъ, которыя будутъ производить на насъ совершенно противопожное впечатленіе. Какая-то невѣдомая сила торопила насъ окончить, какъ можно скорѣе, наши шумныя приготовленія; мы собирались на берегъ съ такою лихорадочною поспѣшностью, что болѣе половины изъ вещей, которыя мы предполагали взять съ собою, было забыто на корветѣ.

Наконецъ, всѣ сборы были, по видимому, окон-

чены; публика усѣлась, кто съ чѣмъ, въ стоящій у борта паровой катеръ, который, черезъ нѣсколько минутъ, запыхтѣлъ засвистѣлъ, и понесъ насъ къ Буеносъ-Айресу. Быстро пробирались мы среди множества, стоящихъ на якорѣ судовъ всѣхъ конструкцій и вооруженій, обдавая дымомъ и летящею изъ трубы сажею лыбопытныхъ матросовъ всѣхъ націй, которые, свѣсившись черезъ бортъ, съ удивленіемъ поглядывали на насъ, представителей Россійскаго государства, большинство которыхъ, откровенно сказать, были очень похожи въ своихъ неуклюже сидящихъ на нихъ штатскихъ платьяхъ, на раковъ-отшельниковъ, забравшихся въ чужую раковину, или, лучше сказать, на ворону въ павлиньихъ перьяхъ. Вскорѣ всѣ, стоящія въ барраганской бухтѣ, суда остались далеко позади, и съ лѣвой стороны открылся передъ нами, какъ на ладони, такъ пылко и давно ожидаемый Буеносъ-Айресъ. Онъ былъ раскинутъ на нѣсколько возвышенномъ, но почти ровномъ, берегу; множество башень, колоколенъ, куполовъ церквей и монастырей придавали ему причудливый, разнообразный, пріятный для глаза, видъ... Ближе къ берегу тянулся длинный рядъ домовъ, терявшихся вдали въ красивыхъ и богатыхъ рощахъ и садахъ; передъ ними разбросано было нѣсколько башенъ съ почернѣвшими, вывѣтрившимися и надтреснувшими стѣнами, ясно показывающими, что много десятковъ лѣтъ вынесли онѣ на своихъ крѣпкихъ, сильныхъ плечахъ. Сгруппированныя въ серединѣ и лежащія на нѣсколько болѣе возвышенномъ мѣстѣ, лучшія зданія города, какъ-то: прекрасная таможня со множествомъ оконъ и имѣющая видъ грознаго полукруглаго форта, величественный соборъ, съ вздымающимися къ небу колокольнями, театръ, съ чрезвычайно крутою и островерхою крышею, и другія, придавали общей картинѣ эффектный видъ...

Далеко въ рѣку шли отъ берега двѣ пристани, къ которымъ мы и направились; но на наше несчастье, отливъ былъ такъ великъ, что мы никакъ не могли при-

стать ни къ одной изъ манящихъ къ себѣ пристаней и должны были съ терпѣніемъ ожидать благопріятнаго исхода изъ сквернаго положенія. Не успѣли однако мы остановиться, какъ съ берега уже замѣтили наше непріятное положеніе и цѣлый десятокъ возницъ, возсѣдающихъ на какихъ-то не то колесницахъ, не то телѣгахъ съ чрезвычайно высокими колесами, бросились, какъ бѣшенныя, въ воду и, перегоняя другъ друга, торопились предложить намъ свои услуги. Масса брызгъ, радужно блестящая на солнцѣ, летѣла изъ подъ колесъ и ихъ ретивыхъ лошадей и окачивала съ ногъ до головы торопящихся и ругающихся возницъ; смѣшно было смотрѣть на эту новую для насъ картину, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы возносили къ небу живую благодарность за то, что Господь надоумилъ мѣстныхъ возницъ выдумать средство избавить путешественниковъ или вообще иностранцевъ отъ непріятнаго путешествія по водѣ, яко по суху, потому что, не будь этихъ смѣшныхъ телѣгъ на высокихъ колесахъ, намъ пришлось бы или вернуться, что было-бы очень непріятно, или же выйти изъ шлюбки и пройтись нѣсколько десятковъ сажень по колѣно въ водѣ, что было бы еще непріятнѣе... Длинныя пристани (около четверти мили) выведены въ рѣку какъ бы только въ насмѣшку, потому что, кажется ни одна шлюбка не можетъ пристать къ нимъ вплотную: такъ около нихъ мелко; вывести же пристани дальше пока никто еще непозаботился, да и зачѣмъ, когда мѣстные возницы выдумали обходиться совершенно безъ нихъ—такъ по крайней мѣрѣ думаютъ жители Буеносъ-Айреса, и думаютъ, пожалуй, отчасти справедливо, а если не справедливо, то логично. „Зачѣмъ, насмѣшливо говорилъ намъ хозяинъ гостиницы, остроумный французъ, строить намъ то, безъ чего обходились отцы и дѣды буеносъ-айресскихъ жителей, да и безъ чего и мы сами пока, какъ видите, обходимся, благодаря смѣтливости нашихъ возницъ. Правда немножко неудобно, но что же дѣлать,

нужно пріучаться къ неудобству; а къ удобству пріучиться, какъ знаете, ничего не стоитъ". Какъ видно, французъ остроумно высказалъ образъ мыслей большинства буеносъ-айресскихъ жителей, которые, повидимому, размышляютъ дѣйствительно такъ, и вотъ, благодаря подобнымъ, довольно оригинальнымъ размышленіямъ, никто до сихъ поръ не предложилъ вывести пристани какъ можно дальше отъ берега, а если, можетъ быть, и нашелся подобный благодѣтель человѣческаго рода, то городъ, вѣроятно, пожалѣлъ средствъ докончить начатое, и такимъ образомъ до настоящаго времени каждый путешествующій въ Буеносъ-Айресѣ можетъ испытать подобное же оригинальное сообщеніе съ берегомъ.

И такъ бурля и обдавая насъ тысячью мельчайшихъ брызгъ, подкатили къ намъ со всѣхъ сторонъ телѣги, запряженныя, каждая парою отличныхъ, сильныхъ лошадей, и возницы наперерывъ, съ шумомъ и гвалтомъ, предлагали намъ свои услуги; при этомъ я замѣтилъ въ нихъ черту характера, очень похожую на выходку нашихъ Ванекъ, а именно: у нихъ такая же страсть хулить лошадей, экипажъ и искусство своихъ товарищей по ремеслу, между тѣмъ какъ себя и все свое возносить до небесъ.

— Господа, галдѣлъ съ правой стороны здоровенный возница съ всклокоченными волосами и горящими глазами, обращаясь къ намъ на коверканномъ французскомъ языкѣ, „клянусь Пресвятою Богородицею, что лучше моихъ лошадей, лучше моего экипажа, вы не найдете во всемъ Буеносъ-Айресѣ, стрѣлою довезу вашу милость до берега... А эти господа", при этомъ онъ сдѣлалъ презрительный жестъ и указалъ на другихъ, обступившихъ насъ возницъ и старающихся всѣми силами перекричать здоровеннаго возницу, „не довезутъ васъ и до половины дороги... Пусть будетъ свидѣтельницей Пресвятая Дѣва Марія, что я говорю сущую правду... на полпути околѣютъ у нихъ всѣ лошади,

экипажи развалятся и они выкупаютъ васъ въ глубокой водѣ нашей Ріо"...

— Карамба! ревѣлъ съ другой стороны, надъ самымъ нашимъ ухомъ, коренастый плотный возница, бросая на перваго уничтожающіе взгляды, этотъ негодяй лжетъ... онъ васъ господа, не довезетъ, онъ васъ утопитъ на третьей же сажени... не довѣряйтесь ему; господа, онъ васъ ограбитъ, зарѣжетъ... онъ воръ, мошенникъ, убійца... И полилась на перваго возницу такая ужасная брань, сопровождаемая отчаянными размахиваніями руками, что мы, зная немного характеръ испанцевъ и опасаясь кровавой схватки, раздѣлились на два лагеря и усѣлись въ экипажи двухъ горячихъ возницъ... Остальные, обманутые въ своихъ надеждахъ получить сѣдока, бросились къ берегу, проклиная и ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей, которые, между тѣмъ, взмахнули кнутами и, какъ полоумные, понеслись также къ берегу, желая, повидимому, доказать намъ, что увѣренія товарищей въ неисправности ихъ экипажа и негодности лошадей не имѣютъ никакого основанія. Нашей партіи достался именно тотъ, коренастый, плотный возница, который такъ жестоко выругалъ своего товарища, везшаго за нами остальную половину нашей компаніи; тотъ, повидимому, всѣми силами старался насъ перегнать, чтобы поддержать свою честь и честь добрыхъ коней, но не имѣлъ успѣха... Нашъ возница, не переставая поносить товарища, летѣлъ, какъ угорѣлый, обдавая насъ тысячью блестящихъ брызгъ и нисколько не внимая просьбамъ ѣхать полегче.

— Нѣтъ, господа, говорилъ онъ съ жаромъ, я хочу доказать этому негодяю, выскочкѣ, что у меня экипажъ не тростниковый и не на бумажныхъ колесахъ... я хочу доказатъ этому мошеннику, вору, что у меня не какія нибудь дохлыя клячи, какъ у него, а чистокровные арабскіе жеребцы... вы въ этомъ, господа, сами увѣритесь... Сантъ-Яго! крикнулъ онъ лошадямъ, замѣтя,

что его противникъ начинаетъ догонять: добрые кони послушные этому общепринятому поощрительному для нихъ возгласу, замѣняющему „ну—у пошелъ!“ „эхъ вы соколики“! и т. д. нашихъ русскихъ ямщиковъ, рванули и духомъ вынесли насъ на берегъ по особо устроенному скату, предназначенному для спуска въ воду этихъ оригинальныхъ повозокъ.

Расплатившись съ горячими возницами, которые не переставали все время переругиваться, и оправивъ, сколько было возможно наше платье, достаточно пострадавшее во время переѣзда съ шлюпки на берегъ, мы зашли въ первую попавшуюся гостинницу, кто утолить голодъ, кто жажду (такихъ было больше), а кто и такъ, ради компаніи, послѣ чего рѣшено было осмотрѣть городъ вдоль и поперегъ.

Гостинница оказалась совершенно европейскою и нисколько не напоминала Америку, да притомъ еще Южную: тутъ была роскошная европейская мебель, паркетные полы, бильярды; стѣны обклеены богатыми обоями, окна украшены гардинами, полы—коврами, словомъ, находясь въ Америкѣ, мы съ перваго раза предположили, что какая нибууь благопріятная фея перенесла насъ въ Европу. При всемъ этомъ хозяиномъ гостинницы оказался чистокровный, безъ всякой примѣси, французъ, остроумный, живой, веселый, который разсказалъ намъ нѣкоторыя буеносъ-айресскія сплетни, указалъ мѣста, достойныя посѣщенія, зданія достойныя вниманія, и наконецъ, далъ нѣкоторыя свѣдѣнія о буеносъ-айресскихъ красавицахъ; говоря о послѣднихъ, онъ подмигивалъ, щурилъ глаза, таинственно улыбался и его лицо принимало при этомъ умильное выраженіе нѣжащагося на тепломъ солнцѣ кота.

— О, господа, буеносъ-айресскія дамы, говорилъ онъ, подмигивая нашей молодежи: первые красавицы въ мірѣ, даже такихъ вы не найдете въ нашей любезной Франціи, противъ нихъ не устоитъ ни одинъ иностранецъ, при этомъ онъ таинственно улыбнулся. Но

долженъ я васъ предупредить, господа, продолжалъ онъ, что хотя онѣ и кокетки, и нахальны, но неприступны... французъ улыбнулся, таинственнѣе прежняго и подмигнулъ даже въ добавокъ глазомъ.

— Что вы станете дѣлать, буеносъ-айресскія дѣвицы желаютъ имѣть мужа, добавилъ онъ, многозначительно улыбаясь и оглядывая всю нашу компанію, какъ бы думая, что кто нибудь изъ насъ изъявитъ желаніе жениться на одной изъ буеносъ-айресскихъ красавицъ и попроситъ его быть сватомъ.

Черезъ нѣсколько времени, французъ заговорилъ о матадеросъ и саладеросъ и совѣтывалъ непремѣнно познакомиться съ этими учрежденіями.

— О, восхищался французъ, саладеро и матадеро это лучшее, что вы можете видѣть въ окрестностяхъ Буеносъ-Айреса (однако мы были потомъ не такого мнѣнія), каждый образованный путешественникъ обязанъ ихъ посѣтить, потому что, не видавъ ихъ, онъ не можетъ сказать, что видѣлъ Буеносъ-Айресъ.

Долго еще разсказывалъ намъ французъ о своей родинѣ, давалъ полезные совѣты и даже предлагалъ намъ свои услуги быть путеводителемъ по незнакомому городу; словомъ, нашъ хозяинъ оказался такимъ предупредительнымъ, любезнымъ, что мы благодарили случай, забросившій насъ именно въ его гостинницу. Отведенная комната была удобна, отлично меблирована, а главное, выйдя на балконъ, мы могли любоваться довольно живописнымъ видомъ. Передъ нами лежала Ріо-де-Ла-Плата, обширная, безконечная, величественная—рѣка настоящее море; ближе къ берегу виднѣлось множество мелкихъ судовъ, разгружающихся и нагружающихся, между тѣмъ какъ вдали, нѣсколько въ правой рукѣ, рисовался на голубомъ небѣ цѣлый лѣсъ мачтъ, стоящихъ тамъ на якорѣ купеческихъ судовъ, которыя, по мелководію рѣки, не могутъ приблизиться къ берегу. Рѣка была очень оживлена: на всѣхъ комерческихъ судахъ кипѣла дѣятельная работа, товары пе-

регружались въ шаланды или барки, которыя, въ свое время, подходили ближе къ берегу насколько было возможно, и перегружали вторично забранные товары въ повозки на гигантскихъ колесахъ, запряженныя громадными, длиннорогими быками. Эти высокія повозки, одна за другою, въѣжали въ рѣку и медленно тянулись къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ, за мелководьемъ, остановились нагруженныя шаланды, по всѣмъ направленіямъ бороздили онѣ мутныя воды Ла-Платы, тяжело колыхаясь и обдавая другъ друга брызгами и тиною; въ каждой повозкѣ важно возсѣдалъ, такъ называемый, пикадоръ (picador), вооруженный длиннымъ, тонкимъ шестомъ, помощью котораго онъ управлялъ своими быками. Вся эта картина имѣла въ себѣ много деревенской прелести; оригинальныя повозки и длиннорогіе быки напоминали собою Малороссію...

Вдоль рѣки тянулись небольшіе красивенькіе домики, построенные изъ бѣлаго и краснаго кирпича и окруженные благоухающими, роскошными садами; взглядъ терялся въ зеленѣющихъ вдали преріяхъ или лугахъ, прорѣзанныхъ прекрасными ивовыми аллеями; повсюду видна была роскошная зелень, зелень благоухающая, освѣжающая, и немудрено, что Буеносъ-Айресъ [1]) славится своимъ прекраснымъ воздухомъ, что доказываетъ и самое его названіе. Впрочемъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Буеносъ-Айреса воздухъ не такъ хорошъ, какъ былъ прежде, потому что онъ сильно зараженъ разбросанными повсюду безчислеными саладеро и матодеро...

Буеносъ-Айресъ считается послѣ Ріо-Жанейро самымъ большимъ, красивымъ и многолюднымъ городомъ Южной Америки; онъ построенъ чрезвычайно правильно и въ этомъ отношеніи превосходитъ лучшіе европейскіе города, хотя основаніе и планировка послѣднихъ относится къ гораздо позднѣйшему періоду. Улицы, идущія параллельно Ріо-де-Ла-Платѣ, пересѣкаются другими,

---

[1]) Буеносъ-Айресъ въ переводѣ „прекрасный воздухъ".

совершенно имъ перпендикулярными, одинаковой съ нимъ ширины и лежащими на одинаковыхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Такимъ образомъ, весь городъ раздѣленъ своими улицами на совершенно правильные и притомъ равные четыреугольники, называемые мѣстными жителями „квадрами“ (quadros); сторона любого четыреуголника равняется ровно 370 футамъ, и если у кого изъ путешествующихъ будетъ время, то тотъ можетъ повѣрить это разстояніе, обойдя всѣ квадры съ футомъ въ рукахъ. Эта необыкновенная правильность улицъ города позволяетъ его жителямъ чрезвычайно точно обозначать мѣсто и разстояніе до разыскиваемаго дома; такъ напримѣръ, если вы вздумаете спросить: гдѣ живетъ такой-то или далеко ли до извѣстнаго мѣста, то вы получите ясный и короткій отвѣтъ: „въ улицѣ, положимъ, Перу, въ трехъ съ половиной квадрахъ отъ улицы Чили“! По этому адресу вы очень легко разыщите то, что вамъ надо, а главное, будете знать, каково разстояніе до извѣстнаго мѣста.

Правильность домовъ не менѣе удивительна: почти всѣ построены по одному плану; окна задѣланы съ улицы желѣзными рѣшетками, ясно доказывающими, какъ опасаются здѣсь жители за свою жизнь и имущество. И дѣйствительно, Буеносъ-Айресъ былъ свидѣтелемъ такихъ ужасовъ и безпорядковъ, переполненъ такою массою негодяевъ и убійцъ, лакомыхъ до чужаго кармана, что подобная предосторожность очень понятна. Къ внутренней сторонѣ домовъ примыкаютъ, въ аристократической части города, роскошные, чистенькіе дворики, называемые мѣстными жителями „патіо“ (patio), на которые выходятъ остальные окна дома и двери. Патіо одного дома примыкаетъ къ патіо сосѣднихъ домовъ, образуя при этомъ роскошную амфиладу двориковъ, осѣненныхъ королинскими биніоніями (деревья) и украшенныхъ прелестными виноградными бесѣдками. Общая картина патіо восхитительна; они придаютъ городу пріятный дачный видъ, распространяютъ

вокругъ себя нѣжное благоуханіе (какъ видите они не чета нашимъ петербургскимъ, даже аристократическимъ дворамъ, большая часть которыхъ хотя и распространяетъ далеко кругомъ себя благоуханіе, но, къ несчастью, не нѣжное, а пришибательное), освѣжаютъ воздухъ, причемъ невольно сознаешься, что названіе города совершенно ему соотвѣтствуетъ... Сколько прелести представляетъ подобная аристократическая улица вечеромъ! Озаренная прекраснымъ южнымъ небомъ, украшенная гирляндами цвѣтовъ и густою зеленью, она имѣетъ въ себѣ много очаровательнаго и привлекательнаго...

Крыши домовъ плоскія (исключая общественныхъ, казенныхъ и духовныхъ зданій) и образуютъ, такъ называемыя, азотеи, служащія мѣстомъ отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ ихъ обитателей, но въ особенности обитательницъ, которыя почти каждый вечеръ, въ опредѣленный часъ, выходятъ на это мѣсто прогулки, любуются чуднымъ небомъ, восхищаются прекрасными патіо, красиво тянущимися у ихъ ногъ, и лукаво переглядываются съ своими обожателями, гуляющими на сосѣднихъ и противуположныхъ азотеяхъ. Какою страстью сверкаютъ ихъ темные, какъ ночи, но блестящіе, какъ звѣзды глаза, лукаво и смѣло выглядывающіе изъ подъ кружевной мантильи, накинутой на голову и прикрывающіе ихъ черные, роскошные волосы, полныя плечи и колыхающуюся грудь... О, женщины Буеносъ-Айреса!.. Сколько сердецъ трепещетъ отъ одного этого слова и замираетъ отъ умиленія и страсти!.. Онѣ служатъ лучшими украшеніями азотей; проходя по улицѣ, невольно любуешься этими прекрасными буеносъ-айресскими свѣтилами, блистающими на азотеяхъ во все своей красотѣ, между тѣмъ, какъ по близости расположились молодые астрономы, наблюдающіе каждый свою яркую, любимую звѣзду...

Снизойдемъ однако съ высоты азотеи во внутренность дома и посмотримъ въ общихъ чертахъ на жилище аргентинскаго семейства.

Внутреннее помѣщеніе небогатыхъ домовъ такъ просто, что европейцу, привыкшему къ комфорту, оно покажется очень неудобнымъ и даже бѣднымъ; вмѣсто еврой пейскаго пола—земля, вымощенная плитами, стѣны выбѣлены известью; нѣсколько стульевъ американской работы, столъ и зеркало представляютъ все убранство пріемной комнаты; можете теперь судить о меблировкѣ другихъ комнатъ, назначенныхъ для помѣщенія членовъ семейства и въ которыя не можетъ ступить ни одинъ посторонній, развѣ только родные и друзья. Впрочемъ болѣе богатый семьянинъ, кромѣ подобныхъ комнатъ, имѣетъ еще въ своемъ домѣ, такъ называемое, пріемное зало, оклеенное обоями и установленное не стульями, а мягкими креслами; здѣсь онъ принимаетъ гостей, съ наивною гордостью, наблюдая за восторгомъ своихъ менѣе зажиточныхъ друзей, приходящихъ въ умиленіе отъ какого нибудь березоваго рабочаго столика или этажерки красного дерева, потому что сами не могутъ, по своимъ ограниченнымъ средствамъ, позволить себѣ подобную роскошь. Если посѣтителемъ подобнаго наивнаго хозяина будетъ привыкшій къ роскоши иностранецъ, и если онъ пройдетъ мимо всѣхъ этихъ рѣдкостей (разумѣется рѣдкостей въ глазахъ человѣка, невидавшаго лучшаго) безъ восторженнаго восклицанія, то можетъ жестоко обидѣть добраго хозяина, который переходитъ, обыкновенно, съ гостемъ отъ одной вещи къ другой, какъ рьяный садоводъ отъ растенія къ растенію, взлелѣянному его собственнымъ уходомъ, красноречиво разсказываетъ ему, сколько хлопотъ и трудовъ стоило пріобрѣсть ту или другую вещь, то или другое издѣліе европейскаго краснодеревщика и, наконецъ съ какого корабля получилъ всѣ эти вещи, когда, во сколько піастровъ обошелся ему тотъ или другой предметъ роскоши, словомъ, онъ разскажетъ своему гостю полную атестацію каждой вещицы. Постарайтесь слушать его внимательнѣе, задавайте даже сами вопросы, восхищайтесь, если можете, тою или другою

изящною вещицею, хвалите вкусъ добраго и наивнаго хозяина—и тогда вы пріобрѣтете полное его расположеніе; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ будетъ возносить васъ до небесъ, расхваливать первому встрѣчному вашъ умъ, вкусъ, образованность, вѣжливость, словомъ, будетъ отъ васъ безъ ума.

Наружный видъ подобныхъ небогатыхъ домомъ очень невзраченъ: низенькіе, ровные, выбѣленные известью, принявшею вслѣдствіе сырыхъ вѣтровъ сѣроватый цвѣтъ, лишенные всякихъ архитектурныхъ украшеній — они чрезвычайно походятъ на стѣны какого-то неоконченнаго города. Впрочемъ, въ аристократическихъ квадрахъ встрѣчаются иногда изящные, построенные съ необыкновеннымъ вкусомъ, дома съ прекрасными балкончиками и маленькими азотеями. Общій ихъ видъ восхитителенъ; эти роскошныя дворцы производятъ такое хорошее впечатлѣніе, особенно вечеромъ, при чудномъ сіяніи луны, что невольно переносишься въ невѣдомый, фантастическій міръ, невольно думаешь, что видишь передъ собою одну изъ тѣхъ великолѣпныхъ построекъ, которыя такъ живо описаны въ сказкахъ „Тысячи одной ночи"...

Черезъ открытые чудесные подъѣзды, съ рядами невысокихъ, но необыкновенно изящныхъ колоннъ, осѣненныхъ вьющимися вокругъ нихъ цвѣтущими ліанами, видны роскошныя мраморныя лѣстницы съ золоченными перилами; эфектно убранными краснымъ и бѣлымъ хрусталемъ... Внутренность этихъ домовъ достойна удивленія и болѣе потому, что трудно себѣ вообразить подобную роскошь въ Южной Америкѣ, которая далеко отстала отъ цивилизаціи (подвигающейся впередъ гигантскими шагами только въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ), которая еще находится, можно сказать, въ первобытномъ состояніи, въ странѣ, гдѣ просвѣщеніе и варварство ведутъ нескончаемую, жестокую борьбу... Если бы не европейскіе эмигранты, массами пріѣзжающіе сюда съ цѣлью обогатиться, то Южная Аме-

рика давно бы погрязла въ невѣжествѣ и поднять ее изъ этого омута было бы очень трудно... И такъ, повторяю, внутренность аристократическихъ буеносъ-айресскихъ жилищъ, украшенныхъ, сверху до низу, цвѣтущею зеленью, которая обвиваетъ двери, окна, галлереи, балконы и коллоны, достойна удивленія; великолѣпно лѣпленные потолки, украшенныя чудесными фресками стѣны, мазаичной работы полъ, прекрасная, роскошная мебель, въ восточномъ вкусѣ,—все это напоминаетъ жилище какой-нибудь феи или восточной царицы. Внутренній дворъ, или патіо, выстланъ мраморомъ; посреди его красуется изящный колодецъ, прикрытый мавританскою, золоченною или бронзовою аркою, украшенною разнообразною зеленью и цвѣтами. По вечерамъ, эти маленькіе, прекрасные дворцы фантастически освѣщаются множествомъ чудесныхъ лампъ съ разноцвѣтными колпаками, которыя разливаютъ вокругъ себя такой мягкій, волшебный свѣтъ, что, проходя мимо этихъ, поистинѣ царскихъ жилищъ, невольно останавливаешься передъ ними очарованный, удивленный и восхищенный!..

Улицы въ этой аристократической части города содержатся необыкновенно чисто; прямыя, широкія—онѣ производятъ хорошее впечатлѣніе. Унизанныя съ обѣихъ сторонъ множествомъ красивыхъ, роскошныхъ лавокъ и магазиновъ съ зеркальными окнами, освѣщенныя газомъ, и осѣненныя зеленью—онѣ восхитительны. Тутъ вы увидите модные, игрушечные, мебельные, оружейные магазины, лавки съ желѣзными и мѣдными издѣліями англійскихъ фабрикъ, тутъ вы увидите всю парнасскую изобрѣтательность, которая является здѣсь въ видѣ тысячи самыхъ затѣйливыхъ вещей изъ бронзы, золота, серебра, въ видѣ чудныхъ шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, бархата, атласа и, наконецъ, въ издѣліяхъ изъ войлока, поярка, бумаги и т. д. Словомъ, вы увидите здѣсь все тоже, что видите каждый день на нашемъ Невскомъ проспектѣ, только, разумѣется, въ ми-

ніатюрѣ, потому что въ Буеносъ-Айресѣ нѣтъ такихъ обширныхъ магазиновъ, такихъ прекрасныхъ, многоэтажныхъ домовъ съ громадными зеркальными окнами, нѣтъ такихъ чудныхъ широкихъ тротуаровъ: здѣсь вы увидите ту же роскошь, ту же суету, тѣ же товары, за которые, къ несчастью, вамъ пришлось бы заплатить баснословныя цѣны, потому что европейскія издѣлія здѣсь продаются чуть ли не на вѣсъ золота; но, тѣмъ не менѣе, почти всѣ магазины полны буеносъ-айресскими красавицами, передъ которыми ловкіе французы развертываютъ роскошныя шелковыя матеріи, ліонскій бархатъ, самыя лучшія ленты, модныя богатыя платья, шляпки и тому подобныя вещи, привезенныя изъ Франціи. Черноокія красавицы любуются всѣмъ съ необыкновеннымъ восторгомъ, страстные ихъ глаза разбѣгаются при появленіи каждой новой матеріи, новой шляпки или мантильи; онѣ суетятся у прилавковъ, хлопочатъ, жужжатъ, какъ стая прекрасныхъ бабочекъ, гоняютъ приказчиковъ за тою или другою вещью, перерываютъ магазинъ сверху до низу, торгуются, и въ концѣ концовъ уходятъ изъ него ничего не купивши, да и не мудрено: европейскіе купцы, пріѣхавшіе въ Буеносъ-Айресъ, задались мыслью непремѣнно разбогатѣть на счетъ мѣстныхъ жителей, и дерутъ съ нихъ за самую пустую вещь такія баснословныя цѣны, что только самые богатые граждане, могутъ побаловать своихъ женъ и дочерей выдумками французской моды. Красавицы же, имѣющія отцовъ или мужей немножко побѣднѣе, довольствуются только тѣмъ, что переходятъ изъ одного магазина въ другой, любуются дорогими вещами, примѣриваютъ ихъ, вздыхаютъ и, глубоко огорченныя, что не могутъ пріобрѣстъ какое нибудь идущее къ нимъ платье, мантилью или шляпку, грустно уходятъ изъ магазина, купивъ, можетъ быть, всего только два аршина лентъ, а перерывъ весь магазинъ, примѣривъ чуть ни всѣ имѣющіяся въ немъ платья и шляпки и перемявъ, прикидывая къ себѣ, нѣсколько кусковъ матеріи...

— Боже сохрани, господа, говорилъ намъ одинъ французъ, обладатель нѣсколькихъ модныхъ магазиновъ въ Буеносъ-Айресѣ, если въ магазинъ зайдетъ одна красавица безъ мужа или отца; у насъ это явный признакъ, что она все перероетъ, перемнетъ, перемѣритъ, поставитъ весь магазинъ вверхъ дномъ, а между тѣмъ ничего не купитъ, или же ограничится нѣсколькими аршинами простенькихъ лентъ, вуалью или пуговицами. А попробуйте отказать въ чемъ нибудь подобной покупательницѣ, продолжалъ французъ, такъ поплатитесь тѣмъ, что ни одинъ покупатель не заглянетъ въ магазинъ и вы принуждены будете его закрыть. Это обстоятельство заставляетъ угождать подобнымъ покупательницамъ и терпѣть убытки, причиняемыя ихъ примѣриваніемъ и прикидываніемъ...

— И которые вы, разумѣется, возмѣщаете на другихъ покупателяхъ, прибавилъ кто-то.

Французъ замялся, покраснѣлъ и замолчалъ; какъ видно затаенная его мысль была обнаружена...

Немного въ сторонѣ отъ аристократической части города, отъ этихъ блестящихъ огнями и шумныхъ улицъ, тянется обширный кварталъ, до того пасмурный и тихій, что при входѣ въ него невольно овладѣваетъ всѣмъ существомъ какая-то непонятная тоска, невольно начинаешь сожалѣть о бѣдныхъ жителяхъ этой грустной, грязной части города, напоминающей лондонскій Уайтъ-Чапель или Клеркенуель... Хотя улицы здѣсь также правильны, также широки, какъ и въ аристократической части города, но за то не отличаются тѣмъ же изяществомъ и чистотою; тутъ каждая квадра состоитъ изъ массы ветхихъ, полуразрушенныхъ домовъ, напоминающихъ своимъ видомъ жалкія лачуги лондонскихъ нищихъ.

Низкая, грязная дверь ведетъ въ жилище буеносъ-айресскихъ бѣдняковъ; покосившіяся окна, ничѣмъ не прикрытыя, грустно и уныло посматриваютъ на зловонную, едва проходимую улицу.

Проходя мимо жалкихъ лачугъ, невольно любуешься черезъ окна и полуотворившіяся двери грустными картинами бѣдности: здѣсь виднѣются нагія, грязныя дѣти, валяющіяся на голой землѣ, потому что о каменныхъ плитахъ въ этихъ лачугахъ нѣтъ и помину, въ сторонѣ отъ нихъ перебираетъ грязныя, отвратительныя лохмотья, какая-то заспанная, не менѣе грязная, женщина, повидимому, мать; она такъ занята пересмотромъ своего жалкаго имущества, что не обращаетъ никакого вниманія на пискъ и визгъ своихъ, валяющихся въ грязи дѣтей... Немного дальше можно было разсмотрѣть черезъ окно богатырски развалившагося на полу гаучо, усыпленнаго „кана" (крѣпкій мѣстный напитокъ) или мате, но гаучо, не стройнаго, красиваго, мужественнаго, какимъ его обыкновенно встрѣчаешь на улицѣ, а грязнаго, безпорядочнаго, одѣтаго въ какія-то лохмотья, гаучо—съ лицомъ испитымъ и убитымъ, ну, точно видишь передъ собою самаго отъявленнаго разбойника, мошенника и вора. Окружающая его обстановка показалась бы бѣдною даже лондонскому нищему:—такъ она была жалка и непривѣтлива!..

Тротуары въ этомъ грустномъ кварталѣ были поросши травою, какъ какое нибудь поле; улицы, лишенныя мостовой и изрытыя рытвинами, почти не проходимы, какъ лѣтомъ, такъ и зимою; въ ясную, сухую погоду, при слабомъ дуновеніи вѣтерка, пыль здѣсь стоитъ столбомъ, залѣпляетъ глаза, лѣзетъ въ носъ, ротъ и уши, словомъ, какъ бы хочетъ напомнить любопытному и любознательному путешественнику, желающему осмотрѣть эту трущобу, что здѣсь не его мѣсто, и лучше будетъ, если онъ повернетъ оглобли назадъ. Во время дождей здѣсь чуть ли не хуже: рытвины и выбоины наполняются дождевою, грязною водою и представляютъ множество вонючихъ, непроходимыхъ лужъ; гдѣ же нѣтъ лужъ, то тамъ такъ вязко, что даже мѣстные жители не рѣшаются пуститься

въ эту берлогу безъ особенныхъ предосторожностей, а что касается до любопытнаго путешественника, то лучше будетъ, если онъ въ то время сюда и не заглянетъ.

Между прочимъ, въ этомъ кварталѣ бѣдныхъ существуетъ улица, носящая громкое названіе „улицы Соединенныхъ Штатовъ" (Calle de los Estados Unidos), но между тѣмь она представляетъ одну изъ самыхъ ужаснѣйшихъ помойныхъ ямъ, какую только можно себѣ представить. Странно, отчего до сихъ поръ американскій посланникъ, въ Буеносъ-Айресѣ, не протестовалъ противъ подобнаго оскорбленія своей страны?.. Что можетъ быть хуже, оскорбительнѣе, какъ назвать груду нечистотъ и сору „улицей Соединенныхъ Штатовъ!"

Въ городѣ множество церквей, нѣсколько госпиталей, монастырей, университетъ, академія, гимназія, физическій и минералогическій кабинеты, и, наконецъ самая богатая во всей Южной Америкѣ библіотека. Церкви Буеносъ-Айреса не такъ замѣчательны своею архитектурою, какъ роскошью внутренняго убранства, доказывающаго необыкновенную ревность католиковъ къ своей религіи. Большая часть церквей отличается древностью постройки; архитектура ихъ самая простая, строгая, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень живописная, торжественная и эфектная; множество странныхъ изображеній святыхъ, разодѣтыхъ въ различныя одежды, украшенныхъ цвѣтами, лентами и какими-то орденами, стоятъ во всѣхъ нишахъ и придаютъ, откровенно сказать, церквамъ балаганный, не дѣйствующій на душу видъ.

Религіозный фанатизмъ жителей-католиковъ доходить до такой сильной степени, что они чуть-ли не награждаютъ своихъ святыхъ генеральскими мундирами, лентами, звѣздами, шпорами, словомъ преобразовываютъ святое изображеніе въ какого нибудь военнаго генерала, министра и даже президента. Эта уморительная костюмировка святыхъ происходитъ вслѣдствіе невѣжества,

какъ жителей, такъ и духовенства; послѣднее, вмѣсто того, чтобы направлять свою паству на истинный путь, напротивъ, совращаетъ ее съ него и дѣлаетъ всѣхъ католиковъ глупыми и дикими фанатиками. Все католическое населеніе Аргентинской конфедераціи отличается необыкновеннымъ суевѣріемъ, не имѣетъ точнаго понятія о религіи вообще, искаженно понимаетъ священное писаніе и враждебно относится къ тѣмъ, кто исповѣдуетъ не католическую религію. Кто виною подобнаго состоянія аргентинскихъ католиковъ? Духовенство, которое всѣми силами старается возбудить въ своей паствѣ глупый религіозный фанатизмъ, которое никогда и ничего не дѣлаетъ, чтобы возвысить и улучшить ея образъ мышленія; напротивъ оно всѣми силами старается, чтобы аргентинскіе католики погрязли въ невѣжествѣ, потому что оно понимаетъ, что съ образованнымъ народомъ труднѣе совладать, труднѣе будетъ водить его за носъ и обирать. Католическое духовенство Аргентинской республики отличается необыкновеннымъ высокомѣріемъ, фанатизмомъ и невѣжествомъ, оно постоянно возмущаетъ народъ противъ всѣхъ иностранцевъ безъ исключенія, потому что считаетъ ихъ еретиками и массонами; мало того, оно вооружаетъ народъ даже противъ чистыхъ католиковъ въ Европѣ, и которыхъ незнаю почему, оно торжественно объявило врагами церкви. Не проходитъ ни одной недѣли, чтобы духовенство не подстрекнуло народъ на какую нибудь отвратительную выходку, убійство или извергство; оно, рѣшительно можно сказать, портитъ нравственность низшаго класса, вмѣсто того, чтобы возвышать ее, проповѣдуетъ убійство, ненависть къ ближнимъ вмѣсто христіанской любви и милосердія!..

Въ центрѣ города лежитъ обширная площать „Побѣды“, вокругъ которой, а также въ примыкающей къ ней улицѣ „25-го мая [1])“, группируются лучшія обще-

---

[1]) Улица «25 мая» названа такъ въ честь дня, въ который отдѣлилась Аргентинская конфедерація отъ метрополіи (25 мая 1810 года).

ственныя и казенныя зданія города. Здѣсь красуется, напримѣръ, величественный соборъ, украшенный прекраснымъ дорическимъ портикомъ и увѣнчанный роскошнымъ, чрезвычайно правильнымъ куполомъ; Рекова—крытый базаръ, въ родѣ европейскихъ гостинныхъ дворовъ или пассажей; Кабальдо или ратуша, надъ которою возвышается башня и колокольня; наконецъ театръ де-Колонъ, лучшій въ Буеносъ-Айресѣ, дворецъ юстиціи, тріумфальныя ворота, замѣчательная постройка временъ Мендозы, основателя столицы Аргентинской конфедераціи, и другія, достойныя вниманія зданія. Всѣ они стоятъ по четыремъ сторонамъ площади „Побѣды", поверхность которой равняется одной квадрѣ. Общій видъ всѣхъ этихъ зданій производитъ въ архитектурномъ отношеніи весьма пріятное впечатлѣніе, но если разсматривать ихъ отдѣльно одно отъ другаго, то, кромѣ величественнаго собора, ни одно изъ нихъ не можетъ похвалиться изяществомъ.

Посреди площади возвышается кирпичный обелискъ, окруженный бронзовою рѣшеткою, на острыхъ копьяхъ которой нанизаны были, во времена жестокаго Розаса, множество отрубленныхъ головъ жертвъ политическихъ безпорядковъ; граждане проходили тогда съ трепетомъ мимо этой ужасной рѣшетки, съ ужасомъ замѣчали нанизанныя головы и, страшась узнать въ нихъ своихъ друзей, родныхъ или знакомыхъ, боялись поднять глаза и взглянуть на искаженныя страданіями лица. Кромѣ того они опасались мести тирана; бѣда тому, кто выказалъ тогда хотя бы самое слабое сожалѣніе къ жертвамъ дикаго изверга: его немедленно схватывали презрѣнные наемники Розаса и тутъ-же зарѣзывали, отрубали голову и, для примѣра другимъ добрымъ гражданамъ, нанизывали ее рядомъ съ головою того, о комъ онъ выразилъ свое сожалѣніе словомъ или даже взглядомъ!

Я не понимаю, отчего до сихъ поръ не уничтожили этотъ обелискъ, памятникъ ужасныхъ временъ Розаса,

отчего не изломали рѣшетку, на которой, кажется, видишь еще кровь жертвъ тирана? Неужели аргентинцы ждутъ повторенія ужасной тираніи, неужели буеносъ-айресскіе жители могутъ хладнокровно проходить мимо этого памятника извергства и убійствъ, любоваться бронзовою рѣшеткою, которая въ былое время, сверху до низу, была покрыта кровью ихъ несчастныхъ братьевъ, отцовъ, мужей, друзей и близкихъ сердцу?..

Площадь „Побѣды" всегда очень оживлена, потому что представляетъ центръ правительственной и общественной дѣятельности; преобладающій здѣсь элементъ—военный. Тутъ вы увидите подъ арками галлереи дворца юстиціи большую толпу солдатъ, черныхъ, красныхъ, бѣлыхъ, наконецъ получерныхъ, полукрасныхъ и полубѣлыхъ, словомъ, солдатъ самыхъ разнообразныхъ народностей, всѣхъ помѣсей и примѣсей. Одни изъ нихъ важно прогуливаются въ мундирахъ, другіе—въ индѣйскихъ панчо (плащъ), третьи—въ какихъ-то тряпьяхъ, не похожихъ ни на то, ни на другое, словомъ, какъ видно, они пользуются полною свободою носить все, что ни пожелаютъ, благо бы дрались съ врагами отечества, какъ подобаетъ храброму и честному воину. Головы нѣкоторыхъ изъ нихъ покрыты платками, другихъ чѣмъ-то въ родѣ вязанныхъ чепчиковъ, третьихъ—круглою съ широкими полями шляпою, словомъ, головной уборъ каждаго изъ солдатъ согласовался, повидимому, только съ его вкусомъ и карманомъ, и нисколько не подчинялся какимъ нибудь опредѣленнымъ законамъ о формѣ, которыхъ какъ кажется, въ этой вольной странѣ не существуетъ. Съ какою безпечностью, съ какою апатіею исполняютъ свои обязанности эти храбрые защитники отечества, съ какою небрежностью носятъ они свои, старой конструкціи ружья и которыми, повидимому, очень тяготятся, храбрецы имѣютъ очень распущенный и неблагообразный видъ. Впрочемъ, на парадахъ или вообще, когда аргентинское войско въ сборѣ,

оно выглядитъ нѣсколько приличнѣе, потому что большая часть его одѣта одинаково, довольно опрятно, и даже почти каждый солдатъ имѣетъ сапоги или башмаки, между тѣмъ, какъ въ прошлое время они всѣ ходили босикомъ и только высшіе чины въ войскѣ Розаса имѣли право носить башмаки или сапоги. Даже по обуви, при Розасѣ, различались чины: такъ напримѣръ, сержанты могли носить только башмаки, офицеры—сапоги изъ обыкновенной кожи и наконецъ генералы—сапоги изъ лакированной...

Кромѣ солдатъ, толпились подъ арками дворца юстиціи разнаго рода просители, тяжущіеся и какія-то старухи; всѣ они шумѣли, кричали, смѣялись, разговаривали и вообще не показывали никакого уваженія къ присутственному мѣсту судебной власти. Въ нижнемъ этажѣ дворца юстиціи находилась городская тюрьма, чуть ли не самая отвратительная и грязная во всемъ свѣтѣ; всѣ преступники безъ исключенія убійцы, воры, мошенники, поддѣлыватели фальшивыхъ бумагъ, нарушители общественнаго спокойствія, пьяницы, поднятые на улицѣ полиціею, и тому подобные неблагонадежные люди, помѣщались въ одной комнатѣ, смрадной и грязной... Шумъ и гамъ несся изъ этого отвратительнаго логовища буеносъ-айресскихъ подонковъ; нельзя было безъ отвращенія смотрѣть на толпу отъявленныхъ негодяевъ, то лежащихъ на грязномъ полу, то сидящихъ, то прогуливающихся въ своей клѣткѣ; нельзя было безъ содраганія слушать ихъ циничный хохотъ, руготню, едва не доходящую до драки, и какой-то адскій вой... Какое странное было тутъ смѣшеніе народностей, языковъ, одежды и преступленій! Вотъ сидитъ въ углу старикъ, въ лохмотьяхъ, избитый, изцарапанный, съ всклокоченными сѣдыми волосами и бородою, словомъ, буеносъ-айресскій бродяга, который, вѣроятно и попалъ-то въ тюрьму, въ общество убійцъ и самыхъ отъявленныхъ негодяевъ только за то, что изволилъ шляться по городу безъ вида и протягивать

прохожимъ за милостынею руку. Какъ тупо смотритъ онъ изъ подъ сѣдыхъ бровей на своихъ ужасныхъ сосѣдей и ихъ циничныя выходки,—сейчасъ видно, что онъ не привыкъ вращаться въ подобномъ отвратительномъ обществѣ; онъ былъ бродяга и знался съ бродягами, а не съ убійцами, разбойниками и грабителями, въ среду которыхъ бросила его несчастная судьба. Недалеко отъ старика-бродяги расположился гаучо, гаучо, можно сказать, только что выкупавшійся въ крови (человѣческой или бычачьей—это неизвѣстно); лицо, руки, платье его были покрыты кровью; съ какимъ презрѣніемъ осматривалъ онъ бѣднаго старика и съ какою непринужденною граціею закутывался въ свой дырявый пончо. Гаучо, нужно сознаться, былъ красивъ, но въ выраженіи его лица было что-то звѣрское, отталкивающее и непріятное; его взглядъ былъ взглядъ хищнаго звѣря, запертаго въ крѣпкой клѣткѣ; онъ былъ похожъ на ядовитую змѣю, которая только ждетъ удобнаго момента, чтобы вонзить въ кого нибудь свои страшные зубы...

Остальные преступники представляли не меньшій интересъ для наблюдательнаго глаза; тутъ были, кромѣ дикихъ гаучо, обвиняемыхъ Богъ вѣсть въ какихъ преступленіяхъ, мрачные индѣйцы, бросавшіе вокругъ себя гордые, надменные взгляды, негры, мулаты, метисы, баски, словомъ тутъ можно было увидѣть по нѣскольку представителей отъ всего разнообразнаго населенія Буеносъ-Айреса, лучше сказать, представителей всѣхъ подонковъ разнообразнаго населенія...

Кромѣ площади „Побѣды", въ Буеносъ-Айресѣ есть еще пять другихъ площадей, не меньшихъ размѣровъ, на одной изъ нихъ устроенъ артиллерійскій паркъ и возвышается станція желѣзной дороги, между тѣмъ какъ другія служатъ жителямъ города обширными рынками, куда привозятъ поселяне для продажи, на своихъ фурахъ, все производство эстанцій. Фуры эти, или повозки такъ оригинальны, что заслуживаютъ того, чтобы

дать о нихъ нѣкоторое понятіе; онѣ очень длинны, высоки, узки и имѣютъ всего только по два колеса; но эти два колеса такихъ почтенныхъ размѣровъ, что изъ нихъ можно сдѣлать почти дюжину обыкновенныхъ нашихъ дрожечныхъ колесъ: нѣкоторыя изъ нихъ доходятъ до десяти футовъ въ діаметрѣ! Полукруглый верхъ этихъ фуръ, бока и задняя частъ покрыта тростникомъ или кожами, между тѣмъ какъ передняя ея часть открыта и имѣетъ видъ огромной зіяющей пропасти, способной проглотить несмѣтное количество разной поклажи. Каждую подобную фуру, тащатъ обыкновенно отъ трехъ до четырехъ паръ сильныхъ, длиннорогихъ быковъ, которыми возница управляетъ помощью чрезвычайно оригинальнаго аппарата, имѣющаго видъ какого-то военнаго орудія. Онъ состоитъ изъ длинной, слишкомъ двадцати-футовой, здоровой палки, одинъ конецъ которой прикрѣпляется обыкновенно къ верху, внутри повозки; изъ середины этой палки идетъ подъ прямымъ угломъ небольшой отростокъ, служащій для управленія среднею парою быковъ, между тѣмъ какъ для самой ближней пары имѣется кромѣ того, палка меньшихъ размѣровъ. Такимъ образомъ, помощью этого страннаго орудія быки поощраются къ равному распредѣленію между собою труда везти повозку и, кромѣ того, указывается имъ путь, куда направить свои тяжелыя стопы. Вообще вся повозка, на своихъ колесахъ-великанахъ, запряженная шестью или восемью здоровыми и большерогими волами, увѣшанная вся, снизу, съ боковъ и сзади, баклажками, ведерчиками съ какими-то снадобьями и разными запасными вещами, со своимъ кнутомъ-гигантомъ, имѣетъ чрезвычайно оригинальный видъ. Подобіе такихъ фуръ можно встрѣтить только развѣ въ южно-русскихъ степяхъ...

Бывъ въ Буеносъ-Айресѣ, нельзя не посѣтить одинъ изъ вышеупомянутыхъ рынковъ, чтобы познакомиться нѣсколько съ этими гигантскими фурами, съ поселянами, пріѣхавшими Богъ вѣсть съ какихъ эстанцій, и

вообще полюбоваться совершенно новою, оригинальною картиною, какую не придется видѣть въ другихъ городахъ. Представьте себѣ обширную, грязную площадь, установленную, правильными рядами, громадными фурами, нагруженными тюками съ шерстью, кожами, хлѣбомъ, мясомъ, лошадиными хвостами, зеленью, словомъ—всевозможными сельскими продуктами. По близости ихъ лежатъ длиннорогіе быки, флегматически пережевывая жвачку и спокойно ожидая времени, когда придется имъ подставить свои толстыя, сильныя шеи подъ ярмо и тащить тяжелую фуру до эстанціи, отстоящей отъ города, можетъ быть на нѣсколько десятковъ миль. Хозяева этихъ фуръ и быковъ, гаучо, въ своихъ національныхъ костюмахъ, расположились по всей площади въ самыхъ живописныхъ позахъ; одни изъ нихъ забрались подъ импровизированную палатку, состоящую изъ бычатьей шкуры, переброшенной черезъ дышло, и весело разсказывали что-то другъ другу, вѣроятно свои похожденія, причемъ такъ сильно размахивали руками, что каждую минуту можно было опасаться чтобы они не заѣхали нечаянно другъ другу въ физіономію; другіе—сидѣли у громадныхъ колесъ своей фуры и зачинивали на скорую руку порвавшуюся упряжь или одежду; нѣкоторые изъ нихъ спрятались отъ солнца подъ свои повозки и задавали тамъ на голой землѣ, такой храпъ, что проходящимъ невольно казалось, что въ самой фурѣ привезены для продажи, живьемъ, по крайней мѣрѣ съ десятокъ здоровыхъ борововъ, громко жалующихся на свою несчастную судьбу, забросившую ихъ такъ далеко отъ родной эстанціи.

Немного въ сторонѣ важно разсѣлись пять-шесть женщинъ, повидимому жены пріѣхавшихъ поселянъ, и, весело тараторя, приготовляли своимъ мужьямъ мате или парагвайскій чай (о немъ будетъ сказано въ послѣдствіи).

Отъ одной изъ повозокъ раздавалось громкое пѣніе, акомпанируемое гитарою; оказалось, что это былъ му-

зыкантъ-гаучо, забавлявшій своимъ пѣніемъ небольшое общество своихъ товарищей, которые слушали его съ видимымъ наслажденіемъ и съ восторгомъ повторяли хоромъ послѣдній стихъ каждаго куплета. Гаучо-музыкантъ, какъ я узналъ, самъ складывалъ народныя пѣсни, въ которыхъ воспѣвалъ героевъ пустынь, бѣжавшихъ отъ городской суеты и правосудія, ихъ подвиги, храбрость, неустрашимость и ловкость; въ его пѣсняхъ было что-то восторженное, дикое, увлекательное. Съ какою жадностью ловили слушатели его каждое слово и, подперевъ головы руками, страстными, горящими, черными глазами слѣдили за быстрыми пальцами музыканта, изъ подъ которыхъ неслись пріятные звуки, то страстные и бѣшеные, то грустные и монотонные; то онъ рвалъ струны своей гитары съ какимъ-то дикимъ увлеченіемъ, то вдругъ сразу замиралъ, едва касаясь пальцами до своего инструмента, словомъ, гаучо оказался истымъ артистомъ, такъ что даже прохожіе съ удовольствіемъ прислушивались къ его пріятному, преисполненному чувствами пѣнію и восторженной игрѣ на гитарѣ.

Общій видъ площади былъ чрезвычайно живописенъ и достоинъ кисти знаменитаго художника; загорѣлыя, красивыя, мужественныя, дышащія энергіею лица гаучо, обрамленныя массою черныхъ кудрей, имѣли въ себѣ съ перваго разу много привлекательнаго; но, всмотрѣвшись въ нихъ хорошенько, невольно чувствуешь къ этимъ красавцамъ какую-то антипатію, невольно видишь въ нихъ кроважадныхъ звѣрей, которымъ все равно, убить ли человѣка или быка. Ихъ оригинальный, живописный костюмъ невольно бросается въ глаза; на головѣ у нѣкоторыхъ были соломенныя, съ широкими полями шляпы; другіе, напротивъ, обернули свои головы какими то разноцвѣтными платками, которые, откровенно сказать, очень не шли къ ихъ мужественнымъ, рѣшительнымъ лицамъ. Грудь гаучо была прикрыта жилетомъ яркаго цвѣта, между тѣмъ какъ

на плечи и спины ихъ были накинуты разноцвѣтныя, шерстяныя пончо [1]), обшитыя бахрамою и украшенныя кое-гдѣ блестящими металлическими пуговицами. Широкій кожаный кушакъ, за которымъ виднѣлся огромный ножъ, единственное оружіе гаучо, носимое при себѣ, стягивалъ ихъ стройныя таліи и поддерживалъ красныя „черипа" (cheripa), родъ продолговатыхъ пончо, которыя плотно обхватывали бедра гаучо, и ниспадали на колѣни красивыми треугольными складками; изъ подъ „черипа" виднѣлись коротенькія бѣлыя штаны съ затѣйливою оборкою, между тѣмъ какъ ноги нѣкоторыхъ гаучо, вѣроятно тѣхъ, которые пріѣхали верхомъ и служили каравану прикрытіемъ отъ нападенія дикихъ индѣйцевъ и кровожадныхъ тигровъ, были обуты въ европейскіе сапоги съ громадными шпорами.

Другіе гаучо были обуты, кто въ вышитыя туфли, а кто въ мягкіе сапоги, выдѣлываемые изъ лошадиной шкуры слѣдующимъ образомъ: съ ногъ лошади снимается шкура чахломъ и растягивается на колодкахъ; когда она высохнетъ, то ее трутъ пескомъ, чтобы придать ей мягкость, послѣ чего гаучо пришиваетъ тонкую подошву, дѣлаетъ вырѣзы для большихъ пальцевъ, которыми онъ обыкновенно упирается въ стремя, и сапоги готовы...

Пользуясь удобнымъ случаемъ, дамъ нѣкоторое понятіе о нравахъ, характерѣ и жизни гаучо, о замѣчательнѣйшемъ населеніи Аргентинской республики, этихъ истинныхъ солдатахъ Южной Америки, неустрашимыхъ сыновъ неизмѣримыхъ пампасъ.

Гаучо, хотя и происходитъ по прямой линіи отъ испанскихъ авантюристовъ; прибывшихъ въ Ла-Плату въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія и смѣшавшихся съ индѣйскою и негритянскою расою, но онъ однако

---

[1]) Пончо, или плащъ, состоитъ изъ шерстяного большаго платка, съ прорѣзомъ въ серединѣ; въ этотъ прорѣзъ продѣвается голова, и пончо въ красивыхъ складкахъ падаетъ на плечи, спину и отчасти грудь, не стѣсняя при этомъ рукъ.

не сохранилъ въ себѣ ничего испанскаго, развѣ только суевѣрія и языка. Кровь его такъ сильно смѣшана, что рѣшительно его нельзя причислить ни къ одному изъ существующихъ племенъ; гаучо представляютъ въ настоящее время совершенно новый типъ, новое племя. весьма многочисленное и довольно единообразное. Характеръ его представляетъ странную смѣсь характеровъ всѣхъ племенъ, участвовавшихъ въ созданіи этого новаго, оригинальнаго типа,

Гаучо грубъ, надмененъ, неукротимъ, жестокъ, суевѣренъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ храбръ, неустрашимъ, выносливъ, ловокъ и гостепріименъ. Всякій путешественникъ найдетъ у него убѣжище и пищу; каждому онъ готовъ помочь въ опасности и въ несчастьи, но если только это не потребуетъ отъ него много лишняго труда, потому что онъ страшно лѣнивъ и не любитъ заниматься никакимъ дѣломъ.

Гаучо превосходный наѣздникъ, смѣлый укротитель дикихъ лошадей и страшный непримиримый врагъ тигровъ; противъ послѣднихъ онъ выходитъ одинъ на одинъ только съ однимъ ножомъ, предварительно обернувъ лѣвую руку въ свой панчо; засунуть обернутую руку въ пасть страшнаго звѣря и вонзить ножъ до самаго сердца кровожднаго тигра — для гаучо минутное дѣло и притомъ самое легкое дѣло; ему зарѣзать тигра также легко, какъ намъ проткнуть булавкою пойманную пчелу, только разница въ томъ, мы обратимъ большее вниманіе на ужаленіе этого насѣкомаго, чѣмъ на укусъ свирѣпаго тигра.

Гаучо владѣетъ ножомъ артистично, бросаетъ лассо и боласъ въ совершенствѣ, ѣздитъ верхомъ, какъ центавръ, и не мудрено: едва ребенокъ начинаетъ ходить, его уже сажаютъ на лошадь; шести-семи лѣтъ онъ уже, какъ бѣшеный, носится по пампасамъ на быстрыхъ, какъ вѣтеръ скакунахъ и гонится съ отцомъ и старшими братьями за звѣремъ или страусомъ; пятнадцати лѣтъ мальчикъ уже превосходно бросаетъ лассо и боласъ,

арканитъ дикихъ лошадей, укрощаетъ ихъ и дерется съ товарищами на ножахъ.

Гаучо съ малолѣтства пріучается къ виду крови и потому ему ничего не стоитъ и не значитъ зарѣзать быка или человѣка; изъ-за самой пустой обиды онъ готовъ рѣзаться со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, даже съ отцомъ роднымъ, и эти кровавыя драки часто оканчиваются очень печально, или убійствомъ, или уродствомъ. Въ борьбѣ каждая сторона старается попасть противнику въ лицо, раскроить ему носъ, выколоть глазъ и вообще нанести какую нибудь обезображивающую рану; въ этомъ именно заключается все ихъ искусство драться на ножахъ, которымъ они славятся въ цѣломъ свѣтѣ.

Гаучо неустрашимъ; ему ни почемъ самыя страшныя опасности, на ножъ онъ лѣзетъ слѣпо, но при всемъ томъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ есть странная слабость, которая очень не гармонируетъ съ ихъ мужественнымъ, смѣлымъ видомъ, а именно они ужасно боятся ружейнаго или револьвернаго дула, даже не заряженнаго, а потому, если гаучо въ чемъ нибудь провинится, то его не вѣшаютъ, какъ другихъ, а разстрѣливаютъ, и эта казнь хуже всякой другой; они готовы лучше позволить повѣсить себя сто разъ сряду, чтобы только избѣжать направленныхъ на него ружейныхъ дулъ.

Все оружіе гаучо заключается въ ножѣ и лассо или боласѣ; послѣдними онъ управляется чуть ли не лучше, чѣмъ ножомъ. Лассо или арканъ состоитъ изъ очень крѣпкой, но тонкой тесьмы, сплетенной изъ сыромятныхъ ремней; одинъ конецъ его прикрѣпляется къ сѣдлу, позади всадника, между тѣмъ какъ на другомъ концѣ сдѣлана большая петля, образуемая лассо, продѣтымъ въ мѣдное или желѣзное небольшое кольцо. Когда гаучо хочетъ дѣйствовать своимъ арканомъ, то онъ свертываетъ коренной конецъ его въ чистую бухточку, которую и держитъ въ лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ въ правую руку беретъ петлю, которую обыкновенно гаучо

дѣлаетъ очень большою (около восьми футовъ въ поперечникѣ), быстро вертитъ его надъ головою и съ необыкновенною ловкостью, на всемъ скаку лошади, накидываетъ ее на любой предметъ, послѣ чего поворачиваетъ своего ретиваго коня, ударяетъ шпорами и тащитъ заарканенное животное или даже человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ сознаніе. Искусство бросать лассо дошло у гаучо до такого совершенства, что они на всемъ скаку лошади, могутъ по желанію забросить его на рога, шею животнаго, наконецъ, на правую или лѣвую, заднюю или переднюю его ногу.

Боласъ, иначе называемый просто „шарами", состоитъ изъ трехъ неравныхъ каменныхъ шаровъ, обтянутыхъ кожею и соединенныхъ въ общемъ центрѣ плетенными ремнями. Гаучо держитъ въ рукѣ самый маленькій изъ этихъ трехъ шаровъ и быстро вертитъ остальные два надъ своею головою, затѣмъ, прицѣлясь, бросаетъ ихъ въ воздухъ, причемъ они быстро кружатся, падаютъ на извѣстное животное, плотно обхватываютъ его, лишаютъ всякаго сопротивленія и нерѣдко даже убиваютъ на мѣстѣ. Впрочемъ, для ловли лошадей употребляются шары деревянные, которые не причиняютъ имъ рѣшительно никакого вреда.

Гаучо занимаются земледѣліемъ или скотоводствомъ; дома земледѣльцевъ-гаучо лежатъ далеко одинъ отъ другаго, потому что каждый изъ нихъ живетъ посреди своихъ полей и совершенно изолированъ съ своимъ семействомъ отъ всѣхъ окружающихъ; изрѣдка только онъ видится съ своимъ братомъ эстансіоромъ, живущимъ отъ него, можетъ быть, въ двадцати-часовомъ разстояніи, и очень рѣдко заглядываетъ въ города, куда возитъ для продажи всякое произведеніе своей эстанціи.

Скотоводовъ-гаучо больше чѣмъ земледѣльцевъ; ихъ хижины разбросаны среди необозримыхъ луговъ, далеко одна отъ другой, еще дальше, чѣмъ дома земледѣльцевъ. При подобномъ разъединеніи, при подобномъ одиночествѣ никакое общественное развитіе, никакой про-

грессъ невозможны. У нихъ нѣтъ ни законовъ, а городскимъ законамъ они повиноваться не желаютъ, ни школъ, ни подземельной общины, словомъ, они живутъ хуже дикарей, у которыхъ есть все-таки общество, котораго у гаучо нѣтъ, есть какія нибудь условія, которымъ тѣ должны подчиняться, есть, наконецъ даже законы. Гаучо совершенно одинокъ во всемъ мірѣ и это одиночество ему нравится; онъ совершенно доволенъ своею жизнью, своею соломенною хижиною, своею вольностью, стадомъ, доставляющимъ ему рѣшительно все необходимое, неизмѣримыми лугами и трудно его заманить въ городъ, гдѣ онъ долженъ будетъ подчиняться опредѣленнымъ законамъ, плясать по чужой дудкѣ, когда онъ привыкъ съ малолѣтства никому не повиноваться, кромѣ какъ своей неукротимой, сильной волѣ.

Гаучо думаютъ, что они самый великій народъ въ мірѣ и всѣхъ остальныхъ ставятъ ниже себя; особенно они презираютъ европейцевъ, потому что они не умѣютъ укрощать дикихъ лошадей, драться на ножахъ, арканить и бросать баласъ. Гаучо вообще ненавидятъ образованныхъ людей, ихъ одежду и нравы; онъ презираетъ горожанина, занимающагося мирнымъ трудомъ и который не сумѣетъ даже поймать быка или лошадь; онъ уважаетъ только физическія достоинства не заботясь о нравственности.

Гаучо страстно любитъ картежную игру и кости; они играютъ рѣшительно всюду и при всякомъ удобномъ случаѣ. Если случится имъ встрѣтиться верхомъ, то они, нисколько не смущаясь, начинаютъ играть не сходя съ лошади. Въ послѣднемъ случаѣ они становятъ своихъ лошадей такъ, чтобы тѣ касались, одна другой мордами, вынимаютъ изъ подъ сѣдла какой нибудь коврикъ или просто только что снятую съ какого нибудь звѣря шкуру, разстилаютъ ее на лошадиныхъ головахъ, достаютъ кости и карты, которыя всегда имѣютъ при себѣ, и начинаютъ, не сходя съ лошадей, иг-

рать на импровизированномъ живомъ столѣ до тѣхъ поръ, пока вся наличная сумма одного не перейдетъ въ карманъ другаго. Обыгранный обыкновенно сердится, горячится, наконецъ выходитъ изъ себя и хватается за ножъ; счастливый противникъ хладнокровно прячетъ въ карманъ выигранныя деньги, слѣзаетъ съ лошади, обертываетъ лѣвую руку пончо и готовится съ честью принять удары ножомъ своего товарища. Выпустивъ другъ у друга достаточное количество крови, исполосовавъ, какъ слѣдуетъ, другъ другу лица, они обыкновенно мирятся и, какъ ни въ чемъ ни бывало, садятся опять на лошадей и отправляются дальше, дружно бесѣдуя, какъ будто между ними не произошло рѣшительно ни какой ссоры.

Эта картина чрезвычайно вѣрна и характеристична; ее можно видѣть почти каждый день или въ самомъ Буеносъ-Айресѣ, или же въ ближайшихъ его окрестностяхъ гдѣ живетъ множество бѣдныхъ, не имѣющихъ собственной земли и стада, гаучо занимающихся убоемъ быковъ и лошадей. Вы не встрѣтите ни одного гаучо, чтобы на его лицѣ не было какихъ нибудь знаковъ или шрамовъ, ясно доказывающихъ, что ему не разъ приходилось подставлять свое лицо подъ удары ножей товарищей, которые, вѣроятно, были изукрашены имъ не хуже его.

Гаучо не прочь выпить, и когда онъ пьянъ, то дѣлается дикимъ кровожаднымъ звѣремъ, который съ удовольствіемъ зарѣжетъ всякаго, безъ зазрѣнія совѣсти, какъ какого нибудь быка. Вообще гаучо представляютъ самую замѣчательную часть населенія Аргентинской республики, а также и Буеносъ-Айреса, вокругъ котораго сгруппировалась, еще со временъ Розаса, порядочная масса негодяевъ, помощью которыхъ этотъ отвратительный тиранъ держалъ въ своихъ рукахъ власть цѣлыя двадцать лѣтъ. Можетъ быть кажется страннымъ, какимъ образомъ гаучо, эти

неукротимые, дикіе, свободолюбивые люди вдругъ подчинялись волѣ тирана и даже поддерживали его на престолѣ, созданномъ на головахъ и трупахъ безчисленныхъ жертвъ политическихъ безпорядковъ?... Это обстоятельство объяснить очень легко: хотя гаучо полуварвары, предпочитаютъ одиночество обществу, но тѣмъ не менѣе они чувствуютъ сильную потребность въ судѣ, но въ судѣ особенномъ, оригинальномъ, который пріучаетъ ихъ невольно покоряться страшнѣйшему деспотизму и презирать власть обыкновенную, основанную на законахъ.

Въ судьи гаучо выбираютъ человѣка опытнаго, испытаннаго, который вселяетъ страхъ и, послѣ молодости, полной приключеній, ведетъ подъ старость болѣе правильную жизнь. Подобный судья произноситъ приговоры не на основаніи опредѣленныхъ законовъ, но по совѣсти или же по побужденію страсти. Такимъ образомъ гаучо пріучаются покоряться волѣ, а не справедливости, и этою привычкою объясняется, почему эти неукротимые, любящіе свободу, люди безусловно исполняли волю тирана Розаса, умѣвшаго вселить въ нихъ къ себѣ уваженіе и страхъ...

Давъ нѣкоторыя свѣдѣнія о гаучо, и свѣдѣнія необходимыя, потому что они составляютъ часть буеносъайрейскаго населенія, скажу еще нѣсколько словъ о столицѣ Аргентинской республики.

Въ Буеносъ-Айресѣ есть нѣсколько, отлично устроенныхъ, госпиталей и пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей. Изъ послѣднихъ достоинъ вниманія большой, прекрасный пріютъ для бѣдныхъ дѣвицъ, который имѣетъ скорѣе видъ іезуитскаго монастыря, за высокими, прочными и толстыми стѣнами котораго скрыты отъ алчныхъ взоровъ цвѣтущая молодость, красота, грація... Посѣтить подобное заведеніе нѣтъ никакой возможности; у тяжелыхъ, крѣпкихъ воротъ сидитъ церберъ, въ видѣ старой, безобразной женщины, которой, повидимому, приказано свыше впускать въ этотъ монастырь только лицъ

женскаго пола, между тѣмъ такъ мужчинъ не только не подпускать къ воротамъ, но даже не позволять имъ застаиваться передъ красивымъ зданіемъ и засматриваться въ окна этого непривѣтливаго пріюта.

Населеніе Буеносъ-Айреса удивительно разнообразно: здѣсь вы встрѣтите испанцевъ, праправнуковъ завоевателей страны, басковъ, переселившихся сюда съ Пиренейскихъ горъ уже съ давнихъ временъ и смѣшавшихся съ индѣйцами и испанцами, англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, словомъ чуть-ли не всѣхъ европейцевъ, затѣмъ—негровъ, мулатовъ, индѣйцевъ, метисовъ и разныя помѣси всѣхъ этихъ народовъ... На каждомъ шагу, являются передъ вами все новые и новые представители разныхъ народовъ, въ своихъ національныхъ костюмахъ, какъ будто тянется мимо вашихъ глазъ великая панорама всѣхъ жителей Европы, Америки и отчасти Африки.

Изъ всего разнообразнаго населенія Буеносъ-Айреса самое непріятное впечатлѣніе производятъ католическіе монахи, которыхъ здѣсь такъ много, какъ евреевъ въ какомъ нибудь польскомъ городкѣ. Ихъ можно встрѣтить чуть ли не на каждой улицѣ; они ходятъ обыкновенно попарно, какъ институтскія барышни, лицемѣрно опустивъ глаза книзу. Нельзя безъ отвращенія смотрѣть на эти чувственныя, жирныя, сонливыя и гладко выбритыя лица; съ перваго разу они выглядятъ очень святыми; но, всмотрѣвшись въ нихъ хорошенько, невольно приходишь къ тому заключенію, что всѣ встрѣчаемые монахи отъявленные плуты, негодяи, фанатики и лицемѣры... Какъ эхидно посматриваютъ они своими заплывшими глазами, чуть ли не подмигивая всѣмъ проходящимъ мимо ихъ хорошенькимъ женщинамъ: видно монастырская жизнь, постоянная молитва и посты не пріучили ихъ еще къ воздержанности, не потушили ихъ страсти...

То встрѣчаются монахи въ какихъ-то безобразныхъ шляпахъ, приплюснутыхъ съ боковъ и съ длинными, нѣсколько вздернутыми полями, спереди и сзади, которыя

придаютъ имъ необыкновенно потѣшный и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающій видъ, хотя монахи всѣми силами стараются придать своимъ жирнымъ физіономіямъ важное, серьезное и святое выраженіе; то попадаются монахи въ шляпахъ другаго фасона, наконецъ въ капюшонахъ, но всѣ они, откровенно сказать, производятъ самое непріятное впечатлѣніе. Рясы монаховъ одного ордена, вѣроятно больше получающаго, отличаются необыкновенною чистотою, изяществомъ и даже роскошью, между тѣмъ какъ рясы монаховъ другаго ордена необыкновенно грязны, ветхи и бѣдны; у первыхъ—непремѣнно жирныя, гладко выбритыя лица, между тѣмъ какъ у вторыхъ они худы, угловаты и покрыты вдобавокъ кое-гдѣ серебристою щетиною...

Я уже говорилъ, что въ Буеносъ-Айресѣ много иностранцевъ, составляющихъ чуть ли не на половину всего населенія столицы; народъ этотъ большею частью переходящій и появляется только на время; одна цѣль ихъ—составить себѣ порядочное состояніе и возвратиться затѣмъ на родину. Впрочемъ есть иностранцы, которые навсегда переселяются сюда съ семействами и не думаютъ о возвращеніи на родину; но такихъ очень мало. Многочисленнѣе всѣхъ другихъ европейцевъ въ Буеносъ-Айресѣ—французы, которые бываютъ здѣсь содержателями отелей, поварами, портными, парикмахерами, наконецъ книгопродавцами, модными и галантерейными продавцами и т. п. Лучшая улица Буеносъ-Айреса, „Перу“, преимущественно наполнена ихъ роскошными, прекрасными магазинами.

Аргентинцы, не смотря на любовь къ французскому языку и литературѣ, которая, къ несчастью, ограничивается большею частью только романами Поль-де-Кока, Дюма и другихъ, не терпятъ однако французовъ за то, что тѣ любятъ вмѣшиваться не въ свои дѣла, хотятъ всюду имѣть верхъ, неосторожно и оскорбительно критикуютъ туземцевъ и на каждомъ шагу стараются дать имъ почувствовать свое просвѣщенное превосходство.

Кромѣ того, аргентинцы не могутъ до сихъ поръ забыть гнустной политики Франціи во время междоусобныхъ ихъ войнъ, а главное во время національной борьбы— съ цѣлью свергнуть тирана Розаса и отнять у него захваченную имъ власть. Нѣмцевъ въ Буеносъ-Айресѣ будетъ не меньше французовъ; они большею частью принадлежатъ къ ремесленному или торговому сословію; затѣмъ слѣдуютъ англичане, баски, швейцарцы и другіе.

Дамъ теперь нѣкоторыя свѣдѣнія о коренныхъ жителяхъ столицы, извѣстныхъ, обыкновенно, подъ мѣстными названіями „портеносъ“ (мужчины) и „портенасъ“ (женщины) [1]), а также о цвѣтномъ его населеніи.

При первомъ вступленіи въ здѣшнее общество, прежде всего бросаются въ глаза четыре замѣчательныя обстоятельства: вѣжливость, гостепріимство, необыкновенный вкусъ въ одеждѣ женщинъ и равенство всѣхъ сословій.

Женщины Буеносъ-Айреса или „портенасъ“ очаровательны: онѣ нѣжны, граціозны, привлекательны, но, къ несчастью, худо воспитаны и не отличаются образованіемъ.

Овальное лицо, окаймленное блестящими, черными, густыми волосами, матовый цвѣтъ кожи, черные, страстные и магнетическіе глаза, небольшой, розовый ротикъ съ двумя рядами прелестныхъ жемчужинъ, вмѣсто зубовъ, изящный носикъ, прекрасныя брови — вотъ вамъ портретъ одной изъ „портенасъ“. Онѣ производятъ своею дивною красотою необыкновенно пріятное впечатлѣніе; еслибы съ ихъ красотою соединялось образованіе и хорошее воспитаніе европейскихъ барышень, то онѣ были бы верхъ совершенства, но этого, къ несчастью, нѣтъ: портенаски привыкли царствовать въ обществѣ своею красотою, а не образованіемъ, потому что почти все буеносъ-айресское общество отдаетъ предпочтеніе красотѣ передъ образованіемъ.

Портенаски не любятъ заниматься науками или во-

---

[1]) Portenos и Potrenas.

обще какимъ нибудь серьезнымъ дѣломъ, потому что къ этому не пріучены; цѣлый день проводятъ онѣ въ бездѣйствіи, нѣгѣ и какой-то полудремотѣ; за то къ вечеру онѣ какъ будто бы оживаютъ, усердно начинаютъ расчесывать свои роскошные волосы, кокетливо вплетаютъ въ косы ленты разныхъ цвѣтовъ, наряжаются въ лучшія платья и такъ перерождаются, что трудно узнать въ живой, быстрой и легкой красавицѣ — дѣвушку, просидѣвшую почти цѣлый день на одномъ мѣстѣ, непричесанную, небрежно одѣтую, скучную, вялую и чуть ли не умирающую отъ тоски.

Послѣ заката солнца начинаютъ появляться красавицы на улицахъ, въ магазинахъ, театрахъ, въ различныхъ салонахъ и наконецъ на азотеяхъ.

Обращеніе буеносъ-айресскихъ женщинъ чрезвычайно непринужденно, откровенно, просто, смѣло и даже отчасти нескромно: онѣ бросаютъ на молодежь такіе убійственные, наглые взгляды, обѣщающіе много тайнаго блаженства, что невольно на́чинаешь думать, что видишь передъ собою легкомысленныхъ дамъ полусвѣта, а между тѣмъ извѣстно, что буеносъ-айресскія красавицы неприступны...

Если вамъ случится встрѣтиться съ одною изъ портенасокъ въ какомъ нибудь собраніи, то она, несмотря на то, что видитъ васъ, можетъ быть, всего только въ первый разъ, совершенно безцеремонно подойдетъ къ вамъ, крѣпко пожметъ вашу руку и наконецъ до того смѣло начнетъ болтать съ вами о буеносъ-айресскихъ сплетняхъ, даря васъ при этомъ нѣжными, страстными взглядами, что вы, черезъ пять минутъ, поневолѣ начнете отпускать ей комплименты, которые она будетъ слушать съ большимъ удовольствіемъ и не преминетъ даже отвѣтить вамъ тѣмъ же. Словомъ съ перваго же знакомства вы станете съ любою портенаскою на такую короткую ногу, что можете тутъ же предложить ей свою руку и сердце и, повѣрьте, никогда не получите отказа,

потому что женихи въ Буеносъ-Айресѣ очень дороги и рѣдки.

Чтобы оправдать нѣсколько общественную жизнь буеносъ-айресскихъ женщинъ и ихъ легкомысленное обращенiе съ мужчинами, дамъ нѣкоторыя свѣдѣнiя, какъ идетъ воспитанiе дѣтей въ аргентинскихъ семействахъ и какое вредное влiянiе имѣетъ оно на ихъ нравственность и будущую общественную жизнь.

Дѣти состоятельныхъ испанцевъ отдаются, тотчасъ послѣ рожденiя, на попеченiе мулатокъ, негритянокъ или индѣянокъ, которыя ухаживаютъ за ними до шести или семилѣтняго возраста. Такимъ образомъ, самые впечатлительные года ребенокъ проводитъ въ средѣ невѣжественной, грубой, лѣнивой, и, разумѣется, не можетъ получить хорошее первоначальное воспитанiе. Съ малолѣтства ему внушаютъ отвращенiе къ работѣ или вообще къ какимъ нибудь серьезнымъ занятiямъ, и онъ учится отъ своей черной или красной мамки всѣмъ, свойственнымъ этимъ расамъ недостаткамъ и порокамъ.

Дѣвочку шести лѣтъ начинаютъ учить, но чему?— совѣстно даже сказать: перебирать четки и нѣсколькимъ молитвамъ; двѣнадцати лѣтъ она публично прiобщается и становится, въ глазахъ всѣхъ, взрослою дѣвицею, могущею уже, будто бы, прельщать мужчинъ и кокетничать съ своими поклонниками. Понятно, въ такихъ невинныхъ годахъ она легко привыкаетъ къ обществу мужчинъ, прiучается быть съ ними нескромною, смѣлою и такимъ образомъ понемногу изъ нея вырабатывается уже извѣстный типъ буеносъ-айресской красавицы...

Если вамъ удастся познакомиться съ какимъ нибудь аргентинскимъ семействомъ, то при первомъ же визитѣ васъ угостятъ парагвайскимъ чаемъ или мате; его подаютъ обыкновенно въ небольшомъ, закрытомъ сосудѣ, изъ котораго каждый членъ семейства и гости, поочередно, тянутъ этотъ напитокъ черезъ серебряную трубочку, называемую „бомбилла“ (bombilla).

Вообще мате—самое любимое препровожденiе вре-

мени жителей всѣхъ при ла-платскихъ республикъ; оно считается первымъ угощеніемъ, и вы сильно обидете гостепріимнаго хозяина, отказавшись отъ этого напитка; за мате аргентинецъ забываетъ свое горе, свои неудачи и невзгоды, понемногу потягивая сладковатую жидкость...

При второмъ посѣщеніи знакомаго вамъ семейства, вы будете уже совершенно домашнимъ человѣкомъ, съ вами будутъ обращаться, какъ съ старымъ другомъ или даже близкимъ родственникомъ: хозяйка подастъ вамъ собственноручно кусокъ булки, который вы непрѣменно должны съѣсть, чтобы не обидѣть ея гостепріимство; ея прекрасная дочь (безъ нихъ не обходится ни одно аргентинское семейство), желая удостовѣриться, сладокъ ли вашъ чай, преспокойно и безцеремонно попробуетъ его своею ложкою, которою только что пробовала свой чай; въ другой разъ она пришлетъ вамъ на своей вилкѣ выбранный ею лучшій кусокъ какой нибудь закуски, и въ этомъ случаѣ не вздумайте отказаться отъ подобной любезности хорошенькой барышни, потому что иначе вы будете въ глазахъ всего семейства дурно воспитаннымъ джентельменсмъ... Да и найдется ли кто нибудь, у котораго хватило бы духу отказаться отъ присланнаго бутерброта, выбраннаго хорошенькими, бѣлыми ручками, отказаться прикоснуться къ вилкѣ, которая только что касалась розовыхъ губокъ красавицы?... Разумѣется нѣтъ, а потому и не трудно будетъ въ этомъ случаѣ подчиниться подобной аргентинской предупредительности и вѣжливости... Но иногда... приходится принимать подобные сюрпризы отъ отцвѣтшихъ красавицъ, даже отъ беззубыхъ, морщинистыхъ старухъ, но что же дѣлать: нужно и въ этомъ случаѣ принять присылаемое съ такою же пріятною улыбкою, какъ будто бы вы принимаете изъ рукъ красавицы... Знайте, что это одинъ изъ законовъ или обычаевъ страны, а путешественникъ, какъ извѣстно, обязанъ подчиняться всѣмъ законамъ и обычаямъ посѣщаемыхъ имъ странъ; въ противномъ случаѣ онъ будетъ казаться „въ чужомъ монастырѣ съ своимъ

уставомъ" очень смѣшнымъ, а пожалуй еще и дерзкимъ невѣждою, потому что многое, что въ одной странѣ кажется неприличнымъ, невѣжливымъ, смѣшнымъ и дерзкимъ, то въ другой странѣ, напротивъ, это же самое считается за очень приличное, вѣжливое, обыкновенное, и наконецъ признакомъ особеннаго благоволенія... Представьте теперь, что вы двадцать лѣтъ прожили среди сѣверо-американцевъ, возвратились назадъ и вдругъ въ присутствіи прекраснаго пола вздумаете положить ноги на столъ или вообще забрать ихъ какимъ нибудь способомъ выше головы; да вѣдь это почтется за величайшее оскорбленіе всѣхъ присутствующихъ, а между тѣмъ въ Америкѣ это очень обыкновенно, и дамы въ этомъ случаѣ тамъ, пожалуй, не многимъ уступятъ мужчинамъ. Какъ видите, примѣровъ въ доказательство вышесказаннаго можно подыскать очень много: стоитъ только порыться въ характеристикѣ народовъ и обычаяхъ различныхъ странъ и сравнить ихъ между собою...

Обращусь теперь къ прерванному описанію внутренней жизни аргентинскаго семейства. Если вамъ удастся, повторяю, познакомиться съ какимъ нибудь семействомъ, то гостепріимные хозяева будутъ васъ принимать такъ радушно, такъ сердечно, ихъ хорошенькая дочка будетъ къ вамъ такъ внимательна, любезна и предупредительна, что вы просто потеряете голову и ваше воображеніе начнетъ строить вамъ въ будущемъ прекрасные воздуушные замки, а вы сами будете мечтать о романѣ; но вы жестоко ошибетесь въ своихъ иллюзіяхъ! Вы будете безъ ума отъ красавицы барышни, станете посѣщать это семейство чуть ли не каждый день, и наконецъ въ одинъ чудный вечеръ, оставшись наединѣ съ прекрасною аргентинкою, осмѣлитесь объясниться ей въ любви и въ своемъ сумасбродствѣ рѣшитесь просить взаимности, которую, повидимому, вамъ уже обѣщали съ первыхъ же дней знакомства ласковыя слова красавицы, ея довѣрчивые взгляды, нѣжныя пожатія руки, таинственныя улыбки и т. д... Но, чтобы пользоваться взаимностью,

необходимо романъ передѣлать въ исторію, необходимо тропинку, по которой вы приближались къ красавицѣ, направить къ храму, словомъ, нужно отказаться отъ полной свободы холостяка и связать себя супружескими цѣпями...

Хотя буеносъ-айресскія женщины подчасъ и очень нескромны, легкомысленны и слабы по наружности, но въ то же время очень сдержанны въ извѣстныхъ случаяхъ и ни за что не рѣшатся оказать взаимность мужчинѣ, если тотъ не рѣшится идти подъ вѣнецъ. Всѣ помыслы аргентинскихъ красавицъ направлены къ супружеской жизни, въ которой онѣ видятъ все свое счастье и радость; разъ сдѣлавшись женою, онѣ остаются вѣрны своему супругу до гробовой доски и ихъ супружеское счастье не будетъ затемнено ни единымъ грязнымъ пятномъ.—Нужно сознаться, что супружеская вѣрность—лучшее украшеніе буеносъ-айресскихъ красавицъ и въ этомъ отношеніи онѣ стоятъ несравненно выше европейскихъ женщинъ. Почти въ каждомъ семействѣ, какъ я уже говорилъ, есть непремѣнно двѣ или три красавицы невѣсты, которыя какъ прекрасныя богини охоты, выжидаютъ удобнаго момента, чтобы пронзить сердца жертвъ-холостяковъ.

Совѣтую путешественникамъ не приближаться къ этимъ сиренамъ, потому что каждый лучъ ихъ черныхъ глазъ—стрѣла, летящая въ сердце, каждая обворожительная улыбка—боласъ, обвивающій жертву; каждый локонъ прекрасныхъ ихъ волосъ—лассо, привлекающій ее въ объятіи красавицы. Будьте осторожны и не попадитесь въ разставленные повсюду западни и капканы!

Извинимъ впрочемъ прекрасныхъ богинь охоты, потому что ихъ побуждаетъ поступать такъ искренное желаніе найти себѣ мужа, желаніе, какъ знаете, весьма похвальное, освященное церковью и обществомъ, но къ несчастью, трудно исполнимое въ Буеносъ-Айресѣ, потому что, по мѣстному обычаю, невѣста не приноситъ своему жениху рѣшительно никакого приданаго и онъ самъ

обязанъ сдѣлать ей все необходимое, начиная съ головы и до ногъ, но такихъ щедрыхъ жениховъ, откровенно сказать, находится немного. Кромѣ того, постоянныя гражданскія войны, революціи, политическія убійства похищаютъ ежегодно такое громадное количество молодыхъ людей, что невѣстъ въ Буеносъ-Айресѣ чуть ли не въ три раза больше, чѣмъ жениховъ.

Судите же теперь о томъ страшномъ соперничествѣ прекрасныхъ невѣстъ, ожидающихъ жениховъ съ такимъ же нетерпѣніемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ евреи ждали, обѣщанную имъ манну. Въ Буеносъ-Айресѣ прилагательное „холостой“ или „солтеро“ (soltero)— магическое слово, передъ которымъ открываются всѣ двери, начиная съ хижины и кончая богатыми хоромами мѣстнаго негоціанта... Иностранецъ, представившійся въ аргентинское общество съ этимъ счастливымъ и магическимъ прилагательнымъ, дѣлается предметомъ всеобщаго вниманія и разговоровъ; каждый отецъ или мать прекрасныхъ невѣстъ стараются привлечь его въ свое семейство, гдѣ онъ принимаетъ, самъ того не вѣдая, видъ крѣпостцы, на которую ведутъ дѣятельную аттаку красавицы-сестры, штурмуютъ ее, и наконецъ одна изъ нихъ беретъ приступомъ и плѣняетъ слабо защищающійся гарнизонъ. Остальныя сестры, видя печальный для себя исходъ дѣла и не желая отбить жениха у счастливой соперницы, прекращаютъ свои страстныя аттаки и, заключивъ перемиріе, готовятъ сестру подъ вѣнецъ, которая, по выходѣ замужъ, обязана, по мѣстному обычаю, подарить имъ всѣмъ свои платья, драгоцѣнныя вещи, бѣлье, словомъ, все, что она только имѣла, живя подъ крылышкомъ у своихъ родителей. Такимъ образомъ въ Буеносъ-Айресѣ женихъ покупаетъ невѣсту, что справедливѣе, между тѣмъ какъ у насъ, болѣе цивилизованныхъ, дѣлается совершенно обратно, то есть невѣста покупаетъ жениха, что очень, откровенно сказать, безобразно и дико.

Буеносъ-айресскія красавицы, выйдя замужъ, не на

долго сохраняютъ свою красоту; черезъ нѣсколько лѣтъ роскошный цвѣтокъ начинаетъ замѣтно сохнуть, вянуть и наконецъ блекнетъ, какъ полевая трава подъ жгучими лучами тропическаго солнца...

Мужское населеніе столицы, или „портеносы", хотя и происходятъ отъ испанцевъ, но нисколько не походятъ на своихъ предковъ, развѣ только страстью къ государственнымъ переворотамъ и къ различнаго рода возмущеніямъ, а также своимъ довѣріемъ. Портеносы забыли почти всѣ испанскіе обычаи, ввели новые свои, и стали, такимъ образомъ, возрожденнымъ народомъ; кромѣ того, они питаютъ къ европейскимъ испанцамъ сильную антипатію, часто переходящую даже въ ненависть, потому что они не могутъ забыть, что нѣкогда находились подъ ихъ гнетомъ; между американскими испанцами и европейскими существуютъ такія же натянутыя отношенія, какія мы видимъ въ настоящее время между сѣверо-американцами и англичанами, двумя непримиримыми націями.

Портеносы не могутъ похвалиться своими нравами, сильно испорченными постоянными революціями, безпорядками, а больше всего тираніею изверга Розаса, при которомъ они привыкли унижаться, льстить и подличить...

Что касается до цвѣтнаго населенія Буеносъ-Айреса, то его можно раздѣлить на четыре господствующія группы, именно: негровъ, индѣйцевъ, метисовъ и мулатовъ. Остальные представители этого населенія представляютъ странную смѣсь всѣхъ вышеупомянутыхъ четырехъ расъ между собою, а также и съ чистыми расами. Европейскому, непривычному глазу трудно, даже невозможно, узнать происхожденіе встрѣчаемыхъ имъ личностей изъ цвѣтнаго населенія, между тѣмъ какъ большая часть мѣстныхъ жителей-испанцевъ легко отличаютъ, напримѣръ, метиса, рожденнаго отъ бѣлой матери и отца индѣйца, отъ метиса, у котораго отецъ былъ бѣлый, а мать—индіянка, точно также они могутъ безъ труда отличить мулата, происшедшаго отъ

бѣлаго отца и негритянки, отъ мулата, отецъ котораго былъ негръ, а мать—бѣлая. Цвѣтные смѣшанной крови очень часто едва отличаются отъ чистокровныхъ испанцевъ, а между тѣмъ знатоки подмѣчать въ человѣкѣ разныя примѣси и подмѣси извѣстныхъ расъ, могутъ опредѣлить съ большою точностью ихъ происхожденіе.

Въ настоящее время почти все населеніе Аргентинской республики представляетъ смѣшанную расу, исключая иностранцевъ; чистокровныхъ испанцевъ очень мало. Впрочемъ въ Буеносъ-Айресѣ есть множество богатыхъ людей, или „портеносовъ", которые гордятся своимъ чистокровнымъ испанскимъ происхожденіемъ, а между тѣмъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ, въ ихъ жилахъ течетъ небольшая примѣсь индѣйской или негритянской крови. Они хвалятся, что происходятъ отъ древнихъ испанскихъ завоевателей Ла-Платы, думая, вѣроятно, этимъ поддержать свою чистокровность; но извѣстно, что авантюристы, пришедшіе на Ла-Плату въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, почти безъ женщинъ, должны были взять себѣ въ жены индѣянокъ, и такимъ образомъ первое приращеніе населенія состояло преимущественно изъ дѣтей испанцевъ и индѣянокъ, или метисовъ. Смѣшанный этотъ типъ постоянно подновлялся кровью той или другой расы и даже получилъ незначительную долю негритянской крови. Такимъ образомъ потомки древнихъ испанскихъ завоевателей, большею частью, не могутъ хвалиться своею чистокровностью, хотя въ ихъ крови и очень трудно примѣтить какую нибудь постороннюю примѣсь.

Самая лучшая часть цвѣтнаго населенія это метисы; непривычному глазу чрезвычайно трудно отличить ихъ отъ чистокровныхъ испанцевъ, потому что индѣйскій типъ не многимъ разнится отъ европейскаго; затѣмъ слѣдуютъ мулаты, индѣйцы, негры и, наконецъ, замбы (смѣсь негровъ съ индѣйцами), самый испорченный классъ людей во всемъ мірѣ.

Особенно хорошее впечатлѣніе производятъ въ Буе-

носъ-Айресѣ негры съ курчавыми волосами, добродушными улыбками и невозмутимыми глазами. Смотря на ихъ толстыя, постоянно улыбающіяся, губы, выказывающія два ряда блестящихъ, здоровыхъ и бѣлыхъ зубовъ: смотря на ихъ, дышащія здоровьемъ, лица, на лоснящуюся кожу, напоминающую хорошо чищенный опойковый сапогъ, невольно радуешься ихъ свободѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ проходящемъ „черномъ“ видишь не раба, униженно сгибающаго свою истерзанную спину подъ ударами кнута господина и не смѣющаго взглянуть на „бѣлаго“, но видишь такого же свободнаго гражданина, какъ и всѣ, который съ добродушнѣйшею улыбкою жметъ руки своимъ прежнимъ господамъ и съ важнымъ видомъ засѣдаетъ вмѣстѣ съ ними въ какомъ нибудь народномъ собраніи, разсуждаетъ какъ человѣкъ разумный, словомъ, мало въ чемъ уступаетъ „бѣлымъ“, въ среду которыхъ его бросила судьба, и уже непремѣнно стоитъ выше тѣхъ, которые до сихъ поръ считаютъ его за какое-то животное, безъ капли мозга въ головѣ и одаренное всѣми самыми гнусными пороками...

Всѣ мѣстные жители Буеносъ-Айреса въ искусствѣ верховой ѣзды походятъ нѣсколько на гаучо; верховыя лошади служатъ здѣсь для всевозможныхъ переѣздовъ, прогулокъ, визитовъ и путешествій; докторъ посѣщаетъ больныхъ непремѣнно верхомъ; купцы, маклера переѣзжаютъ изъ магазина въ магазинъ, изъ конторы въ контору тоже верхомъ. Каждая женщина съ малолѣтства пріучена ѣздить на лошади, и потому не удивительно встрѣчать въ Буеносъ-Айресѣ цѣлыя кавалькады прекрасныхъ, граціозныхъ амазонокъ, несущихся галопомъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи.

Проходя по улицамъ города, почти на каждомъ шагу можно видѣть стоящихъ у тротуаровъ лошадей и терпѣливо ожидающихъ своихъ господъ: этотъ конь адвоката пріѣхавшаго по дѣламъ къ своему кліенту, тотъ—молодаго влюбленнаго, привезшаго своей возлюб-

ленной букстъ камелій; немного дальше стоитъ смирная лошадь какого нибудь почтеннаго негоціанта, а рядомъ съ нею нетерпѣливо бьетъ копытомъ стройный, горячій скакунъ удальца-гаучо, словомъ, куда не посмотришь, повсюду красуются какъ бы на выставкѣ, множество прекрасныхъ лошадей разной масти, разнаго темперамента и возраста.

Обыкновенно всадникъ, сойдя съ лошади, бросаетъ поводъ на ея шею, и вѣрное, благородное животное терпѣливо ждетъ на улицѣ своего господина, пока тотъ не кончитъ свои важныя дѣла или просто любовныя похожденія.

При всемъ томъ жители Буеносъ-Айреса не любятъ ѣздить на своихъ скакунахъ шагомъ или рюсью; они гонятъ ихъ постоянно бѣшенымъ галопомъ и, конечно, подобная ѣзда не обходится безъ приключеній и несчастій. Не проходитъ дня, чтобы въ какой нибудь домъ не принесли несчастнаго всадника или совершенно разбитаго, или же съ прошибленною головою, съ переломленными ребрами, ногою или рукою; но выздоровѣвъ, онъ опять садится на лошадь и, какъ будто ни въ чемъ не бывало, мчится на ней тѣмъ же бѣшеннымъ галопомъ, нисколько не опасаясь надломить себѣ шею во второй и даже въ третій разъ.

Всѣ аргентинцы имѣютъ странное обыкновеніе останавливать своихъ лошадей на всемъ скаку, что очень вредно дѣйствуетъ на ноги благородныхъ животныхъ; ихъ искусство въ подобномъ маневрѣ доходитъ до такой сильной степени, что почти каждый всадникъ, несясь во весь карьеръ, можетъ моментально остановить свою лошадь на разостланномъ плащѣ, поверхность котораго не превышаетъ одной квадратной сажени, и это онъ сдѣлаетъ изъ десяти разъ девять и притомъ совершенно непринужденно, легко и съ необыкновенною граціею. Въ одно мгновеніе добрый конь и всадникъ превращаются какъ бы въ бронзовое, или каменное изваяніе, самой артистической работы; благородное жи

вотное имѣетъ въ этотъ моментъ необыкновенно красивый видъ; съ дымящимися ноздрями, съ горящими глазами, настороженными ушами и съ дрожащими ногами оно походитъ на какого-то сказочнаго, богатырскаго скакуна, остановленнаго на всемъ скаку какою нибудь злою волшебницею и превращеннаго вмѣстѣ съ всадникомъ, отъ прикосновенія ея волшебнаго жезла, въ прекрасную группу, у которой отнято движеніе, но оставлена жизнь...

Лошади въ Ла-Платѣ такъ многочисленны и ихъ содержаніе обходится такъ дешево, что даже самый бѣдный житель Аргентинской республики въ состояніи имѣть по крайней мѣрѣ одного добраго скакуна, которому ни почемъ проскакать бѣшенымъ галопомъ такое разстояніе, которое наши русскія лошади едва пробѣгутъ обыкновенною рысью. Люди богатые держатъ на своихъ конюшняхъ по десятку и болѣе лошадей, на сбрую которыхъ они тратятъ чуть ли не больше денегъ, чѣмъ на свою одежду; одна или двѣ осѣдланныя лошади стоятъ весь день у дома, чтобы хозяинъ и члены его семейства могли бы ѣхать, тотчасъ же, какъ только имъ вздумается.

Лошадь такъ же необходима аргентинцамъ, какъ руки и ноги нашему трудолюбивому мужичку; держать хорошаго скакуна считается здѣсь не роскошью, но необходимостью, поэтому не удивляйтесь, если вы встрѣтите на буеносъ-айресскихъ улицахъ людей, просящихъ подаяніе, а между тѣмъ сидящихъ на прекрасныхъ лошадяхъ, стоющихъ, можетъ быть, у насъ тысячу рублей, но которыя пріобрѣтаются на мѣстѣ за нѣсколько франковъ. Было бы очень несправедливо отказать подобному нищему въ милостынѣ только потому, что онъ сидитъ на отличной лошади, а не ковыляетъ пѣшкомъ. Это было бы также несправедливо и дико, если бы мы отказали въ подаяніи петербургскому нищему за то, что у него есть на головѣ изодранная шапка или полуразвалившіеся опорки на ногахъ, за которые онъ, если бы

перенесся въ Буеносъ-Айресъ, можетъ быть, получилъ бы скакуна,

Лошадей въ Ла-Платѣ такое множество, что ихъ даже истребляютъ какъ вредныхъ животныхъ! Объ этомъ я скажу нѣсколько словъ впосдѣдствіи, когда буду говорить о саладеро и матадеро...

Въ Буеносъ-Айресѣ нѣтъ общественныхъ экипажей: всѣ разъѣзжаютъ, какъ я уже говорилъ, верхами; впрочемъ нѣкоторые негоціанты и очень богатые портеносы владѣютъ каретой или коляской, но это считается уже предметомъ необыкновенной роскоши, и очень немногіе могутъ позволить себѣ подобную прихоть. Кромѣ того, мостовая въ Буеносъ-Айресѣ не представляетъ, большею частью, плоской гладкой, ровной поверхности, чтобы по ней удобно было разъѣзжать въ европейскихъ каретахъ и колясках, напротивъ катанье въ нихъ крайне утомительно и несравненно пріятнѣе пронестись верхомъ или пройтись пѣшкомъ по довольно сноснымъ тротуарамъ, чѣмъ рискнуть прокачаться и помять бока въ подобныхъ экипажахъ, предназначенныхъ не для ухабовъ и выбоинъ, въ которыхъ они могутъ разлетѣться въ дребезги, а—для болѣе удобной, спокойной дороги.

Единственные мѣстные экипажи—это, такъ называемые, „галеры“ вышеописанныя величественныя фуры на гигантскихъ десяти-футовыхъ колесахъ. Первыя состоятъ изъ какого-то, уродливо сшитаго деревяннаго ящика, поставленнаго на качалкахъ въ родѣ употребляемыхъ въ нашихъ южныхъ степяхъ. Въ подобную повозку запрягаются цугомъ отъ четырехъ до пяти паръ прекрасныхъ лошадей, и въ такомъ видѣ она служитъ для переѣздовъ путешественниковъ изъ городовъ въ отдаленныя эстанціи и обратно. Эти повозки хотя и некрасивы, но очень удобны для переѣздовъ по неизмѣримымъ ъпампасамъ...

ГЛАВА XV.

Дорога въ Барраганъ. — Матадеро. — Мѣстечко Барраганъ. — Саладеро. — Укрощеніе дикихъ лошадей. — Чакарита. — Палермо — прежняя резиденція Розаса. — Прогулка на эстанцію. — Собаки-пастухи. — Еще нѣсколько словъ о гаучо. — Парагвайскій чай. — Жизнь эстансіонера.

Осмотрѣвъ Буеносъ-Айресъ вдоль и поперегъ, мы обратили свое вниманіе на его окрестности; прежде всего намъ очень хотѣлось увидѣть восхваляемыя трактирщикомъ-французомъ саладеро и матадеро. Для предстоящей прогулки нанятъ былъ нами мѣстный экипажъ „галера“, экипажъ, правда, не красивый и не изящный, но очень удобный для путешествій по аргентинскимъ дорогамъ, изрытымъ выбоинами, ямами и рытвинами.

Раннимъ утромъ выѣхали мы изъ города, черезъ восточныя ворота, и понеслись по довольно сносному шоссе къ мѣстечку Барраганъ, около котораго расположены большею частью самыя лучшія саладеро. Погода, на наше счастье, стояла прекрасная; правда, было немного холодно, но мы надѣялись въ скоромъ времени согрѣться кровавымъ зрѣлищемъ.

Не смотря на раннее утро, дорога къ мѣстечку Барраганъ или къ внѣшнему буеносъ-айресскому порту была очень оживлена; на каждомъ почти шагу попадались намъ или же перегоняли нашу неуклюжую галеру разныя личности, торопящіяся по своему дѣлу въ Буеносъ-Айресъ или въ Барраганъ; громадныя и уже хорошо извѣстныя читателямъ фуры, нагруженныя различными товарами и запряженныя сильными быками, скрипя на всѣ возможныя лады и тяжело покачиваясь на неровной и изрытой дорогѣ, двигались намъ на встрѣчу, подымая за собой столбы пыли, окружавшей насъ весьма непріятною, непроницаемою завѣсою. При каждой встрѣчѣ съ подобными гигантами, подъ которыми, казалось, ломилась крѣпкая дорога,

мы заранѣе закрывали глаза и зажимали носъ и уши, чтобы избавиться отъ надоѣдливой и мелкой пыли, которая повсюду находила себѣ проходъ, повсюду отыскивала самыя микроскопическія лазейки и аттаковывала насъ съ удивительною свирѣпостью.

Иногда попадались намъ громадныя стада длинноротихъ быковъ, подымавшія пыль еще въ болѣе ужасныхъ размѣрахъ; при каждой встрѣчѣ съ подобными неучами, мы сыпали на обѣ стороны энергичныя ругательства, проклиная злосчастную судьбу, заставившую насъ вдоволь наглотаться пыли, и въ концѣ концовъ пересыпали невольныя ругательства и проклятія страшнѣйшимъ и единодушнѣйшимъ кашлемъ, сморканьемъ, морганьемъ и различными уморительными кривляньями, вызванными ею. Каждый разъ мы заставляли возницу гнать лошадей чуть-ли не галопомъ, чтобы выйдти поскорѣе изъ весьма непріятнаго положенія; но не всегда удавалось скоро отдѣлаться отъ окружающей пыли. Быки загромождали иногда дорогу до такой сильной степени, что нашимъ лошадямъ приходилось пробираться среди ихъ шагомъ. Подобное положеніе нельзя было назвать пріятнымъ! Кругомъ торчали рогатыя головы, плавно покачивающіяся сообразно походкѣ, со стороны на сторону, раздавалось страшное мычанье и звонкое хлопанье кожаныхъ бичей, помощью которыхъ гаучо, находящіеся при стадѣ, подгоняли отсталыхъ быковъ и возбуждали энергію въ лѣнивыхъ. Наши лошади пробирались среди стада безъ всякаго страха и довольно безцеремонно расчищали себѣ дорогу; быковъ наше присутствіе нисколько не тревожило и они совершенно хладнокровно давали намъ дорогу, скучиваясь по обѣимъ сторонамъ шоссе. При каждомъ стадѣ находилось по нѣскольку гаучо, которые разъѣзжали вокругъ него верхами на славныхъ лошадяхъ и наблюдали, чтобы ни одно животное не возъимѣло намѣренія тайно избѣжать предстоящей рѣзни; если бы которое нибудь изъ нихъ и вздумало бы отклониться

въ сторону, то зоркій глазъ гаучо подмѣчалъ его раньше, чѣмъ оно успѣвало удалиться на десять шаговъ отъ общей массы, давалъ шпоры своей привычной лошади и молніей несся къ бѣглецу, накидывалъ на его рога свой лассо, повертывалъ скакуна къ стаду и безцеремонно тащилъ упрямое и непокорное животное на свое мѣсто. Быкъ въ подобныхъ случаяхъ непремѣнно упирается, роетъ ногами землю, упрямится, но ничего не можетъ подѣлать съ ловкимъ гаучо, который безъ особеннаго труда загоняетъ его въ стадо и спокойно возвращается къ своему наблюдательному посту. Впрочемъ иногда, когда быка стараго, опытнаго и не разъ уже испытавщаго на себѣ могущество лассо, загнать его въ стадо очень трудно и нерѣдко даже стоитъ гаучо жизни, если только лошадь его не хорошо выѣзжена и не знакома съ нравомъ упрямаго животнаго. Когда подобный быкъ-дока пойманъ помощью лассо, то онъ начинаетъ быстро кружиться вокругъ лошади и тянуть ее за собою; послѣдняя при этомъ должна непремѣнно вертѣться за нимъ, какъ колесная ось, и такимъ образомъ распутывать запутывающійся арканъ; если же лошадь плохо выѣзжена и при томъ еще испугается подобнаго движенія быка, то она вмѣсто того, чтобы вертѣться въ ту же сторону, въ которую кружится животное, начинаетъ противиться этому движенію, вслѣдствіе чего лассо иногда захлестывается вокругъ всадника, и отъ быстраго, сильнаго движенія быка въ противоположную сторону лошади перерѣзываетъ гаучо пополамъ...

Какъ я уже говорилъ, дорога, идущая отъ Буеносъ-Айреса къ мѣстечку Барраганъ, была замѣчательно оживлена; и немудрено, потому что она представляетъ единственное сообщеніе столицы съ внѣшнимъ ея рейдомъ, который обыкновенно покрытъ большимъ количествомъ коммерческихъ судовъ, приходящихъ сюда за произведеніями саладеро и привозящихъ все необходимое изъ заграничныхъ портовъ.

Баррагапъ представляетъ торговую часть Буеносъ-Айреса, а потому всѣ купцы, негоціанты, маклера и тому подобные торговые люди чуть ли не ежедневно посѣщаютъ это мѣстечко и составляютъ такимъ образомъ главную массу, оживляющую эту дорогу, лежащую среди неизмѣримыхъ, пустынныхъ и необработанныхъ луговъ, служащихъ пастбищемъ полудикихъ лошадей и быковъ.

Ближе къ Буеносъ-Айресу мѣстность имѣетъ болѣе оживленный, болѣе привлекательный видъ; множество кактусовъ и агавъ тянутся въ видѣ нескончаемыхъ заборовъ, за которыми скруываются не большіе, но очень миленькіе, домики, окруженные прекрасными садами; тамъ и тутъ разбросаны чудесныя рощи персиковыхъ, апельсинныхъ, оливковыхъ и наконецъ ивовыхъ деревьевъ, придающихъ городскимъ предмѣстіямъ чрезвычайно привлекательный и красивый видъ и распространяющія далеко вокругъ себя свѣжесть и благоуханіе. Но чѣмъ дальше отъѣзжали мы отъ города, тѣмъ мѣстность становилась печальнѣе, угрюмѣе и непривѣтливѣе, тѣмъ воздухъ дѣлался все непріятнѣе и зловоннѣе. Вмѣсто нѣжнаго благоуханія, которымъ мы наслаждались въ аристократическомъ кварталѣ Буеносъ-Айреса и въ ближайшихъ его окрестностяхъ, мы вдыхали въ себя какія-то міазмы, количество которыхъ, по мѣрѣ нашего приближенія къ цѣли поѣздки, постепенно все увеличивалось и увеличивалось.

— Господа, скоро пріѣдемъ на матадеро [1]), предупредилъ насъ возница!—но мы, къ несчастью, и безъ его предупрежденія уже заранѣе чувствовали близость матадеро или саладеро.

И дѣйствительно, через полчаса мы были уже на одномъ изъ матадеро; зрѣлище, представившееся нашимъ глазамъ, было въ высшей степени отвратительно;

---

[1]) Матадеро называется бойня на которой бьютъ быковъ для потребностей города.

передъ нами лежало обширное пространство земли, прорѣзанное канавами, служащими, по видимому, для стока крови; куда не посмотришь, повсюду валялись остовы и внутренности быковъ, около которыхъ копошилась стая голодныхъ, истрепанныхъ и грязныхъ собакъ; повсюду стояли громадныя лужи крови только что зарѣзанныхъ быковъ, съ которыхъ сдирали шкуру нѣсколько десятковъ какихъ-то людей, съ ногъ до головы покрытыхъ кровью и грязью. По всѣмъ направленіямъ разъѣзжали на прекрасныхъ, но перепачканныхъ запекшеюся кровью лошадяхъ—гаучо, главные дѣятели матадеро, главные истребители несчастныхъ животныхъ, предназначенныхъ въ жертву городскимъ жителямъ; ихъ забрызганныя кровью лица и платья придавали имъ свирѣпый, разбойничій видъ; трудно было въ этихъ кровожадныхъ мясникахъ узнать красивыхъ щеголей, какими обыкновенно большая часть гаучо является въ городъ.

На матадеро гаучо въ своей сферѣ; здѣсь лучше всего выяснятся его характеръ жестокій, свирѣпый и кровожадный; здѣсь можно довольно коротко познакомиться съ этою дикою натурою, не затронутою понятіями и взглядами цивилизованнаго міра...

Вообще видъ бойни былъ ужасенъ и возмутителенъ.

Немного въ сторонѣ построено было нѣсколько коралей или загоновъ, окруженныхъ крѣпкими деревянными заборами, изъ-за которыхъ виднѣлись только длинные рога множества быковъ, терпѣливо ожидавшихъ своей ужасной очереди—пасть подъ ножами свирѣпыхъ мясниковъ.

Каждый загонъ имѣлъ по нѣскольку выходовъ, черезъ которые то и дѣло, гаучо выгоняли быковъ въ поле, гдѣ ихъ моментально убивали, сдирали съ нихъ шкуру и превращали въ стяги мяса, какіе обыкновенно продаются въ мясныхъ лавкахъ. Быстрота, съ которою быки падали одинъ за другимъ, подъ ножами кровожадныхъ мясниковъ-гаучо и превращались въ распла-

станные куски мяса, была по истинѣ изумительна; нельзя было не удивляться необыкновенной ловкости всѣхъ участвовавшихъ въ этой кровавой картинѣ, необыкновенному ихъ навыку къ трудной и отвратительной работѣ.

Рѣзня быковъ на матадеро производится такимъ оригинальнымъ способомъ, чуждымъ нашимъ европейскимъ бойнямъ и заслуживающимъ особеннаго вниманія, что я не нахожу лишнимъ дать о ней нѣкоторое понятіе.

Корали или загоны, имѣютъ, какъ я уже говорилъ, по нѣскольку выходовъ, но такой ширины, что черезъ нихъ можно пройдти свободно только по одному быку. Верховой гаучо, съ лассо въ рукахъ, въѣзжаетъ въ загонъ, набрасываетъ свой арканъ на рога избраннаго животнаго, поворачивается къ выходу и во весь опоръ несется въ поле, таща за собою оторопѣвшаго и перепуганнаго быка. Первый моментъ опѣшившее животное бѣжитъ за скакуномъ-гаучо по пятамъ, но за тѣмъ приходитъ въ себя, собирается съ духомъ и начинаетъ изо всѣхъ силъ рыть землю ногами, пытаясь, но безуспѣшно, противиться насилію, бросается то въ одну, то въ другую сторону, думая сбить съ ногъ лошадь; но всадникъ ставитъ ее въ такое положеніе, что быкъ при каждой попыткѣ встрѣчаетъ сильное сопротивленіе, едва не сшибается съ ногъ и по неволѣ наконецъ покоряется и слѣдуетъ за гаучо. У входа кораля стоитъ другой гаучо съ ножемъ и въ то время, какъ быкъ пробѣгаетъ мимо его, онъ перерѣзаетъ подколѣнныя жилы одной изъ заднихъ ногъ.

Бѣдное животное едва можетъ поспѣть на трехъ ногахъ за привычною лошадью, несущеюся во весь опоръ, начинаетъ спотыкаться и наконецъ тяжело падаетъ на землю, тщетно пытаясь приподняться и освободиться отъ лассо. Едва быкъ успѣетъ упасть, какъ къ нему уже подскакиваютъ нѣсколько мясниковъ съ большими ножами въ рукахъ, моментально зарѣзываютъ

его, снимаютъ шкуру и распластываютъ; не успѣешь хорошенько всмотрѣться, что именно дѣлаютъ около быка эти облитые кровью люди, не успѣетъ еще замолкнуть эхо предсмертнаго, раздирающаго душу, рева зарѣзаннаго животнаго, выражающаго самую отчаянную муку, какъ уже вмѣсто него видишь передъ собою только куски, еще трепещущаго мяса, куски—совершенно въ томъ видѣ, какъ ихъ обыкновенно продаютъ въ мясныхъ лавкахъ. Общій видъ матадеро, не смотря на страшное зловоніе, къ которому, впрочемъ, можно скоро привыкнуть, довольно интересенъ, но сцена убійства—непріятна для непривычнаго глаза. Гаучо, точно хищные, голодные звѣри, нападаютъ на беззащитное, измученное животное, вонзаютъ въ него свои длинные ножи и, не давъ быку еще испустить послѣднее дыханіе, уже начинаютъ распарывать его, снимаютъ шкуру, ломаютъ кости, распластываютъ туловище...

Трудно пріучиться хладнокровно смотрѣть на это кровавое зрѣлище; но каково тѣмъ кто въ немъ участвуетъ? Работа эта, мнѣ кажется, ужасна и она должна вознаграждаться лучше всякой другой.

Присутствовать при рѣзнѣ быковъ довольно опасно, потому что бываютъ случаи, что они иногда срываются съ лассо или выбѣгаютъ изъ загоновъ, бѣсятся и бросаются на всякаго встрѣчнаго; бѣда тому, кто попадется на дорогѣ разъяренному быку: однимъ взмахомъ огромныхъ острыхъ роговъ расвирѣпѣвшаго животнаго онъ будетъ подброшенъ на нѣсколько сажень кверху, истерзанъ, исковерканъ и истоптанъ.

Гаучо, знакомые съ нравами быковъ, разсказываютъ, что эти животныя въ разъяренномъ состояніи не оставляютъ свою жертву до тѣхъ поръ, пока отъ нея не останется одинъ безобразный комъ окровавленнаго мяса; они подбрасываютъ ее рогами къ верху по нѣскольку разъ, топчатъ ногами, и нѣтъ возможности отвлечь ихъ отъ несчастныхъ, подвергшихся ихъ нападенію.

Разумѣется, подобные несчастные случаи бываютъ только съ людьми посторонними, такими же любопытными какъ и мы; но съ опытными гаучо ничего подобнаго никогда не случается. Раньше, чѣмъ быкъ вздумаетъ поднять его на рога, онъ будетъ опрокинутъ хорошимъ ударомъ ножа, или же, если гаучо верхомъ, помощью лассо. Гаучо настолько ловокъ и неустрашимъ, что ему рѣшительно ни-почемъ сразиться одинъ на одинъ съ бѣшеннымъ животнымъ, желающимъ избѣжать своей ужасной участи—пасть подъ ударомъ мясниковъ—и продать свою жизнь какъ можно дороже...

На матадеро намъ пришлось полюбоваться, съ какою удивительною ловкостью гаучо владѣютъ своими лассо, противъ которыхъ безсильны самыя сильныя, самыя большія животныя аргентинскихъ пампасъ. Случалось, что гаучо, стоящій у выхода, съ ножемъ въ рукѣ, не успѣвалъ перерѣзать подколѣнныя жилы задней ноги быка, который, вслѣдствіе этого, преисправно поспѣвалъ за скачущей во весь опоръ лошадью и не думалъ подставлять свою шею подъ удары ножей мясниковъ. При такихъ обстоятельствахъ подскакивалъ моментально сзаду другой гаучо, также съ лассо въ рукахъ, который онъ забрасывалъ, на всемъ скаку, на одну изъ заднихъ ногъ бѣгущаго быка, быстро поворачивалъ свою лошадь въ противоположную сторону, и животное растягиваемое двумя сильными, привычными скакунами, ошелемленное, чуть-ли не разорванное, тяжело грохалось на землю и, черезъ нѣкоторый очень коротків промежутокъ времени, превращалось въ стяги мяса.

Этотъ трудный, почти невозможный, маневръ совершался съ удивительною быстротою и ловкостью; рѣдко случается, чтобы гаучо закидывалъ свой лассо по два раза; большею частью онъ попадаетъ въ цѣль и даже такую трудную, мелькающую, какъ нога животнаго: во время самаго быстраго бѣга, съ перваго же раза.

Какъ удивительно долженъ быть разсчитанъ ударъ, до какой сильной степени развита вѣрность глаза, чтобы выполнить подобную задачу, немыслимую для европейскаго жителя, но очень обыкновенную для гаучо, который при случаѣ можетъ выказать еще большее искусство, большую ловкость и вѣрность глаза.

Не смотря на удушливую, смрадную атмосферу, мы пробыли на матадеро довольно долго; насъ интересовало собственно не самая рѣзня, но поражающая ловкость гаучо, этихъ дикихъ сыновъ аргентинскихъ пампасовъ. Наконецъ, мы поѣхали дальше, къ мѣстечку Барраганъ; дорога была оживлена не менѣе прежняго; на ней кипѣла дѣятельная, общественная жизнь, представляющая сильный контрастъ съ глухою, дикою, необработанною мѣстностью, тянущеюся по обѣ стороны шоссе. По дорогѣ проѣзжала масса купцовъ, торговцевъ, поселянъ, тянулись опять нескончаемые ряды гигантскихъ фуръ, нагруженныя или произведеніями эстанцій, или разнообразными товарами, привезенными коммерческими судами изъ заграничныхъ портовъ; попадались опять большія стада длиннорогихъ быковъ, предназначенныхъ для избіенія на матадеро; словомъ, на шоссе кипѣла необыкновенно дѣятельная жизнь. Рѣзкій, проникающій въ самую душу, скрипъ несмазанныхъ колесъ-великановъ, топотъ, несущихся быстрымъ галопомъ, лошадей, мычанье быковъ, крики возницъ, погонщиковъ и пастуховъ, хлопанье бичей—все это сливалось въ одинъ общій гулъ, неуступающій гулу, раздающемуся на самой многолюдной лондонской улицѣ.

На сколько барраганское шоссе было оживлено и шумно, на столько прилежащія къ нему неизмѣримые, низменные луга были безмолвны и необитаемы! Этотъ страшный контрастъ производилъ сильное впечатлѣніе; тутъ видишь жизнь, а тамъ почти смерть; тутъ видишь, нѣкоторое просвѣщеніе, а тамъ—мракъ и невѣжество; тутъ видишь, наконецъ, на всемъ печать человѣческой

руки, а тамъ—только руки Всевышняго, словомъ видишь дикую природу рядомъ съ общественною жизнью.

Впрочемъ подобные контрасты встрѣчаются здѣсь почти на каждомъ шагу, они очень обыкновенны и удивляться имъ нечего. Общественная жизнь въ Аргентинской республикѣ имѣетъ среди неизмѣримыхъ, необработанныхъ и пустынныхъ пампасовъ видъ оазисовъ, лежащихъ среди пустыни Сахары...

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Баррагану, тѣмъ дорога становилась оживленнѣе и оживленнѣе: даже по сторонамъ ея стали показываться харчевни или пульперіи, открытыя для посѣтителей отъ восхода солнца до поздней ночи, потянулись бѣдныя лачуги работниковъ и переносщиковъ товаровъ, корали, окруженные алойными заборами, изъ-за которыхъ виднѣлись длинные рога быковъ и головы лошадей, предназначенныхъ или для продажи, или же для истребленія на саладеро, помѣщающихся около Баррагана, и наконецъ начали показываться громадные огороды, снабжающіе столицу зеленью и овощами, но огороды—нисколько не похожіе на наши европейскіе; тутъ не было правильно обработанныхъ грядъ, канавъ для стока воды, не было такого порядка, того симетрическаго распредѣленія овощей и земли по классамъ и грядкамъ, которое обыкновенно можно видѣть на нашихъ петербургскихъ огородахъ. Тутъ всѣ овощи были перемѣшаны между собой въ такомъ безпорядкѣ, что рѣшительно невозможно было разобрать, гдѣ именно произрастаетъ одно и гдѣ другое, и все, повидимому, предоставлено было на волю Божію, потому что нельзя было замѣтить правильнаго ухода ни тутъ, ни тамъ.

Не смотря, однако что буеносъ-айресскіе огородники мало заботятся о своихъ огородахъ, произрастаніе свойственныхъ ла-платской почвѣ и климату овощей и зелени здѣсь удивительно. Что было бы если бы приложить къ огородамъ побольше старанія, побольше ухода и заботы?.. При каждомъ почти огородѣ

красовались обширные фруктовые сады, принадлежащіе большею частью нѣмцамъ и ирландцамъ, которые больше другихъ способны ухаживать за подобными растеніями. Тутъ было особенно много апельсинныхъ, персиковыхъ и оливковыхъ деревьевъ; правда, аргентинскіе апельсины не могутъ сравниться съ апельсинами, растущими на островахъ Зеленаго Мыса, а персики немного тверды, но тѣмъ не менѣе плоды очень сочны, вкусны и здоровы. Въ садахъ иногда красовалось по нѣскольку очень замѣчательныхъ, красивыхъ деревьевъ, свойственныхъ только ла-платской природѣ, а именно, такъ называемыя, „омбу“. Они достигали удивительной величины, и нужно непремѣнно видѣть одно изъ этихъ гигантскихъ растеній, чтобы имѣть понятіе о необыкновенной растительной силѣ аргентинскихъ пампасовъ, почва которыхъ вообще славится своимъ рѣдкимъ плодородіемъ.

Узловатый и ноздреватый стволъ омбу походитъ на изрытый утесъ; его скругленная вершина имѣетъ видъ широкаго величественнаго купола, подъ которымъ можно укрыться какъ отъ ливня, такъ и солнечнаго зноя. Подобныя деревья разбросаны по неизмѣримымъ пампасамъ въ разныхъ направленіяхъ и служатъ для путешественниковъ надежной защитой отъ всякой непогоды, бурь и палящихъ солнечныхъ лучей. Нькоторыя омбу имѣютъ въ основаніи ствола до пятидесяти футовъ въ окружности...

Наконецъ сады и огороды остались позади, и мы въѣхали въ мѣстечко Баррaганъ, раскинутое на берегу рѣки, носящей, знаменитое въ Аргентинской республикѣ, историческое имя Солисъ и впадающей въ Ріо-де-ла-Плату.

Въ мѣстечкѣ этомъ кипѣла необыкновенная дѣятельность; на деревянныхъ пристаняхъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ рѣки въ нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, толпились купцы, прикащики, матросы, маклера и носильщики; послѣднія складывали въ гро-

мадныя груды, подъ особенными навѣсами, разнообразные товары, привезенные чуть ли не изъ всѣхъ частей свѣта; тутъ были кожи, и шерсть изъ Коріентеса, лѣсъ изъ Парагвая, ящики съ виноградомъ изъ Мендозы, страусовыя перья и тигровыя шкуры изъ неизмѣримыхъ пампасовъ Южной Америки, предметы роскоши изъ Европы, желѣзные и стальные товары изъ Англіи, различныя сѣверо-американскія издѣлія, словомъ, подъ громадными навѣсами сложены были товары всего свѣта, товары самые разнообразные и противуположные.

Множество небольшихъ судовъ стояло вдоль обоихъ береговъ рѣки; одни изъ нихъ нагружались произведеніями саладеро, какъ-то: кожами, шерстью, саломъ, клеемъ, сухими жилами и соленымъ мясомъ; другія, напротивъ, разгружали только привезенные изъ заграницы разнообразные товары. Эти небольшія суда служатъ здѣсь перевозочными средствами, такъ какъ морскіе, коммерческіе корабли не въ состояніи, по мелководью, приблизиться къ берегу и по неволѣ должны разгружать свои товары сперва на меньшія, перевозочныя суда, которыя уже и входятъ съ ними въ рѣку Солисъ и подходятъ къ самому мѣстечку Барраганъ, гдѣ всѣ товары разгружаются и уже на извѣстныхъ гигантскихъ фурахъ перевозятся въ столицу. Послѣднія въ большомъ числѣ толпились около пристаней и, раскрывъ свои широкія, бездонныя пасти, глотали несмѣтное количество товаровъ; погонщики и возницы разбрелись въ ожиданіи, пока насытятся ихъ повозки, по лавкамъ и харчевнямъ, гдѣ ублажали свои желудки хорошо изжаренною бычачиною и водкою; а ихъ почтенные, длинпорогіе товарищи важно развалились передъ своими фурами и флегматически пожевывали жвачку въ ожиданіи прихода хозяевъ и получки отъ нихъ здороваго удара палкой, служащаго знакомъ, что пора имъ выйдти изъ своего мечтательнаго положенія и заняться болѣе положительнымъ дѣломъ—до-

везти перегруженную фуру до столицы, а можетъ быть куда нибудь и дальше.

Вообще въ мѣстечкѣ Барраганъ, куда ни глянешь, кипѣла необыкновенная жизнь и дѣятельность, доказывающія, какое имѣетъ оно въ торговомъ отношеніи важное значеніе... Дома мѣстечка представляютъ большое разнообразіе: тамъ стоитъ роскошная вилла какого нибудь буеносъ-айресскаго негоціанта, имѣющаго дѣла въ Барраганѣ, а рядомъ съ нимъ виднѣется простой, но чистенькій домикъ зажиточнаго баска или беарнца, составляющихъ главный элементъ населенія этого мѣстечка; съ другой стороны этой резиденціи буеносъ-айресскаго богача пріютилась жалкая лачуга бѣдняка, поражающая своею страшною ветхостью и бѣдностью. Немного дальше красуется что-то въ родѣ китайскаго павильона, рядомъ съ которымъ обращенъ въ мирное жилище старый кузовъ купеческаго судна, утомленнаго бурями и непогодою и отдыхающаго отъ многочисленныхъ трудовъ и опасностей. Словомъ куда ни посмотришь, видишь самое странное разнообразіе, которое тѣмъ болѣе поражаетъ глазъ путешественника, что самая столица Аргентинской республики построена съ удивительнымъ однообразіемъ.

Большая часть этихъ жилищъ принадлежитъ трудолюбивымъ, честнымъ баскамъ и беарнцамъ, переселившимся сюда съ Пиренейскихъ горъ, въ надеждѣ составить себѣ здѣсь состояніе; и дѣйствительно, черезъ нѣсколько лѣтъ неутомимаго труда, они дѣлаются если не богачами, то зажиточными гражданами Аргентинской республики; но при этомъ нисколько не помышляютъ о возвращеніи на родину и, не смотря на пріобрѣтенныя богатства, остаются постоянными жителями обогатившей ихъ страны, между тѣмъ какъ нѣмцы и французы, набивъ себѣ карманы аргентинскимъ золотомъ, непремѣнно мечтаютъ о возвращеніи на родину, чтобы уже тамъ прожить въ довольствѣ остатокъ своихъ дней, а не въ чуждой имъ странѣ...

За мѣстечкомъ Баррагаиъ тянулись большія заведенія, называемыя саладеро; тутъ были салотопни, мыловарни, свѣчные заводы и тому подобныя учрежденія, въ которыхъ производилось все, что только можно было получить изъ убитыхъ быковъ и лошадей; тутъ же были громадные загоны съ множествомъ тѣхъ и другихъ животныхъ, предназначенныхъ для рѣзни; были заведенія, въ которыхъ солятъ мясо и выдѣлываютъ кожу, и наконецъ—матадеро; но на этихъ матадеро били быковъ и лошадей, совершенно новымъ способомъ, еще более оригинальнымъ, болѣе удобнымъ. Такимъ образомъ саладеро представляютъ цѣлую сѣть громадныхъ и разнообразныхъ заведеній, цѣль которыхъ добыть изъ массы избиваемыхъ тутъ же быковъ и лошадей все, что только могутъ дать ихъ кости, мясо, жиръ и т. п.

Избіеніе быковъ не производитъ здѣсь такого сильнаго впечатлѣнія, какъ убійство прекрасныхъ, стройныхъ лошадей, убійство ничѣмъ не оправдываемое, убійство жестокое, вызываемое только страстью къ пріобрѣтенію богатства и къ различнаго рода спекуляціямъ.

Впрочемъ, свирѣпые промышленники, владѣтели этихъ саладеро, оправдываютъ это убійство, къ которому никто не привыкъ, тѣмъ, что въ ла-платскихъ пампасахъ расплодилось такое громадное количество дикихъ лошадей, что онѣ уже становятся не полезными, но вредными животными, а потому ихъ нужно истреблять, а истреблять безъ выгодъ нѣтъ никакого смысла.

И дѣйствительно, богатая природа ла-платскихъ пампасовъ и свободная, вольная жизнь на ихъ тучныхъ, роскошныхъ пастбищахъ до такой степени благопріятна лошадямъ, что онѣ въ нѣсколько сотъ лѣтъ расплодились въ ужасающихъ размѣрахъ, иногда, дѣйствительно, очень опасныхъ для всѣхъ и всего окружающаго.

Весною, молодыя кобылы доходятъ иногда до такого бѣшенства, что нападаютъ на караваны путешественниковъ, торговцевъ и поселянъ, какъ хищные звѣри, и умерщвляютъ всѣхъ попавшихся имъ лошадей и ихъ всадниковъ; не было никакой возможности отбивать ихъ яростныя нападенія, производимыя иногда громадною массою въ нѣсколько тысячъ головъ; въ этихъ случаяхъ все и всѣ гибли подъ ударами ихъ крѣпкихъ копытъ и превращались въ порошокъ; мало того, дикія лошади дрались между собою и въ этихъ ужасныхъ междоусобныхъ стычкахъ гибло громадное количество этихъ прекрасныхъ животныхъ. И такую страшную анархію вноситъ въ ихъ безчисленные табуны весна, смущающая всѣхъ своими прелестями и раздражающая своимъ благоуханіемъ...

Дѣло дошло до того, что начали опасаться, чтобы эти прекрасныя животныя не наводнили всю страну и не причинили бы ей своимъ бѣшенствомъ большой вредъ; а потому разрѣшено было истреблять и превращать никому не принадлежащіе табуны дикихъ лошадей въ соленыя кожи, сухія жилы, изъ которыхъ дѣлаются лучшія лассо, въ хвосты, идущіе на султаны, сало, свѣчи, мыло, клей и т. п.

Мы посѣтили нѣсколько саладеро; на одномъ изъ нихъ били только лошадей, на другомъ—быковъ, на третьемъ, наконецъ,—тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Общій видъ этихъ заведеній столь же отвратителенъ и ужасенъ, какъ и матадеро; воздухъ здѣсь зараженъ чуть-ли еще не больше, потому что кромѣ того, что поднимается страшная вонь отъ валяющихся повсюду ободранныхъ труповъ животныхъ, такъ еще не мало портятъ воздухъ множество различныхъ сушиленъ, коптиленъ, мыльныхъ, свѣчныхъ и другихъ заводовъ.

Избіеніе лошадей произвело на насъ очень непріятное впечатлѣніе; при этомъ нужно прибавить, что этой страшной участи подвергаются только однѣ кобылы, которыхъ въ этой оргинальной странѣ, не знаю почему,

сильно презираютъ и преслѣдуютъ. Здѣсь считается смѣшнымъ даже ѣздить на кобылахъ, а потому ихъ убиваютъ, оставляя очень ограниченное число для размноженія. Загоны, или корали, устроены на саладеро нѣсколько иначе, чѣмъ на матадеро. Они состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей, соединенныхъ узенькимъ коридорчикомъ, въ которомъ могутъ помѣститься въ рядъ не болѣе трехъ или двухъ лошадей.

Въ большомъ отдѣленіи этихъ загоновъ помѣщалась масса дикихъ кобылъ, назначенныхъ для избіенія; красивыя животныя съ трепетомъ ждали здѣсь своей ужасной очереди пасть подъ ударомъ молотка; меньшее отдѣленіе загоновъ, въ концѣ нѣсколько съуживается и оканчивается воротами съ перекладиною, въ которыхъ вращается большой горизонтальный блокъ съ продѣтымъ въ него крѣпкимъ, толстымъ и длиннымъ лассо, одинъ конецъ котораго, находящійся въ загонѣ, заканчивался широкою петлею, между тѣмъ какъ другой—привязанъ къ сѣдлу, сильной, крѣпкой лошади, на которой возсѣдалъ, покрытый запекшеюся кровью и грязью, гаучо. Вся операція избіенія несчастныхъ, беззащитныхъ животныхъ производится въ слѣдующемъ порядкѣ: изъ большаго отдѣленія загона выгоняютъ черезъ корридорчикъ въ меньшее—опредѣленное число лошадей, послѣ чего ихъ сейчасъ же отдѣляютъ отъ корридора крѣпкими воротами; послѣдній между тѣмъ быстро наполняется новыми жертвами, выгнанными изъ большаго отдѣленія, и закрывается со стороны его не менѣе крѣпкими воротами, чтобы не позволить несчастнымъ животнымъ избѣжать своей ужасной участи.

Между тѣмъ кобылы, наполнявшія меньшее отдѣленіе, истреблялись, по очереди, съ удивительнымъ проворствомъ и искусствомъ; у воротъ, съ перекладиною на верху съ врѣзаннымъ въ ней горизонтальнымъ блокомъ, стоялъ на устроенныхъ подмосткахъ гаучо, съ разбойничьей физіономіею, которая со-

вершенно совпадала съ его ужасной профессіею; онъ съ необыкновенною быстротою набиралъ въ чистую бухту конецъ лассо, обращенный къ перепуганнымъ, дрожащимъ лошадямъ, и съ удивительною ловкостью набрасывалъ страшную петлю на шеи ближайшихъ жертвъ. Иногда петля захватывала одну лошадь, иногда двѣ и даже три; по крику этого главнаго истребителя несчастныхъ животныхъ, гаучо, сидѣвшій на лошади, къ сѣдлу которой прикрѣпленъ внѣшній конецъ ужаснаго аркана, шпорилъ своего сильнаго, привычнаго скакуна, и двѣ или три кобылы моментально были подтянуты къ извѣстной перекладинѣ, замѣняющей несчастнымъ животнымъ плаху.

Лишенныя всякаго сопротивленія, полузадушенныя, съ налитыми кровью глазами, судорожно бились несчастныя жертвы, пытаясь, но тщетно, освободиться отъ страшной петли, которая, сильнѣе и сильнѣе, стягивала ихъ красивыя шеи; но гаучо, забрасывающій лассо, не дремалъ: быстро и ловко наносилъ онъ въ лобъ каждой жертвы по сильному удару небольшимъ молоткомъ—и все было кончено... Ни вздоха, ни капли крови! Слышался только непріятный трескъ проломленныхъ череповъ и моментально огонь, горѣвшій въ воспаленныхъ глазахъ жертвъ, потухалъ, какъ затушенная свѣча, и прекрасныя животныя, полныя силы, превращались въ безжизненные трупы. Послѣдніе съ быстротою опускались на подъѣхавшую подъ перекладину по проложеннымъ рельсамъ телѣгу и отвозились въ сторону; здѣсь они сваливались и попадали подъ ножи мясниковъ, которые съ необыкновенною ловкостью сдирали съ нихъ шкуру и превращали въ скелеты. Между тѣмъ гаучо, стоящій на подмосткахъ, продолжалъ забрасывать вѣрною рукою свою роковую петлю на шеи несчастныхъ животныхъ, которыя, одно за другимъ, падали подъ сильными ударами молота и превращались въ трупы.

Общая картина саладеро ужасна, тѣмъ болѣе для

европейца, не привыкшаго къ подобному убійству прекрасныхъ животныхъ, которыя могли бы имѣть совершенно другое назначеніе, чѣмъ пасть на плахѣ подъ ударомъ жестокаго гаучо и превратиться черезъ нѣсколько времени въ сало, свѣчи, мыло, кожи, клей, жилы, султаны и т. п.

Жалко, тяжело смотрѣть на столпившихся, дико озирающихся красивыхъ, стройныхъ животныхъ, съ ужасомъ пригибающихъ свои гордыя, граціозныя головы подъ ужасною петлею лассо; они, какъ будто, сознаютъ ожидающую ихъ участь, бьются въ загонѣ, какъ бѣшеныя, вздымаются на дыбы и жалобно ржутъ. Съ горящими, воспаленными глазами, съ раздутыми ноздрями, покрытыми малиновыми пятнами, съ дрожащими ногами и навостренными ушами ждутъ они съ трепетомъ своей ужасной очереди—пасть подъ ударомъ молотка свирѣпаго гаучо... А роковая петля, между тѣмъ, дѣлаетъ свое страшное дѣло; брошенная ловкою рукою, свиститъ, гудитъ она въ воздухѣ и падаетъ на шеи слѣдующей и слѣдующей жертвы.

На саладеро лошади чрезвычайно дешевы; здѣсь можно пріобрѣсть за какіе нибудь тридцать, сорокъ франковъ славнаго, сильнаго скакуна, за котораго въ Европѣ дали бы тысячу и болѣе рублей; но скакуна этого нужно еще объѣздить, потому что онъ еще незнакомъ ни съ сѣдломъ, ни съ уздой. Выѣздкой дикихъ лошадей занимаются тутъ же; за нѣсколько франковъ вамъ укротятъ скакуна въ два, три пріема, и вы смѣло можете поставить его хоть подъ дамское сѣдло.

При укрощеніи дикой, молодой лошади гаучо выказываетъ все свое необыкновенное искусство въ верховой ѣздѣ, всю ловкость и неустрашимость. Его продѣлки при выѣздѣ лошади замѣчательны; самый дикій скакунъ, незнакомый ни съ сѣдломъ, ни съ уздой, черезъ нѣсколько времени дѣлается покорнымъ, смирнымъ животнымъ, на которомъ безопасно можетъ про-

катиться даже ребенокъ. Пріемы, употребляемые гаучо при укрощеніи лошадей такъ замѣчательны, что грѣшно не дать о нихъ хотя бы нѣкоторое понятіе.

Предположимъ, что лошадь выбрана и сторгована; остается ее только укротить. Тогда входитъ гаучо одинъ, съ лассо въ рукахъ, въ загонъ, и забрасываетъ свой арканъ на замѣченное животное такъ, чтобы онъ стянулъ ея переднія ноги, что, разумѣется, сдѣлать не легко. Дикое животное бросается отъ страху въ сторону, думая освободиться отъ стягивающей петли, но этимъ, напротивъ, еще болѣе затягиваетъ ее и, лишившись свободы двухъ ногъ, тяжело падаетъ на землю. Гаучо не дремлетъ: живо подбѣгаетъ онъ къ барахтающейся лошади, крѣпко затягиваетъ ея переднія ноги, обводитъ затѣмъ лассо вокругъ одной изъ заднихъ ногъ, немного выше копыта, сильно притягиваетъ ее къ переднимъ и такимъ образомъ, черезъ нѣсколько секундъ у лошади, оказывается связанными три ноги. Въ такомъ положеніи она не въ состояніи нанести рѣшительно никакого вреда, и гаучо можетъ дѣлать съ ней что захочетъ. Нисколько не медля, садится онъ на шею животнаго и одѣваетъ ему особенную узду, употребляемую только при укрощеніи дикихъ лошадей. Для устройства подобной узды, у гаучо имѣется при себѣ два крѣпкихъ повода, съ кольцами на концахъ, и тонкій, но чрезвычайно крѣпкій, ремешокъ, который онъ продѣваетъ черезъ кольца и нѣсколько разъ обматываетъ имъ кругомъ нижней челюсти и языка животнаго, такимъ образомъ, чтобы повода пришлись на своемъ мѣстѣ.

Когда подобная узда готова, то гаучо связываетъ переднія ноги лошади крѣпкимъ ремнемъ, но такъ, чтобы, сидя на ней, легко можно было бы его развязать; для этого ремень завязывается петлею, причемъ одинъ конецъ его, составляющій самую петлю, оставляется такой длины, чтобы всадникъ, не нагибаясь, могъ держать его въ рукѣ.

Затѣмъ лассо, стягивающій три ноги животнаго, снимается и лошадь, хотя съ большимъ трудомъ, понуждается подняться на ноги. Послѣ этого выводятъ лошадь изъ загона и начинается самый трудный процессъ- осѣдлываніе. Одинъ гаучо держитъ скакуна за узду, а другой—начинаетъ надѣвать сѣдло и подтягивать подпругу; при осѣдлываніи, дикое животное, чувствуя, что его стягиваютъ поперекъ живота, начинаетъ биться, лягаться, кататься по землѣ, думая этимъ освободиться отъ стягивающей его подпруги; но напрасно: гаучо бьютъ его и заставляютъ встать опять на ноги.

Когда лошадь осѣдлана, то укротитель садится въ сѣдло, но такъ осторожно, чтобы животное, имѣя переднія ноги крѣпко связанными, не потеряло равновѣсіе и не свалилось бы раньше, вмѣстѣ съ всадникомъ, на землю. Но вотъ гаучо уже на лошади, дрожащей отъ страха и гнѣва; твердо усѣлся онъ въ сѣдлѣ и развязываетъ ремень, стягивающій ея переднія ноги. Почувствовавъ себя свободнымъ, скакунъ, молніей, бросается впередъ, дѣлаетъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ, желая освободиться отъ непривычной тяжести, падаетъ на землю, думая смять подъ собой смѣлаго укротителя, вздымается на дыбы, опрокидывается, словомъ, употребляетъ всевозможныя уловки, чтобы только избавиться отъ всадника и сѣдла.

Нельзя не удивляться при этомъ необыкновенному хладнокровію гаучо, его удивительной ловкости и искусству! Вотъ лошадь взвилась на дыбы и опрокидывается... Еще моментъ и гаучо долженъ былъ бы превратиться въ кусокъ окровавленнаго мяся; но не успѣетъ еще пройти этотъ страшный моментъ, какъ уже укротитель стоитъ на ногахъ, здравъ и невредимъ, хладнокровный и спокойный, а дикій скакунъ имѣетъ подъ собой только одно сѣдло. Съ бѣшенствомъ отъ неудачи, какъ молнія, вскакиваетъ лошадь на ноги и думаетъ въ бѣгствѣ найти спасеніе отъ своего врага;

но гаучо уже давно на ней и ловкою, твердою, спокойною рукою сдерживаетъ ея бѣшенные порывы.

Долго еще происходитъ энергичная борьба между дикимъ, гордымъ животнымъ и человѣкомъ, и наконецъ первое покоряется волѣ послѣдняго; но до этого момента оно употребляетъ страшныя усилія, чтобы избѣжать позора и освободиться отъ рабства; но всѣ эти усилія разбиваются однимъ движеніемъ руки гаучо, какъ морскія волны объ утесистый берегъ.

Горячій скакунъ, замѣтя свое безсиліе сбросить съ себя ловкаго всадника, съ ужасомъ бросается скакать во весь опоръ, думая хотя бы быстротою своего бѣга избавиться отъ гаучо, но напрасно: укротитель позволяетъ нестись своей лошади до тѣхъ поръ, пока она не обезсилитъ и тогда только заставляетъ слушать узду, заставляетъ покориться своей волѣ и съ торжествомъ поворачиваетъ укрощенное животное къ тому мѣсту, откуда оно начало свой бѣшенный бѣгъ. Обыкновенно, послѣ перваго укрощенія, лошадь бываетъ до того измучена, что едва шевелитъ ногами и тутъ-то поневолѣ покоряется малѣйшей волѣ своего укротителя.

Послѣ двухъ, трехъ подобныхъ пріемовъ, лошадь уже окончательно будетъ усмирена; но затѣмъ еще нужно ее пріучить къ желѣзнымъ удиламъ, что чуть ли не труднѣе самого укрощенія скакуна. Гаучо все это вамъ сдѣлаетъ за нѣсколько франковъ и въ очень короткое время.

Для продажи на саладеро держится нѣсколько славныхъ жеребцовъ; но если вамъ вздумается пріобрѣсть кобылу (разумѣется за безцѣнокъ), то не совѣтую сѣсть на нее верхомъ: при первой встрѣчѣ съ посторонними, васъ осмѣютъ, а мальчишки такъ закидаютъ еще грязью, потому что, какъ я уже говорилъ, кобылы не пользуются въ Ла-Платѣ никакимъ уваженіемъ и считается даже неприличнымъ (?) сѣсть на нее верхомъ. Что-жъ станете дѣлать, такой ужъ у жителей предразсудокъ!

Кобылъ даже здѣсь нѣтъ обыкновенія объѣзжать, и онѣ всю свою жизнь не вѣдаютъ, что такое значитъ сѣдло и узда...

Однако, бросимъ послѣдній взглядъ на саладеро; страшная работа кипитъ здѣсь съ ужасающею быстротою. Одни работники сдираютъ шкуру, другіе—отдѣляютъ мясо отъ костей, третьи—складываютъ въ громадные кучи конскіе хвосты, четвертые—копошатся у груды костей; словомъ, у всякаго есть здѣсь свое дѣло, которое спорно кипитъ въ ловкихъ и искусныхъ рукахъ...

На другомъ саладеро мы присутствовали при боѣ быковъ, произведшемъ на насъ нѣсколько лучшее впечатлѣніе, потому что избіеніе этихъ животныхъ было въ нашихъ глазахъ очень обыкновенною вещью. Процессъ истребленія быковъ почти тотъ же, какъ и лошадей, только разница въ томъ, что ихъ не били по лбу молотками, а ловко вонзали между рогами ножъ. Подобный ударъ наносимъ былъ, облитымъ кровью, гаучо такъ ловко, хладнокровно и искусно, что жертва, какъ пораженная моліей, испускала духъ моментально. На этомъ саладеро кровь лилась ручьями, и работники, отъ перваго до послѣдняго, были облиты ею съ головы до ногъ, какъ будто они только что выкупались въ ней или вылѣзли изъ внутренностей распоротаго быка. Работа людей ужасна: тѣло ихъ постоянно наклоняется надъ жертвой, руки погружены еще въ трепещущее мясо, ноги плаваютъ въ крови; но они такъ привыкли къ подобной рѣзнѣ, что она доставляетъ имъ удовольствіе, дѣлается ихъ страстью.

Собранныя бычачьи кожи обмываются въ разсолѣ и развѣшиваются, отдѣленные отъ костей куски мяса распластываются, обмываются въ бассейнѣ съ водою, укладываются въ особыхъ складахъ и пересыпаются затѣмъ солью; рога освобождаются отъ ихъ чешуйчатой оболочки и складываются въ громадныя горы; сло-

вомъ, каждый занятъ здѣсь извѣстнымъ дѣломъ и извлекаетъ изъ всего какую нибудь вещественную выгоду.

Распластанные куски мяса остаются сложенными въ колоссальныхъ складахъ до тѣхъ поръ, пока изъ нихъ не вытечетъ вся кровь; затѣмъ ихъ развѣшиваютъ на солнцѣ и сушатъ, и въ этомъ уже видѣ вывозятъ за границу.

Изъ жирныхъ частей животныхъ добываютъ на саладеро сало, изъ ногъ—горючее масло, изъ обрѣзковъ кожи—клей, словомъ, все до малѣйшей части идетъ здѣсь въ дѣло, и убиваемые быки и лошади приносятъ людямъ самую полную пользу, какую только можно изъ нихъ извлечь. Владѣтели саладеро богатѣютъ въ ужасныхъ размѣрахъ, и потому немудрено, что они платятъ своимъ работникамъ необыкновенно щедро; тутъ есть такіе люди, которые за шесть или за семь часовъ работы получаютъ отъ двадцати пяти до тридцати франковъ. Кушъ, какъ видите, порядочный, но за то работу нельзя назвать легкою; многіе не согласятся получать въ четыре раза больше, чтобы только не купаться цѣлый день въ крови и не видѣть предсмертныхъ мукъ животныхъ.

Къ подобной ужасной работѣ можно привыкнуть только развѣ съ малолѣтства, а потому большая часть работниковъ на саладеро и матадеро непремѣнно гаучо. Нерѣдко даже видишь здѣсь множество мальчишекъ, дѣтей гаучо, копошащихся въ крови и пробующихъ надъ распростертымъ трупомъ свои небольшіе, но хорошо отточенные ножи. Поэтому не мудрено, что они со временемъ будутъ самыми хладнокровными. жестокими истребителями быковъ и лошадей, и въ искусствѣ наносить хорошіе удары не уступятъ своимъ отцамъ и дѣдамъ. Не мудрено также и то, что подобные мясники вонзятъ, при случаѣ, свой ножъ, вмѣсто быка или лошади, въ бокъ или спину человѣка, чѣмъ нибудь ихъ обидѣвшаго или разсердившаго. Эта

страшная привычка къ виду крови очень пагубна для аргентинскихъ жителей, горячихъ и неукротимыхъ; убійства здѣсь очень обыкновенны, и убить человѣка считается чуть-ли даже не проще, чѣмъ убить быка или лошадь. Изъ за самой пустой вещи сверкаютъ здѣсь ножи, и кровь льется какъ вода; изъ за самой пустой ссоры аргентинцы готовы бы срѣзать другъ другу головы, распороть грудь, животъ и изуродовать до высшей степени. Здѣсь обращаютъ на эти кровавыя драки меньше вниманія, чѣмъ мы—на драку двухъ какихъ нибудь псовъ; у насъ непремѣнно употребятъ какія нибудь мѣры, чтобы охладить пылъ и горячность двухъ разъярившихся животныхъ: обольютъ, напримѣръ, холодной водою, или безъ дальнѣйшей церемоніи разгонятъ хорошими ударами палки, или же, наконецъ, растащатъ за ховсты. Между тѣмъ, въ этой оригинальной странѣ всякая кровавая драка доставляетъ всѣмъ самое лучшее наслажденіе, пріятное зрѣлище и развлеченіе. Вмѣсто того, чтобы постараться успокоить дерущихся, ихъ напротивъ поощряютъ, подстрекаютъ, громко хвалятъ хорошіе удары, даже аплодируютъ имъ, хулятъ—худые, жадно ожидаютъ первой крови, словомъ, выказываютъ къ подобнымъ дракамъ полное сочувствіе. Если случится, что одинъ изъ дерущихся положитъ на мѣстѣ хорошимъ ударомъ ножа своего противника, то раздаются восторженные аплодисменты, сопровождаемые какимъ-то ревомъ, похожимъ на яростное рычаніе кровожаднаго, голоднаго звѣря, увидѣвшаго кровь и хорошій кусокъ еще трепещущаго мяса. Побѣжденнаго въ этомъ случаѣ зарываютъ, обыкновенно, какъ собаку, тутъ же и не иначе вспоминаютъ о немъ, какъ съ презрѣніемъ, а побѣдителя съ торжествомъ носятъ на рукахъ и наконецъ скрываютъ отъ карающей руки правосудія. Странно то, что даже самые почтенные граждане Аргентинской республики всегда почти помогаютъ убійцѣ скрыться отъ преслѣдованія полиціи, потому что, по ихъ мнѣнію, человѣкъ, убивая, грѣшитъ не противъ

общества, а противъ правительства, и общество поэтому не должно преслѣдовать убійцу.

Какъ ни странны подобныя вещи, однако онѣ совершенно справедливы; можетъ быть со временемъ нравы жителей измѣнятся нѣсколько къ лучшему, но въ настоящее время они удивительно развращены. Особенно большой упадокъ нравовъ произошелъ въ правленіе тирана Розаса, и до сихъ поръ жители не могутъ подняться изъ того омута, въ который спихнулъ ихъ этотъ отвратительный убійца и извергъ...

Осмотрѣвъ въ тончайшихъ подробностяхъ всѣ учрежденія саладеро, надышавшись вдоволь испорченною атмосферою этихъ ужасныхъ боенъ, мы вернулись въ Баррагапъ, чтобы немного отдохнуть отъ тяжелаго зрѣлища и закусить послѣ продолжительной прогулки въ одной изъ пульперій.

Большую часть жителей этого мѣстечка, какъ я уже говорилъ, составляютъ, переселившіеся сюда съ Пиринейскихъ горъ, баски и беарнцы; они сохранили здѣсь свои природные обычаи, свой языкъ и національный костюмъ, состоящій. у женщинъ, изъ шерстяной. короткой юбки, узкаго корсажа, открытаго лифа, обнаруживающаго изящныя роскошныя формы, и наконецъ изъ беррета (ихъ національный головной уборъ). Мужчины же, занимающіеся постоянно переноскою товаровъ или же какими нибудь работами, на салодеро одѣваются въ мѣстный костюмъ, болѣе удобный для работы, и только по воскресеньямъ наряжаются въ свою національную одежду. Баски и беарнцы чрезвычайно трудолюбивы, экономны и представляютъ самое честное и промышленное населеніе буеносъ-айресскихъ окрестностей...

Послѣ матадеро и саладеро мы посѣтили и другія болѣе или менѣе замѣчательныя окрестности столицы, изъ которыхъ особенно достойны вниманія путешественниковъ Чакарита и Палермо.

Чакарита лежитъ отъ Буеносъ-Айреса почти въ десяти верстахъ; здѣсь находятся величественныя раз-

валины роскошнаго зданія, окруженныя прекраснымъ персиковымъ лѣсомъ. Зданіе это было построено католическими миссіонерами, первыми просвѣтителями этой страны, замѣчательными поборниками вѣры и истинными учителями дикихъ народовъ, кочующихъ по неизмѣримымъ пампасамъ Южной Америки. Съ крестомъ въ рукѣ, съ любовью къ Богу въ сердцѣ, съ душеспасительными, теплыми и святыми словами на устахъ, эти истинные учителя вѣры проникали въ самыя глухія, неизвѣстныя мѣста, съ жаромъ проповѣдывали новое ученіе среди самыхъ дикихъ индѣйскихъ племенъ и приносили правительству несравненно больше пользы и покоряли индѣйцевъ съ крестомъ въ рукѣ и кротостью гораздо скорѣе, чѣмъ испанскіе губернаторы, которые, во главѣ сильнаго войска, съ оружіемъ въ рукахъ, проповѣдывали своимъ примѣромъ среди этихъ дикихъ племенъ—убійство, грабежъ, месть, ненависть и жестокость! Католическіе миссіонеры (не слѣдуетъ смѣшивать ихъ съ настоящимъ католическимъ духовенствомъ, которое проникнуто грубымъ фанатизмомъ, невѣжествомъ, суевѣріемъ и многими другими пороками, не позволяющими имъ заняться духовнымъ просвѣщеніемъ страны), проникнувъ въ дикія страны, строили, въ знакъ примиренія, въ разныхъ мѣстахъ сперва небольшія часовни, возлѣ которыхъ вскорѣ появлялись прекрасный садъ, обработанныя поля, гумна, житницы и, наконецъ, когда средствъ было достаточно, они строили здѣсь прекрасныя зданія, развалины которыхъ и въ настоящее время приводятъ путешественниковъ въ восторгъ. Миссіонеры собственноручно обрабатывали землю, занимались скотоводствомъ и научили индѣйцевъ пахать, сѣять и ходить за скотомъ; они наконецъ распространяли торговлю, прокладывали дороги и вообще принесли Южной Америкѣ громадную пользу. По обѣимъ сторонамъ Андовъ и рѣки Ла-Платы католическіе миссіонеры были первыми земледѣльцами и первыми эстансіонерами! Чакарита именно представ-

ляетъ одно изъ тѣхъ прекрасныхъ зданій, воздвигнутыхъ нѣкогда миссіонерами въ пустынныхъ неизмѣримыхъ пампасахъ Южной Америки; обширный кирпичный корпусъ съ четыреугольнымъ патіо, или дворомъ, окруженный арками, представляетъ величественную груду развалинъ; при входѣ въ эти грустные останки, нѣкогда прекраснаго зданія, находится небольшая часовня, находящаяся въ жалкомъ состояніи но тѣмъ не менѣе развалины которой краснорѣчиво говорятъ о ея прежней красотѣ и величіи.

Аргентинскіе правители, отмѣнившіе ученіе іезуитовъ (миссіонеры были этого ордена) и изгнавшіе ихъ изъ своей страны (при Розасѣ), не хотѣли заимствоваться и ихъ архитектурою, и годъ за годъ Чакарита постепенно превращалась въ то, что представляетъ онъ въ настоящее время, то есть въ грустныя, но величественныя и достойныя вниманія путешественниковъ, развалины...

Прогулка въ Палермо, прежнюю резиденцію Розаса, была еще интереснѣе.

Палермо соединенъ съ Буеносъ-Айресомъ прекраснымъ шоссе, идущимъ вдоль берега Ріо-де-ла-Платы и окаймленнымъ съ одной стороны зелеными лугами, простирающимися вплоть до рѣки, а съ другой—густо разросшимися прекрасными садами, среди которыхъ виднѣются великолѣпныя дачи или квинты партеносовъ и богатыхъ иностранцевъ.

Палермо—называется огромный садъ, похожій скорѣе на лѣсъ, нѣкогда разведенный Розасомъ; при входѣ въ него стоитъ полуразвалившійся одноэтажный домъ, служившій въ былое время тирану постояннымъ жилищемъ, и въ которомъ, со времени его паденія, никто еще не рѣшился пожить, потому что каждый считалъ, даже въ настоящее время, для себя позорнымъ поселиться тамъ, гдѣ нѣкогда безчинствовалъ извергъ Розасъ, о которомъ аргентинцы вспоминаютъ не иначе какъ съ проклятіями и ужасомъ, хотя въ былое время

большая часть ихъ боготворила его, поклонялась ему какъ Богу [1]), прославляла его, какъ героя и генія...

Судя по развалинамъ, дворецъ Розаса былъ въ свое время образцомъ архитектурнаго искусства, изящнѣйшимъ произведеніемъ итальянскихъ архитекторовъ, выписанныхъ тираномъ изъ Европы, для постройки этого зданія.

Прекрасная, еще достаточно сохранившаяся, каменная галерея, съ полукруглыми арками, окружаетъ низенькій корпусъ главнаго зданія, почти совершенно скрытаго отъ постороннихъ глазъ густо разросшимися ліанами, которыя, какъ змѣи, обвиваютъ его со всѣхъ сторонъ и нѣсколько скрываютъ то разрушеніе и опустошеніе, ту мерзость и запустѣніе, которыя произведены были въ зданіи не столько временемъ и непогодою, сколько человѣческими руками и неблагопристойностью. Лѣтъ двадцать тому назадъ, на мѣстѣ этихъ печальныхъ развалинъ стоялъ раскошнѣйшій дворецъ, мимо котораго проходили всѣ, начиная отъ знатнѣйшаго и богатѣйшаго гражданина и кончая послѣднимъ воромъ и убійцей, съ ужасомъ, почтеніемъ, подобострастіемъ и даже благоговѣніемъ; между тѣмъ въ настоящее время тѣ же самые люди проходятъ мимо этого, нѣкогда страшнаго и роковаго зданія съ презрѣніемъ, съ проклятіями на устахъ и относятся къ своему бывшему кумiру съ презрѣніемъ и ненавистью.

Всѣ стѣны дворца Розаса, внутреннія и внѣшнія, украшены многочисленными подписями посѣтителей, краснорѣчиво высказывающими ихъ чувства къ свергнутому тирану, и, нужно сознаться, чувства весьма недружелюбныя.

Внутренность дворца имѣетъ чрезвычайно жалкій и унылый видъ: дорогіе, нѣкогда изящнѣйшіе, обои висятъ клочьями; двери краснаго дерева разломаны или сорваны даже совсѣмъ съ петель; окна выбиты; камины

---

[1]) Историческій фактъ.

изъ бѣлаго мрамора разбиты; стѣны украшены неприличными надписями и пропитаны сыростью и грязью. Словомъ, все краснорѣчиво говоритъ о томъ страшномъ опустѣніи, въ которомъ находится въ настоящее время, нѣкогда великолѣпнѣйшій дворецъ.

Прилежащій къ нему паркъ представляетъ почти то же запустѣніе и разрушеніе, а между тѣмъ въ былое время онъ стоялъ въ ряду лучшихъ европейскихъ парковъ.

Розасъ, по прихотливой своей натурѣ, построилъ Палермо на ла-Платѣ; множество тысячъ возовъ земли и камней образовали въ рѣкѣ прелестный полуостровъ, на которомъ диктаторъ развелъ свой паркъ, стоившій ему много трудовъ.

Близъ парка лежитъ груда развалинъ казармъ, въ которыхъ при Розасѣ жили три тысячи, такъ называемой, преторіанской стражи или его тѣлохранителей, которые исполняли, по прихоти своего повелителя, то должность солдатъ, то садовниковъ, то ликторовъ, то палачей или наконецъ, убійцъ. Эти „три тысячи“ были составлены изъ самаго отъявленнаго сброда мошенниковъ, воровъ и убійцъ, которымъ Розасъ давалъ у себя пріютъ, одѣвалъ, кормилъ и хорошо платилъ, но только требовалъ отъ нихъ, чтобы они безпрекословно исполняли его волю и малѣйшія желанія.

Розасъ лелѣялъ свой паркъ, какъ дорогое дѣтище, но все-таки не могъ сохранить его въ полной своей красѣ. Разсказываютъ про него, что желая предохранить свои алеи отъ порчи, онъ прибѣгалъ иногда къ очень оригинальнымъ выходкамъ. Такъ напримѣръ, ему сильно хотѣлось сохранить въ полномъ блескѣ и красотѣ свои апельсинныя аллеи, а между тѣмъ на листьяхъ этихъ деревьевъ появилась ржавчина, отъ которой они начали постепенно пропадать. Для исполненія задуманной цѣли, онъ закупилъ въ Буеносъ-Айресѣ рѣшительно всѣ, находящіяся въ магазинахъ зубныя и ногтевыя щетки, вооружилъ ими своихъ тѣлохранителей

и вмѣнилъ имъ въ обязанность счистить эту ржавчину во что бы то ни стало. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней ржавчины на листьяхъ апельсинныхъ деревьевъ какъ бы и не бывало; но, къ несчастью она, появилась вскорѣ опять, и какъ Розасъ ни бился вмѣстѣ съ своими солдатами, но ничего не могъ подѣлать съ природою, оказавшеюся, къ крайнему не удовольствію тирана, могущественнѣе его, и большая часть прекрасныхъ апельсинныхъ деревьевъ, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры, все-таки погибла.

Въ другой разъ онъ узналъ, что муравьи портятъ въ его паркѣ кустарники; чтобы избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, Розасъ приказалъ собрать всѣхъ военноплѣнныхъ, которыхъ набралось до восьмисотъ человѣкъ, и заставилъ каждаго изъ нихъ, подъ страхомъ жестокаго наказанія и даже смерти, поймать муравьевъ не менѣ какъ полную бутылку, которыя и были выданы имъ на руки.

Черезъ нѣсколько дней муравьевъ какъ не бывало и кустарники преспокойно начали разростаться и хорошѣть.

Эти два факта ясно показываютъ эксцентричность Розасовой натуры, натуры весьма замѣчательной, но, къ несчастью, еще не описанной. Хотя и брался Густавъ Эмаръ въ своихъ историческихъ романахъ „Rosas“ и „Mas horca“ дать свѣдѣнія объ этомъ весьма замѣчательномъ субъектѣ но, къ несчастью, онъ смотритъ на его дѣла слишкомъ слабо и не упоминаетъ множество особенно характеристическихъ его чертъ и чертъ весьма замѣчательныхъ. Кромѣ того, Эмаръ выставляетъ его въ несравненно лучшемъ видѣ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. По мѣстнымъ историческимъ документамъ и по преданію, Розасъ былъ тираномъ первой статьи, и самые старинные римскіе тираны, какъ-то: Неронъ, Калигула и другіе, не годятся ему въ подметки. Въ его диктаторство, Буеносъ-Айресъ походилъ на огромный саладеро, а самъ Розасъ на

облитаго кровью гаучо, закидывающаго свой страшный лассо на избранныя головы жертвъ...

Въ Палермо достоинъ вниманія прекрасный бассейнъ, окруженный мраморными лѣсенками и прикрытый густымъ сводомъ благоухающихъ деревьевъ; бассейнъ этотъ служилъ нѣкогда купальнею, прекрасной дочери Розаса—Мануэлѣ, которая была на столько же добра, великодушна, благородна, кротка и мила, насколько отецъ ея былъ золъ, неумолимъ, неукротимъ, дикъ, свирѣпъ и жестокъ.

Замѣчательно въ характерѣ Розаса то, что онъ обращался со своею единственною дочерью довольно хорошо и по возможности старался при ней сдерживать свои дикіе порывы страсти. Вообще Мануэла считалась добрымъ геніемъ Палермо, и большая часть аллей даже и до настоящаго времени носитъ ея имя. Аргентинцы вспоминаютъ объ этомъ добромъ ангелѣ не иначе, какъ съ уваженіемъ, любовью и восторгомъ...

Вдоволь нагулявшись по заброшенному, но все еще прекрасному парку, мы отправились на одну изъ ближайшихъ эстанцій, лежащую отъ города не болѣе какъ въ тридцати верстахъ.

Дорога все время шла по неизмѣримымъ лугамъ и изрѣдка только ровная мѣстность пересѣкалась небольшимъ ручейкомъ или же приподымалась и образовывала небольшую возвышенность, на которой непремѣнно красовалась небольшая группа разнообразныхъ деревьевъ. Иногда попадались намъ *венты*, въ родѣ жидовскихъ корчмъ, окруженныя густою зеленью, въ тѣни которой отдыхали проѣзжіе путешественники, купцы или гаучо, и съ удовольствіемъ попивали общеупотребляемый парагвайскій чай или мате.

Венты своимъ наружнымъ видомъ много походили на жидовскія корчмы; вѣроятно и внутренность ихъ, судя по наружности, не уступала послѣднимъ въ неопрятности и грязи, а потому мы опасались заѣхать

въ одинъ изъ подобныхъ пріютовъ путешественниковъ и оставляли ихъ въ сторонѣ.

Иногда мы перегоняли или же встрѣчали громадные караваны гигантскихъ фуръ, число которыхъ доходило до двадцати и тридцати штукъ. Онѣ двигались точно по рельсамъ, одна за другою, по глубокой и широкой колеѣ, проложенной, можетъ быть, тысячью другими фурами, двигались съ страшнымъ скрипомъ и шумомъ. Подобные караваны имѣютъ очень эффектный видъ; смотря на ихъ громадныя фуры, нагруженныя всякою всячиною, на множество длиннорогихъ, сильныхъ быковъ, на верховыхъ гаучо, служащихъ защитою каравану отъ нападенія дикихъ звѣрей и индѣйцевъ, на возницъ съ ихъ гигантскими кнутами и даже на женщинъ, сопутствующихъ своимъ мужьямъ въ продолжительномъ путешествіи, невольно приходитъ въ голову, что видишь передъ собою переселеніе какого нибудь библейскаго патріарха въ обѣтованную землю.

Если смотрѣть на подобный караванъ съ какой нибудь возвышенности, то кажется, что видишь передъ собою громадную, извивающуюся змѣю, которая съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу и съ какою-то торжественною важностью подвигается впередъ. И дѣйствительно, подобные караваны двигаются съ удивительною медленностью и торжественностью, точно какая нибудь похоронная процессія; они проходятъ обыкновенно въ день не болѣе двадцати или тридцати верстъ. Каждый вечеръ караванъ останавливается на ночлегъ, причемъ беретъ всѣ предосторожности противъ двухъ страшныхъ своихъ враговъ: индѣйцевъ и хищныхъ звѣрей. Поставленныя въ кругъ фуры представляютъ противъ этихъ враговъ довольно сильное укрѣпленіе, за которымъ легко выдержать нападеніе толпы дикихъ индѣйцевъ; внутри этого укрѣпленія разводится обыкновенный огромный костеръ, который пугаетъ ночью хищныхъ звѣрей и заставляетъ ихъ держаться отъ ка-

равана въ почтительномъ разстояніи. Обыкновенно этотъ костеръ поддерживается до самаго разсвѣта; всѣ находящіеся при обозѣ спятъ или въ фурахъ, или же, если погода позволяетъ, около огня, но непремѣнно головами къ нему, чтобы при первомъ открытіи глазъ обозрѣть передъ собою все окружающее...

Черезъ два часа довольно скорой ѣзды мы въѣхали въ предѣлы эстанціи, цѣли нашей прогулки. Кругомъ зазеленѣли тучныя пастбища, на которыхъ тамъ и сямъ паслись громадныя стада быковъ, лошадей и овецъ. Смотря на эти безчисленныя стада, число головъ въ которыхъ доходило до нѣсколько тысячъ, невольно удивляешься, какимъ образомъ эстансіонеры слѣдятъ за своимъ громаднымъ богатствомъ, какъ его сохраняютъ и пересчитываютъ, чтобы удостовѣриться о прибыли или убыли.

Обыкновенно на каждой эстанціи есть старшій пастухъ или капатацъ, подъ вѣдѣніемъ котораго находится весь рогатый скотъ, лошади и овцы, пасущіяся на пастбищахъ этой эстанціи, а также и всѣ пастухи, которыхъ обыкновенно назначаютъ только по одному на тысячу головъ. Безъ сомнѣнія, трудно одному услѣдить за такимъ огромнымъ количествомъ скота, разбредшимся въ разныя стороны, но гаучо на своемъ быстромъ конѣ поспѣваетъ повсюду, и ни одно животное изъ его стада не затеряется, и только въ рѣдкихъ случаяхъ которое нибудь изъ нихъ послужитъ хорошею закускою какому нибудь хищному звѣрю.

Пастухи обыкновенно разъѣзжаютъ вокругъ своихъ стадъ съ собаками и не позволяютъ ему расходиться, а также наблюдаютъ, чтобы ни одно животное не перешло границу хозяйской эстанціи, не затерялось бы въ чужія стада; впрочемъ, если бы какое нибудь животное и попало бы случайно въ чужое стадо, то его безъ особеннаго труда разыскиваютъ по выжженному на бедрѣ знаку. Гаучо, увидавъ въ своемъ стадѣ быка, лошадь или овцу съ чужимъ клеймомъ, непремѣнно

постарается, при первой возможности, возвратить животное по принадлежности, за что, разумѣется, сосѣди отплачиваютъ ему тѣмъ же. Такимъ образомъ изъ-за животныхъ не бываетъ здѣсь ни ссоръ, ни споровъ, и ни одинъ изъ эстанціонеровъ не подумаетъ даже присвоить себѣ скотину съ чужимъ клеймомъ.

Каждый вечеръ на ночлегъ, пастухи загоняютъ всѣ стада въ огороженное мѣсто, называемое „родео", а по утрамъ выгоняютъ ихъ опять на пастбище. Разумѣется, не легко собрать стадо въ нѣсколько тысячъ головъ въ одно мѣсто: но понемногу животныя до того свыкаются съ этимъ правиломъ, что сами обыкновенно при заходѣ солнца, инстинктивно, отправляются на ночлегъ въ родео, откуда выходятъ сами же съ зарею, и пастухамъ при этомъ нѣтъ никакой работы. Слѣдовательно, главныя хлопоты хозяйства на эстанціи заключаются въ томъ, чтобы понемногу приручать животныхъ, а также, время отъ времени, пересчитывать ихъ— съ цѣлью узнать объ убыли или прибыли. Конечно, не легко пересчитать стадо въ десять, пятнадцать и даже двадцать тысячъ головъ, но большихъ тонкостей въ счетѣ не требуютъ, а довольствуются приблизительнымъ числомъ; ничего не значитъ, если будетъ показано больше или меньше настоящаго на пятьдесятъ, сто и даже двѣсти головъ.

При счетѣ обыкновенно пользуются странною привычкою скота раздѣляться на небольшія кучки въ пятьдесятъ и семьдесятъ головъ; при каждой подобной кучкѣ есть непремѣнно представитель, около котораго группируются его товарищи; онъ отмѣченъ особеннымъ знакомъ, выжженнымъ на бедрѣ, рядомъ съ именемъ эстанціонера; кромѣ того, эти представители имѣютъ еще особенные наружные признаки, по которымъ гаучо можетъ легко и быстро разъискать ихъ въ стадѣ хоть въ двадцать тысячъ головъ. Куда идетъ подобный глава, туда толпится неразлучно и вся кучка, какъ добрые друзья. Случается, что буря или другое какое нибудь

обстоятельство разбиваетъ эти кучки; но какъ только кругомъ все успокоится, животныя находятъ своихъ товарищей среди десяти или пятнадцати тысячъ головъ и опять раздѣляются на неизмѣнныя кучки. Интересно знать, чѣмъ руководствуются они при розыскахъ своихъ товарищей и что именно служитъ имъ ихъ отличительнымъ признакомъ—наружность, запахъ или что другое...

Когда всѣ стада въ сборѣ, то прежде всего повѣряютъ: всѣ ли представители на лицо и, смотря, котораго изъ нихъ нѣтъ, приблизительно знаютъ, какое количество скота пропало, потому что число животныхъ въ каждой кучкѣ повѣряется разъ въ году и записывается.

Подобные приблизительные пересчеты стадъ эстанціи производятся обыкновенно отъ трехъ до четырехъ разъ въ недѣлю; въ это же время выбираютъ животныхъ для продажи и убоя...

Стада овецъ охраняются и пасутся собаками, и пастухи не вмѣшиваются въ управленіе этихъ смѣтливыхъ, преданныхъ животныхъ; при стадѣ въ сто, двѣсти овецъ находится, обыкновенно, одна или двѣ собаки, которыя съ удивительною добросовѣстностью охраняютъ ввѣренныхъ имъ животныхъ, не позволяютъ имъ разбрестся и заходить въ чужія владѣнія, словомъ, слѣдятъ за ними не хуже гаучо.

Собака съ любовью относится къ своимъ подданнымъ и готова жертвовать шкурою, даже жизнью, чтобы только не допустить какого звѣря, въ особенности свирѣпаго волка или дикой собаки, покуситься на одну изъ ввѣренныхъ ей овецъ.

Подобныя животныя-пастухи привыкаютъ къ своему дѣлу еще щенками, для чего ихъ отнимаютъ отъ матери и постепенно сближаютъ съ своими будущими друзьями и вмѣстѣ съ тѣмъ подданными. Щенку даютъ, взамѣнъ матери, овцу, которая и кормитъ своего будущаго повелителя; кромѣ того, дѣлаютъ ему въ

овчарнѣ изъ овечьей шерсти небольшую постельку, не позволяютъ играть съ другими собаками и дѣтьми, и такимъ образомъ щенокъ съ самыхъ раннихъ дней своей жизни видитъ только однѣхъ овецъ и проводитъ свое время среди ихъ общества. Понятно, что собака, воспитанная такимъ образомъ, окончательно сживается со своими новыми друзьями, чувствуетъ къ нимъ влеченіе, между тѣмъ какъ ко всей собачьей породѣ питаетъ чуть ли не враждебное чувство. Послѣ такой дрессировки, ей не придетъ уже охота покинуть стадо и побаловаться съ другими собаками, которыхъ она уже считаетъ для себя чуждыми и неродными. Въ молодости впрочемъ желаніе поиграть доходитъ у ней до такой сильной степени, что она, не имѣя разрѣшенія играть съ своими товарищами, поневолѣ рѣшается играть съ овцами, которыхъ иногда загониваетъ до такой сильной степени, что тѣ уже бываютъ не въ силахъ наконецъ бѣжать отъ навязчивой собаки и грохаются на землю полумертвыми; но впослѣдствіи, страсть къ подобнымъ невиннымъ забавамъ у ней пропадаетъ и она обращается со своими подданными очень примѣрно и скромно.

Интересно смотрѣть, какъ собака-пастухъ залаетъ, засуетится около стада, когда кто нибудь вздумаетъ къ нему подойти, и съ какою смѣтливостью и заботливостью начинаетъ собирать въ кучу своихъ подданныхъ, передъ которыми и становится въ боевую позицію, чтобы защитить ихъ отъ всякаго врага и супостата. Овцы тоже какъ будто понимаютъ, что собака ихъ охрана, сила и глава: сами прячутся за нее и каждая изъ нихъ стремится при этомъ стать къ ней какъ можно ближе, чтобы, въ случаѣ опасности, имѣть защиту подъ рукою. Отъ этого понятнаго желанія трусливыхъ овецъ, при первой опасности, со стороны человѣка или какого нибудь животнаго, онѣ сбиваются въ такую плотную массу около своего повелителя, что собакѣ-пастуху ничего не стоитъ обозрѣвать всѣ сто-

роны своей колонны, легко замѣтить съ которой стороны приближается опасность и во время ее предупредить.

Гаучо разсказываютъ объ этихъ собакахъ много интереснаго; каждый подобный четвероногій-пастухъ находится при стадѣ почти безотлучно; только разъ въ день прибѣгаетъ онъ къ дому получить кусокъ мяса, и затѣмъ стремглавъ несется опять къ своимъ подданнымъ, какъ будто ему совѣстно, что онъ оставилъ ихъ безъ защиты и подпоры.

Домашнія собаки относятся къ этимъ пришельцамъ за подачкою очень недружелюбно и всегда встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ съ яростнымъ лаемъ и нерѣдко даже щипнутъ зубами за бока. Любопытно смотрѣть, какъ собака-пастухъ, получивъ назначенный ей кусокъ мяса и задравъ хвостъ, убѣгаетъ къ своему стаду, преслѣдуемая по пятамъ толпою домашнихъ собакъ, которыя, нужно замѣтить, храбрятся только до тѣхъ поръ, пока овчарка далеко отъ стада; но какъ только она подбѣжитъ къ своимъ подданнымъ, станетъ въ оборонительную позицію и оскалитъ свои острые зубы, то всѣ преслѣдователи, какъ ошпаренные, оборачиваютъ тылъ и удираютъ во свояси, оглашая воздухъ громкимъ, но безсильнымъ, лаемъ.

Удивительно то, что всѣ собаки безъ исключенія, домашнія и дикія (послѣднихъ въ пампасахъ очень много), боятся овчарку, чувствуютъ къ ней невольное уваженіе только въ то время, когда она при стадѣ, между тѣмъ какъ въ другое время ее можетъ обидѣть самая паршивая и тщедушная дворняшка. Цѣлая свора голодныхъ дикихъ собакъ не рѣшится напасть на стадо, охраняемое овчаркою, которая необыкновенно смѣла и неустрашима только въ кругу овецъ, на которыхъ она смотритъ, какъ на своихъ собратьевъ, что, разумѣется, ей придаетъ много храбрости.

Разумѣется, дикія собаки могли бы легко загрысть

овчарку, не смотря на ея рыцарское мужество; но онѣ чувствуютъ къ ней какой-то непонятный страхъ и уваженіе, и только потому, что видятъ ее въ обществѣ животныхъ. Вѣроятно, онѣ какъ нибудь смутно представляютъ себѣ, что въ подобномъ сообщничествѣ овчарка имѣетъ столько же силы, какъ-бы находясь среди цѣлой своры своихъ однорыльниковъ, а потому и не рѣшаются аттаковать овецъ, охраняемыхъ ею.

Преданность овчарки удивительна и вошла даже въ мѣстную пословицу; она каждую минуту готова жертвовать своею шкурою, даже жизнью, чтобы только не позволить вырвать клокъ шерсти у одной изъ ввѣренныхъ ея попеченію овецъ...

Болѣе получаса ѣхали мы по тучнымъ пастбищамъ эстанціи и съ удовольствіемъ любовались на прекрасныя стада быковъ, лошадей и овецъ, доказывающихъ, что эстанціонеръ былъ не изъ бѣдныхъ. Наконецъ показалось вдали жилище землевладѣльца или, по мѣстному, ранчо, которое было на видъ чрезвычайно просто и нисколько не показывало, что хозяинъ этого жилища богатъ и владѣетъ громаднымъ пространствомъ земли и многочисленными стадами рогатаго скота, лошадей и овецъ. Глиняныя стѣны, соломенная крыша,—выказываетъ это жилище съ очень печальной стороны; сбоку и позади ранчо расположены были хижины работниковъ и пастуховъ, загоны для скота и разныя хозяйственныя сооруженія, обнесенныя крѣпкою изгородью изъ агавъ.

Подъѣхавъ къ дому, мы было, не зная мѣстныхъ обычаевъ, вздумали вылесть изъ своей галеры и безъ разрѣшенія хозяевъ войти въ домъ; но къ счастью, были во-время предупреждены нашимъ разговорчивымъ возницею, который объяснилъ намъ, что если мы желаемъ воспользоваться гостепріимствомъ добрыхъ хозяевъ ранчо, то должны, не выходя изъ экипажа, привѣтствовать ихъ черезъ дверь словами „Ave Maria purissima“, и до тѣхъ поръ, пока хозяева не отвѣтятъ на эти слова и не пригласятъ войти въ домъ, считается

неприличнымъ, даже дерзостью, выйти изъ экипажа или сойти съ лошади.

Если бы, объяснялъ намъ возница, не послѣдовало отвѣта на произнесенныя слова, то лучше будетъ, если путешественникъ поѣдетъ дальше просить гостепріимства, потому что онъ можетъ быть увѣренъ, что тамъ, гдѣ безмолвствовали на его священный привѣтъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не получитъ приглашенія отдохнуть, закусить и отогрѣться или обсушиться.

Впрочемъ, гостепріимство жителей аргентинскихъ пампасовъ доходитъ до такой сильной степени, что они никогда одинокому, даже своему врагу, не откажутъ въ кровѣ, пищѣ и мѣстѣ у очага ранчо, и съ радостью предложатъ ему распоряжаться въ ихъ домѣ, какъ въ своемъ, забывъ на время пребыванія врага въ ихъ ранчо о всякой къ нему ненависти, враждѣ, забывъ о томъ злѣ, о тѣхъ непріятностяхъ, которыя, можетъ быть, пришлось имъ вытерпѣть отъ того, кто проситъ у нихъ гостепріимства и которому, по мѣстному обычаю, они не могутъ въ немъ отказать. Гостепріимство аргентинцевъ удивительно и напоминаетъ патріархальныя времена библейской исторіи...

Не успѣлъ нашъ возница проговорить „Ave Maria purissima“, какъ послышался изъ ранчо обычный отвѣтъ „sin pecado concebida“ (зачатую безъ грѣха), и къ намъ вышелъ здоровенный, красивый эстанціоръ, который съ удивительнымъ радушіемъ пригласилъ насъ въ свое жилище, гдѣ и предложилъ сѣсть на лошадиные черепа, замѣнявшіе стулья.

Внутренность ранчо соотвѣтствовала его внѣшности; все было необыкновенно просто, даже бѣдно; по стѣнамъ развѣшаны были сѣдла, узды, лассо, боласъ, ножи, громадныя шпоры, словомъ лучшее, что только имѣетъ гаучо; тутъ же красовались славныя тигровыя шкуры, страусовыя перья и другіе трофеи охоты. Если бы не эти украшенія, замаскировывающія нѣсколько наготу жилища эстанціора и придающія ему много

привлекательности, то внутренность ранчо походила бы скорѣе на какой нибудь сарай или, лучше сказать, овинъ съ закопченными стѣнами и потолкомъ, землянымъ поломъ и крохотными четыреугольными отверстіями безъ стеколъ, вмѣсто оконъ.

Странно было смотрѣть на жалкое жилище эстанціора и тѣмъ болѣе, что нѣсколько минутъ тому назадъ мы только что любовались многочисленными табунами лошадей и огромными стадами быковъ и овецъ, доказывавшими обиліе и довольство хозяина, а не бѣдность и недостаточность, о которыхъ можно было бы вывести заключеніе изъ общаго вида его жилища.

Эстанціоры живутъ настоящими отшельниками; далеко отъ городовъ, далеко и другъ отъ друга, они довольствуются своею внутреннею жизнью, своею эстанціею, обществомъ своихъ работниковъ и пастуховъ. Они живутъ совершенно отдѣльною жизнью, не интересуясь знать, что дѣлается вокругъ нихъ; разъ въ мѣсяцъ, а можетъ быть и въ годъ, смотря по отдаленности эстанціи отъ города, они посылаютъ туда свои произведенія, и тѣмъ заканчивается всякое ихъ сношеніе съ болѣе цивилизованнымъ міромъ. У нихъ есть свои развлеченія и они не ищутъ, не жаждутъ городскихъ удовольствій, о которыхъ не имѣютъ рѣшительно никакого понятія; побиться одинъ на одинъ съ тигромъ, погоняться за дикими лошадьми и страусами, прокатиться на скакунѣ, невѣдающемъ еще, что такое значитъ сѣдло и узда, подвергать свою жизнь опасностямъ для нихъ—лучшее развлеченіе, лучшее удовольствіе, которое они не промѣняютъ ни на какія городскія удовольствія.

Большая часть эстанціоровъ—гаучо, которые, хотя и владѣютъ иногда обширными землями, удобными для хлѣбопашества, занимаются земледѣліемъ съ большою неохотою и даже отвращеніемъ; они сѣютъ только для своихъ потребностей. Гаучо любятъ одну охоту и верховую ѣзду; тутъ только они не чувствуютъ уста-

лости, тутъ только они выказываютъ необыкновенную неутомимость, энергію, силу и трудолюбіе. Стоитъ же только поставить ихъ за борону и соху, стоитъ заставить ихъ заняться какою нибудь положительною работою, а не охотою и верховою ѣздою, какъ они дѣлаются отъявленно лѣнивыми работниками, которые, вмѣсто работы, мечтаютъ о томъ, какъ бы поскорѣе закутаться поплотнѣе въ свой пончо и уютно улечься у очага ранчо, скушавъ заранѣе изрядный кусокъ „азадо“ [1]) и запивъ его кружкою кана.

Благодаря подобной нелюбви къ земледѣлію, эстанціоры получаютъ отъ своей плодородной земли очень мало выгодъ, между тѣмъ какъ стоило бы только ему и его работникамъ—гаучо приложить нѣсколько больше старанія, и онъ очень легко и быстро могъ бы увеличить свое матеріальное благосостояніе.

Гаучо-работникъ имѣетъ очень мало расходовъ, потому что онъ немногимъ и довольствуется: кускомъ азадо и мѣстомъ у очага ранчо; все заработываемое имъ незначительное количество денегъ идетъ на возобновленіе его пончо, черипа, на покупку огромныхъ шпоръ, ножа или узды; но большая часть денегъ тратится въ ближайшихъ пульперіяхъ или кабакѣ, гдѣ онъ съ удовольствіемъ выпьетъ, поиграетъ въ карты и кости, проиграетъ и наконецъ подерется на ножахъ. Лучшаго отъ него нельзя и требовать; такъ онъ уже воспитанъ. Старики-гаучо, припоминающіе прошлое, съ грустью разсказываютъ и сознаются, что настоящіе гаучо далеко отстали отъ прежнихъ; они увѣряютъ, что прежде гаучо были честнѣе, благороднѣе, даже храбрѣе, и что въ настоящее время ихъ сильно портитъ цивилизація, постепенно проникающая въ самое сердце пампасовъ.

---

[1]) Азадо (azado)—называется бычачье мясо, зажаренное на вертелѣ въ своей кожистой оболочкѣ; оно обыкновенно сочно и вкусно, гаучо ѣдятъ его безъ хлѣба, посоливъ немного солью.

Правда ли это—не знаю, но нѣкоторые почтенные аргентинцы говорятъ тоже самое и даже раздѣляютъ вѣковую исторію гаучо на три замѣчательные и довольно оригинальные періода, показывающіе постепенную порчу ихъ нравовъ; но при этомъ нужно прибавить, что ихъ нравы всегда были испорчены, но въ настоящее время они дошли до апогея испорченности.

Въ первый періодъ гаучо, перерѣзавъ своему товарищу горло, съ набожностью зажигалъ вокругъ еще теплаго трупа свѣчи, склонялся самъ передъ своею жертвою на колѣни и просилъ Бога избавить его отъ адскихъ мукъ и когтей дьяволовъ и простить ему убійство ближняго. Второй періодъ показываетъ очень замѣтное измѣненіе въ нравахъ гаучо въ худшую сторону; въ это время, гаучо, зарѣзавъ въ дракѣ своего товарища, уже не молится передъ трупомъ, не зажигаетъ свѣчей, чтобы освѣтить своей жертвѣ трудный путь въ рай, а напротивъ—преспокойно собираетъ вокругъ себя своихъ лучшихъ друзей, усаживаетъ ихъ кругомъ трупа, садится самъ и хладнокровно начинаетъ на немъ играть съ ними въ карты, какъ будто онъ зарѣзалъ не человѣка, а быка. Третій періодъ, онъ же и настоящій, самый испорченный: въ этомъ періодѣ гаучо рѣжетъ своего товарища не вслѣдствіе какой нибудь ссоры или неудовольствія а просто изъ любви къ искусству и рѣжетъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ, какъ будто онъ тыкаетъ свой ножъ не въ человѣческое тѣло и горло, а—въ хлѣбъ и землю.

Въ настоящемъ періодѣ сцена убійства происходитъ часто въ слѣдующемъ порядкѣ: сидятъ, напримѣръ, за стаканомъ хорошаго кана два неразлучные, повидимому, товарища, пьютъ, обнимаются, цалуются, дружелюбно бесѣдуютъ, какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, одинъ изъ собесѣдниковъ совершенно хладнокровно говоритъ другому: „Я хочу убить тебя“.

— За что? спрашиваетъ его товарищъ безъ малѣйшаго волненія, выпивъ при этомъ стаканъ кана, какъ

будто-бы его собесѣдникъ говоритъ ему о желаніи лечь спать или прогуляться.

— Такъ мнѣ хочется, говоритъ первый.

— Если хочется, то я къ твоимъ услугамъ, предупредительно отвѣчаетъ второй, хладнокровно подымаясь изъ за стола и вынимая свой ножъ, какъ будто бы для того, чтобы выстрогать себѣ зубочистку.

Вызвавшій на бой выпиваетъ остатокъ капа, вынимаетъ не торопясь свой ножъ и хладнокровно нападаетъ на своего товарища, который съ неменьшимъ хладнокровіемъ отражаетъ его удары и наноситъ самъ...

Черезъ нѣсколько минутъ, въ Аргентинской республикѣ становится однимъ гражданиномъ меньше; но убійца не играетъ уже на трупѣ съ товарищами въ карты, а моментально садится на свою лошадь и бѣжитъ отъ преслѣдованія полиціи, отъ карающей руки правосудія въ нѣдра родныхъ пампасовъ. Гаучо поступаетъ въ настоящее время такъ только потому, что законъ преслѣдуетъ его, какъ убійцу, а быть повѣшеннымъ, тѣмъ болѣе растрѣлянным, ему очень не нравится. Между тѣмъ прежде законъ ничего не упоминалъ о подобныхъ кровавыхъ дракахъ гаучо и относилъ ихъ чуть-ли не къ ряду пѣтушьихъ боевъ, слѣдовательно терпимыхъ въ государствѣ. Иногда, впрочемъ, гаучо не убиваетъ своего товарища, но только уродуетъ, и это считается даже чуть-ли не хуже.

— Я тебя не убью, говоритъ онъ противнику, а только отмѣчу, и, выхвативъ ножъ, ловко отрѣзаетъ ему носъ или уши, выкалываетъ глаза или вырѣзываетъ губы и щеки.

Подобное звѣрство гаучо, подобная его страсть къ крови трудно согласуется съ его изящною наружностью, по который можно было бы предположить, что онъ настоящій caballero и его руки болѣе привычны къ перчаткамъ, нежели къ ножу.

Находясь въ обществѣ гаучо, такъ и кажется, что которой нибудь изъ нихъ всадитъ вамъ ножъ по самую

рукоять, а за что—и не узнаешь; но во всякомъ случаѣ ихъ обращеніе съ нами было очень вѣжливое, хотя подъ этою вѣжливостью и проглядывала иногда ихъ дикая натура, заставляющая быть на-сторожѣ и опасаться обидѣть кого нибудь изъ нихъ дѣломъ или словомъ...

Воспользовавшись гостепріимствомъ добраго эстансіора, мы не могли отказаться, изъ опасенія обидѣть его, отъ предложеннаго намъ мате. Онъ поданъ былъ въ кубковидномъ сосудѣ и мы должны были, поочереди, прикладываться къ трубочкѣ (бомбилья), вставленной въ его крышку. На первый разъ мате показался намъ очень невкуснымъ, но не желая оскорбить гостепріимнаго хозяина, мы проглотили, съ грѣхомъ пополамъ, немного этого чая и доставили, повидимому, тѣмъ эстансіору несказанное удовольствіе...

Упоминая постоянно о мате, я думаю не лишне дать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ оригинальномъ напиткѣ, о томъ растеніи, изъ листьевъ котораго онъ настаивается, о способѣ обработки этого чая и его употребленіи.

Уже со времени открытія Южной Америки было извѣстно, что жители пьютъ здѣсь настой листьевъ остролистника, извѣстнаго у индѣйцевъ гаурановъ подъ названіемъ „каа“ (Саа), что означаетъ на ихъ языкѣ „растеніе“. Въ настоящее время поджаренные и толченые листья этого дерева извѣсты подъ названіемъ парагвайскаго чая, или мате. Первое названіе происходитъ отъ отечества этого растенія, а второе—отъ сосуда, въ которомъ обыкновенно настаиваютъ его листья.

Парагвайскій чай общеупотребляемъ во всей Южной Америкѣ, но далѣе ея онъ не распространенъ и въ другихъ частяхъ свѣта считается большою рѣдкостью; растеніе, изъ котораго воздѣлывается этотъ чай, свойственно только этой странѣ, въ которой онъ занимаетъ обширныя пространства земли, покрываетъ всѣ склоны горъ, и лѣса этихъ, драгоцѣнныхъ для аргентинцевъ и другихъ южно-американцевъ, деревьевъ тянутся на

громадныя разстоянія. Но настоящая родина этого замѣчательнаго растенія находится въ области источниковъ Параны и Парагвая; отсюда онъ распространяется на сѣверъ до самой Бразиліи и на югъ, по обоимъ берегамъ Параны и Уругвая, гдѣ образуетъ почти непроходимые лѣса.

Здѣсь считаютъ до восьми различныхъ породъ остролистника, листья котораго и собираются для выдѣлки парагвайскаго чая. Однѣ породы этого растенія достигаютъ до тридцати или сорока футовъ вышины, а другія—даже до семидесяти и ста футовъ. Стволы деревьевъ разныхъ породъ покрыты бѣлою или сѣроватою корою, которая отдирается отъ нихъ съ большимъ трудомъ; отъ ствола расходятся множество чрезвычайно густыхъ вѣтвей, образующихъ тѣнистый, прекрасный куполъ. Овальные, клинообразные листья съ сжатыми зубцами сидятъ на красныхъ черешкахъ. одинъ возлѣ другаго чрезвычайно тѣсно; они имѣютъ глянцеватый зеленый цвѣтъ, но при этомъ верхняя часть листа темнѣе нижней. Если смять листъ въ рукѣ, то нѣкоторыя частицы его входятъ въ кожу, которая принимаетъ отъ того зеленоватый цвѣтъ. Это ясно доказываетъ, что онъ имѣетъ въ себѣ извѣстное красящее вещество и именно, какъ показали тщательныя изслѣдованія, то самое, которое добываютъ китайцы изъ своего чая и употребляютъ на окраску шелковыхъ матерій. Цвѣты остролистника расположены кистями. Качество получаемаго отъ этого растенія чая не одинаково и зависитъ не только отъ мѣста произрастенія, но и отъ времени сбора, способа обработки и сохраненія.

Остролистники, доставляющіе парагвайскій чай, извѣсны вообще въ Ла-Платѣ подъ названіемъ „yerba", что означаетъ, на мѣстномъ нарѣчіи, „трава", а лѣса такихъ растеній—„yerbals". Самыя обширныя yerbals находятся у рѣки Парагвая, близъ города Вилья-Реаль.

Правительство отдаетъ сборъ чая на откупъ; самымъ же сборомъ занимаются большею частью наем-

ные индѣйцы, которые болѣе другихъ могутъ перенести эту изнурительную работу, губящую не мало людей.

Сборъ начинается обыкновенно съ ноября или декабря мѣсяца и кончается въ августѣ слѣдующаго года. Уже съ октября мѣсяца выступаютъ съ различныхъ мѣстъ большія партіи работниковъ, нанятыхъ для сбора чая, и отправляются къ мѣсторожденію этого драгоцѣннѣйшаго для южно-американцевъ растенія. Обыкновенно, за сборщиками чая слѣдуютъ громадныя повозки со всѣми необходимыми орудіями, вещами и припасами, и достаточное количество рогатаго скота, предназначеннаго для пищи труженикамъ, которые не увидятъ семейнаго очага въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Большая часть работниковъ ѣдетъ верхомъ, другіе — въ повозкахъ, между тѣмъ какъ третьи, напротивъ, предпочитаютъ идти пѣшкомъ; но всѣ они непремѣнно хорошо вооружены, на случай нападенія хищныхъ звѣрей или дикихъ индѣйцевъ, что легко можетъ случиться въ ихъ продолжительномъ, трудномъ путешествіи.

Послѣ долгаго, изнурительнаго похода черезъ непроходимые лѣса, караванъ наконецъ достигаетъ того мѣста, гдѣ растетъ въ достаточномъ количествѣ драгоцѣнное дерево; здѣсь работники останавливаются, разыскиваютъ непремѣнно какой нибудь ручей и уже возлѣ него располагаются лагеремъ. Прежде всего они расчищаютъ большое пространство земли, строятъ на немъ себѣ хижины или ранчо, воздвигаютъ легкіе склады, предназначенные для сохраненія собираемаго мате, и наконецъ складываютъ особыя печи, называемыя барбагами (barbague), въ которыхъ сушатъ собранные листья. Когда все это будетъ готово, то приступаютъ къ самой трудной операціи — сбору листьевъ; работники, вооруженные длинными ножами, называемыми „кушилло", лѣзутъ на деревья и срѣзаютъ съ нихъ рѣшительно всѣ вѣтви, идущія прямо отъ ствола и носящія мѣстное названіе „гайосъ" (gajos); другіе работники, внизу, раздѣляютъ большія вѣтви на маленькія (des gollar) и скла-

дываютъ послѣднія къ печамъ, гдѣ уже и производятъ подъ ними дальнѣйшія операціи. Прежде всего ихъ опаливаютъ и обсушиваютъ, проводя ими надъ сильныхъ огнемъ, послѣ чего всѣ вѣтви складываются на особенныя плетенки, помѣщающіяся сверхъ вышеупомянутыхъ печей, и представляющія ихъ рѣшетчатый сводъ, черезъ который проходитъ весь жаръ.

Подъ рѣшетчатымъ сводомъ печи разводится умѣренный огонь, чтобы листья, положенные на плетенки, не морщились и не обугливались, причемъ для топлива употребляются мелко изрубленные сучья, остающіеся по снятіи съ нихъ сушеныхъ листьевъ мате, къ нимъ примѣшиваютъ для аромата разныя душистыя растенія, дающія какъ можно меньше дыма и копоти. Жаръ сжигаемыхъ растеній умѣренно доходитъ до разложенныхъ на верху сучьевъ съ листьями, которые работники, по мѣрѣ ихъ поджариванія, постепенно поворачиваютъ. Огонь поддерживаютъ въ продолженіе сутокъ, послѣ чего сучья раскладываютъ на кожи, положенныя на ровномъ мѣстѣ, и обколачиваютъ всѣ листья палками или деревянными саблями; затѣмъ ихъ кладутъ въ особыя ступки, въ которыхъ превращаютъ въ болѣе или менѣе мелкій порошокъ. Послѣдній укладывается въ большіе мѣшки изъ бумажной матеріи или изъ бычачьей и оленьей шкуры; каждый мѣшокъ вѣситъ отъ трехъ до шести пудовъ.

Мате, однако, нельзя долго сохранять, потому что онъ теряетъ отъ этого много силы, вкуса и благоуханія. Такимъ свойствомъ этого чая объясняется то, почему его не вывозятъ въ другія части свѣта; въ полномъ вкусѣ мате можно пить только въ его отечествѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ собираютъ листья этого растенія, и притомъ вскорѣ послѣ ихъ приготовленія.

Вышеописанный способъ превращенія мате въ порошокъ употребляется въ Парагваѣ; въ миссіонерской же области восточнаго Уругвая онъ измельчается нѣсколько иначе. Тамъ листья американскаго чайнаго дерева

кладутъ подъ каменный жерновъ, который приводится въ движеніе помощью лошади; хозяева подобныхъ мельницъ покупаютъ у работниковъ дневной ихъ сборъ, за который платятъ имъ деньгами, одеждою, съѣстными припасами и виномъ.

Собираніе листьевъ, какъ я уже говорилъ, работа очень тягостная и ей даже приписываютъ вымираніе индѣйцевъ въ Парагваѣ, которые преимущественно занимаются этимъ промысломъ; каждое дерево подрѣзается не болѣе одного раза въ три года, и за этимъ правиломъ правительство строго слѣдитъ, потому что иначе черезъ нѣсколько времени всѣ бы деревья пропали.

Съ одного и того же дерева получается мате различнаго качества, смотря по времени сбора и способу приготовленія. Въ торговлѣ различаютъ три главные сорта: каа-куйсъ, каа-мири и каа-гауча, гдѣ каа, какъ я уже говорилъ, означаетъ на гуаранскомъ нарѣчіи „растеніе". Первый и лучшій сортъ получается изъ полураспустившихся почекъ, который такъ трудно сохранить, что нѣтъ возможности даже вывозить его изъ Парагвая въ другія южно-американскія республики, а потому онъ тратится мѣстными жителями-парагвайцами. Второй сортъ изготовляется изъ рачительно собранныхъ листьевъ, изъ которыхъ удалены жилы; способъ этого приготовленія введенъ іезуитами. Всего менѣе старательно собираютъ послѣдній сортъ мате; въ этомъ случаѣ листья сушатся вмѣстѣ съ вѣтвями и именно по вышеупомянутому способу. Послѣдній сортъ имѣетъ первое время весьма непріятный травянистый запахъ, который въ послѣдствіи однако измѣняется въ слегка душистый.

Въ продажѣ мате является въ видѣ свѣтлозеленаго крупнаго порошка, смѣшаннаго съ вѣточками, кусочками дерева и стебельками.

Парагвайскій чай завариваетея въ кубковидномъ сосудѣ, называемомъ мате, который у богатыхъ людей

бываетъ обыкновенно серебряный, вызолоченный съ болѣе или менѣе роскошными украшеніями, между тѣмъ какъ бѣдные ограничиваются глинянымъ. Все приготовленіе этого напитка заключается въ томъ, что на порошокъ листьевъ наливается кипятокъ; достаточные люди прибавляютъ затѣмъ сахару, иногда нѣсколько капель лимоннаго соку или просто опускаютъ въ мате кусочки лимонной или апельсинной корки, между тѣмъ какъ поселяне и люди небогатые пьютъ мате безъ всякихъ приправъ, и тогда онъ имѣетъ весьма сильное дѣйствіе.

Нѣкоторые замѣняютъ воду молокомъ и находятъ даже, что это гораздо вкуснѣе, но другіе, напротивъ, отвергаютъ подобный способъ приготовленія мате и твердо стоятъ за кипятокъ, словомъ, въ этомъ случаѣ аргентинцы во вкусахъ расходятся, между тѣмъ какъ во всемъ остальномъ чрезвычайно сходятся.

Настоянный парагвайскій чай имѣетъ свѣтлозеленый, слегка мутный цвѣтъ; пить его нельзя однако тѣмъ же порядкомъ, какъ пьютъ у насъ обыкновенно китайскій чай, потому что порошокъ листьевъ легко можетъ попасть въ ротъ. Для предотвращенія подобной непріятности, употребляется у людей достаточныхъ серебряная (бѣдные ограничиваются жестяною и глиняною) трубочка, въ шесть или семь дюймовъ длиною, называемая бомбилья. Въ нижнемъ конусѣ бомбильи находится плоскій, мелко продыравленный шаръ; способъ употребленія подобной трубочки весьма непріятенъ для европейца. Обыкновенно, семейство обладаетъ только однимъ мате и одною бомбильею, почему при питьѣ оба прибора переходятъ изъ рукъ въ руки, что разумѣется не очень пріятно европейцу, непривыкшему къ подобнымъ церемоніямъ.

Мате пьютъ во всякое время дня, но съ большимъ удовольствіемъ послѣ сна; когда бы вы ни зашли въ аргентинское семейство, то непремѣнно застанете ихъ за мате, которое они и предложатъ вамъ съ необыкно-

веннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Было бы со стороны гостя очень оскорбительно для хозяевъ—отказаться принять, любезно предлагаемую бомбилью, бывшую во рту другихъ.

Такимъ образомъ мате служитъ постояннымъ и любимѣйшимъ напиткомъ аргентинцевъ, и они почти по цѣлымъ днямъ не разстаются съ бомбильею; а потому въ зажиточныхъ домахъ имѣются даже особые слуги (cebador), должность которыхъ заключается только въ томъ, чтобы приготовлять своимъ господамъ и ихъ гостямъ любимый напитокъ.

Мате для аргентинцевъ—отрада жизни, лучшее препровожденіе времени и лучшее угощеніе; они готовы скорѣе цѣлый день не ѣсть, чтобы только проглотить нѣсколько капель этого напитка; они, умирая съ голоду, скорѣе протянутъ руки къ бомбильѣ, нежели къ куску хлѣба: до такой сильной степени пристрастились они къ этому напитку, такъ онъ имъ нравится... Европейцу же мате приходится не по вкусу и тѣмъ болѣе потому, что нужно его пить очень горячимъ, ибо онъ съ охлажденіемъ теряетъ свойственный ему особенный, пріятный вкусъ. Впрочемъ, современемъ, европеецъ также можетъ пристраститься къ этому напитку, какъ и аргентинецъ, потому что напитокъ обладаетъ тѣмъ же страннымъ свойствомъ, который замѣчается въ опіумѣ, то есть, чѣмъ больше его пьешь, тѣмъ больше хочется пить, и привыкнувъ къ нему, нѣтъ физической возможности отвыкнуть отъ него...

На однихъ и тѣхъ же листьяхъ можно заваривать чай до трехъ разъ, но къ этому прибѣгаютъ только люди недостаточные, между тѣмъ люди, болѣе или менѣе зажиточные каждый разъ кладутъ свѣжіе листья.

Креолы пристрастились къ этому напитку до отвратительной степени; обыкновенно они кладутъ сразу такъ много измельченнаго мате, что чай ихъ походитъ скорѣе на какую-то густую массу, кашицу, нежели на напитокъ. При этомъ настой этотъ до того крѣпокъ,

что даже сами креолы могутъ проглотить, и то съ большимъ трудомъ, можетъ быть не болѣе двадцати или тридцати капель; что-же касается до бѣлыхъ, особенно европейцевъ, не привыкшихъ къ мате, то, проглотивъ двѣ, три капли подобнаго настоя, у нихъ является тошнота, рвота и раздражается весь ихъ организмъ.

Вообще мате нельзя назвать напиткомъ безвреднымъ: онъ разстраиваетъ желудокъ, дѣйствуетъ на мозгъ и клонитъ ко сну. Къ несчастью, жители Южной Америки пристрастились къ этому напитку до такой сильной степени, что онъ сдѣлался для нихъ необходимѣйшей приправою ихъ жизни, безъ которой они чувствуютъ себя не въ нормальномъ состояніи, впадаютъ въ непріятное расположеніе духа, словомъ—для нихъ мате тоже, что для китайцевъ—опіумъ.

Какъ я уже говорилъ, парагвайскій чай пьютъ съ утра до вечера и даже чуть ли не ночью; все, кажется, дѣло аргентинца заключается въ томъ, чтобы потягивать понемногу возбуждающую жидкость и проводить время въ пріятной сіестѣ. Мате подаютъ также къ столу, и аргентинецъ не проглотитъ куска, чтобы не запить его сейчасъ же горячимъ чаемъ. Отъ неумѣреннаго употребленія мате бываютъ дурныя послѣдствія, почти такія же опасныя, какъ и отъ опіума; онъ возбуждаетъ, опьяняетъ и даже вызываетъ при неумѣренномъ употребленіи бѣлую горячку. При химическомъ изслѣдованіи найдено, что парагвайскій чай, кромѣ обыкновенныхъ составныхъ частей растенія и летучаго вещества, содержитъ въ себѣ еще органическую щелочь, тождественную съ кофейною и чайною, и особую дубильную кислоту, окрашивающую окись желѣза зеленоватымъ цвѣтомъ. Особенно губительно дѣйствуетъ на бѣлыхъ, не привыкшихъ къ подобному напитку, въ особенности на рабочій и вообще недостаточный классъ населенія, которому онъ замѣняетъ водку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мате пьютъ также какъ

и мы—чай, но при этомъ онъ раньше процѣживается и подается въ миніатюрныхъ чашечкахъ; впрочемъ большинству аргентинцевъ этотъ способъ питья не нравится и они предпочитаютъ потягивать его черезъ бомбилью.

Мы провели время на эстанціи довольно весело; осматривали всѣ ея сооруженія, любовались окружающимъ ее довольствомъ и благосостояніемъ, любовались молодцами—гаучо, выкидывающими на своихъ дикихъ скакунахъ разныя сальто-мортале, не хуже наѣздниковъ цирка, наконецъ вникли нѣсколько въ жизнь эстансіора, жизнь особенную, оригинальную.

Изолированный отъ всего окружающаго міра, онъ живетъ настоящимъ помѣщикомъ старыхъ временъ, который знаетъ только то, что дѣлается въ его помѣстьѣ, а до другихъ ему и дѣла нѣтъ, который только разъ или два въ году съѣздитъ въ гости къ своимъ сосѣдямъ, да разъ въ годъ на поклонъ губернатору или другому представителю гражданской или военной власти; остальное время онъ довольствуется обществомъ своихъ дворовыхъ, довольствуется прогулкою по помѣстью, охотой и рыбной ловлею. Жизнь эстансіора сложилась почти подобнымъ же образомъ: сосѣдей своихъ эстансіоровъ онъ не навѣщаетъ, да и нѣтъ у него лишняго времени, чтобы тратить его даромъ на подобныя поѣздки, на которыя нужно положить по крайней мѣрѣ сутки, а не то и больше, потому что ближайшій его сосѣдъ живетъ отъ него на сорокъ, шестьдесятъ, а можетъ быть и сто верстъ, которыя, благодаря удивительно безобразнымъ путямъ сообщенія, стоятъ нашихъ двѣсти, а пожалуй и триста верстъ. Въ городѣ эстансіоръ бываетъ очень рѣдко и то только по необходимости: или распродать произведенія эстанціи, или же закупить что нибудь для нуждъ своего хозяйства. Остальное время онъ проводитъ въ кругу своихъ гаучо, рыскаетъ по свой обширной эстанціи, осматриваетъ и считаетъ свои громадныя стада, охотится за разнымъ

звѣремъ и птицею, словомъ, ведетъ жизнь самую дѣятельную и вольную. Эстансіоръ не знаетъ, что такое законъ и не признаетъ надъ собою ничьей власти; онъ въ своихъ владѣніяхъ маленькій король и пользуется нигораздо большими правами и властью, чѣмъ какой нибудь князекъ любаго нѣмецкаго княжества.

Жаль только, что просвѣщеніе слабо проникаетъ въ ихъ ранчо, и вы не встрѣтите ни одного эстансіора, который бы зналъ обо всемъ окружающемъ больше своей лошади или собаки. Невѣжество нашего гостепріимнаго эстансіора, пріютившагося почти подъ бокомъ столицы, доходило до отвратительной степени. Онъ, напримѣръ, предполагалъ, что свѣтъ ограничивается только одними пампсами и Буеносъ-Айресомъ, онъ даже не зналъ, что есть ли въ его странѣ другіе города, кромѣ того, подъ бокомъ котораго онъ пріютился, онъ наконецъ думалъ міръ заселенъ только преимущественно одними гаучо, и считалъ этотъ народъ самымъ умнымъ, храбрымъ и образованнымъ. Эстансіоръ очень удивился, когда мы кое-какъ объяснили ему, что есть государства несравненно больше всѣхъ его пампасовъ, и что въ этихъ государствахъ есть города даже лучше, больше и красивѣе Буеносъ-Айреса, жители которыхъ не только не видѣли гаучо, но большею частью даже не знаютъ о существованіи этого оригинальнаго народа. Словомъ, мы, повидимому, были первыми просвѣтителями невѣжественнаго эстансіора, первыми его учителями.

Подобную невѣжественность даже не мудрено встрѣтить и въ болѣе высшихъ классахъ аргентинскаго населенія, потому что тутъ мало заботятся о своемъ образованіи и больше читаютъ раманы Поль-де-Кока, Дюма и другихъ французскихъ писателей, чѣмъ географію и исторію.

ГЛАВА XVI.

Географическій очеркъ Ла-Платы.—Рѣки: Ла-Плата, Парана, Парагвай и Уругвай.—Первая экспедиція въ Ла-Плату.—Жестокое обращеніе съ туземцами.—Завоеванія Чили и Пэру.—Отдѣленіе Ла-Платы отъ метрополіи.— Честолюбіе провинціи Буеносъ-Айресъ.—Первый президентъ Ривадавіа.—Время безголовья (акефаліи).—Розасъ.—Лавалле.—Война съ Франціею.—Тайное общество «Масхорка».—Уркиза—конституціонный президентъ Аргентинской республики.—Генералъ Митре.—Доминго Сарміенто.

Рѣчная область, прилегающая къ Ріо-де Ла-Платѣ, по величинѣ своей занимаетъ второе мѣсто въ мірѣ; земли, по которымъ протекаетъ эта величественная рѣка со своими притоками, лежатъ частью въ тропикахъ, частью въ умѣренномъ климатѣ и могутъ такимъ образомъ доставить произведенія разныхъ полосъ земнаго шара. Вся поверхность Ла-Платскихъ республикъ (Аргентинской, Парагвая и Уругвая), исторія которыхъ идетъ почти нераздѣльно, занимаетъ огромное пространство въ 1.200,000 англійскихъ квадратныхъ миль, превышающее рѣчную область Миссисипи и только на 18,000 квадратныхъ миль меньше области Амазонской рѣки, величайшей во всемъ мірѣ.

Собственно Аргентинская республика простирается отъ Ріо-Негро, на югѣ, отдѣляющей ее отъ Патагоніи, до Боливіи, Парагвая и Бразиліи, на сѣверѣ; съ запада она граничится величественными Андскими горами, отдѣляющими ее отъ Чили, а съ востока Атлантическимъ океаномъ, республикою Уругваю и Бразиліею.

Огромнѣйшія эти земли заселены очень бѣдно; города, мѣстечки, деревни и эстанціи разбросаны въ этой обширной странѣ, какъ одинокіе среди безконечнаго океана; они лежатъ другъ отъ друга въ трехъ и даже шестидневномъ растояніи; дороги, соединяющія ихъ, въ высшей степени отвратительныя: при подобныхъ путяхъ сообщенія нельзя въ настоящее время мечтать о развитіи въ этой странѣ внутренней торговли, промыш-

ленности, земледѣліи и цивилизаціи, которыя находятся здѣсь на самомъ низшемъ уровнѣ.

Жизнь, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ, аргентинскихъ семействъ и даже европейскихъ эмигрантовъ, которые переселяются сюда въ настоящее время въ огромномъ количествѣ, мало разнится отъ жизни краснокожихъ индѣйцевъ, первыхъ владыкъ неизмѣримыхъ пампасовъ. Не смотря, однако на ихъ жалкую жизнь, они физически съ избыткомъ надѣлены богатствомъ этихъ дикихъ странъ; но, къ несчастью, богатства эти остаются почти въ томъ-же мертвомъ состояніи, какъ котелокъ съ деньгами скупца, зарывшаго свое сокровище въ землю.

Вслѣдствіе бездорожья, жители неизмѣримыхъ пампасовъ, владѣтели богатыхъ эстанцій, не могутъ удобно и легко сбывать свои произведенія, которыя большею частью пропадаютъ даромъ и не приносятъ хозяину той выгоды, которую можно было бы ожидать при лучшихъ путяхъ сообщенія.

Въ безводныхъ, обширныхъ земляхъ Аргентинской республики цивилизація и варварство ведутъ постоянную, упорную борьбу, и вотъ уже сколько столѣтій послѣднее твердо охраняетъ свои владѣнія отъ энергическихъ аттакъ просвѣщенія и прогресса. Общій видъ этой страны печаленъ: обширныя песчаныя и травянистыя равнины безпрестанно перемежаются здѣсь съ мѣстностями, поросшими густыми непроходимыми лѣсами кокосовыхъ, ананасовыхъ, персиковыхъ, апельсинныхъ, хинныхъ, тамариндовыхъ и другихъ деревьевъ, а также—съ обширными yerbals, доставляющими южноамериканцамъ ихъ любимѣйшій напитокъ—мате. Къ несчастью, въ неизмѣримыхъ травянистыхъ равнинахъ очень мало луговъ удобныхъ для пастбища, и тѣмъ объясняется причина того, что эстанціи лежатъ другъ отъ друга въ такомъ далекомъ разстояніи. Большая часть этихъ равнинъ покрыта горькимъ клеверомъ или величественнымъ чертополохомъ, въ которомъ скры-

ваются обыкновенно дикіе индѣйскіе всадники и, подобно хищнымъ гіенамъ, нападаютъ изъ своихъ непроходимыхъ засадъ на оплошавшій караванъ, на одинокихъ путешественниковъ, на пастуховъ и ихъ стада.

Чертополохъ достигаетъ здѣсь баснословной высоты, такъ что въ немъ, когда онъ въ нормальномъ ростѣ, легко можетъ скрыться всадникъ, сидящій на рослой лошади; чертополохъ почти непроходимъ; въ этомъ оригинальномъ лѣсу вьется множество тропинокъ, до того перепутанныхъ, что онѣ представляютъ въ своемъ родѣ ужасный лабиринтъ, въ которомъ иногда блуждаетъ по нѣсколько часовъ, не находя выхода, даже мѣстный житель.

Эти страшныя, непроходимыя заросли служатъ убѣжищемъ индѣйцамъ, луговымъ пиратамъ и проѣзжая по нимъ, нужно быть ежесекундно на-сторожѣ, чтобы, при первомъ подозрительномъ движеніи въ чащѣ, встрѣтить опасность лицемъ къ лицу и съ оружіемъ въ рукахъ. Отъ времени до времени безпредѣльныя равнины оживляются тяжелымъ караваномъ, который подвигается обыкновенно съ удивительною осторожностью, высматриваетъ каждое подозрительное мѣсто, каждый кусточекъ и бугорокъ, чтобы не позволить застать себя въ расплохъ дикимъ индѣйцамъ, свирѣпымъ луговымъ пиратамъ и хищнымъ звѣрямъ. Иногда пампасы оживляются громадными стадами дикаго рогатаго скота, табунами лошадей, оленей и страусами. Какъ бѣшенныя, несутся они по безпредѣльному пространству, ломая и уничтожая передъ собою рѣшительно все; за этими животными обыкновенно слѣдуютъ стаи красныхъ волковъ, съ жадностью нападающихъ на отставшихъ и выбившихся изъ силъ. Путешествовать по пампасамъ чрезвычайно опасно: на каждомъ почти шагу встрѣчаешь смерть лицомъ къ лицу, и только мужествомъ, хладнокровіемъ и смѣлостью можно избавиться отъ грозящей опасности. Тигры, ягуары, ядовитыя змѣи, наконецъ индѣйцы и разбойники — первые враги, кото-

рыхъ можно встрѣтить на пути, и враги чрезвычайно опасные.

Тысячи рѣкъ, рѣчекъ и ручейковъ орошаютъ обширныя земли Ла-Платы и представляютъ прекрасные естественные пути сообщенія; впрочемъ, изъ всей этой массы водныхъ путей заслуживаютъ особеннаго вниманія только четыре рѣки: Ріо де-Ла-Плата; Парана, Парагвай и Уругвай.

Ріо де-Ла-Плата, или Серебряная рѣка, образуется изъ соединенія желтыхъ водъ Параны съ голубыми волнами Уругвая, близъ островка Мартинъ-Гарсіа, изъ за котораго спорятъ еще до сихъ поръ двѣ сосѣднія республики (Аргентинская и Уругвай), потому что обѣ желаютъ выстроить на немъ себѣ форты, чтобы помощью ихъ господствовать надъ рѣкою, служащею имъ границею. Нуженъ новый Соломонъ, который разрѣшилъ бы этотъ важный и трудный международный споръ; но, по всей вѣроятности, Соломона замѣнитъ сила, и островомъ будетъ владѣть болѣе могущественный сосѣдъ, то есть—Аргентинская республика. Ла-Плата имѣетъ скорѣе видъ морскаго залива, чѣмъ рѣки; она проходитъ мимо Буеносъ-Айреса, Монтевидео и Мальдонадо.

Парана образуется изъ соединенія большой рѣки Ріо-Гранде Паранахибо; Ріо-Гранде соединяется на границѣ бразильской провинціи Матто-Гроссо съ Паранахибо; отсюда уже величественная рѣка получаетъ названіе Параны, удерживая его до самаго соединенія съ рѣкою Уругваемъ. Ріо-Парана вначалѣ узка и берега ея покрыты громадными, дѣвственными лѣсами, тянущимися на необозримомъ пространствѣ. Но чѣмъ больше приближается она къ городу Корріентесъ, тѣмъ дѣлается все шире и величественнѣе; проходя мимо Миссіонерской области и провинціи Корріентесъ, она образуетъ роскошный архипелагъ, въ которомъ насчитываютъ болѣе ста прелестныхъ островковъ.

Выше города Корріентеса въ Парану вливается рѣка

Парагвай и съ этого мѣста она нераздѣльно, на протяженіи шести съ половиною градусовъ (съ $27^{1}/_{2}$ по 37^{0} ю. ш.), принадлежитъ Аргентинской республикѣ. Немного выше острова Мартинъ Гарсіа, она раздѣляется на четыре большіе рукава, носящіе мѣстное названіе „бокасъ“ (bocas) и образующіе прелестные, довольно большіе острова съ прекрасною растительностью и съ множествомъ фантастическихъ и таинственныхъ ручейковъ, затѣйливо извивающихся по нимъ въ разныхъ направленіяхъ и прикрытыхъ душистыми сводами переплетающихся роскошныхъ деревьевъ.

Островки, образованные этими рукавами, покрыты роскошною растительностью; ихъ берега почти совершенно скрыты нависшими вѣтвями ивъ, выше которыхъ красуются громадныя манолія съ бѣлыми и розовыми цвѣтами, дикія апельсинныя, персиковыя и тамариндовыя деревья, гигантскій американскій алой, величественные кактусы и другія растенія, свойственныя лаплатской почвѣ и атмосферѣ.

Парана (на гауранскомъ нарѣчіи означаетъ „море“) въ своемъ нижнемъ теченіи чрезвычайно широка и похожа скорѣе на проливъ, чѣмъ на рѣку; ничто не можетъ сравниться съ ея красотою; она вся усѣяна многочисленными островками, которые то исчезаютъ, то вновь появляются, нерѣдко переходятъ съ одного мѣста на другое, словомъ, похожи на какія-то фантастическія живыя существа; иногда они имѣютъ видъ огромнаго прекраснаго цвѣтника, иногда же представляютъ плоскую равнину, покрытую тучною травою и на которой пасутся большія стада лошадей или рогатаго скота, приплывшаго сюда съ материка. Островки эти оживлены также множествомъ прекрасныхъ птицъ; тутъ вы увидите фламинго съ розовыми крыльями, ибисовъ снѣжной бѣлизны, граціозныхъ бѣлыхъ лебедей съ черными ошейниками и тысячи другихъ пернатыхъ красавицъ. Нерѣдко встрѣтите также на этихъ островкахъ ягуаровъ, для которыхъ они служатъ любимымъ мѣстопребыва-

ніемъ; эти хищники, какъ извѣстно, любятъ селиться въ подобныхъ мѣстностяхъ, потому что вода составляетъ необходимое условіе ихъ существованія. Обыкновенною пищею служитъ имъ рѣчная свинка, и тамъ, гдѣ много этихъ беззащитныхъ животныхъ, ягуаръ не нападаетъ на людей и скотъ, но довольствуется однимъ, и притомъ любимымъ, блюдомъ.

Всѣ острова рѣки Параны—пловучіе и держатся только или корнями, пустившими свои отростки въ дно рѣки, или же какою нибудь преградою, часто попадающею на рѣкѣ, какъ напримѣръ: рифомъ, засѣвшими въ дно стволами деревьевъ, затонувшимъ судномъ и т. п. Они очень хрупки, и часто случается, что, при сильномъ вѣтрѣ и волненіи, нѣкоторые изъ нихъ разваливаются, и ихъ остатки, покрытые кустарниками, деревьями и нерѣдко даже съ ягуаромъ, неуспѣвшимъ оставить островъ во время катастрофы, несутся внизъ по рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока совершенно не развалятся, или же не встрѣтятъ какую нибудь преграду и не остановятся; въ послѣднемъ случаѣ остатки только что развалившагося островка кладутъ основаніе для новыхъ острововъ, для новаго убѣжища ягуаровъ и множества пернатыхъ птицъ. Постепенно прибиваются къ нимъ теченіемъ разные обломки, корни деревьевъ, трава и понемногу является такимъ образомъ новый островъ, который покрывается черезъ нѣсколько времени роскошною растительностью и дѣлается не менѣе пріятнымъ, но такимъ же шаткимъ и недолговѣчнымъ, убѣжищемъ ягуаровъ и разноцвѣтныхъ птицъ.

Въ концѣ декабря начинается обыкновенно разлитіе Параны, которое и продолжается до апрѣля мѣсяца; оно сопровождается всегда сильными грозами и тропическими ливнями. Послѣ разлива остаются на прилежащихъ къ рѣкѣ лугахъ большое количество труповъ животныхъ, неуспѣвшихъ спастись отъ потопа, и разныя гніющія вещества, распространяющія кругомъ страшную вонь и заразу.

Обыкновенно, при возвышеніи воды, тигры, лисицы, волки и другія животныя ищутъ себѣ спасенія на островкахъ рѣки, гдѣ и происходитъ въ этомъ сбродѣ страшная анархія: слабѣйшія служатъ пищею сильнѣйшимъ, которыя подъ конецъ, истребивъ всѣхъ слабѣе себя, заводятъ, ради своего существованія, безобразную междоусобную войну. Рѣка подымается все выше и выше, затопляетъ наконецъ всѣ острова, служившіе послѣднимъ убѣжищемъ несчастнымъ животнымъ, не знающимъ куда дѣться отъ грозной стихіи. Испуганныя жертвы напрасно стараются спастись отъ поглощающей ихъ воды вплавь: бурное теченіе уноситъ всѣхъ, разбиваетъ и выбрасываетъ въ концѣ концовъ на берегъ одни только трупы.

Часть Параны, лежащая въ Аргентинской конфедераціи, извѣстна болѣе другихъ, но и здѣсь, представляя главную жилу внутренняго движенія, мало измѣнилась она со времени завоеванія страны испанцами.

Судоходство по ней очень затруднительно вслѣдствіе множества рифовъ и нѣсколькихъ водопадовъ, которые низвергаются со скалы на скалу на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ миль. Самый обширный и величественный водопадъ на рѣкѣ Паранѣ—Гвайра (Guayra), лежащій между 24° и 25° южной широты. Громадная масса воды, занимающая въ ширину болѣе двѣнадцати тысячъ футовъ, моментально съуживается въ узкій каналъ въ двѣсти футовъ, въ которомъ она стремится съ ревомъ и пѣнясь по острымъ камнямъ и затѣмъ падаетъ въ бездну съ страшнымъ, оглушительнымъ шумомъ. Надъ бездною стоитъ постоянно огромный столбъ водяной пыли, отражающей въ себѣ радужные лучи величественнаго свѣтила...

Не смотря на рифы, Парана судоходна до впаденія въ нее рѣки Игвазу (Iguazu), то есть до самого водопада Гвайра, но при томъ для судовъ, сидящихъ въ водѣ не болѣе десяти футовъ...

Парагвай беретъ свое начало въ богатой брильян-

товыми минами бразильской провинціи Матто-Гроссо; нельзя не восхищаться этою великолѣпною рѣкою, которая, при одинаковой глубинѣ, спокойно и тихо катитъ свои волны въ прелестныхъ берегахъ, покрытыхъ роскошнымъ лѣсомъ, большая часть котораго еще не испытала на себѣ могущества человѣческихъ рукъ и служитъ только страшнымъ, непроходимымъ убѣжищемъ для хищныхъ звѣрей и множества разноцвѣтныхъ птицъ, которыя не видали еще въ своихъ владѣніяхъ человѣческаго лица, не испытали на себѣ силы его ружья или капкана...

Испанцы, первые посѣтившіе эту страну, застали здѣсь дикое племя, называвшее себя пайагуасъ (Payguas) и сохранившееся до настоящихъ временъ; рѣку же, на берегу которой жили эти индѣйцы, они называли Пайагвай (Payaguay), а на испорченномъ языкѣ—Парагвай.

Уругвай судоходенъ для судовъ, сидящихъ не болѣе четырнадцати футъ въ водѣ, только до города Сальта, то есть на протяженіи двухъ сотъ семидесяти верстъ, отъ своего устья. Въ этомъ мѣстѣ судоходство прерывается небольшимъ водопадомъ, который однако легко можно было бы избѣжать при помощи обходнаго канала, для прорытія котораго потребовалась бы весьма ограниченная сумма; но урагвайское правительство до сихъ поръ не позаботилось объ этой пустой вещи и тѣмъ, понятно, тормозитъ внутреннюю торговлю.

За этимъ водопадомъ Уругвай становится опять судоходнымъ, и всѣ суда, сидящія въ водѣ отъ шести до восьми футовъ, могутъ свободно проникнуть въ самый центръ бразильской провинціи Санта-Катарина.

Всѣ рѣки Ла-Платскихъ республикъ представляютъ прекрасные пути сообщенія, на которые стоитъ только обратить большее вниманіе, чтобы они могли доставить внутренней торговлѣ громадныя выгоды, могли бы увеличить благосостояніе жителей, просвѣтили бы ихъ и могли бы заселить еще незаселенныя, но чрезвычайно богатыя, мѣстности, лежащія по ихъ берегамъ.

Парана и Уругвай—главныя артеріи этой обширной системы, даже и въ настоящее время, когда онѣ мало изслѣдованы, когда жители еще находятся въ первобытномъ состояніи, приносятъ странѣ громадныя выгоды: только жаль, что мѣстные жители не имѣютъ охоты заняться судоходствомъ, и почти всѣ суда, плавающія по Ла-Платскимъ рѣкамъ, принадлежатъ иностранцамъ, которые чрезвычайно ловко загребаютъ жаръ чужими руками, богатѣютъ не по годамъ, а по днямъ, и забираютъ въ свои руки всю внутреннюю торговлю. При такихъ обстоятельствахъ нельзя мечтать объ увеличеніи благосостоянія жителей...

Промышленность и торговля аргентинскихъ провинцій зависитъ отъ ихъ топографическаго и географическаго положенія; такъ напримѣръ, рѣчныя провинціи, лежащія по судоходнѣйшимъ и лучшимъ рѣкамъ Ла-Платы,—Санта-Фе, Корріентесъ и Энтръ-Ріосъ, высылаютъ ежегодно громадное количество кожъ, шерсти, сала, жиру, конскаго волосу и соленаго мяса. Жители же внутреннихъ провинцій занимаются земледѣліемъ и выдѣлкою разныхъ матерій; изъ нихъ вывозится: вино, сахаръ, сушеные фрукты и т. п. Многія области Аргентинской республики изобилуютъ богатыми рудами разныхъ металловъ, которыя могли бы доставить громадныя богатства; но, къ несчастью, недостатокъ рабочихъ рукъ не позволяетъ приступить къ ихъ разработкѣ: большая часть этихъ природныхъ сокровищницъ остается въ совершенномъ забытьи, въ первобытномъ состояніи, и много лѣтъ пройдетъ до тѣхъ поръ, когда застучитъ, еще въ нетронутыхъ горахъ, заступъ, когда закипитъ здѣсь дѣятельная, энергичная работа, когда груды разрытой почвы начнутъ постепенно выдѣлять изъ себя золото, серебро, мѣдь и другія металлы...

Климатъ въ Аргентинской республикѣ чрезвычайно здоровый и въ высшей степени благодѣтельный для животной и растительной жизни; средняя годовая тем-

пература въ разныхъ мѣстахъ конфедераціи чрезвычайно разнообразна, потому что эта страна занимаетъ по широтѣ часть умѣреннаго и часть жаркаго пояса, и, кромѣ того, различныя ея провинціи находятся на разной высотѣ надъ уровнемъ океана, и это обстоятельство имѣетъ сильное вліяніе на ихъ среднюю годовую температуру.

Конфедерація замѣчательна громаднымъ разнообразіемъ представителей трехъ царствъ: животнаго, растительнаго и минеральнаго; ея большое протяженіе по широтѣ и разнообразіе климата способствуетъ обработкѣ всевозможныхъ растеній и разведенію животныхъ всѣхъ родовъ. Тутъ разводятся ваниль, ревень, табакъ, маніокъ, хлѣбныя растенія, бермудскій картофель, конопля, ленъ, рисъ и проч. Изъ животныхъ встрѣчаются: лошади, быки, овцы, ламы, альпака, олени, тапиры, зайцы, кабаны, лисицы, муравьѣды, обезьяны, наконецъ тигры, ягуары, американскіе львы или пумы, красные волки, выдры, даже крокодилы и другія менѣе замѣчательныя животныя. Изъ птицъ водятся: страусы, цапли, перцеяды, колпицы, орлы, кобчики, мышеловы, коршуны, разноцвѣтные попугаи, райскія птицы, колибри, сѣрые дрозды, щуры и проч....

Честь открытія и завоеваніе областей, составляющихъ собственно Ла-Плату, то есть: Аргентинской Конфедераціи, Восточной республики, Уругвай и Парагвай, принадлежитъ, преимущественно испанскимъ экспедиціямъ, посланнымъ сюда или по королевскому повелѣнію или же снаряженныхъ частными лицами, или искателями приключеній, желавшихъ обогатиться въ новой странѣ, о которой носились въ то время самые фантастическіе, самые преувеличенные слухи. Экспедиціи, посланныя изъ Европы, прежде всего поднялись по рѣкѣ Паранѣ и утвердились въ Парагваѣ; отсюда уже онѣ начали распространять владѣнія испанскаго короля къ югу, западу, востоку и сѣверу, завладѣли всей нынѣшнею республикою—Парагваемъ,

Корріентесомъ, Энтръ-Ріосомъ, Санта-Фе и Буеносъ-Айресомъ, составляющими въ настоящее время однѣ изъ провинцій Аргентинской Конфедераціи и наконецъ богатою землею, извѣстною теперь подъ названіемъ республики Уругвай, или Восточная Банда.

Всѣ эти вновь открытыя и завоеванныя земли были подчинены вице-королю Чили, которая уже была въ то время подъ владычествомъ испанцевъ; но открытый вслѣдъ затѣмъ небольшой участокъ земли, лежащій между рѣками Параной и Уругваемъ и присоединенный въ настоящее время къ Аргентинской конфедераціи подъ названіемъ „Миссіонерской Территоріи" (Missions),—былъ отданъ подъ управленіе вице-короля Перу [1]), который кромѣ того, какъ старшій испанскій губернаторъ въ Южной Америкѣ, имѣлъ высшее наблюденіе не только надъ вновь завоеваными землями, но даже и надъ Чили, вице-король которой былъ ему подчиненъ королевскимъ указомъ. Ставъ такимъ образомъ твердою ногою въ малоизвѣстной еще странѣ заселенной дикими и кровожадными индѣйцами, испанское правительство стало помышлять о дальнѣйшемъ распространеніи своихъ обширныхъ владѣній въ Южной Америкѣ, и приказало вице-королямъ Перу и Чили посылать для этой цѣли отряды, которые приняли бы подъ верховное владычество Испаніи всѣ земли, еще незавоеванныя и неизслѣдованныя, и лежащія между вышеупомянутыми вице-королевствами и только что завоеванными европейскими областями.

Въ силу этого приказанія, стали посылаться изъ Перу и Чили хорошо снаряженныя экспедиціи, которыя быстро увеличивали владѣнія испанскаго короля.

Побѣдители обращались съ побѣжденными народами жестоко и несправедливо и тѣмъ только привели туземцевъ въ ярость, въ непріятное съ собою столкно-

[1]) Перу также уже принадлежала въ то время испанцамъ.

веніе, слѣдствіемъ котораго было частое разрушеніе и разграбленіе только что основанныхъ испанцами городовъ и истребленіе всѣхъ попадавшихся имъ испанцевъ, безъ различія возраста и пола. Въ эти ужасные годы страшной международной ненависти и жажды мщенія, гибли тысячами въ ужасныхъ мукахъ какъ туземцы, такъ и завоеватели. Первые старались сбросить съ себя ненавистное ярмо послѣднихъ, мстили имъ за ихъ безчеловѣчность и жестокость, рѣзали беззащитныхъ дѣтей, женщинъ и стариковъ, выбирая удобныя минуты для нападеній на зарождающіеся города, когда большая часть мужскаго населенія, носившаго оружіе, расправлялось гдѣ нибудь за десятки миль отъ своего жилья съ недовольными индѣйцами другихъ племенъ.

Какое распространялось въ рядахъ испанскаго войска горе, какою страшною местью закипали ихъ сердца при видѣ, по возвращеніи изъ экспедиціи, заслуженной кары за свои подлыя дѣла, при видѣ разрушеннаго, испепеленнаго города, зарѣзанныхъ храбрыхъ защитниковъ, безпомощныхъ стариковъ и дѣтей, позора, которому подверглись ихъ жены, сестры, матери и невѣсты, и истерзанныхъ труповъ несчастныхъ жертвъ, надъ которыми вдоволь потѣшились дикіе индѣйцы!... Въ отместку за разграбленіе города, убійства и позоръ, испанцы нападали на первыхъ, попавшихся имъ на глаза индѣйцевъ, не разбирая причастны ли они или непричастны къ совершенному преступленію, рѣзали ихъ, предавали страшнѣйшимъ мукамъ, безъ различія пола и возраста, и тѣмъ только усиливали противъ себя ненависть другихъ туземцевъ, которые при первомъ удобномъ случаѣ жестоко вознаграждали испанцевъ за ихъ несправедливую жестокость и мученія. Такимъ образомъ долгое время кипѣла между завоевателями и побѣжденными упорная безнравственная борьба, постепенно уменьшавшая число туземныхъ жителей, развращавшая нравы какъ ихъ,

такъ и испанскіе, и вообще подготовлявшая ту анархію, въ которую впадали иногда ла-платскія республики, особенно Аргентинская и Уругвай; въ послѣдней даже и до настоящаго времени кипитъ наслѣдственная вражда между бѣлымъ и цвѣтнымъ населеніемъ, ни на минуту не прерывающаяся, причемъ одна партія передъ другою хочетъ, прибѣгая ко всевозможнымъ средствамъ, владычествовать въ странѣ.

Въ эпоху открытія Ла-Платы, она была заселена многочисленными племенами цвѣтнаго населенія, отъ которыхъ однако осталось, можетъ быть, не болѣе десятой доли, потому что страшная борьба ихъ съ испанцами и цивилизація, проникшая къ нимъ отъ завоевателей, погубили большую часть этого населенія, стерли съ лица земли цѣлыя племена.

Первая экспедиція, посланная испанскимъ королемъ (въ октябрѣ 1515 года) въ Ла-Плату, находилась подъ начальствомъ Жуанъ-Діазъ де-Солисъ; она состояла изъ трехъ кораблей (отъ 30 до 60 тоннъ каждый) и шестидесяти храбрыхъ и неустрашимыхъ матросовъ-авантюристовъ. Войдя черезъ нѣсколько времени въ Ріо-де-ла Плату, Солисъ высадился на восточномъ ея берегу, близъ впаденія рѣки Уругвая, и занялъ эту вновь открытую землю именемъ испанскаго короля, но въ первой же битвѣ съ дикими индѣйцами племени чаруа (Charrua) онъ былъ убитъ, и экспедиція, потерявъ своего начальника и не рѣшаясь безъ него пуститься въ глубь страны, принуждена была вернуться въ Испанію, гдѣ и заявила правительству о вновь открытой, но еще не завоеванной землѣ, которую они описали въ самыхъ яркихъ краскахъ, хотя въ сущности ничего еще особеннаго не видѣли. Испанскій король непремѣнно пожелалъ завладѣть богатою страною и приказалъ изготовить вторую экспедицію, которая и послана была къ берегамъ Ла-Платы въ 1526 году, подъ начальствомъ Габото. Послѣ долгаго, труднаго плаванія Габото вошелъ наконецъ въ устье Ріо-де-Ла-Платы и

сталъ на якорь противъ того самаго мѣста, гдѣ находится въ настоящее время столица Аргентинской республики—Буйеносъ-Айресъ; черезъ нѣсколько времени, онъ отправился на одномъ кораблѣ вверхъ по Паранѣ и, 28 марта 1528 года, вошелъ въ рѣку Парагвай, гдѣ и высадился при устьѣ рѣки Пермею; но неудачно: большая часть его спутниковъ была истреблена индѣйцами племени агасовъ (Agaces). Видя невозможность бороться съ дикими туземцами съ такими небольшими силами, Габото рѣшился спуститься въ Ла-Плату и принять подъ свое начальство остальные корабли экспедиціи, которымъ приказано было ждать его возвращенія и ни въ какомъ случаѣ не имѣть сношенія съ берегомъ и туземцами. Спускаясь по рѣкѣ Парагваю, Габото встрѣтилъ, почти у самаго ея устья, Гарсія, начальника новой экспедиціи, посланной испанскимъ королемъ нѣсколько позже габотовской, именно 15 Августа 1526 года.

Встрѣча эта подѣйствовала на честолюбиваго Габото чрезвычайно непріятно, и тутъ же завязался между двумя начальниками экспедицій жестокій споръ, причемъ каждый изъ нихъ претендовалъ на право перваго открытія этой страны, каждый старался захватить управленіе новою землею въ свои руки. Гарсіо, назначенный королемъ, предъ своимъ отъѣздомъ губернаторомъ всѣхъ земель, которыя будутъ имъ открыты впослѣдствіи, долгое время не хотѣлъ подчиниться Габото, но наконецъ уступилъ силѣ и призналъ своего противника губернаторомъ Ла-Платы, затаивъ въ сердцѣ сильную противъ него ненависть.

Габото немедленно послалъ къ королю Карлу V, на одномъ изъ своихъ кораблей двухъ пословъ, которые и поднесли ему куски золота и серебра добытые у индѣйцевъ, причемъ просили короля назначить своего начальника губернаторомъ вновь открытыхъ земель. Карлъ V милостиво выслушалъ посланныхъ Габота, назначилъ его губернаторомъ и обѣщалъ даже

послать ему подкрѣпленіе для дальнѣйшихъ завоеваній, но событія, случившіяся въ Европѣ, въ 1529 году, помѣшали выполненію этого обѣщанія.

Габото, ничего не зная объ исходѣ своего посольства, измучившись долгимъ ожиданіемъ, рѣшился оставить на время вновь открытыя имъ земли и отправился въ Испанію, гдѣ его ждало непріятное разочарованіе. Здѣсь ему объявили, что король испанскій не можетъ помочь ему деньгами и войскомъ для дальнѣйшихъ завоеваній, и онъ, не имѣя собственныхъ средствъ для новой экспедиціи, долженъ былъ отказаться отъ только-что полученнаго губернаторства, которое передано было богатому испанскому дворянину Педро Мендозѣ, предложившему правительству послать экспедицію на свой счетъ и подъ своимъ начальствомъ.

Пышное предложеніе Мендозы было принято и онъ вышелъ изъ Севильи, 24 августа 1534 года, съ 14 кораблями и многочисленнымъ экипажемъ, состоявшимъ изъ 2,500 испанцевъ, 150 нѣмцевъ и фламандцевъ и 60 лошадей; въ началѣ 1535 года онъ прибылъ въ Ла-Плату, гдѣ и сталъ на якорь, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Габото.

Высадившись на берегъ, Мендоза основалъ 2 февраля 1535 года Сантъ-Марія де Буеносъ-Айресъ, нынѣшнюю столицу Аргентинской республики, но это обошлось не дешево: ему пришлось выдержать нѣсколько нападеній дикихъ индѣйцевъ, причемъ погибла значительная часть его спутниковъ.

Въ то время, когда Мендоза основывалъ Буеносъ-Айресъ, одинъ изъ его подчиненныхъ, именно Жуанъ де-Айолосъ отправился, по его приказанію, вверхъ по Паранѣ и Парагваю и основалъ на правомъ берегу послѣдней (14 августа 1536 года) городъ Асунсіонъ, настоящую столицу Парагвайской республики.

12 февраля 1537 года Айоласъ съ небольшимъ отрядомъ рѣшился пробиться въ Перу, передавъ командованіе экспедиціею своему товарищу Доминго Мар-

тинецу де-Ирала, и такимъ образомъ положить нѣкоторую связь между старыми и новыми испанскими владѣніями.

Между тѣмъ Мендоза, измучившись постоянною борьбою съ дикими индѣйцами, потерявъ въ битвахъ съ ними большую часть своего экипажа, палъ духомъ и, не надѣясь на благопріятный исходъ своей экспедиціи, рѣшился вернуться въ Испанію, передавъ губернаторство отсутствующему Айоласу, о которомъ однако никто не имѣлъ никакого извѣстія.

При такомъ неблагопріятномъ положеніи дѣлъ избранъ былъ въ временные губернаторы Ирала, первымъ административнымъ дѣломъ котораго былъ призывъ всѣхъ оставшихся испанцевъ въ Буеносъ-Айресѣ въ Асунсіонъ, чтобы хоть здѣсь окончательно утвердиться и представить сильный отпоръ нападеніямъ дикихъ индѣйцевъ.

Между тѣмъ въ Испаніи, получивъ извѣстіе о смерти Айоласа и Мендозы (послѣдній умеръ на обратномъ пути въ Испанію), назначили новаго губернатора Алваръ Нунецъ-Кабеца де-Васа, который и не замедлилъ прибыть въ Парагвай, 11 марта 1542 года. Принявъ отъ Ирала титулъ губернатора Ла-Платы, онъ поручилъ послѣднему отыскать дорогу въ Перу, но узнавъ черезъ нѣсколько времени о нападеніи на Ирала индѣйцевъ, самъ вышелъ изъ Асунсіона во главѣ сильнаго войска и поспѣшилъ къ нему на помощь (8 сентября 1543 года).

Трудность похода и постоянныя опасности сильно повліяли на духъ войска, которое вышло изъ повиновенія и принудило Васа возвратиться въ Асунсіонъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ апрѣля слѣдующаго года; зачатки революціи не замедлили вскорѣ разразиться страшнымъ бунтомъ: въ ночь съ 25 на 26 апрѣля, войско, подстрекаемое неизвѣстнымъ агитаторомъ, возстало противъ своего губернатора, схватило и отослало въ Испанію подъ предлогомъ его неповиновенія

волѣ монарха. Вмѣсто Васа избранъ былъ большинствомъ голосовъ въ губернаторы — Ирала, только что возвратившійся изъ своей неудачной экспедиціи. Въ продолженіе пяти лѣтъ Ирала не получалъ изъ Испаніи никакого извѣстія; все это время его постоянно преслѣдовала одна только мысль—проложить дорогу въ Перу. Наконецъ, желая во что бы то ни стало выполнить задуманный проектъ, Ирала вышелъ изъ Асунсіона, въ августѣ 1548 года, во главѣ отлично снаряженной экспедиціи и счастливо дошелъ до Чуквизака (Chuquisaca) въ Боливіи. Отсюда онъ послалъ къ Перуанскому вице-королю Лагаска посольство, которое предложило ему отъ имени Ирала помощь для возстановленія тишины въ Перу, потрясаемой уже въ то время страшными революціями.

Лагаска, слышавъ о войскѣ Ирала, какъ о самомъ безнравственномъ сбродѣ разбойниковъ, оказывающихъ постоянно своимъ начальникамъ полное неповиновеніе, очень хорошо понялъ, что вмѣсто водворенія въ Перу спокойствія, они еще больше взбунтуютъ народъ, еще болѣе внесутъ въ его страну безпорядковъ, а потому, поблагодаривъ Ирала за его любезное предложеніе и опасаясь, чтобы упадокъ нравственности въ войскѣ послѣдняго не проникъ въ его собственную армію, просилъ Ирала удалиться въ Парагвай, на что тотъ изъявилъ полное несогласіе. Такимъ образомъ возникли между Лагаской и Ирала сильныя неудовольствія, принудившія перваго, въ силу своего высокаго положенія въ Испанскихъ владѣніяхъ Южной Америки, отрѣшить послѣдняго отъ командованія войскомъ и назначить вмѣсто него другаго (Діего Сентено); но Ирала не подчинился такому рѣшенію и въ бѣшенствѣ умертвилъ своего намѣстника, ставъ опять во главѣ буйнаго войска. Вскорѣ послѣ этого сами солдаты Ирала, измученные труднымъ походомъ и недовольные своимъ предводителемъ, отдалили его отъ командованія экспедиціей, выбравъ на его мѣсто Гонзало де-Мендозу; но

черезъ нѣсколько времени, войско, постоянно всѣмъ и всѣми недовольное, свергнуло только что избраннаго предводителя и признало опять Ирала командующимъ экспедиціею.

Такимъ образомъ, своеволіямъ буйнаго и безнравственнаго испанскаго войска не было и конца; оно дѣлало все, что только желало, и рѣшительно ворочало своими предводителями, которые, какъ видно, не имѣли ни голоса, ни власти, но подчинялись прихотямъ своихъ разбойничьихъ шаекъ. Эти-то постоянные безпорядки, своеволіе солдатъ, вражда предводителей, интриги и убійства подготовляли постепенно то, что видѣли мы недавно и видимъ въ настоящее время въ большей части южно-американскихъ республикъ, т. е. полнѣйшую анархію.

Чтобы успокоить нѣсколько недовольныхъ труднымъ походомъ, Ирала вернулся, въ 1557 году, въ Асунсіонъ, гдѣ вскорѣ и умеръ, передавъ управленіе завоеванной страною своему зятю Гонзало де-Мендозѣ, который умеръ въ свою очередь 6 іюля 1558 года.

Выбранный вслѣдъ затѣмъ губернаторъ Франциско-Ортицъ де-Бергара управлялъ страною очень неспокойно; постоянныя революціи, жестокія битвы съ индѣйцами показали, что онъ не обладалъ даромъ правленія и не пользовался любовью войска и новыхъ подданныхъ испанскаго короля. Благодаря своимъ многочисленнымъ врагамъ, которые всѣми силами старались возбудить къ нему въ испанскомъ правительствѣ недовѣріе, Бергара былъ вызванъ въ Испанію и отрѣшенъ отъ губернаторства. Изъ слѣдующихъ [1]) за нимъ правителей особенно замѣчателенъ Жуанъ Жарая, бывшій

---

[1]) Послѣ Бергара управляли страною: Жуанъ Ортецъ Цавати, при которомъ утверждена была должность вице-губернатора; затѣмъ его дочь, управлявшая страною подъ опекою Жарая (вице-губернатора), и наконецъ племянникъ Цавати--Діего Мендиета, славившійся жестокимъ обращеніемъ съ туземцами, которыми даже былъ умерщвленъ.

прежде вице-губернаторомъ Ла-Платы и основавшій въ это время извѣстный городъ Санъ-Фе де-ла-Вера-Круцъ (въ іюлѣ 1573 года). Первымъ дѣломъ этого губернатора было усмиреніе волновавшихся войскъ въ Парагваѣ, которыя никакъ не могли забыть своего прежняго своеволія и не хотѣли подчиниться губернатору, назначенному не ими, а испанскимъ королемъ; такимъ образомъ, уже съ этого времени стало постепенно разростаться во вновь завоеванныхъ земляхъ желаніе отдѣлиться отъ испанскаго владычества и самовольно управлять страною.

Въ 1580 году Жарая положилъ новое основаніе Буеносъ-Айресу, потому что селеніе, основанное Мендозою въ 1553 году, было совершенно уничтожено набѣгами дикихъ индѣйцевъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ заложеннаго вновь города ему пришлось выдержать кровопролитную битву съ большою шайкою, хорошо вооруженныхъ туземцевъ, желавшихъ опять разрушить только что зарождающійся Буеносъ-Айресъ. Попытка индѣйцевъ окончилась полною неудачею; разбитые наголову, они были истреблены до послѣдняго, такъ что даже до сихъ поръ то мѣсто, гдѣ происходила эта битва, носитъ страшное названіе—Матанца (Matanza—бойня).

Въ 1584 году Жарая былъ измѣннически умерщвленъ индѣйцами, напавшими на него при его возвращеніи изъ Буеносъ-Айреса въ Асунсіонъ. Смерть Жарая возвратила индѣйцамъ надежду завладѣть Буеносъ-Айресомъ и Санта-Фе; но всѣ ихъ нападенія соединенными силами были удачно отбиты храбрыми защитниками этихъ городовъ, которые надолго отучили туземцевъ отъ дерзкаго нападенія на большія колоніи.

Съ 1584 по 1620 годъ въ Ла-Платѣ перемѣнилось множество губернаторовъ, но особеннаго въ ихъ правленіе ничего не случилось [1]).

---

[1]) Только правленіе Жуанъ-Тересъ де Вера (1558 годъ) ознаменовались основаніемъ города Корріентесъ и трехъ индѣйскихъ Гвакарасъ, Итати Охома и Санта-Луція.

Въ 1620 году испанскій король раздѣлилъ всю завоеванную страну на двѣ, совершенно независимыя другъ отъ друга, провинціи. Парагвай, включающую въ себѣ все пространство, лежащее между рѣками Параною и Парагваемъ, и провинцію Ріо-де-Ла-Плата, къ которой причислены были земли Буеносъ-Айреса, Корріентесъ, Энтр-Ріосъ, Санта-Фе, а также все пространство, составляющее въ настоящее время Восточную республику Уругвай.

Провинціи Парагвай и Ріо-де-Ла-Плата управлялись отдѣльными губернаторами, назначаемыми испанскимъ королемъ и подчиненными вице-королю Перу, какъ главнѣйшему во всѣхъ испанскихъ владѣніяхъ Ю. Америки. Это административное раздѣленіе завоеванной страны существовало до 1776 года, т. е. до эпохи новыхъ административныхъ переворотовъ, о которыхъ будетъ сказано выше...

Въ то время, когда экспедиціи, посылаемыя изъ Европы завоевывали Парагвай и прилежащія къ нему земли, вице-короли Перу посылали отъ себя, по приказанію испанскаго короля, небольшіе отряды, которые должны были забирать всѣ неизвѣстныя области, лежащія вблизи этого королевства.

Большая часть посылаемыхъ изъ Перу экспедицій не имѣли полнаго успѣха вслѣдствіе неурядицъ начальниковъ и безпорядковъ въ войскѣ; но тѣмъ не менѣе уже въ 1553 году захвачены были обширныя земли Тукуманъ, составившія провинцію Сантъ-Яго дель-Эстеро, управлявшуюся собственнымъ губернаторомъ, избираемымъ перуанскимъ вице-королемъ. Первымъ губернаторомъ вновь образовавшейся провинціи назначенъ былъ въ 1560 году, Жуанъ-Перецъ де-Цурита, основавшій три города: Лондусъ, Канете и Кордова; но онъ управлялъ ввѣренной ему областью очень недолго: испанцы, поселившіеся въ городѣ Лондусъ и недовольные жестокимъ обращеніемъ своего губернатора, свергли его и выбрали въ управители нѣкоего

Грегоріо Костаньде, основавшаго, въ 1561 году, въ долинѣ Жужуй, городъ Ніева. Такимъ образомъ начало распространяться своеволіе и неповиновеніе и въ земляхъ, открываемыхъ со стороны Перу и Чили.

Въ 1562 году, индѣйцы долины Кальчаки, недовольные жестокимъ обращеніемъ побѣдителей и замѣчая, что тѣ стараются все дальше и дальше отодвинуть ихъ отъ родныхъ пампасовъ, двинулись въ громадной массѣ на только что основанные города и разрушили ихъ до основанія, истребивъ при этомъ всѣхъ жителей, безъ различія пола и возраста.

Костанедо всѣми силами старался предотвратить грозное нашествіе и даже нѣсколько разъ вступалъ съ дикими индѣйцами въ кровопролитныя битвы; но всегда побѣждаемый многочисленностью, палъ духомъ и съ позоромъ бѣжалъ изъ своей провинціи въ Чили, поручивъ управленіе страною своему другу капитану Перальта.

Въ 1563 году, присланъ былъ изъ Испаніи королевскій указъ, присоединявшій провинцію Сантъ-Яго къ Ріо-де-Ла-Платѣ, но при этомъ предписано было имѣть, въ первой, особаго правителя, зависящаго впрочемъ отъ Ла-Платскаго губернатора. Изъ первыхъ правителей Сантъ-Яго особенно замѣчателенъ Луи-Кабрера.

Въ 1574 году, нѣкто, Гонзало де-Абренъ Фигвероа выступилъ изъ Перу во главѣ сильнаго отряда, снаряженнаго на собственный счетъ, и овладѣлъ, пользуясь отсутствіемъ Кабреры, провинціею Сантъ-Яго, объявивъ себя ея губернаторомъ. Затѣмъ онъ направился на Кордову, взялъ въ плѣнъ своего собрата Кабреру, отрубилъ ему голову и, желая властвовать въ завоеванной имъ странѣ совершенно неограничено, задумалъ отдѣлиться отъ власти вице-короля Перу, а также и отъ Ла-Платскаго губернатора. Однако, вице-король Перу, узнавъ о замыслахъ Абрена, выслалъ противъ него, въ 1580 году, сильное войско, во главѣ котораго стоялъ, извѣстный своею жестокостью, Хермандо де-

Лерма, которому поручено было наказать преступника, замышлявшаго отдѣлиться отъ верховной власти испанскаго короля, такъ, чтобы надолго отбить у всѣхъ охоту къ подобнымъ выходкамъ. Лерма немедленно вторгнулся въ провинцію Сантъ-Яго, захватилъ Фигвероа въ плѣнъ и предалъ его жестокимъ мукамъ; долго терзали злополучнаго Гонзало, пока онъ не прекратилъ свою жизнь, полную треволненій и опасностей.

Лерма, сдѣлавшійся губернаторомъ Сантъ-Яго, отличался необыкновенною свирѣпостью характера и безъ зазрѣнія совѣсти предавалъ жесточайшимъ мукамъ какъ провинившихся въ чемъ нибудь испанцевъ, такъ и индѣйцевъ, которые сильно ожесточались и при первомъ удобномъ случаѣ съ меньшею жестокостью мстили за перенесенныя ихъ братьями мученія.

Вице-король Перу, услышавъ о извергствѣ Лермы, приказалъ арестовать его и отослать въ Чуквизака, а вмѣсто него назначилъ губернаторомъ (въ 1586 году) Жуана де-Веласко, который, желая соединить свою провинцію съ Перу безопасною дорогою, основалъ, въ 1592 году два станціонныхъ городка: Санъ-Сальвадоръ де-Жужуй и Ласъ-Юнтасъ.

До 1609 года въ Сантъ-Яго перебывало до восьми губернаторовъ; правленіе двухъ послѣднихъ (Квинонецъ Озоріо и Жуанъ де Вира) было необыкновенно кротко и благоразумно; даже дикіе индѣйцы, успокоенные хорошимъ обращеніемъ, притихли въ своихъ пустыняхъ и не думали нарушать страшными набѣгами спокойствіе завоевателей. Казалось, наступали для страны хорошія времена, которыхъ такъ жаждали немногіе благонамѣренные люди; но, къ несчастью, это спокойствіе продолжалось недолго. Кроткаго Жуанъ Алонцо де-Вира замѣнилъ, въ 1627 году, жестокій Фелипе Алорноцъ, который возстановилъ противъ себя своею свирѣпостью всѣ индѣйскія племена, долгое время уже не безпокоившія истерзанную страну; громадною мас-

сою бросились они на города Жужуй, Сальта, Тукуманъ и Ріо, желая не только разрушить ихъ до основанія, но и истребить всѣхъ вторгнувшихся въ ихъ владѣнія испанцевъ. Однако ихъ грозная попытка не увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Алорноцъ съ замѣчательнымъ мужествомъ и быстротою успѣлъ отбить всѣ ихъ нападенія и принудилъ удалиться въ свои пустыни. Съ этихъ поръ наступили для индѣйцевъ несчастныя, страшныя времена: ихъ преслѣдовали, какъ стаи кровожадныхъ волковъ, безжалостно избивали, безъ различія возраста и пола, предавали жесточайшимъ мукамъ, думая этими ужасными средствами усмирить ихъ буйный характеръ; но подобное обращеніе привело къ совершенно противоположному результату, и свирѣпый Алорноцъ ошибся въ своихъ страшныхъ разсчетахъ. Все индѣйское населеніе единодушно возстало, какъ одинъ человѣкъ, противъ жестокаго мучителя и еще разъ попыталось свергнуть ненавистное и унизительное для себя ярмо испанцевъ. Нѣкоторое время вся завоеванная территорія находилась въ страшной опасности; были минуты, когда ожидали, что все, пріобрѣтенное кровью и трудами, отпадетъ опять къ разсвирѣпѣвшимъ индѣйцамъ, и это легко могло бы случиться, если бы не послано было изъ Перу сильное подкрѣпленіе.

Дѣйствительно, никогда не возставали индѣйцы такъ единодушно, какъ въ эти страшные для испанцевъ дни; послѣдніе считали уже себя совершенно погибшими и съ ужасомъ помышляли о тѣхъ страшныхъ мукахъ, которыя пришлось бы имъ перенести у позорнаго столба индѣйцевъ... Наконецъ возстаніе начало ослабѣвать; туземцы, получивъ сильный отпоръ отъ присланнаго въ Перу подкрѣпленія, удалились въ свои пустыни; но и оттуда еще грозили въ безсильной злобѣ своимъ жесточайшимъ врагамъ и не упускали удобной минуты для вторженія въ испанскія владѣнія.

Десять лѣтъ длилась жесточайшая война, въ кото-

рой испанцы и индѣйцы наперерывъ старались превзойти другъ друга въ жестокости, безнравственности и безчеловѣчности! Нѣтъ, эту рѣзню нельзя даже назвать войною: индѣйцы и испанцы рѣшались на всевозможныя подлости и низости, чтобы только побѣдить врага; рѣзали не только захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, но даже женщинъ, стариковъ и дѣтей, словомъ, одна нація стремилась во что бы то ни стало стереть съ лица земли другую. Плѣнныхъ передавали въ эти ужасные годы самымъ страшнымъ мукамъ, какія только могли выдумать рассвирѣпѣвшіе солдаты и индѣйцы, а они, нужно сознаться, превзошли въ этомъ отношеніи даже самаго Вельзевула...

Наконецъ, дикій и кровожадный Алорнонъ, причина всѣхъ постигшихъ страну бѣдствій, ужасовъ и убійствъ, былъ отрѣшенъ, въ 1637 г., отъ недостойно занимаемой имъ важной должности. Слѣдующіе за нимъ губернаторы всѣми силами старались успокоить разволновавшихся индѣйцевъ, но ни кротость ихъ, ни дарованія не могли укротить бурныя страсти, встревоженныя жестокимъ Алорноцомъ. Долгое время они не имѣли никакого успѣха, потому что сами испанцы, не менѣе индѣйцевъ, отдались своимъ бурнымъ страстямъ и вдесятеро отплачивали имъ за ихъ жестокости и буйные набѣги. Словомъ, испанцы озлобились не менѣе индѣйцевъ, хотя сами были всему виною, и губернаторы не могли воздержать ихъ мести, между тѣмъ какъ только этимъ возможно было укротить дикихъ индѣйцевъ; только платя добромъ за зло можно было привязать ихъ опять къ побѣдителямъ; но этого достигнуть было очень трудно, потому что страшный законъ дикихъ народовъ «око за око, зубъ на зубъ» былъ здѣсь въ полной силѣ.

Только въ 1664 году окончательно прекратились жестокія битвы съ индѣйцами, которые принуждены были наконецъ покориться силѣ и «испанской цивилизаціи», приведшей ихъ, откровенно сказать, на край

могилы. Съ 1664 года прекратились также дальнѣйшія завоеванія испанцевъ и съ этого времени они занялись заселеніемъ завоеванныхъ странъ.

Теперь скажу нѣсколько словъ о той помощи, которую оказала Чили въ распространеніи владѣній испанскаго короля; посылаемыя чилійскимъ вице-королемъ экспедиціи имѣли большой успѣхъ: уже въ 1566 году завоевана была обширная территорія, образовавшая провинцію Куйо, а нѣсколько позже чилійцы уже начали прокладывать здѣсь дороги и прорывать, для орошенія земли, каналы. Вообще нужно сознаться, чилійцы дѣйствовали несравненно благоразумнѣе, почему и дѣла ихъ шли необыкновенно успѣшно; всѣ назначаемые въ эту провинцію губернаторы поставили себя въ отношеніи индѣйцевъ въ такое хорошее положеніе, что тѣ не производили здѣсь ни набѣговъ, ни грабежей, ни убійствъ.

Провинція Куйо постепенно богатѣла подъ благоразумнымъ и кроткимъ управленіемъ честныхъ и благородныхъ губернаторовъ; города быстро обстраивались, заселялись и заводили съ туземцами дѣятельную торговлю. Такъ прошло до 1776 года, когда вся эта провинція была присоединена къ вице-королевству Ла-Плата, основанному 8 августа того-же года и состоящему изъ слѣдующихъ провинцій: Ріо-де-Ла-Плата, Тукуманъ, территорій Чили, расположенныхъ по восточную сторону Андовъ, губернаторства Парагвай и территоріи Высокой Перу (въ настоящее время республика Боливія).

Новый вице-король сталъ зависить только отъ испанскаго короля; главнымъ городомъ вице-королевства сдѣланъ былъ Буеносъ-Айресъ, какъ древнѣйшій изъ основанныхъ въ немъ городовъ. Въ 1782 году Ла-Плата была раздѣлена на восемь интендантствъ или управленій (переименованныхъ въ слѣдующемъ году въ губернаторства), начальники которыхъ избирались испанскимъ королемъ, но въ дѣлахъ управленія они совершенно зависили отъ Ла-Платскаго вице-короля.

Подобное административное раздѣленіе Ла-Платы сохранилось до 1810 года, въ который вспыхнула въ ней сильная революція [1]) противъ испанскаго короля вызванная ограниченіемъ испанской колоніальной администраціи и отреченіемъ отъ короны Фердинанда VIII. Временная юнта (исп. совѣтъ), составленная исключительно изъ американцевъ, замѣнила власть вице-короля; всѣ провинціи единодушно потребовали федеративную форму правленія, образуя при этомъ, такъ называемыя „Соединенныя провинціи".

Съ этого времени началась сильная и продолжительная борьба между Буеносъ-Айресомъ и остальными аргентинскими провинціями; городъ Буеносъ-Айресъ изъявилъ, послѣ освобожденія отъ ига метрополіи, притязаніе на преобладаніе надъ всѣми частями прежняго вице-королевства, на основаніи того, что онъ считался въ то время столицею всей завоеванной страны; остальныя провинціи не желали оказать ему подобнаго предпочтенія, вслѣдствіе чего возгорѣлась междуусобная война за гегемонію, продолжающаяся и до настоящаго времени. Мы не будемъ описывать никому не интересныхъ подробностей междуусобій, а перейдемъ прямо ко времени знаменитаго Розаса.

4 января 1831 года, заключенъ былъ между провинціями: Буеносъ-Айресомъ, Санта-Фе, Энтръ-Ріосъ и Корріентесомъ, такъ называемый, „прибрежный трактатъ", принятый и остальными провинціями: онъ признавалъ во всѣхъ древнихъ Союзныхъ провинціяхъ федеральный образъ правленія и совершенную независимость ихъ извнѣ. Каждая провинція имѣла свое отдѣльное управленіе, своего губернатора и представителей; веденіе сношеній съ иностранными державами, а также и войны—представлялось губернатору Буеносъ-Айреса, который назначался въ этомъ случаѣ главнокомандующимъ союзной арміи.

---

[1]) 25 мая 1810 года.

Розасъ [1]), вступивъ въ управленіе дѣлами республики, старался всѣми силами отстранить исполненіе трактата 1831 года и не думалъ заняться благоустройствомъ страны; тогда генералъ Лопецъ, губернаторъ провинціи Санта-Фе, рѣшительно потребовалъ у Розаса приступить къ благоустройству республики; но на всѣ его настоятельныя требованія тотъ отвѣчалъ ему, что у него до сихъ поръ не было времени заняться этимъ важнымъ дѣломъ, а собраніе постановительныхъ коммисій могло помѣшать ходу правленія.

Генералъ Лопецъ былъ сильно возбужденъ этимъ нахальнымъ отвѣтомъ и рѣшился, пригласивъ съ собою извѣстнаго генерала Квирога, прославившагося въ послѣднихъ гражданскихъ войнахъ, силою оружія потребовать немедленнаго приступленія къ устройству республики. Квирога былъ чрезвычайно опаснымъ врагомъ Розаса и могъ бы серьезно противудѣйствовать его дерзкимъ планамъ, но онъ не достигнулъ своей благородной цѣли, потому что палъ подъ ножами наемныхъ Розасомъ убійцъ. Лопецъ, потерявъ лучшаго и сильнѣйшаго своего союзника, долженъ былъ оставить пока свое намѣреніе въ сторонѣ и прекратить воинственныя приготовленія.

По истеченіи законнаго срока президентства, Розасъ сложилъ съ себя эту должность, поступивъ въ первый и послѣдній разъ въ смыслѣ конституціи; но въ 1835 году онъ былъ избранъ снова и уже съ неограниченною властью, потому что иначе онъ не желалъ быть выбраннымъ. Каждый разъ, какъ истекалъ срокъ его президентства, Розасъ начиналъ лицемѣрно отказываться отъ своей должности, которая будто бы разстраивала

[1]) Розасъ родился въ 1813 году, въ Буеносъ-Айресѣ, въ почтенномъ семействѣ, переселившемся сюда изъ Астуріи. Его прадѣдъ былъ губернаторомъ въ Чили. Въ молодости, Розасъ долго жилъ между гаучо, на эстанціяхъ своихъ родственниковъ, принималъ участіе въ ихъ работахъ, играхъ и разныхъ увеселеніяхъ. Гаучо смотрѣли на юношу какъ на своего и съ гордостью поддерживали потомъ домогательства бывшаго товарища.

его здоровье, будучи совершенно увѣренъ, что его станутъ упрашивать остаться и принять на себя управленіе страною, и дѣйствительно, какъ только онъ заикался объ отказѣ, депутаты начинали упрашивать его остаться во главѣ республики, каждый разъ прибавляя ему, въ видѣ подмазки, новыя права и новыя почести.

Такимъ образомъ, Розасъ, поддерживаемый своими вѣрными гаучо, постепенно захватывалъ власть въ свои руки, постепенно дѣлался неограниченнымъ властелиномъ, деспотомъ своей страны. Онъ уже совершенно пересталъ думать объ устройствѣ республики по конституціи 1831 года, и никто ему объ этомъ не осмѣливался напомнить, потому что ножи подкупленныхъ убійцъ заставили бы на вѣки замолчать смѣлаго выскочку.

Впрочемъ, Розасъ, въ первые годы своего деспотическаго правленія, оказалъ республикѣ большія услуги, которыя много помогли ему удержать власть въ своихъ рукахъ, потому что своими побѣдами онъ возбудилъ къ себѣ безумную любовь низшаго класса людей—гаучо. Первымъ его дѣломъ было наказать за частые набѣги индѣйцевъ, жившихъ на южной границѣ Буеносъ-Айреса и Чили; въ союзѣ съ чилійцами онъ рѣшился усмирить дикарей и навсегда отбить у нихъ охоту врѣзываться во внутрь страны и истреблять все, попадающее на ихъ пути огнемъ и оружіемъ. Во главѣ храбрыхъ, но жестокихъ, гаучо двинулся Розасъ къ Магеланову проливу, билъ встрѣчающихся ему индѣйцевъ, безъ различія пола и возраста, билъ и рѣзалъ всюду, гдѣ только встрѣчалъ хотя бы самое слабое сопротивленіе, причемъ освобождалъ отъ рабства тысячи плѣнныхъ христіанъ. Этимъ труднымъ и опаснымъ походомъ Розасъ стяжалъ себѣ въ народѣ славу и уваженіе, который воздавалъ ему всевозможныя почести и прославлялъ какъ героя... Къ этому же времени относится его славная борьба за народную независимость, за самостоятельность Новаго Свѣта.

Въ 1837 году, Розасъ, на основаніи давно-забытаго закона, потребовалъ, чтобы всѣ иностранцы, поселившіеся въ Буеносъ-Айресѣ, участвовали въ національной миликіи, причемъ нѣсколько французовъ было завербовано силою. Протесты и жалобы французскаго агента остались безъ отвѣта; тогда французское правительство, почувствовавъ себя обиженнымъ, приняло противъ беззаконныхъ дѣлъ Розаса рѣшительныя мѣры: въ 1838 году, 28 марта, всѣ порты Аргентинской конфедераціи объявлены были въ блокадѣ. Французы, соединились съ врагами Розаса—уніонистами, во главѣ которыхъ сталъ извѣстный генералъ Лавалле, прибывшій въ то время изъ Монтевидео. Первое время Розасу не посчастливилось: войска его, встрѣтившись съ инсургентами и французами, были совершенно разбиты въ нѣсколькихъ стычкахъ. Въ 1840 году, „войско освободителей", подъ командою Лавалле, подошло къ Буеносъ-Айресу, внутри котораго начали вспыхивать частые мятежи, ясно доказывающіе, что власть Розаса начала колебаться.

Между тѣмъ Франція повела себя въ этой войнѣ до того безтактно, что сильно повредила успѣхамъ Лавалле; вмѣсто того чтобы сражаться, она начала домогаться низложить уругвайскаго президента Мануеля Орибе (друга Розаса) и посадить на его мѣсто главу революціоннаго движенія генерала Фруктуосо Ривера. Такимъ образомъ, она вздумала возводить и возлагать правителей въ Южной Америкѣ, чѣмъ сильно оскорбляла національную гордость и вмѣсто союзниковъ пріобрѣла себѣ въ народѣ враговъ, черезъ что сильно повредила своей выгодной съ этою страною торговлѣ. Окончательный поступокъ Франціи выказалъ ее въ очень невыгодномъ свѣтѣ; въ то время, когда Лавалле уже осадилъ Буеносъ-Айресъ, когда внутри столицы уже начали показываться признаки неудовольствія противъ Розаса, словомъ, когда окончательная побѣда была уже на сторонѣ союзниковъ, пріѣзжаетъ вдругъ изъ Франціи въ Монтевидео адмиралъ Мако

(23 сентября 1840 года) съ приказаніемъ отъ французскаго правительства все кончить и какъ можно скорѣе выпутать Францію изъ ла-платскихъ дрязгъ и ссоръ. Мако спѣшилъ измѣнить друзьямъ Франціи, вступилъ въ переговоры съ Розасомъ и заключилъ съ нимъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) республика Уругвай, на основаніи трактата 1828 года, по которому она отдѣлялась отъ Бразиліи, сохраняетъ свою независимость; 2) всѣмъ возставшимъ противъ Розаса должна быть объявлена амнистія; 3) всѣ убытки, нанесенные Франціею, должны быть вознаграждены, и наконецъ, 4) Франція, наравнѣ съ прочими державами, пользуется предоставленными имъ правами.

Недовольные уніонисты не признали этотъ договоръ дѣйствительнымъ и продолжали противъ Розаса дѣятельную борьбу; ихъ ненависть къ французамъ усилилась до того, что они громко и публично выражали противъ Франціи свое негодованіе. „Мако, Франція и измѣна", говорили они, „съ этихъ поръ однозначащія слова! Мы всѣ проданы, намъ измѣнили! За деньги Франція продала свою честь, своихъ союзниковъ, даже свою выгоду и она еще увѣрена, что Розасъ сдержитъ свои обѣщанія". И дѣйствительно, передъ глазами французскаго адмирала вели амнистированныхъ къ Розасу, пытали ихъ и многихъ, въ числѣ которыхъ были и французы, казнили.

Лавалле и Ривера стали набирать въ Монтевидео новую партію, преимущественно изъ лицъ, бывшихъ противъ президента Орибе, и торжественно объявили, что трактатъ, заключенный между Розасомъ и адмираломъ Мако, недѣйствителенъ, такъ какъ былъ написанъ безъ согласія союзниковъ-уніонистовъ. „Измѣна, своеволіе и глупость", говорили они, „написаны на лбу у французскаго адмирала! Кто далъ Франціи право, во имя уніонистовъ и Уругвая, не спрашивая ихъ, заключать съ Розасомъ миръ? Они думаютъ тамъ, у себя въ Парижѣ, что свирѣпый гаучо Розасъ дѣйствительно

простить своихъ враговъ!? Никогда!“ И это было совершенно справедливо; трактатъ 1840 года остался безъ исполненія...

Лавалле продолжалъ съ Розасомъ упорную борьбу, но очень несчастливо: 19 сентября 1841 года онъ былъ разбитъ въ долинѣ Фамалла, а 8 октября убитъ, при слѣдующей стычкѣ съ войсками диктатора. Войско уніонистовъ, оставшись безъ предводителя, не могло оказать никакого сопротивленія и было вскорѣ совершенно разсѣяно Розасомъ. Окончательное истребленіе уніонистовъ было ведено съ настойчивою кровожадностью, достойною одного только свирѣпаго убійцы Розаса; онъ рѣзалъ, разстрѣливалъ своихъ враговъ, предавалъ ихъ самымъ страшнымъ пыткамъ, сажалъ въ тюрьму, изгонялъ изъ страны: кто же успѣлъ, тотъ бѣжалъ самъ отъ гнѣва разъяреннаго диктатора!

Видъ конфидераціи совершенно измѣнился: повсюду лилась кровь, всюду валялись изуродованные трупы, на всѣхъ рѣшеткахъ нанизаны были человѣческія головы; Розасъ хотѣлъ уничтожить „зло“ съ корнемъ, въ чемъ ему помогало и духовенство, состоящее изъ низкихъ фанатиковъ. Епископъ Хозе Мануэль Эйфразіо называлъ публично дикаго и свирѣпаго гаучо Розаса „божественнымъ героемъ“, благославлялъ изверга на его гнусныя дѣла и говорилъ: „Истинная христіанская любовь, сильная и возвышенная, ведущая ко спасенію, требуетъ уничтоженія безбожной толпы враговъ Бога и людей. Истинная христіанская любовь требуетъ окончательнаго уничтоженія дикихъ уніонистовъ!“

Подъ управленіемъ Розаса народные нравы стали сильно портиться: повсюду введены были подкупы, шпіонства и убійства; даже нельзя было увѣренно сказать, что въ семействѣ не былъ подкупленный шпіонъ, который слѣдилъ за своими родственниками и при первой возможности продавалъ ихъ извергу. Отецъ опасался сына, сынъ украдкою замѣчалъ за отцомъ, братъ остерегался брата, словомъ — общая нравственность

упала такъ низко, что члены одного и того же семейства продавали другъ друга, враждовали и чуть ли не рѣзались. „Эгоизмъ, лукавство, извергство и насиліе": вотъ девизъ тогдашнихъ нравовъ. Розасъ разорвалъ такимъ образомъ родственныя и дружественныя связи, сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ жизни, судьбы и чести своихъ подданныхъ. Онъ всѣми силами противодѣйствовалъ европейской цивилизаціи; духовенство ему помогало въ преслѣдованіи всего умственнаго и благороднаго. Розасъ сознавалъ, что ему легче управлять неограниченно невѣжественною, необразованною толпою, чѣмъ просвѣщеннымъ народомъ, поэтому онъ всѣми силами старался возстановить своихъ подданныхъ противъ иностранцевъ, возбуждалъ къ нимъ неумолимую ненависть, указывалъ на Европу какъ на страну деспотическую, стремящуюся забрать все, что только попадется ей подъ руки. „Европа хочетъ побѣдить насъ", говорилъ онъ, „передадимъ ненависть къ ней нашимъ дѣтямъ, возьмемся за оружіе и съ криками: „смерть иностранцамъ!—будемъ рѣзать этихъ полуумныхъ шутовъ!"

Вообще положеніе конфедераціи во время владычества Розаса было ужасно; по словамъ нѣкоторыхъ аргентинскихъ писателей, „правленіе Нерона и Тиберія покажется въ сравненіи съ Розасовымъ отечески нѣжнымъ!"

Страшное свое вліяніе Розасъ поддерживалъ только кровавыми кознями, заточеніемъ и конфискаціею, но больше всего формально организованнымъ убійствомъ. Въ помощь себѣ Розасъ основалъ, въ 1840 г., страшное тайное общество „Масхорка", цѣль котораго была тайно истреблять всѣхъ враговъ дикатора. Масхорка—значитъ маисовый колосъ, и тайное общество было названо такъ потому, что когда оно начало свою дѣятельность, то Розасъ, въ знакъ своего благоволенія, послалъ ему маисовый колосъ, сдѣлавшійся символомъ союза отвратительныхъ разбойниковъ.

Всѣ отверженные обществомъ, всѣ развратные люди

принимались въ это свирѣпое общество, давая торжественную клятву безпрекословно исполнять волю своего тирана; они хотѣли уничтожить во всей республикѣ враговъ Розаса и людей почему нибудь ему ненравящихся или стоящихъ на его дорогѣ; они безнаказанно врывались въ дома, убивали, грабили и предавали, кого имъ было угодно, ужаснымъ мукамъ. Убивали не только тѣхъ, кто явно стоялъ противъ Розаса, но и всѣхъ, кто возбуждалъ чѣмъ нибудь противъ себя хотя бы малѣйшее подозрѣніе или на которыхъ подавались доносы, и убивали безъ всякаго суда и расправы. Часто случалось, что человѣкъ, желая избавиться отъ своихъ враговъ, доносилъ на нихъ обществу, обвиняя въ преступленіяхъ противъ Розаса, и ихъ немедленно безжалостно спроваживали къ праотцамъ, хотя бы они были ревностнѣйшими сторонниками Розаса. Масхорка не вѣрила увѣреніямъ, а вѣрила только доносамъ самымъ несправедливымъ и безчестнымъ.

Столица была свидѣтелемъ страшныхъ убійствъ и жестокостей; ужасъ сковывалъ уста гражданъ при слухѣ о злодѣйствахъ, совершаемыхъ почти каждую ночь масхорками. По утрамъ находили на улицахъ изуродованные и никѣмъ не узнаваемые трупы, которые валялись, бывало по нѣсколько дней, пока сами граждане не убирали ихъ тайно, потому что иначе и они подверглись бы за это страшной смерти. Розасъ напускалъ на несчастныхъ горожанъ свою свирѣпую толпу каждый разъ, когда ему казалось нужнымъ снова вселить ужасъ въ своихъ врагахъ.

„Дикіе уніонисты должны быть окончательно истреблены", говорилъ диктаторъ, одна мысль принадлежать къ этой ордѣ—уже смертный грѣхъ. Нужно избавить республику отъ этихъ измѣнниковъ; они не заслуживаютъ сожалѣнія, пощада ихъ будетъ бѣдствіемъ страны! Ихъ личности и имущества нужно подвергнуть наказанію, достойному ихъ измѣны и звѣрства".

Пойманные уніонисты избивались сотнями и ихъ

головы выставлялись публикѣ на остріяхъ рѣшетокъ; кто произносилъ хоть слово состраданія къ этимъ мученикамъ или, какъ ихъ называли сторонники Розаса, къ „безбожнымъ измѣнникамъ“, того убивали тутъ же, и тутъ же выставляли его голову. Если у этихъ несчастныхъ были жены и дочери, то онѣ отдавались масхоркамъ, которые, обезчестивъ ихъ, вдоволь натѣшившись надъ ними, безжалостно убивали эти жертвы своей низкой прихоти. Масхорки умѣли придумывать страшныя казни; такъ напримѣръ, они зашивали уніонистовъ въ сырыя бычачьи шкуры и оставляли ихъ подъ лучами знойнаго солнца; медленно высыхала кожа—и несчастныя жертвы тирана кончали свою жизнь въ страшныхъ мученіяхъ...

Англійскій и французскій уполномоченные думали было положить конецъ ужаснымъ драмамъ, но ихъ энергическіе протесты остановили руки убійцъ только на время, а Розасъ, добрый, великодушный Розасъ, смиренно объявилъ имъ, что онъ ничего не зналъ о злодѣяніяхъ, ежедневно совершаемыхъ на его глазахъ и къ которымъ онъ нисколько не причастенъ!??....

Оффиціально извѣстно, что Розасъ истребилъ своихъ враговъ только до конца 1843 года (позже неизвѣстно настоящее число жертвъ) слишкомъ „двадцать двѣ тысячи“, изъ которыхъ четверо погибли отъ яда, 722 убиты тайно, 3,765 зарѣзаны; 1,393 человѣкъ застрѣлены, а остальные убиты военно-плѣнными. Болѣе десяти тысячъ человѣкъ эмигрировало въ Уругвай, Боливію, Перу, Чили и Бразилію.

Большая казнь въ темницѣ Сан-Лукаръ, близъ Буеносъ-Айреса, была для Розаса истиннымъ празднествомъ; онъ пріѣзжалъ туда съ толпою своихъ дикихъ друзей, и въ то время, когда солдаты истребляли заключенныхъ, изверги пѣли „ресбалосъ“ (resbalos), особую пѣсню, сочиненную для подобныхъ случаевъ. Кто шелъ на казнь спокойно—тотъ умиралъ тотчасъ же, а кто

рѣшался произнести противъ тирана дурное слово, тотъ подвергался прежде смерти разнымъ истязаніямъ.

Для чествованія „великаго спасителя конфедераціи", какъ называли Розаса, время отъ времени учреждались въ Буеносъ-Айресѣ разныя празднества; въ извѣстные дни портретъ Розаса былъ возимъ на великолѣпной колесницѣ по улицамъ столицы первыми гражданами города и красивѣйшими дамами, затѣмъ его подвозили къ собору, гдѣ ставили на главномъ алтарѣ между священными изображеніями Спасителя и Божьей Матери, причемъ духовенство кадило и молилось о благоденствіи „божественнаго" мужа Розаса и произносило его имя на ряду съ святѣйшими именами. Вотъ до чего упала въ то время общая нравственность, до чего дошло честолюбіе изверга! Тѣхъ священниковъ, которые не хотѣли почему либо участвовать въ этихъ богохульныхъ празднествахъ, Розасъ приказывалъ немедленно разстригать и предавать смерти. Какая месть и ненависть кипѣла въ гражданахъ къ этому человѣку, который, повергнувъ къ своимъ ногамъ человѣколюбіе, честь и справедливость, рѣшился еще богохульствовать; но ненависть эта была безсловесная и чувства мести таились въ сердцѣ. Всѣ высказывали свои мысли и чувства шепотомъ, въ кругу очень близкихъ и вѣрныхъ друзей; а передъ Розасомъ—тѣ же люди сгибали спины, безропотно выслушивали его декреты и слѣпо повиновались малѣйшей его фантазіи...

Между тѣмъ Розасъ продолжалъ дѣятельную войну съ Уругваемъ, совершенно забывъ о трактатѣ 1840 года, и во что бы то ни стало желалъ подчинить себѣ это государство, также какъ и Парагвай.

Аргентинскія войска наводнили Уругвай; все было уже ими забрано: одинъ только Монтевидео еще сопротивлялся войскамъ и флоту Розаса. Бразилія съ опасеніемъ слѣдила за этою неровной борьбою, потому что уничтоженіе независимости Уругвая и его присое-

диненіе къ Аргентинской конфедераціи было бы для нея очень не выгодно.

При такихъ безпрерывныхъ войнахъ не мало страдала иностранная торговля; уже много разъ англійскіе купцы подавали своему правительству жалобы, прося его вмѣшаться въ дѣла Ла-Платскихъ республикъ. Въ 1844 году, Англія рѣшилась наконецъ вмѣшаться въ южно-американскія дрязги, пригласивъ съ собою и Францію; отъ обѣихъ этихъ державъ посланы были въ Буеносъ-Айресъ уполномоченные, которые и предъявили Розасу свои справедливыя требованія, объявивъ ему, что если онъ не исполнитъ ихъ, то они принуждены будутъ прибѣгнуть къ силѣ. Они требовали, чтобы Розасъ призналъ Уругвай и Парагвай самостоятельными государствами и отказался бы отъ всякаго на нихъ притязанія. Розасъ смѣло и рѣшительно объявилъ посламъ, что ни въ какихъ случаяхъ не позволитъ европейцамъ вмѣшиваться въ дѣла Ла-Платскихъ республикъ и ни за что въ свѣтѣ не станетъ повиноваться прихотямъ европейскихъ державъ, желающихъ, повидимому, предписывать Америкѣ законы. Вслѣдствіе этого рѣшительнаго отвѣта послѣдовало въ 1845 году 18 сентября, объявленіе войны какъ Франціи, такъ и Англіи. Союзники немедленно блокировали Буеносъ-Айресъ, завладѣли небольшою аргентинскою эскадрою, стоявшею у Монтевидео, осадили островъ Мартинъ-Гарсіа и вообще повели первое время дѣло очень энергично. Розасъ продолжалъ настойчиво сопротивляться и терпѣливымъ выжиданіемъ до того утомилъ, наконецъ, союзниковъ, что они немедленно пожелали окончить эту дорого стоющую имъ войну.

Съ этою цѣлью присланъ былъ въ Буеносъ-Айресъ (въ 1849 г.) англичанинъ Самуэль Гудъ, который и заключилъ съ Розасомъ перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: всѣ военныя дѣйствія съ Уругваемъ должны быть прекращены, причемъ должна быть дарована общая амнистія; англичане и французы обязаны снять съ Буе-

носъ-Айреса блокаду и возвратить островъ Мартинъ-Гарсіа. При исполненіи этихъ условій явились вдругъ большія затрудненія, принудившія возобновить переговоры; новый уполномоченный Англіи, лордъ Гоуденъ, получилъ приказаніе покончить съ войною, вслѣдствіе неудовольствія Англіи противъ Франціи, принявшей враждебное англійскимъ интересамъ участіе въ итальянскихъ и швейцарскихъ дѣлахъ, и немедленно отозвать отъ Буеносъ-Айреса англійскую эскадру, предоставивъ такимъ образомъ одной Франціи выпутаться изъ лаплатскихъ дрязгъ.

Въ это же время вспыхнула во Франціи революція и французскій уполномоченный, графъ Валевскій, получилъ приказаніе принять трактатъ, подписанный Англіей и Розасомъ, по которому послѣдній получилъ право назначить уругвайскимъ президентомъ своего друга Орибе, и могъ запретить свободное плаваніе по рѣкѣ Паранѣ.

Такъ прошло время до 1851 года. Розасъ, повторявшій черезъ опредѣленные промежутки времени свою комедію отказа отъ президентства, чтобы получить еще большія права и почести, вздумалъ и въ этомъ году также явиться передъ депутатами съ слѣдующею рѣчью: „Мои тѣлесныя силы до того ослабѣли, что мнѣ невозможно вести дѣла Аргентинской республики при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ"... Но на эту лицемѣрную рѣчь Розасъ получилъ отъ генерала Уркизы, губернатора провинціи Энтръ-Ріосъ, чрезвычайно ловкій отвѣтъ, который отбилъ у диктатора на будущее время охоту прибѣгать къ подобнымъ комедіямъ.

„Было бы жестоко, обратился Уркиза къ депутатамъ, взваливать тяжесть правленія на великодушнаго президента, черезъ что здоровье его можетъ, пожалуй, еще больше пострадать... Этимъ онъ народу мало услужитъ: при нездоровьи президента интересы страны могутъ сильно потерпѣть и ея благосостоянію угрожаетъ опасность"... Къ голосу Уркизы присоединился

голосъ губернатора Корріентеса — генерала Фирасоро; моментально вспыхнулъ въ конфедераціи сильный мятежъ; вся страна огласилась криками ненависти противъ тирана, на которые энергично отвѣчали всѣ аргентинскіе эмигранты.

Уркиза далъ народу слово привести въ исполненіе трактатъ 4 января 1831 года, устранить всѣ препятствія къ развитію внѣшней и внутренней торговли и промышленности, далъ слово даровать миръ странѣ, потрясаемой двадцатилѣтними гоненіями, безпорядками и убійствами, обѣщалъ свергнуть тирана съ трона, созданнаго изъ труповъ жертвъ дикаго и свирѣпаго гаучо. „Я обѣщаю народу", писалъ Уркиза, „конгрессъ и конституцію, свободу и прогрессъ"!

Со всѣхъ сторонъ съ радостью и энтузіазмомъ приняли обѣщанія Уркизы; но, къ несчастью, остальныя провинціи, управляемыя людьми, тайно связанными съ тираномъ и подъ присягою подчинившимися его деспотической власти, не могли отвѣтить на призывъ къ оружію, сдѣланный губернаторами Энтръ-Ріоса и Корріентеса.

29 мая 1851 года, эти двѣ провинціи и Уругвай заключили съ Бразиліею оборонительный и наступательный союзъ съ цѣлью доставить Уругваю, разоряемому десятилѣтнею междоусобною войною, прочный миръ и вытѣснить навсегда изъ республики генерала Орибе, осаждавшаго Монтевидео уже около девяти лѣтъ, во главѣ 12 тысячнаго войска.

Въ силу трактата 1851 года, Уркиза двинулся немедленно, во главѣ 5 тысячъ кавалеріи, къ Уругваю, перешелъ 20 іюля рѣку Уругвай, противъ Пайсанду и, не теряя времени, бросился на генерала Орибе, сосредоточившаго свои силы въ укрѣпленіи Серрито, подъ стѣнами Монтевидео. Въ $2^1/_2$ мѣсяца окончился этотъ походъ, доставившій Уркизѣ большое торжество; Орибе бѣжалъ къ Розасу, а республика Уругвай была осво-

бождена отъ честолюбиваго Розаса, причемъ не пролито было ни одной капли крови.

Окончивъ дѣла въ Уругваѣ[1]), союзники двинулись къ Буеносъ-Айресу съ цѣлью низвергнуть тирана съ трона; 22 января 1852 года, армія освободителей перешла границу этой провинціи и направилась къ столицѣ, не встрѣтивъ на дорогѣ никакого сопротивленія. Розасъ сосредоточилъ было сперва свои силы въ Сантъ-Гукаръ, лежащемъ вблизи Буеносъ-Айреса, но затѣмъ передвинулся, 1 февраля, впередъ и занялъ выгодную и крѣпкую позицію на возвышенности Монте-Козеросъ. 3 февраля, Уркиза повелъ аттаку и послѣ пятичасовой битвы обратилъ въ бѣгство войска диктатора, которыя, разрозненными толпами, бросились на собственный городъ и начали въ немъ грабежъ; граждане и иностранцы должны были взяться за оружіе противъ своихъ же защитниковъ. Уркиза, вступивъ въ столицу, перевѣшалъ нѣсколько сотенъ этой сволочи, въ числѣ которыхъ находились главные помощники диктатора, бѣжавшаго въ то время на иностранномъ суднѣ въ Англію; вся площадь Викторіи была увѣшана трупами друзей Розаса, которымъ Уркиза не давалъ никакой пощады. Граждане, сбросившіе съ себя позорныя цѣпи, привѣтствовали побѣдителя при Монте-Казеросъ именемъ „освободителя“; Уркиза принялъ предложенный ему, собравшимися депутатами, титулъ временнаго правителя Аргентинской конфедераціи и немедленно созвалъ

1) 21 ноября 1851 года, провинціи Э. Р. и Кор., респ. Уругвай и Бразилія подписали новый трактатъ, по которому назначены были коммисары для проведенія между Бразиліею и Уругваемъ демаркаціонной линіи, объявлена общая амнистія и обѣщано возвращеніе конфиск. имѣній; торговля объявлена на свободныхъ началахъ; подданные всѣхъ подписавшихся государствъ могутъ жить въ той или другой странѣ и вести свои дѣла, не платя никакой повинности и не опасаясь быть завербованнымъ въ военную службу и т. д. Финансы Уругвая до того были плохи, что тамъ не могло существовать никакое правительство, и Бразилія обязывалась трактатомъ помагать ему, выдавая ежегодно (съ 21 ноября 1851 г.) по 50 т. піастровъ во все время продолженія войны.

губернаторовъ провинцій на общій съѣздъ съ цѣлью заняться образованіемъ новаго правительства и благоустройствомъ страны.

Сборнымъ мѣстомъ приглашенныхъ губернаторовъ былъ назначенъ самый сѣверный городъ провинціи Буеносъ-Айресъ—Санъ Николасъ делосъ-Аройосъ, расположенный на берегу Параны. Послѣ десятидневнаго совѣщанія, объявлена была, 30 мая 1852 года, конвенція, подтверждавшая главныя основы трактата 4 января 1831 года.

Всѣ провинціи, кромѣ Буеносъ-Айреса, единодушно приняли эту конвенцію, потому что видѣли въ ней исполненіе своего пылкаго желанія; Буеносъ-Айресъ же, видя въ той конвенціи ограниченіе своей власти, дарованной ей Розасомъ, рѣшительно отказался ее принять; граждане столицы начали желать не только перемѣны властителя, но требовали также прежнихъ своихъ свободныхъ и гегемоническихъ учрежденій.

Жестокость, съ которою Уркиза велъ легкую войну, безчисленныя казни друзей Розаса, своевольное запрещеніе, наложенное на найденное имъ въ Буеносъ-Айресѣ государственное и частное имущество — все это пугало гражданъ столицы, которые смотрѣли на Уркизу, какъ на преемника Розаса. Такимъ образомъ, конвенція Санъ-Николасъ подала поводъ къ продолжительнымъ и жестокимъ распрямъ; граждане Буеносъ-Айреса принудили подать министерство въ отставку и такъ враждебно отнеслись къ своему губернатору, что тотъ, не имѣя энергіи удержать власть въ своихъ рукахъ, отказался отъ должности и удалился изъ столицы.

Временной правитель Уркиза понялъ всю важность этихъ событій, для будущности страны, и, опираясь на пунктъ 14 конвенціи Санъ-Николасъ[1]), распустилъ

1) 14 пунктъ конвенціи давалъ правителю право прибѣгать ко всѣмъ необходимымъ мѣрамъ для достиженія внутренняго порядка и поддержанія властей, поставленныхъ закономъ.

камеру представителей и силою оружія возстановилъ отставленнаго губернатора. Буеносъ-Айресъ молча перенесъ этотъ ударъ своему первенству—и спокойствіе водворилось, но не надолго; граждане столицы выжидали только удобнаго случая, чтобы снова возстать противъ ограничителей ихъ власти. Случай этотъ не замедлилъ представиться: и тогда снова начались безпорядки, кончившіеся тѣмъ, что буеносъ-айресская провинція осталась отдѣльною.

До 1859 года провинція Буеносъ-Айресъ довольствовалась своимъ отдѣленіемъ и ничего не замышляла противъ Аргентинскаго союза; но въ этомъ году явился на сцену генералъ Бартоломео Митре, губернаторъ столицы, который во что бы то ни стало задумалъ поставить свою провинцію опять во главѣ Аргентинской республики; но онъ встрѣтилъ своимъ замысламъ сильное сопротивленіе въ провинціяхъ Корріентесъ и Энтр-Ріосъ, во главѣ которыхъ сталъ президентъ Уркиза. Тогда Митре соединился съ уругвайскимъ президентомъ Флоресомъ и послѣ страшной междоусобной войны достигъ наконецъ своей цѣли (въ 1860 г.), провозгласилъ себя президентомъ и сталъ съ этого времени руководствовать политикой союза, по своимъ собственнымъ преданіямъ, для своихъ собственныхъ интересовъ.

Замѣнившій его нынѣшній президентъ Доминго Сарміенто родился въ 1811 году, въ городѣ Санъ-Жуанѣ, находящемся въ провинціи того же имени, лежащей у самой чилійской границы. Какъ всѣ замѣчательные люди Аргентинской республики, онъ всю свою молодость сражался противъ тираніи Розаса и ему подобныхъ людей; первое время Сарміенто не посчастливилось: преслѣдуемый, какъ политическій преступникъ, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Чили, гдѣ прожилъ болѣе восьми лѣтъ, трудомъ снискивая себѣ пропитаніе, занимаясь на рудокопняхъ. Въ 1836 году Сарміенто вернулся въ отечество, основалъ въ своемъ родномъ городѣ пер-

вую школу для дѣвушекъ и сталъ издавать журналъ „Yonda“. Розасъ, которому было невыгодно, чтобы народъ просвѣщался, началъ преслѣдовать Доминго, и если бы тотъ не успѣлъ бѣжать во второй разъ въ Чили, то былъ бы навѣрное убитъ или посаженъ въ страшную тюрьму Санъ-Лукаръ. Въ Чили Сарміенто прожилъ недолго; его тянуло туда, гдѣ бы онъ могъ изучить все относящее къ вопросу объ образованіи. Сперва онъ посѣтилъ Соединенные Штаты, а затѣмъ и Европу, гдѣ познакомился съ Тьеромъ и Гизо. Возвратившись въ Чили, онъ напечаталъ отчетъ о своемъ путешествіи и въ тоже время основалъ библіотеку для школъ; но все время его озабочивала судьба отечества, страдавшаго подъ ненавистнымъ игомъ Розаса, и, въ 1851 году, онъ наконецъ рѣшился бросить свои труды и упроченное состояніе, и явился на помогу аргентинцамъ, возставшимъ въ то время противъ диктатора. По сверженіи Розаса, Сарміенто, преслѣдуемый Уркизой, опять удалился въ Чили и прожилъ тамъ до 1859 г., то есть до года, когда генералъ Митре сдѣлался президентомъ всей Аргентинской республики. По возвращеніи въ Буеносъ-Айресъ, онъ сдѣланъ былъ, въ 1860 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ; вскорѣ (1862 году) онъ назначенъ былъ губернаторомъ провинціи Санъ-Жуанъ, но управлялъ ею недолго, потому что ему предложено было отправиться въ Соединенные Штаты посланникомъ. Возвратившись въ Буеносъ-Айресъ, Сарміенто сдѣлался губернаторомъ провинціи того же имени, а вслѣдъ затѣмъ избранъ былъ, въ 1868 году, значительнымъ большинствомъ голосовъ, въ президенты Аргентинской республики.

ГЛАВА XVII.

Свѣтло-Христово Воскресенье.—Матросскія игры —«Корветскіе чиновники.—Опять въ океанѣ!—Штормъ, качка и ночныя развлеченія въ непогоду.—Разсказъ Хрѣнова.—Андронычъ.—Какъ онъ попалъ въ матросы.

Пасху пришлось намъ встрѣтить въ Буеносъ-Айресѣ; въ страстную субботу всѣ добрые христіане были уже на корветѣ, чтобы въ общей морской семьѣ встрѣтить великій праздникъ, или какъ матросики говорили, „праздникъ всѣмъ праздникамъ". Всѣ забыли на время береговыя удовольствія, забыли и буеносъ-айресскихъ красавицъ, ихъ плѣнительные глаза, стройныя таліи и съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія торжественнаго момента ждали такъ, какъ никто, можетъ быть изъ насъ не ждалъ его на родинѣ: далеко отъ родныхъ, брошенные неумолимою рукою судьбы въ среду незнакомыхъ намъ людей, не сочувствующихъ нашимъ радостямъ и горю, невольно встрѣчаешь праздники, даже самые маленькіе, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ, которое трудно объяснить, но которое испыталъ навѣрное каждый путешественникъ, оставившій на долгое время свою родную семью и родину.

Всѣ на корветѣ, начиная отъ капитана и кончая самымъ послѣднимъ матросомъ, дѣятельно готовились къ великому моменту; всѣ принарядились въ лучшія праздничныя платья, всѣмъ хотѣлось достойно почтить этотъ торжественный праздникъ всего христіанскаго міра!..

Въ то время, когда кругомъ корвета царствовала глубокая тишина, и легкимъ журчаніемъ нарушаемая изрѣдка всплесками набѣгающихъ на борта волнъ, въ жилой палубѣ кипѣла необыкновенная дѣятельность, доказывавшая съ какимъ нетерпѣніемъ матросики и офицеры ждали наступленія великаго торжества; весь корветъ былъ ярко освѣщенъ; куда ни посмотришь, все глядѣло какъ-то радостно, празднично... Наша

скромная походная церковь была уже собрана; все население корвета съ благоговѣніемъ ожидало начала богослуженія, правда столь же скромнаго, какъ и церковь, но все-таки очень торжественнаго для насъ, добровольныхъ изгнанниковъ...

Богослуженіе началось; торжественные гимны проникали въ самое сердце, и каждый съ невольнымъ умиленіемъ преклонялъ передъ Всевышнимъ колѣна и съ жаромъ возносилъ къ небу свои простыя молитвы... Многимъ, я думую, вспоминалось то счастливое время, когда онѣ встрѣчали этотъ торжественный праздникъ въ кругу своей семьи, и у многихъ, вслѣдствіе этого дорогого воспоминанія, выкатилась горячая слеза, незамѣтно капнувшая на чисто вымытую палубу или же поспѣшно пойманная на полпути и скрытая въ рукѣ, чтобы товарищи не замѣтили эту невольную слабость; но таварищамъ какъ замѣтить, когда они сами украдкой, ловили катящуюся по загорѣлымъ щекамъ слезу, когда они сами переносились на дорогую родину, вспомнивъ о собравшемся въ подобный моментъ кругѣ близкихъ и дорогихъ сердцу, которые не забудутъ навѣрное вспомнить объ отсутствующемъ ихъ другѣ и родственникѣ!... Но вотъ раздались давно ожидаемыя, радостныя слова „Христосъ Воскресе"! Тихо, торжественно и съ умиленіемъ пронесся съ одного конца палубы до другого отвѣтный возгласъ на радостное привѣтствіе, подтвержденіе великой и святой истины...

По окончаніи богослуженія началось братское христосованье; во всѣхъ концахъ палубы слышались сердечныя поздравленія съ торжественнымъ, великимъ праздникомъ.

— Ну, Архипушка, Христосъ Воскресе, проговорилъ Михайло, подходя къ своему односельцу съ распростертыми объятіями и съ радостнымъ, веселымъ лицомъ.

— Во-истину Воскресе, Миша, отвѣтилъ Архипъ, дружно обнимаясь съ Михайломъ и трижды крѣпко съ нимъ цалуясь.

— Сподобилъ Господь и намъ встрѣтить Свѣтло-Христовъ праздникъ, началъ Михайло послѣ окончанія христосованья, а какъ-то наши тамотка, въ деревнѣ?... Подикось тоже въ храмѣ таперича, аль ужъ и въ избѣ за сдобнымъ калачемъ сидять... При этомъ воспоминаніи веселое лицо Михайлы омрачилось грустною думкою.

— Точно, Миша, таперича въ деревнѣ тожъ подикось, праздникъ великій, проговорилъ какъ-то грустно Архипъ; смотри, дѣвки разряженныя по селу таперича ходятъ, пѣсни поютъ, съ парнями христосуются, а мы-то что, безшабашныя... А скажи, Миша, вдругъ тревожно дабавилъ Архипъ: подикось, Дунька вить тожъ таперича съ парнями христосуется?...

— Знамо христосуется, отвѣтилъ какъ-то не хотя Михайло.

— Ахъ ты бѣда!... А я такъ думую, прибавилъ Архипъ послѣ короткаго раздумья, что она того, то есть, значитъ, рыла своего парнямъ не подставляетъ?!...

— Почемъ знать... можа и подставляетъ...

— Да вить она, измѣнница, зарокъ мнѣ дала, когда въ некрута шелъ, што она съ парнями не только што нибудь такое, но даже словомъ ласковымъ не переброситъся.

— Што-жъ, что дала...

— Значитъ и твоя Танька тожъ рыло свое всѣмъ парнямъ подставляетъ?—проговорилъ злобно Архипъ.

— Моя Танька?!... переспросилъ сурово Михайло, нѣтъ, шалишь, не посмѣетъ, потому какъ вернусь въ деревню,—всѣ ей косы повыдергаю...

— А Дунька, ты думаешь посмѣетъ?... тоже не посмѣетъ, потомъ я не спущу, ей-Богу, не спущу...

— Полно, Архипъ, началъ увѣщевать своего друга Михайло, зачѣмъ праздникъ Божій такими словами встрѣчать, лучше пойдемъ разговляться, вишь, уже товарищи за столами сидятъ,

И дѣйствительно, вокругъ подвѣшанныхъ столовъ чинно сидѣли уже матросики и разговлялись тѣмъ, что Богъ послалъ; шли веселые разговоры: кто вспоминалъ свою деревню, кто Кронштадтъ, и каждый, повидимому былъ очень счастливъ своимъ дорогимъ воспоминаніемъ... Вскорѣ въ палубѣ наступила полная тишина; матросики разбрелись по койкамъ...

Въ воскресенье устроены были различныя игры; съ самаго утра старые матросы думали какъ-бы потѣшиться надъ молодыми и посмѣяться надъ ихъ неловкостью.

Чтобы окончательно познакомить читателей съ матросскимъ бытомъ, рѣшусь описать этотъ веселый воскресный день съ тою же подробностью, съ какою раньше я описалъ ихъ будничный, рабочій день. Матросъ въ веселомъ настроеніи духа въ праздничный свободный день совершенно не похожъ на себя, когда онъ занятъ какимъ нибудь, хотя бы самымъ пустымъ дѣломъ; онъ умѣетъ повеселиться, но разумѣется повеселиться по своему; онъ любитъ сильныя ощущенія, которыя, получаетъ ихъ въ своихъ своеобразныхъ играхъ.

Во время игръ душа матросовъ на распашку; въ это веселое для нихъ время, характеры всѣхъ обрисовываются со всѣми оттѣнками, съ хорошей или дурной стороны. Матросъ вообще, большею частью, лицемѣрить не любитъ, а тѣмъ менѣе въ веселомъ настроеніи духа: всѣ его недостатки, ошибки, всѣ пороки хорошія качества проникаютъ сквозь его поры, словомъ, онъ становится совершенно не такимъ человѣкомъ, какимъ онъ былъ наканунѣ и какимъ будетъ завтра, когда потечетъ его суровая, многотрудная дѣятельность, когда ему не будетъ времени не только перекинуться съ товарищемъ веселымъ словцомъ, но даже какъ слѣдуетъ поѣсть, поспать и вообще отдохнуть отъ постоянной работы, бѣготни и суеты, безъ которыхъ не обходится ни одинъ переходъ внѣ тропи-

ковъ, между тѣмъ какъ плаваніе, какъ извѣстно уже читателямъ, въ этихъ предѣлахъ для матроса — рай, цѣлый рядъ веселыхъ праздниковъ...

Послѣ краткой обѣдни, хорошаго, сытнаго обѣда и славной высыпки, по корвету поднялся веселый и шумный говоръ — предвѣстникъ хорошаго настроенія команды.

— Какъ играть будемъ? спрашивали другъ друга матросики.

— Давайте въ „рыбку", предлагали старые, тертые калачи—матросы, впередъ радуясь тому, какъ-то будутъ отдѣлываться своими боками молодые, не обтертые еще ихъ товарищи.

— Въ рыбку такъ въ рыбку, рѣшило нѣсколько голосовъ.

— А кто со мною на бакъ пойдетъ, пѣсни пѣть и плясать, предложилъ Храмцовъ, страстный любитель подобнаго развлеченія.

Явились охотники пѣсни пѣть и плясать; такимъ образомъ понемногу разбились матросики на многочисленныя группы и предались своимъ незатѣйливымъ удовольствіямъ. На шканцахъ удалось расчистить небольшое мѣсто для игры въ „рыбку", конечно не совсѣмъ удобное вслѣдствіе стоявшихъ повсюду орудій; но матросъ не взыскателенъ: было-бы гдѣ только ему повеселиться, а объ удобствахъ онъ и не заикнется, потому что онъ привыкъ къ неудобствамъ... Что ему за дѣло, если онъ посадитъ себѣ на лобъ лишнюю шишку, свихнетъ лишній разъ ногу или руку или, наконецъ, ушибетъ немного бокъ или грудь, когда онъ вдоволь повеселится, когда онъ съумѣетъ все-таки развлечь себя и забыть на нѣсколько часовъ свою трудную, суровую и опасную службу перенесется въ своихъ играхъ на дорогую матушку - родину, вспомнивъ все родное и близкое сердцу...

И такъ, на шканцахъ началась игра въ „рыбку“ [1]), веселая для тертыхъ калачей—матросовъ, ловкихъ, хитрыхъ, знающихъ свое дѣло, и чувствительная — для молодыхъ, которые по своей неловкости и неопытности, бываютъ постоянно въ этой игрѣ страдательными лицами, между тѣмъ какъ первые представляютъ только лица, ловко дѣйствующія своими здоровыми жгутами. Не успѣетъ новичекъ повернуться въ одну сторону, какъ на него сыплется градъ ударовъ съ другой; только что онъ обращается лицемъ къ нападающимъ, какъ уже другіе сыплютъ ему въ спину ударъ за ударомъ и полосуютъ бѣднягу такъ, что небо кажется въ овчинку. Бываютъ случаи, что подобный неопытный рыболовъ промается цѣлый часъ, выбьется изъ силъ, а все-таки не удается ему запятнать хоть кого нибудь изъ товарищей; его исполосуютъ такъ, что, раздѣвшись, онъ походитъ на татуированнаго дикаря. Случается, что попадаетъ и бывалымъ, опытнымъ матросамъ, но рѣдко, и не въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Матросики эту игру любятъ, потому что она доставляетъ имъ желаемыя сильныя ощущенія, волнуетъ и разжигаетъ кровь, пріучаетъ къ ловкости и терпѣнію...

Въ то время, какъ на шканцахъ матросики полосовали другъ другу спины, на бакѣ гремѣли пѣсни и

1) Игра въ рыбку заключается въ слѣдующемъ: на извѣстной высотѣ привязывается веревка такъ, что она образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ гиганскіе шаги. Одинъ изъ играющихъ, по жребію, берется за свободный ея конецъ и представляетъ обороняющееся существо, между тѣмъ какъ другіе, имѣя въ рукахъ по здоровому жгуту, представляютъ нападающую партію. Они всѣми силами стараются приблизиться къ обороняющемуся и нанести ему жестокій ударъ по спинѣ, груди, бокамъ, рукамъ или ногамъ, но отнюдь не по лицу, что строго преслѣдуется всѣми играющими. Держащійся за веревку прыгаетъ, скачетъ, какъ полуумный, желая избѣжать сыплющіеся на него со всѣхъ сторонъ удары и въ то же время запятнать, ногою или рукою, котораго нибудь изъ своихъ товарищей, но при этомъ онъ можетъ дѣйствовать только въ кругу веревки, которую онъ ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права выпустить изъ рукъ.

далеко разносились родные звуки. Лихой Храмцовъ, въ шапкѣ на затылкѣ, отплясывалъ подъ звуки пѣсни такого трепака, что любо-дорого было смотрѣть; палуба стонала подъ его сильными, выбивающими дробь, ногами; его здоровенныя посвистыванья слышались съ бака на ютѣ. То ловко выкидывалъ онъ ногами, то вскакивалъ и браво подбоченись, ходилъ гоголемъ, то наконецъ, засвиститъ соловьемъ-разбойникомъ, гаркнетъ и лихо закружится въ веселой, удалой пляскѣ...

Толпа матросовъ съ видимымъ удовольствіемъ любовалась лихимъ плясуномъ и невольно семенила ногами, какъ-бы желая сейчасъ пуститься съ Храмцовымъ въ присядку и вспомнить деревенскіе хороводы; со всѣхъ сторонъ слышались одобренія и поощренія.

— Ай, лихо, Храмцовъ, молодчина! Ишъ его шельмецъ, какъ онъ того, ногами-то семенитъ, слышалось съ одной стороны.

— Прибавь жару, кричали съ другой, валяй, значитъ, во всѣ лопатки!

Весело гудитъ плясовая пѣсня; лихо отбиваетъ ей въ тактъ Храмцовъ трепака, носится какъ вихрь, а кругомъ все еще слышится; „прибавь жару!“ „Махни во всю удалую!“ „Не жалѣй ногъ!“ и тому подобные поощрительные возгласы...

Наконецъ пѣсня умолкла — и Храмцовъ, облитый потомъ, остановился какъ вкопанный, лихо подбочинясь и удало взбросивъ чуть-ли не до марса свою фуражку. Со всѣхъ сторонъ посыпались на ловкаго плясуна похвалы и одобренія; нѣкоторые матросики, въ порывѣ восторга, дарили Храмцову свои чарки водки и умилялись до такой степени, вспомнивъ матушку Россію, что даже прослезились.

— Ишь его, какъ онъ-то „русскую“ отхватилъ, любо, да и только, разсуждали между собою матросики, лихо, что ни на есть, значитъ по нашенски...

— А я, значитъ, гляжу на Храмцова, говоритъ грустно Архипъ своему товарищу Михайлѣ, да и ду-

маю: эхъ, кабы Дунька здѣся была—право и въ Рассею не надо, а безъ бабы трудненько неча сказать.

— Трудненько-то трудненько, а все терпи, потому подъ началомъ находишься, увѣщевалъ Михайло, а какъ будешь амираломъ, такъ тогда вози бабу свою съ собой сколько хошь... Таперча што ни захоти, а какъ начальство крикнетъ: не позволямъ!... и шабашъ—лучше не хоти; а какъ амираломъ будешь, да крикнешь; „я молъ хочу и нраву мому не препятствуйте!" — и всѣ ни гу-гу, только разѣ гаркнутъ: „слушаемъ, ваше высокопревосходительство! рады стараться!".... потому амиралъ — сила, супротивъ его ничего не подѣлаешь, а тебѣ какъ разъ сотню, другую влѣпятъ, да третью еще надбавятъ, если ты того, значитъ, маненько заупрямишься.

— Ужъ и не говори, Миша, лихо быть амираломъ— его и мертвецъ даже пужается, какъ, помнишь, онамнясь Козловъ въ сказкѣ разсказывалъ...

— Эй, вы, маршъ сюда, послышался призывъ Якова Матфеича, я вамъ задачу задамъ... кто ее рѣшитъ, тому отъ меня чарка, кто не рѣшитъ, тотъ мнѣ свою отдастъ...

— Задавай, задавай, раздалось нѣсколько голосовъ, и около Якова Матфеича собралась порядочная кучка молодыхъ матросовъ, изъ которыхъ многіе заранѣе уже облизывались обѣщанною чаркою. Сюда же подошелъ и Михайло съ Архипомъ.

— Задача моя, братцы, больно не трудна, а ужъ это я вамъ удружить хочу, чаркою подарить, говорилъ Яковъ Матфеичъ, хитро улыбаясь, видите-ли вотъ стоитъ бакъ съ водою, только-что изъ-за борта досталъ... Правда, вода немного и грязна, но ничего, потому нечайно грязи въ ведро захватилъ (вралъ шельмецъ)... Въ бакѣ, видите-ли, стеариновая свѣча плаваетъ... такъ вотъ что, братцы, кто эту самую, заложивши руки назадъ, свѣчу зубами за средину схватитъ, тому моя

чарка, а кто съ трехъ разъ промахнется, пусть мнѣ свою отписываетъ.

— Вотъ такъ задача, ха, ха, ха, захорохорился Архипъ, выступая впередъ, да я вамъ, Яковъ Матфеичъ, сотню свѣчей зубами переловлю.

— Ну подходи, проговорилъ насмѣшливо Яковъ Матфеичъ, только смотри, зубья не застуди.

Архипъ сталъ передъ бакомъ на колѣни, заложилъ назадъ руки, нагнулся и началъ ловить зубами свободно плавующую стеариновую свѣчу; но сколько онъ ни бился, какъ не ухитрялся—ничего не выходило: только что онъ приближалъ губы къ поверхности воды, какъ свѣча моментально погружалась и Архипъ не успѣвалъ даже до нея дотронуться зубами. То онъ старался поймать ее осторожно, постепенно погружая въ воду только лицо, то думалъ схватить ее быстрымъ, неожиданнымъ движеніемъ, причемъ окуналъ въ воду почти всю голову; но напрасный трудъ, напрасное желаніе пріобрѣсть лишнюю чарку водки.

Со всѣхъ сторонъ сыпались на Архипа колкія насмѣшки его товарищей, которымъ, повидимому, онъ постоянно досаждалъ своимъ глупымъ хвастовствомъ.

— Не суйся, дружище, съ немытымъ рыломъ въ калашный рядъ, говорили съ одной стороны.

— Братцы, глядите-ко, онъ, кажись, всю свѣчу съѣсть хочетъ... штобъ она, того, поперегъ глотки ему не стала, слышалось съ другой.

— Ишь его, бѣсъ подери, точно какъ собака на кость, такъ Архипъ на свѣчу бросается... вотъ кабы таперича жгутомъ по спинѣ его хлобыснуть, толковали третіе, съ презрѣніемъ поглядывая на хвастливаго Архипа.

— Ну, поди, довольно съ тебя, проговорилъ наконецъ Яковъ Матфеичъ, который разъ пытаешься, а все ничего не сдѣлалъ: чарка, значитъ за мною.

— Нѣтъ, шалишь, вскрикнулъ злобно измученный Архипъ, потерявъ въ азартѣ даже уваженіе къ началь-

ству, какимъ считалъ себя Яковъ Матфеичъ, чарка моя тебѣ не даромъ достанется... ужъ я свѣчу, окаянную, поймаю во что бы то ни стало, изловлю ее, шельмовскую, хотя бы издохнуть пришлось надъ бакомъ.

И онъ, чуть-ли не въ десятый разъ нагнулся опять къ свѣчѣ и сталъ прицѣливаться, какъ-бы схватить ее поудобнѣе... Въ это время подскочилъ къ нему сзади одинъ изъ желающихъ попытать свое искусство, которому, повидимому, сильно надоѣло ждать своей череды, схватилъ Архипа за его жирный затылокъ и погрузилъ голову хвастуна почти до самаго дна бака. Давъ время Архипу достаточно наглотаться грязной воды, школяръ выпустилъ изъ своихъ сильныхъ рукъ его голову и моментально скрылся въ толпѣ любопытныхъ.

Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что никто даже не пошевельнулся, чтобы вывести нахальнаго хвастуна изъ непріятнаго положенія; а когда онъ приподнялся перепуганный, съ вытаращенными отъ удивленія и страха глазами, и сталъ отряхиваться какъ утка, и отплевываться съ самыми уморительными гримасами, потому что не малое количество невкусной воды попало ему въ ротъ, то окружающіе разразились такимъ дружнымъ, веселымъ и задушевнымъ хохотомъ, который могъ бы, пожалуй, разсмѣшить мертвеца.

Въ этомъ здоровомъ, сердечномъ смѣхѣ матросики, казалось, даже забыли, что они далеко отъ своей родины, далеко отъ всѣхъ, кто дорогъ ихъ сердцу; настоящимъ они забыли на время прошедшее, между тѣмъ какъ будущее, тяжелое будущее, скрылось отъ нихъ, тоже на время, за не проницаемымъ покровомъ... Вѣдь Богъ вѣсть, сколько еще годовъ они не увидятъ родину, промаются, мыкая свое горе въ чуждыхъ намъ земляхъ, среди неизмѣримаго, бурнаго океана... Посторонній, взглянувшій на внезапный порывъ веселости нашихъ матросовъ (а безъ этихъ порывовъ обойтись

нельзя и ихъ бываетъ не мало), можетъ быть подумалъ: «какъ счастливы, какъ довольны своею участью эти добрые, честные люди! Горе не омрачаетъ ихъ лица; они поютъ, смѣются и веселятся; они живутъ настоящимъ, забывъ веселое прошедшее»... Но онъ жестоко ошибется, потому что матросъ никогда не забываетъ прошедшаго, сердце его ежечасно гложетъ тоска по родинѣ, въ чемъ легко убѣдиться, стоитъ только послушать ихъ грустные разговоры, которыми они обмѣниваются иногда въ тѣсномъ кругу товарищества. Тутъ бы онъ узналъ, тутъ бы онъ услышалъ, какъ часто вспоминаютъ матросики прошедшее, свою матушку-Россію, какъ часто думаютъ они о своей деревнѣ, родныхъ и близкихъ сердцу, и эти тяжелыя думы навѣваютъ на нихъ грусть и тоску; они скучаютъ, вспоминая о своей родинѣ; они изливаютъ другъ другу свои сердечныя тайны, чтобы хоть сколько нибудь облегчить наболѣвшее сердце и душу.

Если же матросы иногда и веселятся, играютъ, смѣются, поютъ веселыя пѣсни, то это только порывы, желаніе забыться...

Охотнѣе всего поютъ матросики тѣ пѣсни, въ которыхъ то изливаютъ они свои чувства, то вспоминаютъ прошедшее, и это воспоминаніе ихъ подкрѣпляетъ, даетъ силу до конца испить „горькую чашу“, потому что „прошедшее“ напоминаетъ имъ о далекомъ, счастливомъ „будущемъ“, когда они, вернувшись изъ труднаго, продолжительнаго плаванія, вновь увидятъ дорогія имъ мѣста и лица, вновь испытаютъ веселое „прошедшее“... Для нихъ это прошедшее не безвозвратно кануло въ вѣчность; нѣтъ, оно современемъ обновится, возвратится и будетъ „настоящимъ“... Впрочемъ, есть, на корветѣ субъекты, въ родѣ Храмцова для которыхъ родина, родные и вообще все прошедшее—трынъ-трава, которымъ кажется та земля лучше, гдѣ кабаковъ больше, тотъ ему землякъ, братъ и отецъ, кто угоститъ получше; но что-жъ дѣлать, нѣтъ правилъ безъ исклю-

ченій... Если посадить одного изъ подобныхъ людей въ ящикъ, въ которомъ помѣстился бы, кромѣ него, еще неизсякаемый полштофъ водки и такого же свойства селедка, то онъ, кажется, былъ бы совершенно счастливъ и доволенъ своею участью; онъ даже и не подумалъ бы посмотрѣть, что дѣлается внѣ ящика, а потому и немудрено, что такихъ людей прошедшее нисколько не трогаетъ, его они забываютъ и довольствуются настоящимъ, благо была бы только водка, да закуска... Однако вернемся назадъ. Архипъ своими уморительными гримасами развеселилъ всѣхъ: стоявшіе вблизи офицеры тихонько пересмѣивались, хитрый Яковъ Матфеичъ хохоталъ во все горло, а матросики дружно и громко ему вторили. Опять посыпались на бѣднягу со всѣхъ сторонъ колкія насмѣшки и остроты.

— Ну, таперича, Архипка нашъ, какъ есть, на свинью-Еремѣевну походитъ, котора вмѣсто пойла уксуса нахлебалась, смѣялись матросики. Наконецъ смѣхъ и шутки прекратились. Яковъ Матфеичъ обратился опять къ окружающимъ съ воззваніемъ испытать свою ловкость и счастье и поймать плавающую свѣчу. Охотниковъ вышло не мало, но сколько всѣ ни бились, сколько ни мучились—никакъ не могли поймать свѣчу и, въ концѣ концовъ, волею-неволею, должны были поплатиться своими чарками, причемъ единодушно рѣшили, что свѣча заговорена и самъ бы чортъ таперича ее не поймалъ!...

Такимъ образомъ хитрый Яковъ Матфеичъ выигралъ такое количество чарокъ, что чуть ли не двѣ недѣли получалъ двойную порцію водки, между тѣмъ какъ проигравшіе смотрѣли только, какъ онъ пилъ, да облизывались, точно коты передъ мясомъ...

Въ то время, когда нѣсколько человѣкъ бились до седьмаго поту, какъ выразился одинъ изъ проигравшихъ чарку, надъ окоянною свѣчею, два любителя сильныхъ ощущеній выдумали довольно оригинальную

игру, заключающуюся въ слѣдующемъ: они сѣли верхомъ, лицомъ къ лицу, на весло, положенное на такой высотѣ, что ноги ихъ отстояли отъ палубы по крайней мѣрѣ на аршинъ, взяли въ руки по здоровому жгуту и, какъ два пѣтуха, приготовились къ жестокому бою. Смѣшно было смотрѣть на ихъ насупившіяся лица, заломленныя на затылокъ фуражки и замахнувшіяся правыя руки, изъ сжатыхъ пальцевъ которыхъ висѣли очень внушительные жгуты; они, повидимому, ждали только условленнаго сигнала, чтобы начать лупить другъ друга и сбросить ударами жгута противника съ весла.

Наконецъ раздался такъ страстно ожидаемый сигналъ: разъ, два, три, — валяй! поданный третьимъ лицомъ, стоявшимъ на благородной дистанціи отъ сражавшихся и съ видимымъ любопытствомъ поглядывавшимъ на сердитыхъ противниковъ. Разомъ опустились поднятыя руки, засвистѣли въ воздухѣ жгуты и градомъ посыпались взаимные удары, черезъ плечо, по спинѣ и лѣвому боку противника.

Оригинальный поединокъ продолжался почти десять минутъ; все это время слышался только свистъ подымаемыхъ и опускаемыхъ жгутовъ, звукъ здоровенныхъ ударовъ, прерывистое дыханіе распѣтушившихся матросовъ и — больше ничего; ни одинъ изъ нихъ не издалъ ни малѣйшаго звука, даже болѣзненнаго вздоха, какъ будто удары ложились на какіе нибудь деревянные чурбаны, а не на спины живыхъ существъ. Только глаза противниковъ метали молніи, зубы ихъ были судорожно сжаты одно это доказывало, что удары приходились имъ не совсѣмъ по вкусу.

Наконецъ, одинъ изъ бойцовъ не вытерпѣлъ, потерялъ равновѣсіе и кубаремъ слетѣлъ съ весла, осыпаемый насмѣшками торжествующаго противника, который, какъ ни въ чемъ ни бывало, приглашалъ присутствующихъ вступить съ нимъ въ единоборство, хвалясь, что онъ всякаго сброситъ десятью ударами жгута.

Нашлись охотники испробовать силу жгута побѣдителя, и черезъ минуту одинъ изъ нихъ уже сидѣлъ верхомъ на веслѣ, держа въ рукахъ жгутъ побѣжденнаго матросика, но послѣ десяти или двенадцати, онъ уже летѣлъ кубаремъ на палубу при громкомъ хохотѣ собравшихся зрителей; той же участи подверглись и другіе, пожелавшіе вступить въ единоборство съ храбрымъ побѣдителемъ, который, сбросивъ съ весла чуть ли ни съ десятокъ своихъ товарищей, все еще хвалился, что и одиннадцатаго сброситъ съ весла такъ же легко, какъ сбросилъ первыхъ десять человѣкъ; но одиннадцатый охотникъ, къ его несчастью, не нашелся и онъ принужденъ былъ, хотя и съ видимымъ сожалѣніемъ, сойти съ весла, на которомъ подвизался съ такою храбростью, честью и ловкостью, съ такимъ удивительнымъ терпѣніемъ, хладнокровіемъ и мужествомъ.

Если считать, по меньшей мѣрѣ, что каждый изъ противниковъ нанесъ ему по десяти ударовъ здоровымъ жгутомъ, то въ суммѣ будетъ очень изрядное число ударовъ, которые вынесъ, ради своего собственнаго удовольствія, храбрый боецъ, да еще въ какомъ неудобномъ, шаткомъ положеніи. Вотъ вамъ образчикъ матросской выносливости, и такихъ господъ найдете вы на корветѣ не мало; если же десять бойцовъ и свалились съ весла, то никакъ не отъ боли, повѣрьте, а просто отъ потери равновѣсія, которое нелегко сохранить, сидя верхомъ на веслѣ, при нанесеніи и принятіи здоровенныхъ ударовъ; если бы не это самое обстоятельство, сдѣлавшее ихъ побѣжденными, они, можетъ быть, вынесли бы по сту ударовъ...

Весело провели время матросики въ разнообразныхъ играхъ до самаго ужина, послѣ котораго занялись чтеніемъ, разсказами и воспоминаніями о прошломъ... Около Якова Матфеича, который отлично читалъ, и главное прекрасно понималъ все прочитанное, собралась порядочная группа матросовъ, которые, разлег-

лись въ самыхъ непринужденныхъ живописныхъ позахъ, жадно слушали одинъ изъ разсказовъ Погосскаго «Штуцерникъ».

Сочиненія Погосскаго, котораго матросы зовутъ своимъ сочинителемъ, пользуются у нихъ своимъ большимъ уваженіемъ и любовью; они съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушаютъ его прекрасные разсказы, проникающіе прямо въ душу русскаго человѣка...

— Ишъ ты, какъ ловко написано, прошепталъ самодовольно одинъ изъ слушателей, толкнувъ своего сосѣда локтемъ, сичасъ видать, што нашъ эту исторію писалъ, потому ужъ больно понятно и какъ есть, значитъ, нашу братію расписываетъ, што ни на есть въ самую точку попадаетъ...

— Чудно, лихо, отвѣтилъ тоже шепотомъ сосѣдъ, только вона Яковъ Матфеичъ баитъ, что Погоскинъ не изъ «нашихъ», анъ изъ офицеровъ какихъ-то, значитъ изъ благородныхъ, да што-то не вѣрится...

— Вретъ, прошепталъ первый рѣшительно, офицеръ такую исторію сочинить не можетъ, потому онъ офицеръ и больше ничаво, и межъ нашей братіей не жилъ.

Въ это время Яковъ Матфеичъ прекратилъ чтеніе, чтобы собраться съ духомъ, и обратился къ слушателямъ съ вопросомъ:

— Что важно, небось, писано?

— Больно важно, отвѣтили въ одинъ голосъ матросики.

— А што, Яковъ Матфеичъ, обратился одинъ изъ слушателей къ унтеру, скажите на милость; кто эфту самую исторію сочинялъ, любопытно знать, потому больно ловко нашу братію расписываетъ?

— Погосскій!

— Ишъ ты, Погоскинъ... а, ну, онъ изъ нашихъ што ли?

— Нѣтъ, братецъ, не изъ нашихъ, а офицеръ, отвѣтилъ Яковъ Матфеичъ.

— Офицеръ!? недовѣрчиво проговорилъ матросикъ, ну, нѣтъ, что-то не вѣрится... офицеры совсѣмъ другія исторіи сочиняютъ, ну а эфту, видать сичасъ, что кто нибудь изъ нашихъ...

Яковъ Матфеичъ однако стоялъ на своемъ, и вотъ всѣ слушатели раздѣлились на три враждебныя партіи: одна увѣряла, что эту исторію непремѣнно сочинилъ офицеръ, потому нашъ братъ въ книгахъ писать неумѣетъ; другая же партія энергично стояла на томъ, что Погосскій долженъ быть непремѣнно изъ мужичковъ или солдатовъ, потому жисть ихъ больно хорошо знаетъ, между тѣмъ какъ третья партія, самая малочисленная, пыталась было замолвить слово за штатскаго, но безъ всякаго успѣха.

Двѣ первыя партіи единодушно возстали противъ стоящихъ за «штатскаго» и заставили ихъ сознаться, что «штатскій» ни въ какомъ случаѣ не можетъ сочинить такую исторію, да и никакой не можетъ сочинить, потому онъ «жуликъ тонконогій», какъ выразились матросики, и больше ничаво: ему только бы за мамзелями гоняться, а не исторіи про нашего брата сочинять.

Такимъ образомъ «штатскій» былъ совершенно вычеркнутъ изъ списка кандидатовъ на сочиненіе, а въ концѣ концовъ рѣшили, что и офицеру незачѣмъ въ немъ красоваться, потому онъ на такія вещи неспособенъ... ему бы только командовать, да болѣе мудреныя книжки сочинять, какія не только понять намъ не можно, да и прочитать невозможно, потому на первой же строчкѣ точно обухомъ по лбу кто съѣздитъ и ходишь какъ ошалѣлый, аль въ потьмахъ, и ни одно слово мудреное въ голову не лѣзетъ. Такимъ образомъ рѣшено было большинствомъ голосовъ, что «Погосскинъ» непремѣнно изъ нашихъ; только послѣ этого оживлен-

наго спора продолжалъ Яковъ Матфеичъ прерванный разсказъ Погосскаго; всѣ слушали «своего сочинителя» съ такимъ жаднымъ наслажденіемъ, съ такимъ удовольствіемъ, что любо-дорого было смотрѣть...

Немного въ сторонѣ отъ этой живописной группы сидѣло трое матросовъ; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукахъ книгу, которую всѣ трое съ удивленіемъ разсматривали.

— Кажись для нашего брата написана, а больно не понятно, проговорилъ одинъ.

— Ишь ты, „Чтеніе для солдатъ", прочиталъ держащій книгу, восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой... котору страницу читаемъ, а я и въ толкъ не возьму до сихъ поръ, о чемъ тутъ такомъ пишутъ... чудесно, да и только, одно слово, развѣ однѣ анаралы такую исторію понять могутъ, а ужъ нашему брату куда...

— Истинно твое слово, подтвердилъ третій, все въ книгѣ эфтой какъ-то мудрено... посмотришь сказки, а не то и правда какая...

— Эфто все гличане насъ морочатъ, рѣшилъ первый собесѣдникъ, каверзу всякую подводятъ, дурманятъ насъ, штобъ потомъ Рассею завоевать.

— Прахъ тебя возьми, што ты тутъ толкуешь, заворчалъ сердито третій, развѣ не видишь—книга эфта для русскаго солдата сочинена, и кто-бъ позволилъ, што-бъ бѣсъ-гличанинъ въ ней што писалъ, да окромя того онъ по нашенски и слова написать не съумѣетъ...

— Такъ эфто можетъ русскій измѣнникъ какой?...

— А Господь его знаетъ...

Такого рода печальный разговоръ шелъ между тремя собесѣдниками, въ руки которыхъ попался одинъ изъ нумеровъ журнала „Чтеніе для Солдатъ", въ которомъ было отпечатано, въ сжатомъ видѣ, извѣстное сочиненіе Жюля Верна „Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой", сочиненіе весьма полезное и интересное для людей болѣе или менѣе развитыхъ и образованныхъ,

но непонятное и безъинтересное для людей неразвитыхъ и необразованныхъ... Удивляюсь, какая была цѣль у редактора этого солдатскаго журнала (въ которомъ должны бы печататься статьи самыя простыя, общепонятныя) напечатать въ немъ такое серьезное сочиненіе?... Неужели онъ думалъ познакомить простаго русскаго человѣка съ чудесами подводнаго міра, а главное съ чудесами большею частью офиціально неизвѣстными и непринятыми, но только предполагаемыми; неужели онъ думалъ познакомить его съ пылкими фантазіями талантливаго автора, съ его соображеніями и выкладками?... Напрасный трудъ! Смѣшное желаніе!...

Я нарочно разспрашивалъ почти всѣхъ матросовъ, прочитавшихъ это сочиненіе, и получилъ отъ нихъ весьма странные отвѣты, ясно доказывающіе, что они нисколько не понимаютъ его цѣли (хотя при немъ и приложено небольшое предисловіе, на которое матросики не обращаютъ должнаго вниманія), не понимаютъ высказываемыхъ новыхъ мыслей, хотя онѣ и изложены въ болѣе простой формѣ, но все таки непонятной для матроса. Словомъ, прочитавши все сочиненіе, онъ имѣетъ очень смутное понятіе о прочитанномъ, понятія часто нелѣпыя, которыя ясно доказываютъ, что *книга принесла ему не пользу, а вредъ и вредъ очень чувствительный*.... Вмѣсто того, чтобы матросъ расширилъ свой кругозоръ, онъ его значительно съузилъ; вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти нѣкоторыя новыя свѣдѣнія (по правдѣ сказать ему и ненужныя), онъ испортилъ небольшія старыя...

Странно, право, пичкать простаго, неразвитаго мужика какими-то подводными чудесами, знакомить съ удивительными похожденіями и фантазіями, имѣющими смыслъ только развѣ у человѣка нѣсколько развитаго и понимающаго суть дѣла, а не у мужика, который незнакомъ съ самыми простыми истинами природы, который едва понимаетъ дѣйствительность, читаетъ

чуть ли не по складамъ, забывая на второй строкѣ о̀ чемъ говорится въ первой, на третьей, что прочелъ во второй, словомъ, у котораго мысли настолько не сосредоточены, что онъ не въ силахъ понять и раскусить мало мальски серьезное или фантастическое сочиненіе. Матросъ — это почти тотъ же, по развитію, ребенокъ, для котораго нужно выбирать предметы для чтенія очень осмотрительно и съ крайнею осторожностью, чтобы не извратить его понятія и умъ, не испортить нравственность, не дать заглохнуть хорошимъ чувствамъ и развиться худымъ наклонностямъ. Прочитывая сочиненіе искуснаго выбора, матросъ видитъ свои недостатки, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи, и старается ихъ пополнить; я могу навѣрное сказать, что постоянное чтеніе нравственныхъ сочиненій можетъ поставить на истинный путь даже матроса уже испорченнаго; ему нужны только примѣры, въ которыхъ бы онъ поучался, что безнравственная жизнь ведетъ человѣка къ погибели, между тѣмъ какъ честная, благородная жизнь возвышаетъ его въ глазахъ всѣхъ и служитъ источникомъ всевозможныхъ благъ... Есть впрочемъ и изъ матросовъ люди, понимающіе, которые не задумаются надъ сочиненіемъ Жюля Верна, но ихъ какъ «капля въ морѣ», а вѣдь журналы печатаются не для капли, а для самаго моря. Если же подобный исключительный субъектъ и захочетъ обогатить свой умъ, расширить свой кругозоръ, то онъ можетъ обратиться къ болѣе серьезному журналу, а не къ «Чтенію для Солдатъ», который, какъ извѣстно, предназначенъ для людей малоразвитыхъ и необразованныхъ...

Въ сторонѣ отъ всѣхъ, за писарскимъ столомъ, собрались такъ называемые матросами корветскіе чиновники: подшхиперъ, баталеръ, фельдшеръ и писарь.

Осанистый, полный баталеръ, еврейскаго происхожденія, держалъ въ рукахъ одинъ изъ старыхъ номеровъ „Голоса“ и что-то очень серьезно обдумывалъ, поднявъ

глаза къ небу и глубокомысленно наморщивъ лобъ; рядомъ съ нимъ лежала на палубѣ цѣлая груда самыхъ разнообразныхъ газетъ, которыя ждали, повидимому, своей очереди, чтобы дать отчетъ передъ обществомъ о приключившихся событіяхъ и разныхъ политическихъ казусахъ, какъ выразился корветскій писарь, франтъ первой руки и старающійся всѣми силами выказать передъ другими свое образованіе (?), познанія и умѣнье выражаться свѣтскимъ языкомъ.

Нужно замѣтить, что „корветскіе чиновники" очень любили почитывать газеты и разсуждать „о приключившихся политическихъ казусахъ", для этой цѣли запасливый баталеръ пріобрѣлъ гдѣ-то, передъ уходомъ за границу, цѣлую груду старыхъ газетъ, самыхъ разнообразныхъ названій, форматовъ и направленій, которыя и перечитывались ими постепенно, при каждомъ удобномъ случаѣ. Тутъ былъ и „Голосъ", и „Петербургскій Листокъ", и „Сынъ Отечества", и „Московскія Вѣдомости", и Богъ вѣсть еще какія въ лежащей грудѣ газеты, которыя понасбиралъ баталеръ чуть ли не со всего Кронштадта... И такъ, осанистый баталеръ держалъ въ рукахъ „Голосъ" и что-то очень серьезно обдумывалъ; франтоватый писарь рѣшалъ, повидимому, въ умѣ какой-то важный „политическій казусъ": глаза его были глубокомысленно опущены внизъ, указательный палецъ правой руки приставленъ ко лбу, брови нѣсколько сдвинуты и ощетинены. Подшкиперъ и фельдшеръ глупо таращили свои глаза на задумавшагося писаря и съ видимымъ нетерпѣніемъ ждали, когда онъ разрѣшитъ встрѣтившуюся „заковычку" и толково разъяснитъ ее своимъ собесѣдникамъ.

— Да, господа, началъ вдругъ писарь съ необыкновенною величавостью (собесѣдники встрепенулись и насторожили уши), это дѣло большой важности, требуетъ глубокаго обсужденія „нашего общества"... Неужели, сотворится такое зло, что французская имперія подпадетъ подъ иго прусскаго королевства? Ораторъ

запнулся; видно было, что онъ думалъ проговорить давно заученую фразу, но забылъ, къ несчастью, что слѣдовало дальше.

— Подумайте, продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія писарь, покраснѣвшій отъ натуги выдумать что нибудь путное: съ одной стороны стоитъ имперія, а съ другой всего только королевство.... по моему мнѣнію, побѣда должна остаться за имперіею, потому что... потому что... (писарь опять запнулся, а для выигрыша времени засморкалъ, зачихалъ и закашлялъ; видно было, что онъ могъ-бы обойтись и безъ этихъ порывовъ, которые вышли очень принужденными), потому что... она имперія, а то всего только королевство, рѣшилъ онъ наконецъ, нисколько не смутившись.

— Почему же имперія должна непремѣнно побѣдить королевство? спросилъ баталеръ съ нѣкоторою строгостью въ голосѣ, повидимому очень недовольный, что писарь раньше его рѣшилъ «головоломный вопросъ», а по моему такъ будетъ обратно...

— Помилуйте, господа, смущенно проговорилъ писарь, пойманный на словѣ, да вѣдь она имперія, а знаете ли, что это за штука, чѣмъ отличается отъ королевства?...

— Ну, скажите, чѣмъ? настойчиво присталъ баталеръ.

— Въ имперіи вѣдь царствуетъ императоръ, началъ писарь послѣ небольшой передышки, въ которую онъ все-таки не могъ выдумать, какъ бы выпутаться изъ бѣды, а въ королевствѣ — всего только король: чинъ перваго выше, а за старшимъ, какъ вы, я думаю, уже и знаете, господа, всегда и сила, потому что старшій можетъ приказать младшему, а младшій старшему, то же вамъ не безъизвѣстно, ничего приказать не можетъ...

— Постойте, любезный, перебилъ съ важностью баталеръ краснорѣчиваго оратора и „корветскаго поли-

тика“, вы, я вижу, окончательно заврались, хотя и красно хотите сказать (замѣтьте, корветскіе чиновники всегда разговариваютъ другъ съ другомъ на „вы“, чѣмъ и хотятъ выказать передъ матросами свой свѣтскій лоскъ)... По вашему, значитъ, французскій императоръ сказалъ прусскому королю: „ты, молъ, со мной не воюй, убирайся къ чорту, безъ бою отдавай свои города!“ — такъ, вы думаете, тотъ и послушается!?.. Нѣтъ, вы ошибаетесь!... На корветѣ, у насъ, оно, пожалуй и такъ будетъ, а тамъ не чинъ беретъ, а сила...

Писарь окончательно сконфузился и растерялся; хотѣлъ было онъ еще замолвить слово о превосходствѣ имперіи надъ королевствомъ, но поперхнулся и замолчалъ...

Долго еще спорили „чиновники“ о разныхъ политическихъ событіяхъ; долго разносились по рейду отголоски родныхъ пѣсенъ и трещалъ бакъ подъ сильно выбивающими трепака ногами лихихъ плясуновъ... Наконецъ всѣ угомонились, разобрали койки, и чрезъ самое короткое время почти все корветское населеніе уже покоилось въ теплыхъ и сладкихъ объятіяхъ Морфея. На корветѣ наступила мертвая тишина, изрѣдко прерываемая только однообразными шагами часовыхъ, прохаживающихся по верхней палубѣ, да чмоканьемъ, почесываніемъ и оханьемъ спящихъ матросиковъ...

Прошло нѣсколько дней; на корветѣ стали готовиться къ выходу въ море. 14 апрѣля распростились мы съ гостепріимнымъ Буеносъ-Айресомъ, прошли Ла-Плату подъ парусами и уже въ полдень, 16 числа, качались опять въ океанѣ, встрѣтившемъ насъ весьма недружелюбно: ревѣлъ свѣжій юго-западный (SW) вѣтеръ, высоко вздымавшій къ небу пѣнящіяся волны, съ которыми пришлось опять корвету вести трудную, нескончаемую борьбу.

Океанъ затянулъ опять свою грустную пѣсню; свѣжій вѣтеръ гудѣлъ въ снастяхъ и завывалъ въ нихъ на

самые разнообразные, раздирающіе душу, мотивы; яростныя, пѣнящіяся волны повели опять на борта корвета свою смѣлую аттаку, и опять заскрипѣли корветскіе члены, вытерпѣвшіе уже столько бурь и непогодъ, вынесшіе несмѣтное число яростныхъ ударовъ разсвирѣпѣвшихъ волнъ, каждый ударъ которыхъ разрушалъ постепенно крѣпкое здоровье нашего красавца „Аскольда". Вышелъ нашъ корветъ изъ Кронштадта крѣпкимъ, сильнымъ, а вернется изъ кругосвѣтнаго плаванія дряхлымъ старикомъ, котораго безъ значительныхъ исправленій даже страшно будетъ послать въ море.... Вотъ что дѣлаютъ штормы, бури и непогоды; вотъ что творятъ свирѣпыя волны, у которыхъ одна только цѣль—разрушать и разрушать...

Четырнадцать дней качался корветъ почти на одномъ мѣстѣ, подъ глухо зарифленнымъ гротъ-марселемъ и триселями; четырнадцать дней находились мы въ постоянной тревогѣ и хлопотахъ...

„Аскольдъ" тяжело переваливался съ боку на бокъ, трещалъ своими переборками, нырялъ, взлеталъ на вершины шипучихъ волнъ и опять погружался въ холодныя объятія океана. Хлопанье снастей и парусовъ, дикое, заунывное завываніе вѣтра, плескъ волнъ, жалобный скрипъ корветскихъ членовъ — все это сливалось въ дикую, но величественную музыку, которая однако не только надоѣдала намъ днемъ, но и ночью.

Ночи въ это скверное, бурное время проводили мы также скверно; трудно уснуть подъ дикую музыку разбушевавшаго океана, не было возможности даже хорошенько вздремнуть, когда нужно заботиться о томъ, чтобы не слетѣть съ койки и не испробовать лбомъ крѣпость палубы, переборки или стола, когда почти каждую минуту встревоживаетъ васъ какое нибудь обстоятельство, можетъ быть самое пустое и глупое. Только что думаешь засыпать, какъ громкая, тревожная бѣготня по палубѣ, точно несется по ней цѣлый

табунъ дикихъ лошадей, вырываетъ васъ изъ теплыхъ объятій Морфея и бросаетъ въ холодныя объятія дѣйствительности; тревожно прислушиваешься къ раздавшемуся топоту и пытливо стараешься предугадать причину поднявшейся суеты... Но вотъ постепенно все замолкло; натягиваешь на себя сползающее одѣяло, перевертываешься на другой бокъ, закрываешь глаза, начинаешь забываться, какъ вдругъ раздается громкая команда вахтеннаго начальника, надрывающаго свои легкія, чтобы только перекричать шумъ свирѣпѣющей непогоды; слышится вслѣдъ затѣмъ, почти надъ самою головою, мѣрный, дружный топотъ сотни ногъ, сопровождаемый рѣзкими, короткими свистками унтеръ-офицеровъ... Чувствуешь, что-то тянутъ и тянутъ съ трудомъ... Черезъ нѣсколько времени опять все замолкаетъ; слышится только страшное завыванье вѣтра въ снастяхъ, да скрипъ расшатавшихся переборокъ; пользуясь временнымъ затишьемъ, предашься легкой дремотѣ, но не на долго: упадутъ ли отъ качки съ полки книги, свалится ли стулъ, поддастъ ли корветъ сильнѣе обыкновеннаго, такъ что необходимо бываетъ вцѣпиться во что нибудь руками и ногами, чтобы не слетѣть съ койки, — невольно просыпаешься и начинаешь чутко прислушиваться... и такъ коротаешь время до утра. Встанешь не въ духѣ, съ тяжелою головою и проклятіями на негостепріимный океанъ, качку и непогоду!

Къ утреннему чаю публика собирается за общимъ столомъ и начинаетъ передавать другъ другу ночныя невзгоды; одинъ разсказываетъ со злостью, какъ ночью слетѣлъ онъ два раза съ койки и шарахнулся лбомъ въ рундукъ; другой съ необыкновенною точностью объясняетъ, какъ онъ провоевалъ всю ночь съ настойчиво льющимся въ его постель ручейкомъ, причемъ показалъ даже подушку, одѣяло и простыню, вымокшія до послѣдней нитки; третій повѣрялъ свое горе, какъ свалилась съ полки на столъ стклянка съ черни-

лами и, разбившись, разумѣется въ дребезги, окропила его съ ногъ до головы трудно выводимою жидкостью, причемъ большая часть чернилъ, какъ нарочно, попала ему прямо въ лицо; принявъ съ просонковъ чернила за воду, онъ сталъ тщательно вытирать простынею и руками и только утромъ замѣтилъ свою грустную ошибку: край простыни былъ совершенно черенъ, руки какъ у негра, а подойдя къ зеркалу, онъ въ первый моментъ себя даже не узналъ, потому что лицо его очень смахивало на хорошо вычищенный сапогъ. Полчаса мылся бѣдняга, полчаса теръ онъ свое лицо самымъ отчаяннымъ образомъ и все-таки не могъ совершенно отмыться и принужденъ былъ сѣсть за чайный столъ съ физіономіею, испещренною затѣйливыми темноватыми разводами... Вотъ вамъ ночныя развлеченія!... Днемъ, въ качку, не находишь себѣ, въ свободное время, рѣшительно никакого дѣла: читать тяжело, писать нѣтъ физической возможности, и вотъ коротаешь время въ пустой болтовнѣ и не дождаешься лучшаго плаванія, и конца скучнаго перехода.

Развлеченій, кромѣ вышеописанныхъ, нѣтъ никакихъ, и невольно всѣ помыслы летятъ къ берегу, мечтаешь о томъ, какъ было бы теперь хорошо, если бы какая нибудь, добрая фея перенесла тебя изъ маленькой, сырой, похожей на качающуюся клѣтку, каюты въ теплую, сухую, комфортабельно убранную комнату, въ которой можно было бы весело провести время и забыть на нѣсколько дней бурю и непогоду...

Матросы ходятъ тоже хмурыми, недовольными: измучась они постоянною качкою, трудною работою и безсонными ночами. Не слышно уже на бакѣ веселыхъ пѣсенъ, не гудитъ палуба подъ ногами лихихъ корветскихъ плясуновъ, словомъ, команда, сообразно погодѣ, находится въ дурномъ настроеніи духа.

Тамъ и сямъ слышатся невеселые разсказы: кто съ грустью вспоминаетъ деревню и все деревенское насе-

леніе, начиная отъ стараго дѣда Пахома и кончая кудластымъ Шарикомъ; кто передаетъ друзьямъ свои сердечныя раны, а кто толкуетъ о томъ, какъ „съѣздилъ его по рылу боцманъ Карла Иванычъ и съѣздилъ-то ни за что, ни про что, а такъ, что ажно въ глазахъ заискрилось“.

— Стою это я у гротъ-мачты, разсказываетъ побитый, на марса-быкъ-горденѣ [1]); рифы это отдали и я, какъ значить, марсафаль пошелъ отвернулъ его въ свое время, а онъ шельмецъ, гдѣ-то и захрясъ, нейдетъ, да и только... Съ марсу Аксеновъ трясетъ гордень, ругается на всѣ четыре стороны, кричитъ сверху что-то, а я и не слышу, потому стонетъ вѣтрило, гудитъ въ снастяхъ.... Вдругъ откуда ни возьмись летитъ ко мнѣ боцманъ, трахъ по уху, трахъ по другому, ажно въ глазахъ заискрилось... Это говоритъ, отчего у тебя, гордень нейдетъ!... Ты, говоритъ, такой, сякой, да эдакой спишь у снасти, а дѣла не дѣлаешь!... Нѣтъ, говорю, Карла Иванычъ, это не у меня гордень-то захрясъ, а должно быть тамъ, на марсѣ... Я тебѣ дамъ на марсѣ, крикнулъ Карла Иванычъ, да носомъ это меня къ самому шкиву [2]) и ткнулъ... гляжу и глазамъ не вѣрю: какимъ такимъ образомъ стирку [3]) въ шкивъ засосало!... Напустился на меня Карла Иванычъ, тарарахнулъ еще два раза въ рыло, а той порой гордень-то возьми, да и лопни, прахъ бы его побралъ... Досталось же мнѣ, а я, ей-Богу, ни душой, ни тѣломъ къ дѣлу этому не причастенъ, потому темно было, хоть

---

[1]) Марса-быкъ-гордень — такъ называется особая снасть у марселей (вторые паруса въ низу), помощью которой подтягиваютъ нижнюю сторону (кромку) паруса.

[2]) Шкивами называются отверстія въ блокѣ, борту, мачтѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, чрезъ которыя тянутъ продернутыя въ нихъ снасти.

[3]) Стирка—таже швабра (безъ палки), но сдѣланная изъ не смоленыхъ каболокъ (нѣсколько свитыхъ каболокъ, смотря по толщинѣ веревки, составляютъ „прядь“; три или четыре—„пряди“, свитыя вмѣстѣ, образуютъ „трехъ“ или „четырехъ-прядный тросъ“).

глазъ выколи—не видать; а стирка, окаянная, какъ попала въ шкивъ и сказать не могу, потому не примѣтилъ...

— Да можетъ хто ё на бухту бросилъ въ попыхахъ, высказалъ свое мнѣніе одинъ изъ слушателей.

Другіе съ нимъ не согласились; долго спорили матросики о томъ, какимъ такимъ образомъ „стирку въ шкивъ засосало", и наконецъ, единогласно рѣшили, что „по всѣму вѣроятію окоянный дѣдушка водяной подшутилъ и стирку въ шкивъ запихалъ, штобъ гордень лопнулъ"...

— Такъ, такъ, братцы, продолжалъ недовольнымъ тономъ побитый, изъ-за горденя какого-то, чортъ бы его побралъ, изъ-за вервія проклятаго ровно я четыре здоровеннѣйшихъ поплевухи съѣлъ...

— И не то бываетъ, наставительно замѣтилъ одинъ изъ слушателей, вотъ хоть бы я третеводня ночью съ десятокъ подзатыльниковъ съѣлъ, да такихъ, что раза три это я носомъ клюнулъ: сперва въ бортъ, затѣмъ въ мачту, а тамъ уже не примомню куды... А за что?... спросите... Да ни за̀ что, ни про что: задремалъ это я маненько, а тутъ, какъ нарочно, авралъ (общая работа) поднялся, меня-то, какъ курицу на насѣстѣ, и сцопали, да нахлобучили...

— А я такъ вчера-сь, началъ другой, такого тумака получилъ, что отдай все и то мало покажется...

И стали матросики считать, да пересчитывать кто сколько съѣлъ поплевухъ, подзатыльниковъ, тумаковъ и т. п., когда, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ; при этомъ каждый изъ нихъ старался увѣрить своихъ товарищей, что ему досталось „лучше и знатнѣе ихъ"...

У фокъ-мачты собралась другая группа матросовъ, изъ которыхъ болѣе всѣхъ выдавался бравый, красивый и удалый марсовой Хрѣновъ, разсказывавшій товарищамъ о своей сердечной ранѣ — несчастной любви, принудившей его проситься въ „безвѣстную".

— Полюбилъ это я дѣвку красивую, молодую, полную, грустно разсказывалъ Хрѣновъ, дочку писаря 7-го экипажа Анкудія Ермоланча; Агафьей ее звали, да полюбилъ я не въ радость себѣ, а въ горе-горемычное...

Увидалъ я ее въ первый разъ на вечеринкѣ у нашего баталера: краше всѣхъ дѣвокъ была, нарядная такая, хорошая... увидалъ я ее и обомлѣлъ, ажно сердце запрыгало, а на то времячко и она на меня какъ вскинетъ глазами, ну, братцы, едва въ землю съ радостей не провалился: значитъ, заприметила она меня... Подъ вечеръ сошелся это я съ ней, но такой меня тутъ конфузъ взялъ, что и не припомню, о чемъ мы тамъ толковали и какъ я отъ баталера вышелъ... Помню только, что ласкова со мной была и въ церковь велѣла это въ праздникъ придтить, съ ней повидаться...

Что долго говорить: влюбился это я въ Агафью по самыя уши, и она въ меня, и сталъ я частенько съ ней видаться, то въ сборѣ, то у знакомыхъ какихъ... Вотъ думаю, колибъ Анкудій Ермоланчъ за меня замужъ ее отдалъ, кажись бы ничего для ней не пожалѣлъ... И стало мнѣ, доложу я вамъ, братцы мои, оченно скучно отъ этой самой думы, ажно похудѣлъ... Агафья-то это и заприметила и начала меня научать къ отцу ея сходить, посвататься: послушался я, одѣлся въ новый мундирчикъ, примазался, да и пошелъ къ Анкудію Ермоланчу; встрѣтилъ онъ меня ничаво, ласково; поговорилъ я съ нимъ маненько, (а у самаго сердечко точно колоколъ стучитъ), да вдругъ стамши на колѣна, бухнулся ему въ ноги и разсказалъ про нашу любовь... А онъ какъ пугнетъ меня, крикнетъ на весь домъ: „вонъ, мошенникъ! Не видать тебѣ, говоритъ, моей Агафьи, какъ своихъ ушей! Рыломъ не вышелъ! Жениха ей лучшаго найду! Дѣвки моей, говоритъ, и не увидишь больше, подъ замокъ посажу ее, негодную!..“ Раскричался это онъ, братцы вы мои, до того, что я совсѣмъ ошалѣмши бросился вонъ... Что

со мной въ тую пору было, я вамъ и сказать не умѣю: какъ будто кто обухомъ по лбу меня угорошилъ, такъ всю память изъ меня вышибло, и сдѣлался я чрезъ это самое какъ есть настоящій сумасшедшій, да и домой ни какъ не попаду: иду я... иду я... анъ смотрю опять у Агафьинаго дома стою, да на окно ея поглядываю... Пойду это опять я прочь отъ семейнаго дома, домой значитъ, въ казармы хочу идтить, хожу, хожу, какъ одурѣлый, анъ смотрю опять та же оказія, опять у Агашкинаго окна стою и глаза на него таращу, какъ дуракъ... Проходилъ я этакимъ манеромъ, почитай, до полночи... можа и дольше проходилъ, если бы не дворникъ пугнулъ: „что, говоритъ, глазища свои таращишь на эфтотъ домъ, нельзя-ли подалѣе отъ этихъ самыхъ мѣстъ!"... Пришелъ это я маненько въ себя и пошелъ домой, точно шальной какой... Тяжело стало на сердцѣ; такъ и хотѣлось мнѣ что нибудь надъ собою сотворить, да страхъ все какой-то бралъ... Думалъ я горе сномъ заспать — не спится: все страшилища какія-то въ глазахъ вертѣлись и душить меня все собирались, всю ночь съ боку на бокъ ворочался и стоналъ... Нѣсколько разовъ вставалъ я ночью съ постели, такая тоска разбирала, и руки хотѣлъ на себя наложить, да Господь не попустилъ совершиться такому сраму: страшно больно было, значитъ другая смерть на роду моемъ написана... Промаялся этакимъ манеромъ, почитай, цѣлую ноченьку, уже свѣтать стало, когда это я маненько уснулъ. Проснулся по утру, взглянулъ на день свѣтлый, на солнышко ясное, и такъ мнѣ это стало тошно на бѣломъ свѣтѣ жить, что слезы такъ изъ глазъ и полились... Поуспокоился это я маненько и сталъ думу думать, какъ бы съ Агашей увидѣться, думалъ, думалъ, да такъ ничего и не выдумалъ... Промаялся я этакимъ манеромъ, почитай, полгода, Агафьи никакъ не могъ увидать и слуху объ ней никакого не слыхать было: точно въ воду канула... Похудѣлъ это я, осунулся, какъ водовозная кляча, и никакъ Агафьи

забыть не могъ: все думалъ съ ней повидаться... и далъ Богъ мнѣ съ ней свидѣться, да не въ радость, а въ горе тяжкое,—грустно, съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ Хрѣновъ, отирая рукавомъ невольно скатившуюся слезу.

Слушатели, затаивъ дыханіе, съ сожалѣніемъ смотрѣли на своего несчастнаго товарища.

— Ну что, Хрѣновъ, тихо спросилъ одинъ изъ нихъ послѣ продолжительнаго, тяжелаго молчанія, гдѣ это увидалъ ты свою Агашку-то?

Хрѣновъ встрепенулся; грустно оглядѣлъ своихъ товарищей и продолжалъ разсказывать о своей несчастной любви голосомъ, въ которомъ слышались горькія слезы и затаенныя рыданія.

— Ужъ я вамъ, братцы вы мои, раскажу исторію свою до конца! Поѣхалъ я онамнясь въ Питеръ, къ своему брату Никитѣ Михайловичу, что столярнымъ мастерствомъ тамъ занимается; иду это я, пробираюсь къ Бассейной (братъ мой тамъ живетъ), и вдругъ вижу, и глазамъ своимъ не вѣрю: идетъ на встрѣчу мнѣ Агафья, разряженная въ пухъ и прахъ, что ни на есть пава... Я это къ ней: „Агафьюшка, говорю, вотъ Богъ-то далъ гдѣ свидѣться!... но она не дала и слова больше промолвить: недалече городовой стоялъ, она это къ нему, да и говоритъ: „голубчикъ, тресни, пожалуйста, этого солдата по загривку, чтобъ благородныхъ дамъ не затрогивалъ!“ Я такъ и обомлѣлъ, поглядѣлъ это на нее (думалось съ перваго разу, что шутитъ Агафья); а она смотритъ на меня сурово, точно на чужаго, а городовой-то ужъ подступаетъ... Бросился это я отъ нее со всѣхъ ногъ, прибѣжалъ къ брату, да такой видно былъ я страшный, что тотъ перепугался и креститься началъ... „Ужъ не съ того ли свѣта пришелъ ты, Ваня?“ — спрашиваетъ онъ меня. Я ему возьми, да и раскажи про Агафью-то, про свое горе горемычное, и тутъ-то я узналъ отъ него всю

подноготную, узналъ я, что за благородная дама Агафья-то, узналъ я ея безчестіе. Плакалъ это я, плакалъ, да слезы всѣ свои выплакалъ!.. глухо проговорилъ Хрѣновъ, вотъ и рѣшилъ въ безвѣстную проситься, чтобъ горе сколько нибудь размыкать и Агафью обманщицу забыть, да нѣтъ силенокъ: все она въ глазахъ мерещится, ужъ больно крѣпко я ее любилъ и люблю даже по сію пору, добавилъ онъ тихо, грустно понуривъ головою.

Слушатели съ видимымъ сожалѣніемъ поглядывали на несчастнаго Хрѣнова и каждый изъ нихъ сравнивалъ какъ будто свою съ долею несчастливца. Долго длилось тяжелое молчаніе, всѣ, повидимому, находились еще подъ вліяніемъ грустнаго разсказа. Хрѣновъ между тѣмъ оставилъ своихъ собесѣдниковъ и отошелъ въ сторону, чтобы наединѣ предаться своимъ тяжелымъ воспоминаніямъ.

— Ужъ коли душу свою открывать, открою и я свою, проговорилъ вдругъ одинъ изъ слушателей, рябой, некрасывый матросъ, и разскажу вамъ, братцы вы мои, исторійку, но только маненько повеселѣе Хрѣновой. Слушайте, ребята!...

— Развесели насъ, Андронычъ, а то больно грустно стало,—просили матросики.

— Дѣвокъ я, молодцы, началъ Андронычъ, больно не долюбливаю, по той самой причинѣ, что они меня хуже бѣса какого боялись и рыла свои все отъ меня ворочали... Разъ этакъ вздумалъ я съ ласками своими къ Дунькѣ Гавриловой подойти, да такой отпоръ, бестія, здоровый дала, что просто разлюли малина... Сперва этта плюнула она мнѣ въ самое что ни на есть рыло, а опосля какъ крикнетъ, почитай, на весь Кронштадтъ: „взгляни ранѣе на харю свою, точно вѣдь черти на рылѣ твоемъ въ свайку играли!“... Выслушалъ обиду я эфту хладнокровно: не за косы же бабу оттаскать... хотѣлъ было впрочемъ выругаться на всѣ

четыре стороны, да поперхнулся... и съ той поры къ дѣвкѣ красивой закаялся подходить, чтобъ опять не услыхать такую конплементу; а къ рожѣ такой, какъ я, ужъ больно срамно съ любезностями лѣзть... Ужъ я такъ и рѣшилъ женой не заводиться, а жить, да поживать вольной птицей: захотѣлъ, туда полетѣлъ, гдѣ захотѣлъ, тамъ и сѣлъ, и, одно слово, чудная моя таперича жизнь, привольная, что ни на есть разлюли малина!... Когды я мальцемъ былъ, такъ у своего помѣщика шутомъ служилъ: по собачьему ли полаять—старика-помѣщика посмѣшить, по кошачьему ли помяукать—помѣшицу-матушку до животиковъ раззадорить—это было мое дѣло, всякую штуку выкинуть—тоже мое дѣло было... Отецъ-помѣщикъ любилъ меня безъ памяти и жить просто безъ своего шута не могъ: куды онъ, туды и я; матушка-помѣщица меня баловала и всегда вареньемъ домашнимъ угощала, одно слово, жисть моя у нихъ была разлюбезная... Какую бы штуку я ни выкинулъ, только бы помѣщика расмѣшить, ничего, все съ рукъ сходило... Не разъ потѣшался я надъ сосѣдями, которые больно любили къ нашему барину ѣздить, потому тотъ хлѣбосолъ былъ первой статьи, угощалъ на славу, и не разъ былъ и битъ я ими за свои продѣлки, да ничего: шутовская моя шкура привыкла ко всему; въ отмеску же непремѣнно въ другой разъ насолю имъ, что ни на есть лучшимъ манеромъ...

Случился однако такой разъ случай, изъ за котораго я прямо въ матросы попалъ, одно слово, нашла коса на камень; ни любовь господина моего, ни слезы старухи моей матери—ничего не помогло: запрятали меня безо всякаго суда и расправы...

Случилось это такимъ манеромъ: пріѣзжаетъ къ отцу-помѣщику молодой сосѣдъ, молодецъ изъ себя, только изъ Питера пріѣхалъ, и былъ онъ, вишь, гвардіи полковникъ, да еще кавалеріи гусаръ, одно слово—сила. Вздумалось мнѣ, чортъ меня дернулъ, и надъ

нимъ посмѣяться и выкинуть что ни на есть самую лучшую штуку, да нашла коса на камень—вздернули меня такъ, что свѣта не взвидѣлъ, а злость все-таки въ себѣ затаилъ... Слушайте-жъ!

И вотъ братцы, пріѣзжаетъ этотъ помѣщикъ къ намъ, одѣтый фертомъ: на ногахъ шпоры бренчатъ, на груди золотые шнурки, штаны красные въ обтяжку, сапоги лакированные съ кисточками, одно слово, гусаръ первостатейный. Въ тую пору удивился я такой срамной формѣ и тутъ же рѣшилъ штуку выкинуть, потому ужъ больно не нравились мнѣ красные штаны и коротенькій, прекоротенькій сертучишко...

Пригласилъ нашъ помѣщикъ этого гусара обѣдать остаться, а я и радъ, ну, думаю, лафа, штуку непремѣнно выкину!... Сварилъ я махонькой котелочекъ что ни на есть лучшаго клею, да съ дегтемъ еще, досталъ кисть и все это заранѣе поставилъ подъ тотъ стулъ, на которомъ гусаръ долженъ за обѣдъ сѣсть... Начали садиться за столъ; я это все около гусара верчусь, услужить будто хочу, „пожалуйте, говорю, вотъ ваше мѣстечко", стулъ ему отодвигаю, одно слово, всѣ силенки свои кладу, чтобъ котелка кто съ клеемъ не замѣтилъ: а помѣщикъ мой межъ тѣмъ только удивляется: „что это, говоритъ, съ нашимъ Андрюшкой стало, какимъ онъ степеннымъ сдѣлался!" А я себѣ, думаю: „погоди, отецъ мой, скоро я свое степенство вотъ этому самому гусару покажу!"... И такъ, братцы мои, гусаръ сѣлъ, я за его стуломъ стою, салфетка въ рукахъ, прислуживаю, просто дивилъ господъ, а между тѣмъ самъ не промахъ: какъ это онъ немножко что приподымется, соль ли достать, хлѣбца ли барышнѣ передать, аль что нибудь другое, я это сичасъ салфетку на полъ, будто нечайно уронилъ, а какъ нагнусь подымать ее, то сичасъ это—разъ, два, три и вымажу тихонько клеемъ стулъ и опять смирно стою, какъ будто совсѣмъ святымъ сдѣлался. Господа мои только ахаютъ, да удивляются: „это, говорятъ гусару, вы пер-

вые въ такую милость къ нашему Андрюшкѣ попали, а то онъ никого изъ сосѣдей не долюбливаетъ!" Я это все слушаю и самую что ни на есть невиннѣйшую рожу строю... Подъ конецъ обѣда, попользовавшись удобнымъ случаемъ, вылилъ я на стулъ гусара, почитай, весь котелокъ съ клеемъ, да сичасъ вонъ изъ комнаты, запрятался, да и посматриваю изъ-за двери, что будетъ... Господа межъ тѣмъ покушали и стали изъ-за стола выходить: вышелъ старикъ - помѣщикъ, встала матушка-помѣщица, приподнялась и барышня наша, гусаръ-же мой то покраснѣетъ, то поблѣднѣетъ, а все на мѣстѣ сидитъ, точно къ стулу пришитый: встать какъ будтобы и хочетъ, да въ немоготу, плотно, значитъ, наѣлся. Господа въ нему подходятъ, „что съ вами, спрашиваютъ, вы, кажется, нездоровы, позвольте поможемъ встать!" — „Благодарю васъ", говоритъ гусаръ, а самъ пуще еще краснѣетъ, да блѣднѣетъ и стуломъ только маненько пошевеливаетъ...

— Ишь ты, весело проговорилъ одинъ изъ слушателей, ты, значитъ, его къ стулу пришпилилъ: молодчина, нечего сказать... Ай-да шутъ...

— Именно, продолжалъ усмѣхаясь Андронычъ, гусаръ къ стулу прилипъ, точно муха къ меду... Прошло минуточки двѣ, ухватился онъ обѣими руками за стулъ и всталъ, только что-то затрещало, значитъ, красные штаны его распоролись...

— Ха, ха, ха, залились матросики веселымъ смѣхомъ, забывъ совершенно Хрѣнова и его грустную исторію, ай-да Андронычъ, распотѣшилъ насъ молодчина!..

— Слушайте дальше, продолжалъ Андронычъ, всталъ это гусаръ и хуже звѣря какого на стулъ оглянулся, да какъ зарычитъ: „это, говоритъ, вашъ шутъ штуку надо мной осмѣлился выкинуть, прошу васъ его проучить, выпороть", и пошелъ, и пошелъ... Господа смотрятъ на красные штаны гусара, а смѣхъ у нихъ, видать было, такъ къ горлу и подступаетъ, да только

воздержались маленько, потому совѣстно стало гостя новаго; а барышня наша, какъ увидала гусара въ неделикатномъ видѣ, такъ и убѣжала, чуть-чуточки даже въ обморокъ отъ конфуза не чебырахнулась... Гусаръ уѣхалъ отъ насъ такой разбѣшенный, что просто страсти; господа меня сичасъ почали ругать: „ты, говорятъ, болванъ, не знаешь съ кѣмъ связываешься, представился такимъ святымъ, а тутъ, вишь, какую пакость сотворилъ"... да и на томъ и покончили, потому сами мнѣ во всемъ поблажку давали. Гусаръ же такъ на меня обозлился, что приказалъ своимъ дворовымъ, при первомъ-же удобномъ случаѣ, сцапать меня и на глазахъ своихъ выпороть...

— И больно? спросилъ кто-то.

— Такъ, что чуть всю кожу, черти, съ меня не содрали, проговорилъ со злостью Андронычъ, по сію пору тотъ день еще памятенъ, хотя съ тѣхъ поръ уже болѣе пятнадцати годковъ прошло. Когда меня пороли, то гусаръ все приговаривалъ: „тебѣ, шуту, не нравились мои красные штаны, такъ вѣроятно не понравится и мой березовый лѣсъ! ты вздумалъ со мной пошутить, а я съ тобой шутить не стану; запорю до полусмерти!"... И дѣйствительно, когда кончилась порка, то я не могъ и пошевельнуться; только къ вечеру пришелъ въ себя и на силу до дому доплелся... Жаловался я своему барину, да тотъ то и сдѣлалъ, что рукой махнулъ, да промолвилъ, „за дѣло дураку, впередъ съ такими важными господами не связывайся!" И взаправду, богаче этого гусара въ цѣлой губерніи не было, ну и боялся мой баринъ съ нимъ потягаться; но я въ душѣ злобу затаилъ и рѣшилъ во чтобы то ни стало гусару отомстить...

Прошелъ безъ малаго годъ; гусаръ опять сталъ къ намъ ходить; за барышнею ухаживать, а я себѣ жду, не дождусь удобной минуточки, чтобъ ему за все отплатить, да такъ, чтобъ и самому недосталось...

Собралась разъ компанія по озеру нашему на лодкѣ покататься, былъ и гусаръ тутъ; поѣхали на другую сторону, значитъ погулять, ягодъ поискать, грибовъ, да чаекъ попить въ лѣсу... Долженъ вамъ сказать, братцы вы мои, что лодка къ берегу не могла тамъ близко подойти, больно мелко, вязко, одно слово, немного болотцемъ приходится пройтись; но господа наши этимъ самымъ нисколько не смущались и завсегда для той нужды нѣсколько дворовыхъ молодцовъ съ собою брали, чтобы тѣ ихъ на плечахъ, аль на рукахъ съ лодки на сухое мѣсто перетаскивали... Былъ въ тую пору и я съ ними и, повѣрите-ли, ухитрился гусару спину свою подставить: сѣлъ онъ мнѣ на плечи, ноги въ своихъ красныхъ штанахъ задралъ чуть-ли не выше моей головы, все опасался ихъ подмочить, значитъ, и велѣлъ притомъ потише идтить, не плескать сильно, чтобы его какимъ нибудь maнеромъ не забрызгать... Иду это я себѣ чинно, благородно (а господа остальные уже всѣ на берегу, смотрятъ, какъ гусаръ на мнѣ переправляется), иду какъ слѣдуетъ десять шаговъ, двадцать, а потомъ вдругъ, какъ будто бы нечайно споткнулся, да и бухъ въ воду!... Гусаръ у меня это черезъ голову, да и завязъ въ болотѣ, какъ журавль...

— Ха, ха, ха, распотѣшилъ насъ, Андронычъ, послышались веселые голоса, вотъ такъ молодчина первой статьи, экъ тебя угораздило какую штуку выкинуть!...

— Слушайте дальше, проговорилъ ухмыляясь Андронычъ; всталъ это гусаръ на ноги: харя грязная, весь мокрый, въ тинѣ, ну точно самъ дѣдушка водяной со дна приподнялся, всталъ это онъ и съ мѣста двинуться боится, а самъ межъ тѣмъ по поясъ въ болото ушелъ... Я какъ будто тоже завязъ, барахтаюсь и встать будто не могу; господа на берегу смѣются и только черезъ четверть часа подумали другихъ дворовыхъ на помощь къ намъ прислать, а то со смѣху все рѣшительственно забыли. Вытащили гусара на берегъ, вы-

тащили и меня; я охаю, морщусь, точно ногу сломилъ или свихнулъ, а гусаръ то и дѣло, что отплевывался (значитъ тинка ему въ ротъ малость попала), да такъ на меня свирѣпо подсматривалъ, что у меня душа даже въ пятки ушла... Ну, думаю, догадался вѣрно, что я надъ нимъ штуку выкинулъ и будетъ опять порка знатная, презнатная!...

Одначе порки не было, а попалъ я за свою продѣлку прямо въ матросы... Гусаръ, видите ли, на томъ настоялъ, чтобъ меня въ солдаты сдали; баринъ мой, хотя и добрый былъ, послушался гусара, потому дочку свою думалъ за него отдать, да и сдалъ меня, своего шута гороховаго, въ рекрута, а тамъ ужъ и въ матросы я попалъ... На службѣ не могъ я забыть своихъ шутовскихъ продѣлокъ и выкидывалъ надъ товарищами что ни на есть разлюбезныя штуки; и дубасили они меня за то, и отъ начальства иногда доставалось, а я все не унимался... Прошелъ мой срокъ на службѣ быть, а я въ деревню и не поѣхалъ, потому родныхъ у меня тамъ никого не было (мать-старуха черезъ два года, какъ сдали меня въ рекрута, Богу душу отдала), а знакомые меня, шута, и не признали бы... И рѣшилъ я Царю-батюшкѣ служить, пока силенокъ моихъ хватитъ, и объ деревнѣ своей не тужить, потому что она ничего, кромѣ шутовской погремушки, мнѣ не дала... Выкидывалъ я, братцы мои, разныя штуки до той самой поры, какъ „Аскольда“ начали въ „безвѣстную“ готовить; одначе вижу наконецъ, что добромъ шутки мои не окончатся, и рѣшилъ въ умѣ послѣднюю что ни на есть лучшую штуку выкинуть, да и закаяться на вѣки вѣковъ! Аминь!...

— Какую-же ты штуку выкинулъ, Андронычъ? съ любопытствомъ спросили матросики, придвигаясь къ разсказчику, ожидая, повидимому, услышать отъ него что нибудь очень интересное и веселое, развеселое.

— Да видите ли, братцы мои, думалъ я, думалъ, какую бы штуку выкинуть, всему свѣту на смѣхъ, и

наконецъ вотъ и выдумалъ, да знаете-ли, какую? Догадайтесь! проговорилъ усмѣхаясь Андронычъ.

— Какую-жъ, да говори скорѣе, запросили подзадоренные слушатели.

— Да вотъ какую: шутъ Андрюшка сталъ въ „безвѣстную“ проситься! отвѣтилъ очень серьезно Андронычъ.

— Какая же это штука? спросилъ недовольнымъ тономъ одинъ изъ разочарованныхъ слушателей.

— Странный-же ты человѣкъ, Андронычъ, что ради штуки какой нибудь на Амуру сталъ проситься, проговорилъ съ удивленіемъ другой.

Андронычъ хотѣлъ было что-то сказать, да поперхнулся; громкая команда вахтеннаго начальника: „марсовые на марсъ, два рифа отдать!“ поймала его слово на полдорогѣ и заставила Андроныча вслѣдствіе этого захлебнуться. Разбѣжались матросики по своимъ мѣстамъ,—и закипѣла работа; вѣтеръ не много стихъ и позволилъ отдать у гротъ-марселя два рифа, но на долго ли?... Нѣтъ, не надолго; черезъ нѣсколько часовъ опять онъ засвистѣлъ до степени шторма и опять пришлось глухо зарифиться и стоять почти что на одномъ мѣстѣ.

Четырнадцать дней качался корветъ по прихоти громаднаго волненія, двигаясь впередъ „черепашьимъ шагомъ“, какъ говорили матросики, и эти четырнадцать дней можно было назвать невыносимо тяжелыми; они нагнали на весь экипажъ какое-то суровое настроеніе духа.

Но вотъ, 30 апрѣля, погодка разгулялась; вѣтеръ немного стихъ и сдѣлался попутнымъ... Съ погодкою измѣнилось и настроеніе духа корветскихъ жителей: на бакѣ послышались опять веселыя пѣсни, подъ звуки которыхъ лихой Храмцовъ отплясывалъ трепака такъ, что любо-дорого было смотрѣть; лица у всѣхъ были довольныя, неизмученныя, словомъ, всѣ повеселѣли и пришли въ нормальное состояніе духа.

Корветъ уже не нырялъ отчаянно, бѣшено толкаясь, на одномъ мѣстѣ, а птицею несся по направленію къ Магелланову проливу, какъ бы желая поскорѣе проскочить этотъ извилистый проходъ, войти въ Тихій океанъ и взглянуть хоть на другой край нашей матушки-Россіи...

Вотъ показался, съ правой руки, первый мысъ Магелланова пролива—Мысъ Дѣвы (Virgin's cape Vierge); быстро пролетѣли мы мимо него и направили свой курсъ къ другому—мысу Донженесъ; ближе и ближе выяснялся высокій скалистый берегъ, за которымъ мы думали укрыться, такъ какъ наступающая темнота не позволяла намъ пройти самую узкую часть пролива. Когда мы стали на якорь, то уже совершенно стемнѣло и весь берегъ окутался въ темный непроницаемый покровъ; тщетно глазъ старался пронизать темноту, тщетно пытался онъ поподробнѣе разглядѣть дикій и мрачный берегъ, возвышающійся почти передъ самымъ носомъ корвета...

На слѣдующее утро думали войти въ проливъ, но не удалось; цѣлый день мы были окружены такимъ густымъ туманомъ, что и нельзя было даже помышлять сдвинуться съ мѣста: пришлось ждать у моря погодки!

ГЛАВА XVIII.

Магеллановъ проливъ.—Жители Огненной Земли (фуегосы).—Наружный ихъ видъ.—Краткій очеркъ ихъ жизни и нравовъ.—Санди-Пойнтъ (Sandy-Point) или Пунта-Аренасъ.—Патагонцы.—Ихъ нравы и обычаи, описанные Лакруа, Бугенвилемъ (Bougainville), Валисомъ, (Walis), Фалькнеромъ (Falkner), Орбиньи (d'Ordigny) и Кингомъ (Parker-King).—Гуанаки.—Страусы.—Мысъ Фроуардъ.—Плайя-Парда (Playa-Parda).—Тихій океанъ.—Прибытіе въ Вальпарайзо.

12 мая, съ разсвѣтомъ, снялись мы съ якоря и подъ парами стали приближаться къ узкости Магелланова пролива... Вотъ показался вдали узкій проходъ, окаймлен-

ный высокими мрачными скалами; казалось, что корвету и не проскочить черезъ эту лазейку, похожую скорѣе на щель, чѣмъ на проливъ; но вотъ, при внезапномъ поворотѣ, открылся почти передъ самымъ его носомъ широкій проходъ, блестящею широкою лентою вьющійся среди темныхъ скалъ, изрытыхъ черными, глубокими трещинами и покрытыхъ преземистымъ кустарникомъ... Разорванные, высокіе берега Огненной Земли имѣли необыкновенно мрачный, дикій характеръ; при видѣ этого непривѣтливаго острова, невольно рисуешь въ своемъ воображеніи злыхъ духовъ, притономъ которыхъ, кажется, служитъ эта безплодная, грустная земля...

Плаваніе Магеллановымъ проливомъ было очень удачно, и если бы не постоянные холода (по ночамъ температура упадала даже ниже нуля), то это плаваніе можно было бы также назвать и пріятнѣйшимъ. Все время стояли штили; не было и помину о тѣхъ страшныхъ западныхъ вѣтрахъ, которые дуютъ здѣсь съ ужасною силою.

Мы шли только днемъ, становясь на ночь на якорь въ болѣе или менѣе удобныхъ бухтахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Санди-Пойнтъ или Пунта-Аренасъ, Плая-Парда и Галанъ (Gallant).

Магеллановъ проливъ можно причислить къ самымъ живописнѣйшимъ и привлекательнѣйшимъ мѣстамъ земнаго шара; онъ представляетъ путешествующему такое громадное количество самыхъ прелестнѣйшихъ, самыхъ фантастическихъ и разнообразныхъ картинъ, что кажется, тянется передъ нимъ чудеснѣйшая панорама лучшихъ и грандіознѣйшихъ мѣстъ земнаго шара. Нѣтъ въ мірѣ такого прекраснаго пролива: извилистый, какъ наши почтовыя дороги, съ необыкновенно глубокими, совершенно безопасными и самыми разнообразнѣйшими берегами, богатый множествомъ природныхъ портовъ и надежныхъ якорныхъ стоянокъ, онъ, по-истинѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ путешественниковъ,

но въ особенности моряковъ, на обязанность которыхъ возлагается его изслѣдованіе, изученіе и промѣриваніе...

Магеллановъ проливъ богатъ прекрасными лѣсами, изобилуетъ дичью, рыбою и всѣмъ тѣмъ, что только можетъ доставить страна, до сихъ поръ не обработанная и мало населенная. Трудно представить себѣ на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ миль такое разнообразіе пейзажей, какое встрѣчаешь на этой большой дорогѣ, соединяющей два океана, величайшіе и просвѣщеннѣйшіе въ мірѣ.

Чѣмъ ближе подходили мы къ Санди-Пойнтъ или Пунта-Аренасъ, тѣмъ патагонскій берегъ становился все привлекательнѣе и привлекательнѣе; не было уже дикихъ, обрывистыхъ, изрытыхъ глубокими, черными трещинами скалъ, покрытыхъ кустарникомъ и пестрымъ ковромъ мховъ и лишаевъ, скалъ, напоминающихъ своимъ видомъ грустные и жалкіе берега острововъ Зеленаго Мыса. Тамъ и сямъ стали проглядывать плоскія мѣста, покрытыя роскошною растительностью, краснорѣчиво доказывающею, что здѣсь нѣтъ недостатка какъ въ строевомъ, такъ и въ нестроевомъ лѣсѣ, нѣтъ недостатка въ богатыхъ пастбищахъ и пахатныхъ земляхъ... Даже берега Огненной Земли стали мягче и уже не напоминали своимъ видомъ притонъ злыхъ духовъ: высокія и крутыя скалы иногда прорѣзывались пологими мѣстами, позволявшими заглянуть внутрь дикаго острова... Развѣшенные кое-гдѣ рыболовные снаряды, поднимающійся изъ за пригорка дымъ—показывали, что страна обитаема жалкими, несчастными существами, потому что на всемъ окружающемъ лежала печать страшной бѣдности и скудости...

Вскорѣ намъ удалось поближе познакомиться съ жителями этого непріятнаго, скучнаго мѣста, и окончательно убѣдиться въ томъ, что они дѣйствительно жалки, несчастны и находятся на низшей степени развитія, почти ничѣмъ не отличающагося отъ животнаго инстинкта.

Недалеко отъ Санти-Пойнтъ мы увидали быстро приближающуюся къ намъ лодку самой первобытной постройки; въ ней сидѣло нѣсколько отвратительныхъ мужчинъ и женщинъ, которые, не смотря на сильный холодъ, едва-едва были прикрыты дырявыми тюленьими шкурами. Женщины усиленно гребли и кормили въ то же время грудью дѣтей, лежащихъ на ихъ колѣнахъ совершенно нагишомъ; мужчины же энергично махали тюленьими шкурами и чуть-ли ни на весь проливъ кричали, повидимому, заученныя слова, повторяемыя нѣсколько разъ сряду; „Stop boat, tabacco, galetta! Tabacco! Galetta! (стой судно, табакъ, сухарей! табакъ! сухарей!) дѣлая при этомъ знаки, чтобъ корветъ остановился.

Черезъ какихъ нибудь полчаса лодка съ фуегосами (жители Огненной Земли; такъ они названы капитаномъ Веделемъ, посѣтившимъ Магеллановъ проливъ въ 1822 году) была уже у борта; не безъ страха взлѣзли на корветъ трое мужчинъ, оставивъ женщинъ съ дѣтьми внизу, и сейчасъ-же обратились къ окружившимъ ихъ любопытнымъ съ заученными словами: „Tabacco, galetta“! Наружный видъ дикарей возбуждалъ невольное отвращеніе; едва прикрытые тюленьими шкурами, выпачканные въ бѣлой глинѣ, съ чувственными лицами, вздутыми животами и тонкими, сухими ногами и руками, они производили крайне непріятное впечатлѣніе. Такъ и кажется, что видишь передъ собою какое-то скверное животное, въ родѣ жабы, къ которому не только тошно прикоснуться, но даже непріятно и посмотрѣть.

Фуегосы были небольшаго роста и отвратительно сложены; ихъ большія головы, покрытыя черными, жесткими волосами, падающими на плеча, свалявшимися космами и схваченными вокругъ головы ремешкомъ, были безобразны. Выдающіяся скулы, низкій лобъ, приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, сѣрые глаза обыкновенной величины, большой ротъ съ ровными, острыми и грязными зубами, толстыя губы:— вотъ вамъ остальныя примѣты жалкихъ созданій Огнен-

ной Земли. Лица ихъ, лишенныя бороды, усовъ и бровей, которыя, какъ извѣстно, вслѣдствіе принятаго здѣсь обычая, заботливо вырываются, не имѣли рѣшительно никакой осмысленности,—точно видишь передъ собою какую-то высохшую мумію.

Женщины были менѣе отвратительны, и даже одна изъ нихъ могла бы назваться среди ихъ красавицею, но, къ несчастью, ихъ уродливыя туловища и удивительная неопрятность внушали то же отвращеніе, производили то же непріятное впечатлѣніе...

О фуегосахъ, вообще, имѣется очень мало свѣдѣній, и никто еще не вникъ, какъ слѣдуетъ, въ его внутреннюю жизнь. Они дѣлятся, по нѣкоторымъ источникамъ, на четыре племени [1]), считающія въ себѣ не болѣе какъ по нѣсколько сотъ человѣкъ: одно племя отличается отъ другаго ростомъ, цвѣтомъ кожи и даже языкомъ. Фуегосы страстно любятъ мазать свое тѣло бѣлою глиною, а нѣкоторые изъ нихъ, ради щегольства, смазываютъ его еще смѣсью изъ угля, охры и тюленьяго жира, и эта смѣсь до того вонюча, что отъ фуегоса, вымазаннаго подобнымъ снадобьемъ необходимо держаться на очень благородной дистанціи.

Всю одежду этихъ жалкихъ людей составляютъ только коротенькіе плащи изъ тюленьей или гуанаковой шкуры, и нужно удивляться, какъ могутъ они въ подобномъ, почти тропическомъ одѣяніи переносить постоянныя стужи и непогоды. Странно, что они до

---

¹) Племена эти слѣдующія: 1) Вакана-Кунни (Vacana-Kunny) живетъ въ сѣверовосточной части Огненной Земли; оно мало извѣстно и считаетъ въ себѣ не болѣе 500 человѣкъ; 2) Текиника (Tekinica)—живетъ въ окрестностяхъ канала Бигли, самое бѣднѣйшее изъ всѣхъ племенъ; въ немъ насчитываютъ тоже около 500 человѣкъ; 3) Аликхулипъ (Alikhoulip)—живетъ между западною частью канала Бигль и Магеллановымъ проливомъ (около 400 человѣкъ), это племя самое рослое и лучшаго сложенія и имѣетъ большое сходство съ патагонцами, и наконецъ, 4) Пешересы (Pecherais)—заселяютъ среднюю часть Магелланова пролива; они считаются самыми уродливыми изъ всѣхъ фуегосовъ; ихъ насчитываютъ не болѣе 200 человѣкъ.

сихъ поръ не подумали еще одѣваться теплѣе, а между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ все-таки небольшія сношенія съ просвѣщенными народами, какъ напримѣръ, съ мимо проходящими моряками. Оружіе фуегосовъ состоитъ изъ лука и пращи, которыми, нужно сознаться, они владѣютъ артистически.

Фуегоски не пользуются равноправностью; онѣ рабы своихъ мужей и обязаны исполнять безпрекословно малѣйшія ихъ прихоти; на нихъ лежитъ все хозяйство, на нихъ валятъ самыя тяжелыя и изнурительныя работы, между тѣмъ какъ ихъ мужья проводятъ большую часть времени въ обжорствѣ и снѣ, а меньшую—на охотѣ за тюленями и китами.

Пищу фуегосовъ составляетъ китовое и тюленье мясо, сырая рыба, а также грибы, растущіе въ громадномъ количествѣ на корѣ буковыхъ деревьевъ.

Фуегосовъ въ нѣкоторой степени можно даже причислить къ людоѣдамъ, потому что они, по заявленію многихъ путешественниковъ, при недостаткѣ жизненныхъ припасовъ, убиваютъ „старыхъ женщинъ", которыхъ и пожираютъ съ тѣмъ же аппетитомъ, какъ будто лежитъ передъ ними ихъ любимое кушанье—грибы.

О религіи фуегосовъ мало извѣстно, даже не знаютъ, есть ли она у нихъ или нѣтъ.

Что касается до ихъ хижинъ или „вигмамовъ" (wigmamas), то онѣ представляютъ самую первобытную постройку; онѣ имѣютъ видъ сахарной головы и дѣлаются изъ длинныхъ вѣтвей, воткнутыхъ по окружности въ землю и перевязанныхъ сверху тростникомъ. По серединѣ хижины стоитъ очагъ, распространяющій вокругъ себя удушливый, густой дымъ; прибавьте къ этому еще запахъ припасенной рыбы и мяса, часто не свѣжаго, смѣшанный съ отвратительною вонью нечистоплотныхъ фуегосовъ, — и вы будете имѣть полное понятіе объ этомъ жалкомъ жилищѣ, въ которомъ иностранцу можетъ сдѣлаться дурно даже послѣ минутнаго въ немъ пребыванія...

Вотъ вамъ почти всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются о жалкихъ существахъ, населяющихъ непривѣтливую Огненную Землю и представители которыхъ изволили посѣтить нашъ корветъ...

Фуегосовъ-гостей окружила масса любопытныхъ; ихъ разсматривали со всѣхъ сторонъ, какъ вообще разсматриваютъ какую нибудь новую невиданную вещь. Между тѣмъ они не переставали твердить одно и то же: „tabaco! galetta!" причемъ отчаянно жестикулировали, пополняя такимъ образомъ короткую просьбу весьма понятною пантомимою.

Матросы (добрыя души) не замедлили исполнить настойчивую просьбу дикарей: кто далъ табаку, кто принесъ сухарей, а одинъ даже подарилъ фуегосу, менѣе остальныхъ прикрывшему свою наготу, старую рубаху.

— На, говоритъ, страмникъ этакой, прикройся малость, штобъ намъ хотя не стыдно было на тебя глядѣть!..

Фуегосъ съ неописанною радостью схватилъ рубаху, началъ ее прикидывать къ себѣ, но никакъ не могъ угадать ея назначенія: то онъ совалъ ноги въ рукава, то завертывалъ ею свою поясницу, то накидывалъ на плечи, но голову и руки не догадался все-таки просунуть куда слѣдуетъ, въ этомъ положеніи онъ очень напоминалъ крыловскую мартышку, выкидывающую тѣ же штуки съ добытыми гдѣ-то очками.

Сжалился матросъ, подарившій рубаху, надъ бѣднымъ фуегосомъ и собственноручно одѣлъ ее на него, чѣмъ очень, повидимому, разодолжилъ бѣдняка...

Смотря на эти несчастныя существа, находящіяся на самой низшей степени развитія, невольно чувствуешь къ нимъ какую-то жалость; худыя, голодныя, они внушали къ себѣ, кромѣ отвращенія, еще всеобщее сочувствіе. Съ удивительною жадностью бросились они на подаваемые имъ сухари, и тутъ же, при насъ, истребляли ихъ съ страшнымъ прожорствомъ, не забывая

впрочемъ кусокъ-другой броситъ и женщинамъ, сидѣвшимъ въ лодкѣ, которыя съ неменьшею жадностью ловили свою подачку и съ удивительною быстротою грызли своими острыми, какъ у хищнаго звѣря, и грязными зубами крѣпкій матросскій сухарь...

Получивъ все просимое, фуегосы спустились въ свою ладью и отвалили отъ борта, дружелюбно махая намъ вслѣдъ своими рваными тюленьими плащами, причемъ пропѣтъ былъ намъ, чуть ли не на весь проливъ, всѣмъ дикимъ обществомъ какой-то прощальный привѣтъ, (а можетъ быть и выругали насъ—не могу навѣрное сказать, потому что никто не понялъ ихъ собачьяго лая), и пропѣтъ, откровенно сказать, очень нестройно и негармонично, что краснорѣчиво доказывало, что фуегосы не обладаютъ музыкальнымъ ухомъ и ни въ какомъ случаѣ не могутъ съ честью занять на нашей петербургской оперной сценѣ первыхъ ролей.

Послѣ отъѣзда дикарей, баковая публика не преминула пуститься о нихъ въ длинныя разсужденія.

— Вишь, холодъ, говорилъ матросъ, подарившій фуегосу рубаху, насъ такъ въ бушлатахъ даже пробираетъ, а они, окаянные страмники, голышами ходятъ... я вона одному рубаху подарилъ, такъ какъ онъ, сердешный, обрадовался: видно не въ терпежъ-то уже ему стало на морозѣ нагишемъ ходить...

— А бабы-то какія у нихъ тожъ страмныя, разсказывалъ съ удивленіемъ другой матросикъ, сидятъ себѣ... а на нихъ наши молодцы смотрятъ, смѣются, а имъ, вишь, наплевать, ну точно онѣ отъ насъ за каменными стѣнами сидятъ...

— Поди-жъ ты, значитъ, такая ужъ тутъ страмная земля, проговорилъ глубокомысленно нашъ знакомецъ Архипъ.

— А Господь ее знаетъ...

— Видно ѣсть этому звѣрью тутъ нечего, началъ третій матросикъ: какъ они, горемышные, на сухарики-то бросились.

Жалко просто было и смотрѣть-то на нихъ...

И долго еще толковали матросики о фуегосахъ и, откровенно сказать, очень жалѣли этихъ несчастныхъ существъ, относились къ нимъ сочувственно, хотя иногда и отплевывались, вспоминая ихъ отвратительную наготу, ихъ удивительно безобразное тѣлосложеніе и страшную неопрятность...

Но вотъ показались на плоскомъ берегу Патагоніи слѣды цивилизаціи и черезъ нѣсколько времени раскинулось передъ нами небольшое мѣстечко, къ которому мы и стали быстро приближаться... Это былъ Санди-Пойнтъ, или Пунта-Аренасъ, ссылочное мѣсто чилійскихъ преступниковъ.

Санди-Пойнтъ расположенъ на небольшой, чрезвычайно красивой возвышенности, окруженной плодородною равниною; онъ состоитъ изъ непрерывнаго двойнаго ряда деревянныхъ домовъ, тянущихся параллельно прекрасной, удобной для якорной стоянки, бухты; надъ массою небольшихъ домиковъ господствовалъ губернаторскій домъ съ башнею, надъ которою, на высокомъ флагштокѣ, гордо развѣвался чилійскій флагъ. Санди-Пойнтъ окруженъ укрѣпленнымъ валомъ, придающимъ ему видъ небольшой крѣпостцы; позади селенія виднѣлся густой лѣсъ, тамъ и сямъ разбросаны были прекрасныя буковыя деревья, достигавшія гигантскихъ размѣровъ, а также деревья капитана Винтера [1]) со своими вѣчно-зелеными кожистыми листьями; за лѣсомъ синѣли высокія горы, въ которыхъ разработываются въ настоящее время очень порядочныя угольныя копи, а также добывается и золото. Основаніе Пунта-Аренаса положено около двадцати лѣтъ тому назадъ; сюда, какъ въ болѣе удобное мѣсто, была переведена колонія

---

[1]) Эти деревья названы въ честь капитана Винтера, спутника Франца Драке, посѣтившаго въ XVI столѣтіи Магеллановъ проливъ; Винтеръ вылечилъ корою этихъ деревьевъ своихъ матросовъ отъ цынги.

изъ порта Фаминъ (портъ Голода), названнаго такъ въ память случившейся тамъ страшной катастрофы, погубившей триста испанскихъ переселенцевъ, присланныхъ сюда королемъ Филиппомъ II. Эти несчастные искатели счастья въ чужой странѣ нашли себѣ могилу, за исключеніемъ только двухъ спасенныхъ проходившимъ англійскимъ судномъ.

Этотъ печальный фактъ случился при слѣдующихъ обстоятельствахъ: нѣкто донъ Педро Сарміенто, посланный испанскимъ королемъ Филиппомъ II, заложилъ здѣсь поселеніе Санъ-Фелипе, просуществовавшее, къ несчастью, очень недолго. Судно, на которомъ прибыли искатели счастья въ Магеллановъ проливъ, было выброшено въ одну изъ непогодъ на скалистый берегъ и разбито въ дребезги; такимъ образомъ поселенцамъ отрѣзано было всякое отступленіе, а между тѣмъ наступала уже стужа; приближалась суровая зима. Оставшись безъ жизненныхъ припасовъ въ самую страшную пору года, несчастные переселенцы стали одинъ за другимъ умирать ужасною голодною смертію; изъ трехъ сотъ человѣкъ осталось только двое (страшная пропорція), которые были спасены англійскимъ судномъ, спасены въ самый послѣдній моментъ! Съ этого времени селеніе Санъ-Фелипе было переименовано въ портъ Фаминъ (ПортъГолода), и до сихъ поръ это названіе напоминаетъ о страшной катастрофѣ...

Населеніе Санди-Пойнтъ состоитъ преимущественно изъ преступниковъ обоего пола, которыхъ насчитываютъ до нѣсколько сотъ человѣкъ; небольшой гарнизонтъ, состоящій изъ пѣхоты (чилійцы) и кавалеріи, вербованной изъ индѣйцевъ, заселяющихъ сѣверную часть Патагоніи, наблюдаетъ за сосланнымъ сбродомъ и сдерживаетъ его грубыя страсти.

Остальную часть населенія составляютъ поселяне, переселившіеся сюда изъ Чилоэ для обработки земли; торговцы и разный сбродъ всевозможныхъ авантюристовъ, пріѣхавшихъ сюда въ надеждѣ составить себѣ

состоянiе, которое они не могли составить нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

Какъ видите, Пунта-Аренасъ своимъ населенiемъ похвастаться не можетъ, точно также не можетъ похвастаться и нравами этого сброда негодяевъ. Вообще нравы здѣсь сильно испорчены и развращены, и понятно почему: главную массу населенiя составляютъ преступники, негодяи и распутныя женщины, высылаемыя изъ Вальпарайзо и выдаваемыя замужъ за ссыльныхъ; отъ этого сброда идетъ нравственная зараза во всѣ стороны и гнететъ надъ остальнымъ населенiемъ. Пьянство развито здѣсь въ страшной степени; большая часть жителей проводятъ цѣлые дни въ потягиванiи коньяка, который истребляется здѣсь въ значительномъ количествѣ; трудно встрѣтить на улицѣ трезваго; кто пьянъ „до положенiя ризъ", кто назудился до такой степени, что „лавируетъ съ громаднымъ дрейфомъ", а кто только навеселѣ...

Почти всѣ жители этого мѣстечка, начиная съ губернатора и кончая послѣднимъ преступникомъ занимаются мѣновою торговлею, при чемъ на торговомъ поприщѣ главнымъ предметомъ эксплуатацiи служатъ патагонцы. Эти бѣдняки до страсти полюбили крѣпкiе напитки, съ которыми познакомили ихъ цивилизующiе ихъ чилiйцы; за коньякъ, разбавленный водою, они отдаютъ лошадей, мѣха гуанаковъ, нумъ, полосатыхъ хорьковъ, страусовыя шкуры и т. п. Съ ними обходятся всѣ съ нахальнымъ безстыдствомъ, что ложится грязнымъ пятномъ не только на губернатора колонiи, но и на все чилiйское правительство.

Патагонцы (о нихъ будетъ сказано ниже) очень часто посѣщаютъ колонiю, партiями въ сто и болѣе человѣкъ, и привозятъ сюда результаты своихъ долговременныхъ трудовъ; но ихъ не впускаютъ въ нее иначе, какъ отобравши заранѣе все оружiе, которое и хранится до окончанiя мѣны у губернатора. Попавъ разъ въ руки торговцевъ, они уходятъ изъ селенiя почти голышами;

продавъ все, что было съ собою взято за нѣсколько бутылокъ коньяка, который большею частью распивается ими тутъ же, на мѣстѣ, они получаютъ отъ губернатора свое оружіе и полупьяными выходятъ уже изъ колоніи. Рѣдкій патагонецъ увезетъ съ собою кусокъ сукна яркаго цвѣта или что нибудь другое, болѣе или менѣе необходимое; большая же часть ихъ уходитъ изъ селенія только со своимъ оружіемъ, истративъ такимъ образомъ, въ самое короткое время, результаты долговременныхъ трудовъ...

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ все населеніе Санди-Пойнтъ легко наживается [1]), а сама колонія „быстро процвѣтаетъ", но только не въ славу, а въ позоръ чилійцамъ; каждый почти годъ прибываютъ сюда новые и новые авантюристы, эксплоатирующіе патагонцами съ тѣмъ же нахальнымъ безстыдствомъ и задавшіеся единственною мыслью поскорѣй разжиться на счетъ бѣдныхъ индѣйцевъ, будущность которыхъ при подобныхъ условіяхъ очень печальна... Вотъ вамъ и цивилизація!.. Вмѣсто того, чтобы вывести дикарей изъ невѣжества, познакомивъ съ хорошею стороною цивилизаціи, ихъ знакомятъ съ дурною и тѣмъ втаптываютъ несчастныхъ глубже въ омутъ, изъ котораго имъ уже никогда не вылѣзть... Словомъ, здѣсь цивилизація идетъ тѣмъ же путемъ, какъ она шла у американцевъ и ихъ друзей (?) англичанъ, любящихъ цивилизовать такъ, чтобы отъ просвѣщеннаго имъ народа остался одинъ комокъ грязи, надъ которымъ можно только развѣ поставить надгробный памятникъ съ надписью: „существовалъ нѣкогда народъ, но когда просвѣтился, то умеръ"!..

[1]) Пріобрѣтенные отъ патагонцевъ предметы перепродаются съ громаднымъ барышемъ на мимо проходящія суда. Гуанаковую шкуру, напримѣръ, которая обошлась, можетъ быть, въ одну бутылку разбавленнаго коньяка, они продаютъ за двадцать и даже болѣе рублей.

Пунта-Аренасъ ожидаетъ впослѣдствіи хорошая будущность; находясь на главномъ соединительномъ пути Антлантическаго океана съ Великимъ, имѣя неистощимый запасъ очень порядочнаго каменнаго угля, строеваго лѣса, огромное количество строительной извести и золотые пріиски, онъ можетъ быть впослѣдствіи главнымъ торговымъ пунктомъ въ Магеллановомъ проливѣ, можетъ сдѣлаться первымъ портомъ всей Патагоніи. Бухта Санди-Пойнтъ представляетъ одно изъ лучшихъ якорныхъ мѣстъ Магелланова пролива, но, къ несчастью, приставаніе къ берегу при волненіи весьма неудобно вслѣдствіе почти постоянно бушующаго прибоя. Этотъ важный недостатокъ порта можно отстранить только возведеніемъ хорошаго мола; но, къ сожалѣнію, существуетъ здѣсь еще другой недостатокъ, отстранить который почти нѣтъ возможности, а именно: наливка водою въ Санди-Пойнтъ чрезвычайно затруднительна, да и самая вода не можетъ похвалиться хорошимъ вкусомъ и аппетитнымъ видомъ. Около кладбища, лежащаго позади селенія, протекаетъ небольшой ручеекъ съ мутною, красноватою водою, годною развѣ только для разведенія лягушекъ, но никакъ не для питья и пищи; шлюбка къ мѣсту наливки пробраться не можетъ и приходится черпать воду ведрами и носить ее къ катерамъ, что очень неудобно, да и притомъ утомительно для команды...

Находящіяся въ Санди-Пойнтѣ угольныя копи неистощимы: онѣ простираются далеко внутрь страны и разрабатываются довольно дѣятельно, такъ какъ спросъ на уголь очень большой. Склады его находятся на самомъ берегу; отъ нихъ проложены къ копямъ рельсы, по которымъ подвозятъ уголь къ берегу на лошадяхъ и быкахъ...

Прогулка по берегу доставила намъ громадное удовольствіе; сейчасъ за селеніемъ тянулся вдаль великолѣпный лѣсъ, въ которомъ, не смотря на холодъ, растительность была чудесная, почти фантастическая. Гро-

мадные антарктическіе буки, съ необыкновенно толстыми и вѣтвистыми стволами, со своими маленькими, зазубренными листьями, вѣчно зеленѣющія винтеревы деревья образовывали почти непроницаемую чащу, среди которой вились лишь узенькія тропинки или пролегали неширокія просѣки. Окружающая насъ роскошная зелень какъ-то не согласовалась съ нашимъ теплымъ одѣяньемъ, къ которому необходимо было прибѣгнуть вслѣдствіе холоднаго дня; съ нѣмымъ восторгомъ любовались мы чудеснѣйшими гигантскими буками, вздымающими къ небу свои пышныя вершины, стройными винтеревыми деревьями и другими роскошными растеніями, небоящимися холода, снѣжныхъ бурь, града и другихъ непогодъ Магелланова пролива...

Въ Санди-Пойнтѣ удалось намъ познакомиться съ нѣсколькими представителями гигантскаго племени патагонцевъ, прибывшими въ колонію сбыть за нѣсколько бутылокъ коньяку гуанаковые мѣха и страусовыя шкуры. Видѣнныхъ нами индѣйцевъ нельзя безусловно назвать великанами, хотя въ сравненіи съ нами они казались гигантами; ихъ ростъ былъ самый красивый котораго достигаютъ и многіе изъ европейцевъ; но чѣмъ разительно отличаются они отъ послѣднихъ и всѣхъ туземныхъ индѣйскихъ племенъ—это необыкновенно широкими плечами, плотнымъ, мускулистымъ тѣломъ и сильно развитыми ногами и руками, которыя достигаютъ у нихъ весьма почтенныхъ размѣровъ [1]. Словомъ, патагонцы скорѣе геркулесы, но не гиганты; впрочемъ верхомъ они дѣйствительно кажутся великанами, и главная причина того несоразмѣрность длиннаго туловища съ сравнительно очень короткими ногами.

Голова у патагонцевъ большая, немного приплюснутая сзади; лице широкое, почти четыреугольное, съ

[1] Необыкновенно развитыя ноги подали Магеллану мысль назвать этихъ индѣйцевъ патагонцами (Patagon), что означаетъ: «люди съ большими ногами».

нѣсколько выдающимися скулами, съ небольшими прямыми глазами и съ большимъ, постоянно улыбающимся и немного выдающимся ртомъ, такъ что перпендикулярная линія, проведенная отъ выпуклаго лба къ губамъ, едва коснется носа, приплюснутаго и съ открытыми ноздрями. Толстыя губы, славные, ровные и бѣлые зубы, черные, какъ вороново крыло волосы, торчащіе широкими космами и перехваченные ремешкомъ или бумажною тесемкою, темногрязный цвѣтъ кожи:—вотъ вамъ остальныя примѣты этихъ сильныхъ, могучихъ существъ.

Бороды вы не увидите ни у одного патагонца: они ея не любятъ и при первомъ появленіи на свѣтъ нѣсколькихъ волосковъ сейчасъ же выщипываютъ ихъ самымъ усерднымъ и тщательнымъ образомъ; въ этомъ отношеніи ихъ вкусъ и мода совершенно сходятся со вкусомъ и модою фуегосовъ...

Патагонки нѣсколько красивѣе; правда, есть между ними много очень уродливыхъ, но есть также и красавицы, въ полномъ смыслѣ этого слова, прекраснаго тѣлосложенія, съ маленькими руками и ногами, роскошными волосами и почти совершенно европейскимъ типомъ. Происхожденіе этихъ красавицъ, появляющихся среди дикихъ индѣйцевъ, какъ блестящій метеоръ въ глубинѣ темнаго, мрачнаго неба, объясняется сближеніемъ туземокъ съ европейцами, сближеніемъ весьма пагубнымъ для дикарей, потому что черезъ него вносятся въ среду ихъ страшныя заразительныя болѣзни, съ которыми они не знаютъ даже что дѣлать, не понимаютъ всей ихъ опасности, на которыя они не обращаютъ должнаго вниманія, вслѣдствіе чего болѣзни эти распространяются здѣсь въ быстрыхъ размѣрахъ. Словомъ, въ Патагоніи повторяется та же исторія, совершавшаяся на нашихъ глазахъ и на глазахъ нашихъ предковъ уже сотни разъ... Патагонскія дѣвушки зарились и зарятся даже до сихъ поръ на различныя грошевыя украшенія, получаемыя ими отъ европейцевъ, нисколько не сознавая при этомъ, что вмѣстѣ съ из-

вѣстнымъ украшеніемъ онѣ получаютъ, большею частью, совершенно неизвѣстную имъ страшную болѣзнь; на проступки дѣвушекъ никто изъ патагонцевъ не обращаетъ никакого вниманія, потому что тѣ, какъ дальше увидите, пользуются до замужества „полною свободою“...

Вся одежда патагонцевъ состоитъ изъ обширной квадратной мантіи, сшитой или изъ какой нибудь яркой матеріи, пріобрѣтенной въ Санди-Пойнтѣ взамѣнъ своихъ природныхъ богатствъ, или же изъ самыхъ лучшихъ и мягкихъ гуанаковыхъ шкуръ; впрочемъ люди побѣднѣе довольствуются мантіею, сшитою изъ шкурокъ лисицъ и хорьковъ... При сшиваніи отдѣльныхъ кусковъ патагонцы употребляютъ страусовыя сухія жилы...

Кромѣ мантіи, нѣкоторые изъ патагонцевъ носятъ еще, изъ чувства стыдливости, добавочное одѣяніе, состоящее изъ треугольной шкуры, обхватывающей своимъ основаніемъ талью и спускающейся вершиною къ колѣнамъ, которая затѣмъ пропускается между лядвіями и привязывается съ зади къ поясу. Но большая часть стѣсняется подобнымъ, по ихъ мнѣнію лишнимъ, одѣяніемъ и красиво драпируются только въ свои обширныя мантіи, которыя схватываются на груди серебряною или мѣдною пряжкою, смахивая при этомъ на древнихъ римлянъ или грековъ. Женщины, кромѣ мантіи, носятъ еще поясную повязку, спускающуюся до колѣнъ въ видѣ юбки, или же нѣчто въ родѣ женской рубахи; волосы свои носятъ онѣ или распущенными по плечамъ, или же заплетаютъ ихъ въ двѣ длинныя роскошныя косы, къ которымъ привѣшиваютъ чуть ли не всѣ имѣющіяся у нихъ украшенія, перемѣшивая ихъ съ кусочками кожи и разными монетами. Огромныя серебряныя серьги съ привѣшанными квадратными кусочками золота служатъ лучшимъ украшеніемъ патагонскихъ женщинъ, которое онѣ готовы пріобрѣсть всевозможными средствами...

Татуированіе патагонцамъ неизвѣстно, но тѣмъ не менѣе у нихъ рѣдко сохраняется природный цвѣтъ

кожи, потому что они до страсти любятъ расписываться бѣлою, черною и красною красками, къ которымъ прибѣгаютъ даже и женщины. Патагонецъ всюду путешествуетъ съ маленькими мѣшечками, въ которыхъ хранятся обыкновенно всѣ эти снадобья и необходимыя для окраски инструменты: онъ пачкается ими при всякомъ удобномъ случаѣ и находитъ въ этомъ занятіи истинное удовольствіе, въ которомъ не отказываетъ себѣ самый бѣднѣйшій изъ патагонцевъ...

Характеромъ своимъ патагонцы похвастаться не могутъ: ложь, хитрость, коварство, вѣроломство, жестокость, страшная лѣнь и наконецъ пьянство, которому научились они отъ цивилизующихъ ихъ чилійцевъ,— вотъ вамъ главнѣйшія качества этихъ индѣйцевъ; мошенничество и воровство у нихъ въ большомъ ходу, особенно въ сношеніяхъ съ иноземцами. Съ женщинами они обращаются деспотически: онѣ скорѣе у нихъ невольницы, нежели жены; ихъ заставляютъ работать съ ранняго утра до поздней ночи, между тѣмъ какъ мужья только и думаютъ о томъ, какъ бы добыть себѣ табаку и рому, да лежатъ безъ всякаго дѣла въ своихъ душныхъ шалашахъ, предаваясь пьянству и обжорству. Женщина, даже въ послѣдній періодъ своей беременности, не смѣетъ посвятить отдыху хотя бы нѣсколько часовъ, даже въ это тяжелое для нея время она завалена работою по самое горло. Она стряпаетъ мужу кушанье, нянчитъ дѣтей, смотритъ за всѣми лошадьми и домашнимъ скотомъ, сдираетъ шкуры съ гуанаковъ, лисицъ, хорьковъ и страусовъ, привезенныхъ съ охоты; обдѣлываетъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ и выдѣлываетъ изъ нихъ кожи, сѣдлаетъ и чиститъ мужу коня, словомъ, цѣлый день проводитъ она въ страшной суетѣ и хлопотахъ...

Лѣность патагонцевъ доходитъ до высшей степени безобразія: они занимаются только своимъ оружіемъ и охотою, и то ради любезнаго имъ коньяка и табаку; у нихъ одна только забота, какъ бы получше выпач-

кать свое тѣло и покрасивѣе растрепать волосы; въ этомъ отношеніи они очень походятъ на нашихъ кокетливыхъ модницъ, у которыхъ главную роль играютъ румяна, бѣлила и самые безобразные шиньоны, прическа которыхъ, нужно сознаться, много смахиваетъ на растрепанную гриву патагонцевъ...

Патагонцы вообще, мужчины и женщины, страшно неряшливы; они живутъ положительно въ грязи и никогда не метутъ своихъ хижинъ, или толдосъ (toldos), имѣющихъ большое сходство съ жилищемъ фуегосовъ (но только выстроены онѣ гораздо изящнѣе и крыты гуанаковою кожею); соръ въ нихъ хижинахъ лежитъ обыкновенно безобразными вонючими кучами; когда же его количество достигаетъ такой массы, что начинаетъ уже мѣшать живущимъ, то толдосъ переносится на другое чистое мѣсто, которое черезъ нѣсколько времени превращается также въ отвратительную помойную яму... Патагонцы никогда не моются, купаются же только въ очень жаркое время и то съ цѣлью освѣжиться, а уже никакъ не съ цѣлью сполоснуть съ себя десятки слоевъ самой отвратительной грязи; они сжились съ грязью, какъ сжились съ нею наши русскія свиньи, и находятъ особенное удовольствіе валяться въ неметеной хижинѣ, дышать міазмами, подымающимися съ зараженной земли, и любоваться вздымающимися повсюду грудами нечистотъ. Толдосъ почти недоступна для иностранца; не думаю, чтобы кто нибудь рѣшился подробнѣе осмотрѣть эту вонючую берлогу, кто нибудь рѣшился пожертвовать своими легкими, глазами и носомъ, не упоминая уже о томъ, какіе непріятные слѣды пребыванія въ хижинѣ индѣйца останутся на платьѣ и обуви любопытнаго путешественника. Патагонецъ не прихотливъ къ ѣдѣ: вареное или сырое кобылье и гуанаковое [1]) мясо для него одинаково вкусно; протухлое сало и жиръ считаются у патагонцевъ лакомымъ блю-

[1]) Гуанаковое мясо необыкновенно нѣжно и вкусно.

домъ. Изъ этого можно заключить, что они приготовляютъ вкусное гуанаковое мясо такъ скверно, что оно у нихъ ни чѣмъ не отличается отъ любезнаго имъ протухлаго жира. Патагонцы ѣдятъ удивительно много, но вмѣстѣ съ тѣмъ способны на долгій постъ; бываютъ случаи, что индѣецъ не выходитъ изъ-за лѣни изъ своего шалаша двое сутокъ и только тогда отправляется на охоту, когда его желудокъ черезъ чуръ энергично потребуетъ себѣ работы...

Патагонцы ведутъ кочующую жизнь на огромномъ пространствѣ земли, лежащемъ между Магеллановымъ проливомъ и Ріо-Негро; кочуютъ они партіями отъ ста до двухсотъ человѣкъ, причемъ каждая партія имѣетъ своего старшину, въ которые избираютъ обыкновенно самыхъ богатыхъ изъ индѣйцевъ и владѣющихъ большимъ числомъ лошадей. Власть старшинъ очень ограничена и проявляется только при выборѣ пути для перекочеванія; кромѣ старшинъ, у патагонцевъ есть еще высшій начальникъ, называемый „карасъ-кенъ“ (caras-ken), который управляетъ всѣмъ народомъ; въ мирное время онъ впрочемъ пользуется очень ограниченною властью, но въ военное—власть его неограниченна; онъ собираетъ всѣ кочующія въ разныхъ мѣстахъ партіи въ одно цѣлое и становится во главѣ собраннаго войска; въ это время всѣ безъ исключенія должны ему безпрекословно повиноваться, и малѣйшее неповиновеніе наказуется смертью. Чтобы быть выбраннымъ на это важное мѣсто, нужно раньше выказать свое мужество и краснорѣчіе [1]); власть эта пожизненная, но не наслѣдственная...

[1]) Въ Санди-Пойнтъ разсказываютъ, что недавно, будто бы (кажется въ 1866 году), прибылъ въ Патагонію какой-то промотавшійся французскій адвокатъ (забылъ фамилію), который успѣлъ, зная патагонскій языкъ, снискать благорасположеніе индѣйцевъ, и былъ ими единодушно избранъ въ карасъ-кенъ. Не довольствуясь этимъ титуломъ, не имѣющимъ для европейца особенной привлекательности, онъ сталъ называть себя «королемъ всей Арауканіи», причемъ даже, по примѣру коронованныхъ особъ, сталъ подписываться всюду не иначе какъ однимъ именемъ, не забывая даже выставлять за

Во время кочевки, переговорными сигналами между партіями служатъ огни, помощью которыхъ они увѣдомляютъ другъ друга о грозящей опасности; для этого зажигаютъ въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ лѣсъ или траву, и дымъ отъ этихъ пожаровъ бываетъ видѣнъ на большомъ разстояніи; извѣстное число огней имѣетъ разъ на-всегда опредѣленное значеніе. Оборонительное и наступательное оружіе патагонцевъ состоитъ изъ лука, дротика, пращи и боласа; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже и ружья, но такія плохія, что никоимъ образомъ нельзя ихъ сравнить даже съ луками, которые въ рукахъ ловкаго индѣйца принесутъ гораздо больше пользы. Послѣдніе бываютъ обыкновенно около трехъ футъ длиною, причемъ тетивы ихъ вьются изъ сыромятныхъ ремней; деревянныя стрѣлы очень коротки; задній конецъ ихъ украшенъ крѣпкими, короткими и бѣлыми перьями, между тѣмъ какъ остріе замѣняетъ или ловко вдѣланный осколокъ бутылки, или же хорошо отточенный кремень. Кромѣ того конецъ стрѣлы снабженъ еще двумя, слабо прикрѣпленными крючками, которые, при входѣ ея въ тѣло, прижимаются къ древку; но какъ только раненый захочетъ вытащить стрѣлу, то крючки эти раздвигаются и страшно расширяютъ рану, а при дальнѣйшей его попыткѣ избавиться отъ смертоноснаго оружія, они совершенно отдѣляются отъ древка и остаются въ тѣлѣ, что, разумѣется, сильно затруднитъ леченіе раны...

Пращи, принятыя въ употребленіи у патагонцевъ, самаго простаго устройства: онѣ состоятъ изъ крѣпкой кожи, растянутой въ видѣ длиннаго параллелограма.

Патагонцы владѣютъ лукомъ и пращею съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ неподражаемою ловкостью; способъ дѣйствія послѣднею напоминаетъ игру въ лапту:

нимъ и нумеръ (онъ назвалъ себя Орелiемъ I). Этотъ авантюристъ дѣятельно было принялся за образованіе «новаго королевства», началъ выпускать для своего «царскаго двора» какія-то акціи, но въ настоящее время живетъ кажется въ Парижѣ...

лѣвою рукою подбрасывается въ воздухъ хорошо закругленный камень, который ударяется пращею, находящеюся въ правой рукѣ; при такомъ простомъ способѣ бросанья камней они летятъ удивительно вѣрно и притомъ на значительное разстояніе. Нѣтъ почти цѣли, въ которую ни попалъ бы патагонецъ камнемъ, подданнымъ пращею; нѣкоторые изъ индѣйцевъ владѣютъ этимъ оружіемъ одинаково артистично, какъ правою, такъ и лѣвою рукою; они выкидываютъ имъ такія удивительныя штуки, которыя не выкинетъ самый лучшій стрѣлокъ изъ отлично вывѣреннаго и хорошо ему знакомаго ружья самой лучшей системы. Нечего также говорить, что съ лукомъ и дротикомъ они управляются съ тѣмъ же почти сверхъестественнымъ искусствомъ, а въ бросаніи боласа превосходятъ даже гаучо, этихъ прославленныхъ типовъ необыкновенной ловкости и проворства [1]). Нужно только удивляться той удивительной вѣрности глаза, которая развивается у этихъ индѣйцевъ при постоянномъ упражненіи, и по всему можно судить, что они враги очень опасные...

Во время войны патагонцы сбрасываютъ съ себя все лишнее одѣяніе и остаются совершенно голыми, чтобы удобнѣе было бороться съ врагомъ и удобнѣе употреблять въ дѣло всевозможныя хитрости, коварства и уловки, которыя обыкновенно считаются у индѣйцевъ лучшимъ и необходимѣйшимъ достоинствомъ каждаго храбраго воина. На патагонцѣ въ день сраженія остается одинъ только кожаный поясъ, къ которому привязывается все его оружіе; впрочемъ ихъ главные предводители разодѣваются въ оригинальные доспѣхи, заимствованные ими у индѣйцевъ племени окасовъ. Доспѣхи эти состоятъ изъ широкой рубашки, безъ рукавовъ, сшитой изъ двойныхъ, гибкихъ и хорошо выдѣланныхъ кожъ; она обыкновенно доходитъ до колѣнъ,

[1]) О способѣ бросанія боласа было уже говорено раньше; устройство его также извѣстно.

и патагонецъ, наряженный въ подобныя латы, верхомъ на лошади, кажется какимъ-то Добрынею Никитичемъ или Бовою Королевичемъ, который однимъ махомъ сто тысячъ побивалъ, да семь могучихъ богатырей. При подобныхъ доспѣхахъ, какъ необходимую принадлежность, носятъ не менѣе оригинальный шлемъ, сдѣланный изъ самой крѣпкой толстой кожи, съ ахилловскимъ гребнемъ, украшеннымъ кусочками серебра и мѣди...

У патагонцевъ сильно развита полигамія; каждый изъ нихъ можетъ имѣть столько женъ, сколько въ состояніи купить, сколько можетъ помѣстить въ своемъ толдосѣ; жены для патагонца не болѣе, не менѣе какъ работницы; на нихъ лежитъ вся забота о хозяйствѣ, лежатъ всѣ работы безъ исключенія, между тѣмъ какъ онъ самъ проводитъ время въ праздности... Патагонцы очень ревнивы и жестоко наказываютъ своихъ женъ за малѣйшую измѣну. До замужества дѣвушка пользуется полною свободою и можетъ жить такъ, какъ ей вздумается, какъ ей кажется пріятнѣе; но разъ выйдетъ замужъ, отъ нея строго требуютъ, чтобы она была вѣрна своему мужу, своему господину, чтобы она забыла уже навсегда свои прежнія шалости, своихъ прежнихъ обожателей и вела себя цѣломудренно, какъ подобаетъ честной женѣ храбраго воина. Патагонки вообще очень стыдливы и никогда не выставляютъ наружу своихъ прелестей, но, тѣмъ не менѣе, самое грошовое украшеніе можетъ ихъ заставить на время измѣнить свою скромность.

Когда дѣвушка достигаетъ полнаго развитія (о чемъ она сама объявляетъ своей матери), то это считается въ семействѣ большимъ праздникомъ, важнымъ событіемъ, и понятно почему: ее можно уже продать и получить за нее лошадей, шкуры и одежду, въ которой, можетъ быть, отецъ и мать сильно нуждались.

Въ честь совершившагося событія, отецъ зарѣзываетъ самую жирную кобылу и приглашаетъ на праздникъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, причемъ ни за что

не упуститъ изъ виду тѣхъ, кто думаетъ обзавестись новою женою. Дѣвушку сажаютъ посреди толдаса, на особое изукрашенное мѣсто, носящее туземное названіе пуетенука (puetenuca), и къ ней начинаютъ, по очереди, подходить съ поздравленіемъ всѣ приглашенные на праздникъ, за что и получаютъ отъ нея, смотря по званію или родству, большій или меньшій кусокъ конины. Послѣ этой церемоніи дѣвушку кладутъ на женскую мантію, за концы которой берутся ея мать и ближайшія родственницы, и несутъ къ рѣкѣ или озеру, причемъ впереди этого шествія идетъ обыкновенно патагонская жрица, напѣвая съ безобразными кривляніями и гримасами заклинанія противъ злаго духа. Шествіе это не смѣетъ сопровождать ни одинъ мужчина; когда оно подойдетъ къ рѣкѣ или озеру, то жрица первая входитъ въ воду, беретъ въ горсть немного прохлаждающей стихіи и, бросая ее въ воздухъ, бормочетъ про себя какія-то молитвы. Затѣмъ дѣвушку раздѣваютъ, вносятъ въ воду и нѣсколько разъ погружаютъ въ нее, взывая хоромъ къ доброму духу, чтобъ тотъ избавилъ ее отъ зла въ ея новомъ положеніи; послѣ этого выносятъ ее изъ рѣки, тщательно вытираютъ и кладутъ на разостланную на берегу мантію, причемъ покрываютъ ее самыми лучшими тканями, какія только имѣлись у ея родителей, и торжественно вносятъ въ толдосъ. Съ этого времени на дѣвушку смотрятъ уже какъ на почетнаго члена семейства и дѣятельно пріискиваютъ ей жениха; отецъ назначаетъ ей цѣну и торгуетъ своимъ дѣтищемъ такъ же, какъ будто продаетъ мѣшокъ картофелю или гуанаковыя шкуры; но, нужно сознаться, дѣвушку не выдаютъ замужъ безъ ея согласія, и торгъ тогда только считается законченнымъ, когда она увидитъ ищущаго ея руки и сердца индѣйца и лично объявитъ ему о своемъ согласіи сдѣлаться его женою и рабою.

Когда такимъ образомъуладятся въ цѣнѣ и заполучатъ согласіе невѣсты, то начинаютъ строить свадеб-

ный толдосъ; когда послѣдній будетъ готовъ, то въ него вводятъ торжественно жениха съ невѣстою и оставляютъ ихъ наединѣ въ ихъ новомъ жилищѣ; приглашенные же гости и родные собираются вокругъ хижины новобрачныхъ, чтобы достойно отпраздновать. Прежде всего жрица начинаетъ, черезъ дверь толдаса, давать молодому наставленія, какъ ему слѣдуетъ вести себя въ отношеніи своей жены, и пунктуально разъясняетъ ему всѣ его обязанности; кончивъ свои наставленія, она начинаетъ выплясывать вокругъ хижины, причемъ, время отъ времени, приговариваетъ различныя заклинанія, сопровождая ихъ уморительными кривляніями и гримасами, которыми, повидимому, она думаетъ напугать злаго духа и отогнать его подальше отъ ложа новобрачныхъ. Всѣ присутствующіе слѣдуютъ ея примѣру и начинаютъ вертѣться вокругъ толдаса въ адской пляскѣ. акомпанируя себѣ при этомъ самою дьявольскою музыкою, заключающеюся въ ужасномъ насвистываніи въ большія раковины и тыквенныя бутылки. Между тѣмъ лучшіе друзья молодаго разводятъ костеръ и жарятъ кобылье мясо, которымъ, по временамъ, угощаютъ, по маленькому кусочку, молодую чету, и такъ проводятъ время до самаго утра; но и тогда бракъ не считаютъ еще окончательно совершеннымъ... Еще нужно, чтобы всѣ жители толдеріи или деревни посѣтили молодыхъ на другой день, и тогда только бракъ признается дѣйствительнымъ. Послѣ этого молодая жена одѣваетъ на себя самые дорогіе подарки мужа, садится на подареннаго ей коня, разукрашеннаго самымъ лучшимъ образомъ, и выѣзжаетъ показаться всей толдеріи...

При этомъ нужно замѣтить, что женихъ не имѣетъ права распрашивать невѣсту о ея прошедшемъ поведеніи, а мужъ не имѣетъ права упрекнуть свою жену въ прежнихъ ея шалостяхъ, но за то строго слѣдитъ за ея нравственностью, чтобы она не осмѣлилась согрѣшить и въ замужествѣ, что считается величайшимъ позоромъ какъ для мужа, такъ и для его жены... Если

же она заведется впослѣдствіи возлюбленнымъ, который рѣшится похитить ее изъ толдоса мужа, то послѣдній тогда только имѣетъ право потребовать возвращенія жены и примѣрно ее наказать, когда онъ самъ высшаго званія, чѣмъ похититель, или же имѣетъ болѣе могущественныхъ друзей; въ противномъ же случаѣ онъ долженъ, по обычаямъ страны, терпѣливо перенести похищеніе и навсегда отказаться отъ своей жены...

Патагонскія женщины занимаются рѣшительно всѣмъ, за исключеніемъ охоты и войны; работы у нихъ множество, онѣ трудятся съ ранняго утра до поздней ночи и не имѣютъ днемъ часу отдыха. Рожденіе ребенка ознаменовывается пѣснями, пляскою и веселымъ пиршествомъ; патагонцы любятъ своихъ дѣтей до обожанія; къ нимъ они чрезвычайно нѣжны и внимательны, что странно видѣть въ подобныхъ дикаряхъ...

Но что особенно достойно вниманія у патагонцевъ,— это всеобщее благоговѣніе и почтеніе къ усопшимъ; въ этомъ отношеніи они очень походятъ на насъ, цивилизованныхъ; у нихъ могилы и погребальныя процессіи пользуются глубокимъ уваженіемъ. Патагонцы долго вспоминаютъ тѣхъ, кого любили, часто оплакиваютъ ихъ и разсказываютъ другъ другу о добродѣтеляхъ покойныхъ... Когда умираетъ глава семейства, то всѣ друзья его надѣваютъ трауръ (то есть окрашиваютъ свое тѣло въ черную краску) и приходятъ утѣшать вдову и дѣтей; затѣмъ они раздѣваютъ покойника и, пока онъ еще тепелъ, даютъ ему весьма неудобное положеніе, а именно: пригибаютъ колѣна къ подбородку такъ, чтобы пятки приходились у нижней части туловища, причемъ руки усопшаго скрещиваются на голеняхъ. Послѣ этого сжигаютъ, въ знакъ печали, часть его имущества, а также и толдосъ; жена и дѣти снимаютъ съ себя все принадлежавшее покойнику, потому что, по обычаямъ страны, они не имѣютъ права носить все это послѣ смерти главы; затѣмъ вдова пач-

каетъ все свое тѣло черною краскою и обрѣзаетъ волосы на передней части головы, расчесываетъ остальные, распускаетъ ихъ по плечамъ и запирается въ старый толдосъ, гдѣ цѣлый годъ проводитъ время въ глубокой горести, притворной или искренней—это уже ея дѣло, цѣлый годъ не снимаетъ съ себя траура (то есть не смываетъ черной краски и не даетъ подростать волосамъ), причемъ должна вести самый строгій образъ жизни. Малѣйшее нарушеніе этого обычая считается жестокою обидою памяти умершаго, родные котораго имѣютъ право убить виновную вмѣстѣ съ ея соучастникомъ...

Когда тѣло покойнаго сложено, какъ выше было сказано, и толдосъ его сожженъ, то родственники его зарѣзываютъ принадлежавшихъ ему лошадей и домашній скотъ, мясо которыхъ употреблять въ пищу считается величайшимъ оскорбленіемъ усопшаго; даже собаки, вѣрные спутники въ охотахъ покойнаго, подвергаются той же печальной участи. Изъ всѣхъ лошадей оставляютъ впрочемъ одну и именно ту, которую покойникъ любилъ больше другихъ; она должна довезти его тѣло, вмѣстѣ съ оружіемъ и всѣми драгоцѣнностями, до мѣста погребенія, гдѣ со всѣмъ этимъ и зарывается, *чтобы покойникъ могъ и въ будущей жизни пользоваться ею, когда ему заблагоразсудится.* Родственники зарываютъ тѣло въ сидячемъ положеніи, и при этомъ всѣми силами стараются скрыть отъ постороннихъ глазъ мѣсто погребенія, чтобы никто не могъ воспользоваться зарытыми драгоцѣнностями и лучшею одеждою, составляющею богатство уже другой жизни [1]).

Если умираетъ индіанка, то съ тѣломъ ея зарываютъ только одежду и нѣкоторыя украшенія, но животныхъ

[1]) Никто изъ патагонцевъ никогда не рѣшится воспользоваться зарытымъ богатствомъ; но часто случалось, что „бѣлые" и индѣйцы другихъ племенъ, неуважающіе обычаевъ этого народа, подсматривали мѣсто погребенія, разрывали могилу и похищали рѣшительно все, что только было въ нее положено.

не убиваютъ, такъ какъ они принадлежатъ не ей, а главѣ семейства; церемонія погребенія та же, но только вдовецъ и дѣти не носятъ наружнаго траура, и первый можетъ вновь жениться когда ему вздумается или представится случай, хотя бы на другой день смерти жены... Изъ всего этого видно, какимъ почетомъ пользуется глава семейства и на какомъ низкомъ общественномъ уровнѣ стоитъ его жена!...

Патагонцы вѣруютъ въ вѣчность души, но представляютъ себѣ рай чувственнымъ и будущую жизнь матеріальною, почему и имѣютъ обыкновеніе зарывать съ умершимъ его одежду, драгоцѣнности и лошадей. Они вѣрятъ въ существованіе верховнаго существа, которое всѣмъ управляетъ и отъ котораго они находятся въ полной зависимости; оно извѣстно у нихъ подъ названіемъ Ашекенатъ-Канетъ (Achekenat-Kanet) и представляетъ какъ добраго, такъ и злаго духа, почему, смотря по обстоятельствамъ, онъ или умоляется, или же заклинается. Патагонцы о „добромъ верховномъ существѣ" такого высокаго мнѣнія, что не осмѣливаются представить его ни подъ какою формою, но какъ только этотъ „добрый богъ" начинаетъ за что нибудь злиться и олицетворять уже „злое существо", то его представляютъ или подъ видомъ какого-нибудь сквернаго насѣкомаго, или же подъ видомъ уродливаго дерева и т. п...

Патагонцы очень суевѣрны и склонны къ магіи; старыя женщины, играющія у нихъ роль гадальщицъ или жрицъ, пользуются глубокимъ уваженіемъ; при каждомъ семейномъ праздникѣ должны присутствовать всѣ жрицы толдеріи и своими заклинаніями отгонять злаго духа, а молитвами призывать добраго; заклинанія свои онѣ сопровождаютъ обыкновенно различными кривляньями и гримасами, причемъ нерѣдко доходятъ до экстаза. Въ этомъ видѣ жрицы считаются вдохновленными Ашекенатъ-Канетъ, и всѣ произносимыя ими въ это время слова точно запоминаются присутствующими и принимаются какъ за вѣрныя предсказанія.

Эти же женщины занимаются лѣченіемъ всякихъ недуговъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ, причемъ непремѣнно прибѣгаютъ къ разнаго рода заклинаніямъ, нашептываньямъ и заговариваньямъ съ цѣлью изгнать изъ больнаго злаго духа, будто бы вошедшаго въ его тѣло и кровь.

Патагонцы совершенно увѣрены въ способности своихъ жрицъ излѣчивать всевозможныя болѣзни и съ полною надеждою на выздоровленіе отдаются въ руки этихъ шарлатанокъ; послѣднія всѣми силами стараются убѣдить добродушныхъ дикарей, что въ кровь и тѣло ихъ забрался злой духъ, котораго слѣдуетъ изгонять страшными заклинаніями и приговариваніями. Въ концѣ всей церемоніи излѣчиванія больнаго, жрица украдкою прячетъ въ руку какое-нибудь насѣкомое и, подавая видъ, что будто вытаскиваетъ его изъ тѣла паціента, совершенно убѣждаетъ индѣйцевъ въ справедливости своихъ словъ.

Такимъ образомъ у мѣстныхъ гадальщицъ развито страшное шарлатанство (котораго впрочемъ онѣ, кажется, и сами не сознаютъ) и, что ни шагъ, онѣ обманываютъ патагонцевъ, какъ малыхъ дѣтей. Увѣренность послѣднихъ въ томъ, что злой духъ можетъ поселяться на время въ ихъ тѣлѣ и крови, бываетъ причиною страшныхъ съ ихъ стороны глупостей и дикихъ выходокъ. Всякій недугъ въ себѣ, хотя бы самый обыкновенный, они относятъ непремѣнно къ злому духу, завладѣвшему ихъ существомъ; устанетъ ли, напримѣръ, патагонецъ, захочетъ ли пить, ѣсть или спать, то въ этомъ непремѣнно онъ обвинитъ злаго духа, котораго слѣдуетъ, по его мнѣнію, сейчасъ же изгнать. Если нѣтъ подъ рукою у него жрицы, то онъ рѣшается самолично выгнать изъ своей крови духа немочи, для чего разрѣзаетъ себѣ руки, ноги, плечи въ надеждѣ, что демонъ выйдетъ изъ него вонъ вмѣстѣ съ кровью. Увидя черезъ нѣсколько времени безплодность своихъ продѣлокъ, онъ рѣшаетъ, что злому духу очень понра-

вилось сидѣть въ его тѣлѣ, а потому слѣдуетъ покориться (то есть отдохнуть, поѣсть и попить) и подождать, когда самъ демонъ не вздумаетъ оставить его грѣшную плоть и перебраться на другую квартиру...

Патагонцы ужасно боятся заразы и моровыхъ повѣтрій, изъ которыхъ особенно много пожираетъ у нихъ жертвъ оспа; заразу [1]), какъ и все, они относятъ къ дѣламъ того же злаго духа, который, по ихъ мнѣнію, недовольствуясь одною квартирою, постепенно переходитъ изъ одного тѣла въ другое; а потому, по ихъ мнѣнію, нужно подальше держаться отъ больныхъ, чтобы онъ не могъ отъ нихъ какъ нибудь перескочить къ здоровымъ. Если случится, что заболѣетъ оспою членъ семейства, то всѣ его покидаютъ, бѣгутъ отъ него, какъ отъ страшно зачумленнаго, не оставивъ ему ни капли воды, ни куска мяса... Если отъ перваго больнаго заразятся другіе, то всѣ жители толдеріи оставляютъ то мѣсто, на которомъ раскинули свои толдесы, и съ ужасомъ бѣгутъ, бросая всѣхъ больныхъ на произволъ судьбы; но чтобы духъ зла не послѣдовалъ за ними, они грозно махаютъ по воздуху оружіемъ, какъ бы отгоняя отъ себя какого-то невидимаго врага, страшно кривляются, гримасничаютъ и орутъ во все горло не менѣе страшныя заклинанія, причемъ считается небезполезнымъ, бросать въ воздухъ пригоршни воды. Удалившись отъ больныхъ на такое разстояніе, что уже, по ихъ мнѣнію, духъ зла догнать ихъ не можетъ, они снова начинаютъ потрясать своимъ оружіемъ и грозно махать имъ по направленію къ покинутой толдеріи. Если же и въ новомъ мѣстѣ станутъ показываться признаки заразы, то они опять обращаются въ безпорядочное бѣгство, опять неистово машутъ

---

[1]) Замѣчательно, что патагонцы, во время какихъ-нибудь моровыхъ повѣтрій, теряютъ всякую вѣру въ могущественную силу своихъ жрицъ—изгонять злаго духа, противъ котораго въ такое время необходимо, по ихъ мнѣнію, ополчаться чуть ли ни цѣлымъ племенемъ съ массою жрицъ во главѣ.

по всѣмъ направленіямъ своимъ оружіемъ, опять оставляютъ своихъ больныхъ безъ всякой помощи, безъ всякихъ средствъ къ существованію...

Такимъ образомъ патагонцы разбрасываютъ своихъ несчастныхъ зараженныхъ оспою въ разныхъ мѣстахъ и не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока мнимый злой духъ не оставитъ ихъ въ покоѣ, и среди нихъ не будутъ появляться уже признаки заразы... Можете теперь себѣ представить положеніе больныхъ, оставленныхъ безъ всякой помощи, безъ всякихъ средствъ къ жизни, оставленныхъ среди дикой, безводной пустыни, въ которой и здоровому трудно бороться съ встрѣчающимися опасностями и лишеніями; можете себѣ представить, сколько несчастныхъ избавляется отъ ожидающей ихъ страшной участи умереть отъ голода или жажды, а можетъ быть еще даже подъ зубами хищныхъ звѣрей и подъ клювами не менѣе хищныхъ коршуновъ и орловъ!...

Вообще обычаи и вѣрованія патагонцевъ весьма нелѣпы, и нужно только удивляться, что они до сихъ поръ не измѣнились еще къ лучшему, хотя были сильныя поползновенія со стороны католическихъ миссіонеровъ познакомить этихъ дикарей съ христіанскою религіею; индѣйцы однако всегда сильно противились попыткамъ отцовъ іезуитовъ и остались неизмѣнно вѣрными религіи своихъ предковъ. Главныя причины ихъ упорства— суевѣріе и полигамія; эти два обстоятельства еще долгое время будутъ для отцовъ миссіонеровъ камнемъ преткновенія; особенно трудно имъ будетъ бороться съ полигаміею... Вообще, нужно сознаться, что всѣ народы, у которыхъ допускается многоженство, весьма недружелюбно относятся къ христіанской религіи, требующей ограничитья одною женою. Для патагонца жены—работницы, безъ которыхъ онъ не въ силахъ былъ бы просуществовать по своей природной лѣни и отвращенію къ какому-либо труду; все его хозяйство зиждется на женахъ, и тѣмъ оно у него лучше, чѣмъ больше у

него работницъ.... Миссіонеры тогда только будутъ имѣть хоть какой-нибудь успѣхъ, когда дадутъ возможность патагонцу обойтись съ одною женою, когда пріучатъ его къ осѣдлой жизни, научатъ земледѣлію, словомъ, когда совершенно переродятъ этого дикаря и дадутъ новое, ему непріятное, направленіе, что очень трудно, если не сказать — невозможно.... Патагонцы почти ничего еще пока не заимствовали изъ европейской и даже американской (то-есть чилійской и аргентинской) цивилизаціи, ибо то, что они перенесли и переносятъ до сихъ поръ отъ европейцевъ и своихъ сосѣдей американцевъ, вселяетъ въ нихъ лишь безграничное отвращеніе къ подобнаго рода христіанамъ, которые хотятъ всѣми силами привить къ нимъ одно только зло, которые эксплоатируютъ ими самымъ нахальнымъ, безсовѣстнымъ образомъ.

Послѣднее обстоятельство не мало вліяетъ на упорство дикихъ сыновъ пустыни, и тѣмъ труднѣе познакомить ихъ съ новою, благотворною религіею, къ которой, какъ и къ людямъ, исповѣдующимъ ее, они имѣютъ весьма понятное предосужденіе. Повѣрьте, если бы всѣ иноземцы, какіе только перебывали въ Патагоніи или около нея, вели бы себя такъ, какъ подобаетъ истиннымъ христіанамъ, то результатъ былъ бы совершенно другой, лучшій... Нужно бы было съ самаго начала привлечь дикарей, и они отнеслись бы къ предлагаемой имъ теперь религіи съ большимъ сочувствіемъ; но разъ какъ имъ внушили ко всему христіанству полное отвращеніе, то, понятное дѣло, они упорствуютъ и будутъ упорствовать Богъ вѣсть сколько еще времени!..

Космогонія (наука о сотвореніи міра) патагонцевъ весьма несложна и нисколько не затрогиваетъ ихъ воображеніе; они говорятъ, что „добрый духъ Ашекенатъ-Канетъ сотворилъ человѣка и далъ ему оружіе", но какъ, когда, при какихъ обстоятельствахъ былъ сотворенъ первый человѣкъ — объ этомъ не упоминаютъ.

Послѣ сотворенія человѣка, по ихъ мнѣнію, всѣ животныя вышли, по повелѣнію того же добраго духа, изъ одной глубокой пропасти, разверзшейся въ ихъ землѣ; при этомъ они очень забавно объясняютъ появленіе различныхъ животныхъ, которыя имъ были совершенно неизвѣстны до прибытія въ ихъ страну испанцевъ. „Послѣ страусовъ, гуанаковъ, собакъ, коршуновъ и тому подобныхъ животныхъ и птицъ, говорятъ патагонцы, появился наконецъ быкъ, который такъ напугалъ первыхъ людей своими большими рогами, что тѣ сейчасъ же загнали его въ пропасть, а изъ боязни, чтобы онъ не вышелъ изъ нея, завалили ее огромнымъ тяжелымъ камнемъ. Но вотъ появились въ нашей странѣ испанцы, которые и отвалили отъ пропасти приложенный первыми людьми камень и выпустили на свѣтъ оставшихся тамъ животныхъ, какъ-то: быковъ, лошадей и тому подобныхъ, которыхъ до прибытія иностранцевъ никто изъ насъ не видалъ и не зналъ даже о ихъ существованіи...

Главное природное богатство патагонцевъ составляютъ гуанаки и страусы.

Гуанакъ родъ ламы; шерсть его цвѣтомъ походитъ на верблюжью, но только она гораздо мягче и пушистѣе послѣдней. Они водятся въ громадномъ количествѣ во всѣхъ частяхъ Южной Америки, начиная съ печальныхъ острововъ Огненной Земли и кончая гористою частью Ла-Платы и Перуанскими Кордильерами; не смотря на то, что животныя эти предпочитаютъ возвышенныя мѣста, они въ большихъ массахъ ходятъ по южнымъ равнинамъ Патагоніи, и кочующія племена патагонцевъ слѣдуютъ за ними, обыкновенно, по пятамъ, потому что гуанаки для нихъ составляютъ самые главные предметы жизненной потребности: пищу, одежду и даже жилище...

Гуанакъ чрезвычайно красивое, граціозное животное съ прекрасными, нѣжными глазами, которымъ позавидовала бы даже буеносъ-айресская красавица. Объ

этихъ животныхъ разсказываютъ много интереснаго... На сѣверномъ берегу Магелланова пролива они собираются громадными стадами: отличительная черта характера этихъ четыреногихъ красавцевъ—любопытство. Если случится вамъ встрѣтиться съ отдѣлившимся отъ стада гуанакомъ, то онъ, вмѣсто того чтобы обратиться отъ васъ въ бѣгство, что безъ сомнѣнія, долженъ былъ-бы ему внушить его дикій инстинктъ, непремѣнно остановится, вытянетъ шею и станетъ внимательно васъ разсматривать своими мягкими, добрыми глазами; только по прошествіи нѣсколькихъ минутъ начнетъ онъ удаляться, но при этомъ будетъ оборачиваться къ вамъ черезъ каждые десять шаговъ и также внимательно, съ видимымъ любопытствомъ на васъ посматривать. Если принять въ это время какое нибудь новое положеніе, какъ напримѣръ, встать вверхъ ногами или на четвереньки, то гуанакъ непремѣнно начнетъ къ вамъ осторожно приближаться съ цѣлью разузнать: то ли еще стоитъ передъ нимъ существо и почему оно приняло другой видъ, стало въ иную позу?..

Охотники очень часто пользуются этою странною и вмѣстѣ съ тѣмъ невинною чертою характера гуанака и при встрѣчѣ съ животнымъ начинаютъ выкидывать разныя штуки, привлекая такимъ образомъ его вниманіе; когда-же гуанакъ подойдетъ очень близко, то падаетъ жертвою своего любопытства...

Гуанаки легко приручаются и служатъ часто домашними животными; они очень сильно размножаются и ходятъ всегда большими семействами. Самцы въ этомъ случаѣ ведутъ себя весьма странно: если приблизится къ самкѣ мужчина, то они смѣло нападаютъ на него, начинаютъ лягаться и вообще употреблять всѣ свои усилія, чтобы избавиться отъ непрошеннаго гостя... Разсказываютъ, что причина подобнаго страннаго, непонятнаго поведенія самцовъ-гуанаковъ — ревность къ самкамъ!?.. Интересно было бы узнать навѣрно: правда это или нѣтъ?.. Въ дикомъ же состояніи

гуанакъ трусливъ и даже не имѣетъ обыкновенія защищаться; одна собака легко съ нимъ справляется.

Гуанаки любятъ воду; часто видѣли, какъ они переправлялись въ Магеллановомъ проливѣ съ одного острова на другой. Эти животныя легко могутъ обойтись безъ прѣсной воды и утолить свою жажду соленою, что подтверждается многими путешественниками. Байронъ (Byron), напримѣръ, разсказываетъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ гуанаки „пили соленую воду"; а англійскіе офицеры съ корабля „Бигль" видѣли, какъ „цѣлое стадо этихъ животныхъ пило крѣпкій настой изъ соловаренъ Бѣлаго мыса"... Этому можно повѣрить, потому что если бы гуанаки не могли-бы утолить своей жажды соленою водою, то имъ пришлось бы погибнуть въ нѣкоторыхъ частяхъ Патагоніи, въ которыхъ на нѣсколько сотъ миль въ окружности не найдти прѣснаго источника...

Разсказываютъ еще о двухъ странныхъ, необъяснимыхъ привычкахъ гуанаковъ, а именно: они имѣютъ обыкновеніе отдавать дань природѣ всѣ въ одномъ мѣстѣ, причемъ груды ихъ достигаютъ иногда до восьми футовъ въ діаметрѣ; вторая ихъ привычка заключается въ томъ, что они, чувствуя приближеніе послѣдней своей минуты, выбираютъ себѣ могилы около рѣкъ и притомъ въ мѣстахъ болѣе или менѣе тѣнистыхъ. Привычку эту трудно объяснить; но замѣчено охотниками, что даже раненый гуанакъ всегда направляется къ ближайшей рѣкѣ или ручью, гдѣ и издыхаетъ...

Гуанакъ представляетъ для патагонцевъ главный предметъ мѣновой торговли съ иностранцами; за мясо и шкуры этихъ животныхъ они получаютъ свой любимый напитокъ—коньякъ...

Патагонскій страусъ имѣетъ въ этой торговлѣ не меньшее значеніе и доставляетъ индѣйцамъ не меньшее количество ихъ любимѣйшаго напитка. Страусъ этотъ гораздо меньше африканскаго, отъ котораго онъ сильно отличается; туземное его названіе нанду (nandu). Ха-

рактеристическая черта этихъ птицъ та же, что и у гуанаковъ, то есть любопытство; въ домашнемъ состояніи они очень часто забираются въ кругъ разговаривающихъ, какъ бы желая послушать, о чемъ идетъ рѣчь, или же поближе посмотрѣть на лица бесѣдующихъ и на ихъ оживленныя жестикуляціи. Эта странная привычка бываетъ нерѣдко гибельна страусамъ, находящимся въ дикомъ состояніи, потому что они, какъ и гуанаки, стараются поближе разсмотрѣть то, что кажется имъ очень необыкновеннымъ, чѣмъ и пользуются всѣ мѣстные охотники.

Перья нанду не могутъ красотою сравниться съ перьями африканскихъ страусовъ и годны только на приготовленіе метелокъ; охота на нихъ производится на лошадяхъ, съ боласомъ въ рукѣ, и рѣдкій страусъ избѣгаетъ этого страшнаго оружія, которое, какъ змѣя, плотно обхватываетъ его длинныя ноги, шею или даже самое туловище. Охотники стараются нагнать страуса въ первую же минуту, для чего пускаютъ своихъ лошадей въ погоню за ними во весь карьеръ, въ противномъ случаѣ лошади могутъ утомиться продолжительною погонею за нанду, дѣлающихъ тысячу самыхъ неожиданныхъ поворотовъ и старающихся всѣми силами избѣжать страшнаго боласа. Когда охотникъ подскачетъ близко къ страусу, то вѣрною рукою бросаетъ свой боласъ, который моментально, какъ змѣя, обвиваетъ шею, ноги и туловище бѣглеца. Вообще охота за нанду требуетъ большой сноровки и ловкости, а у патагонцевъ въ томъ и другомъ недостатка нѣтъ...

Взявъ въ Санди-Пойнтъ для пробы каменнаго угля, корветъ отправился дальше; плаваніе было самое разнообразное и интересное; мѣста, проходимыя „Аскольдомъ", могли бы привести въ восторгъ не только поэтовъ, но и людей съ самымъ прозаическимъ воображеніемъ.

Мы пробирались вдоль Брауншвейгскаго полуострова то по узкимъ, но чрезвычайно глубокимъ каналамъ,

окаймленнымъ отвѣсными, точно выполированными, скалами, съ рѣзкими, необыкновенно смѣлыми, очертаніями, скалами совершенно голыми, какъ черепъ столѣтняго старца; то входили сразу въ обширныя, тихія озера, окруженныя роскошными берегами, поросшими чудеснѣйшею, почти тропическою растительностью; пышная трава, непроницаемая чаща переплетшихся кустарниковъ, прекрасныя деревья стройныя какъ пальмы, и прямыя, какъ мачты, обхватывали большія пространства воды дивнымъ, волшебнымъ кругомъ... Казалось, что неизвѣстная фея перенесла корветъ въ одинъ моментъ изъ Магелланова пролива куда нибудь въ тропики; казалось, что мы перенеслись вдругъ на двадцать и даже болѣе, градусовъ сѣвернѣе, ближе къ экватору... Но вотъ обояніе, навѣянное чудесною мѣстностью, моментально пропадаетъ: пространныя, спокойныя озера съуживаются въ каналъ и корветъ уже идетъ вдоль отвѣсныхъ, мрачныхъ скалъ, вдоль непрерывнаго ряда холмовъ и вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, вдоль фантастически расположенныхъ гранитныхъ массъ, вздымающихся къ небу то въ видѣ зубчатой каменной стѣны, то въ видѣ утесовъ, испещеренныхъ глубокими, черными трещинами, изъ которыхъ кое-гдѣ торчитъ преземистый кустарникъ и граціозно спускается внизъ, прикрывая немного наготу скалъ...

Не доходя до мыса Фровардъ (самая южная оконечность Южной Америки), мѣстность приняла необыкновенно граціозный характеръ: высокій берегъ былъ покрытъ чудеснѣйшими ледниками, походившими на огромныя замерзшія озера; тамъ и сямъ, изъ расщелинъ крутыхъ, разорванныхъ утесовъ, ниспадали съ громадной высоты небольшіе пѣнящіеся водопады, истоки которыхъ были живописно прикрыты густою зеленью деревьевъ, осѣнившихъ гребень возвышавшагося передъ нами берега, за которымъ виднѣлись высокія вершины и покрытые снѣгомъ пики. Разнообразіе этихъ прекрасныхъ каскадовъ было удивительно! Одни изъ нихъ

ниспадали совершенно отвѣсно, проектируясь на черномъ фонѣ скалъ въ видѣ серебряныхъ лентъ; другіе перескакивали съ грохотомъ и шумомъ съ одного утеса на другой, съ уступа на уступъ разбиваясь при этомъ на мильоны блестящихъ, радужныхъ брызгъ; то извивались они въ глубинѣ ущелій въ видѣ едва замѣтной струи, то широкою лентою окаймляли мрачные утесы, выдѣлывая при этомъ на темномъ фонѣ самые разнообразные, затѣйливые узоры... А передъ самымъ носомъ корвета поднимается къ небу, въ видѣ грандіознаго обелиска, гора Букландъ; вершина которой покрыта вѣчнымъ снѣгомъ; вулканическое чело окружено бѣлыми, какъ снѣгъ, облаками... Картина по-истинѣ очаровательная!.. Пожалуй, не найдти въ мірѣ мѣста, которое могло бы своею грандіозностью и живописностью сравниться съ этою интереснѣйшею частью Магелланова пролива! На самомъ небольшомъ пространствѣ видишь восхитительное разнообразіе картинъ, переносишься то въ тропики, то въ полярныя страны, то на Швейцарскія Альпы!.. Точно тянется передъ глазами величественная панорама избраннѣйшихъ мѣстъ земнаго шара!..

Но вотъ показался мысъ Фровардъ, совершенно отвѣснымъ рифомъ вдающійся въ Магеллановъ проливъ; дикій, мрачный, скалистый, достигающій значительной высоты, онъ разрушалъ очарованіе, окружавшее насъ при проходѣ лучшею частью Магелланова пролива... За Фровардомъ мѣстность имѣла необыкновенно дикій характеръ; съ обѣихъ сторонъ громоздились другъ на друга угрюмыя горы, достигающія громадной высоты и перерѣзанныя мрачными ущельями; тамъ и сямъ виднѣлись небольшіе ледники, блиставшіе на солнцѣ яркимъ голубымъ цвѣтомъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли чрезвычайно причудливыя формы: тамъ были ледяныя башни, и пики, и горы, перерѣзанныя глубокими ущельями испещренныя темными трещинами...

Небольшая бухта Плайя-Парда (Playa-Parda) была послѣднимъ мѣстомъ въ Магеллановомъ проливѣ, въ

которомъ провелъ корветъ ночь передъ выходомъ въ Великій океанъ; она имѣла видъ круглаго неподвижнаго озера, обставленнаго со всѣхъ сторонъ громоздящимися другъ на друга скалами, покрытыми пестрымъ ковромъ мховъ и лишаевъ; множество небольшихъ, но вѣтвистыхъ деревьевъ сплетались у подошвы этихъ скалъ въ непроницаемую чащу, въ которую, повидимому, еще не проникала человѣческая нога; вдали, за угрюмыми утесами, виднѣлись снѣговыя горы, среди которыхъ покоился величественный ледникъ... Кругомъ было какъ-то пустынно и дико; никто и ничто не нарушало мертвой тишины; только небольшой каскадъ тихо журчалъ и пѣлъ свою мелодичную, игривую пѣсню; затѣйливо вился онъ среди камней и мховъ, прыгалъ со скалы на скалу, съ утеса на утесъ, съ уступа на уступъ, разсыпаясь при этомъ блестящею радужною пылью и граціозно ниспадая въ спокойныя, тихо застывшія, воды бухты... Никто не оживлялъ пустынной картины!.. Казалось, что весь окружающій міръ погрузился въ глубокій, непробудный сонъ; при такой странной обстановкѣ дѣлалось какъ-то неловко; боишься нарушить, голосомъ или лишнимъ движеніемъ, мертвую тишину, боишься уничтожить обаяніе этого царства спокойствія!.. Въ глубинѣ бухты точно заснула, поддавшись окружающему обаянію, американская китобойная шкуна очень непредставительной наружности; ея крутые борта, излизанные волнами, а можетъ быть и льдомъ, имѣли чрезвычайно неопрятный видъ; такъ и казалось, что несетъ отъ нихъ китовымъ жиромъ; въ рангоутѣ— страшный безпорядокъ, доказывающій, что не даромъ зашла шкуна въ Плайя-Пардскую бухту: вѣроятно хорошо тряхнуло ее гдѣ нибудь около мыса Горнъ или у непривѣтливыхъ береговъ Патагоніи...

Но вотъ спокойствіе нарушилось пришельцомъ—нашимъ „Аскольдомъ"; заснувшія воды Плайя-Парда взмутились тяжелымъ винтомъ; мертвая тишина нарушилась страшнымъ пыхтѣньемъ и кряхтѣньемъ корветской ма-

шины и громкою командою; загремѣла цѣпь и якорь слетѣлъ на дно спокойной бухты; окружающія горы, скалы, утесы и лѣса оживились на минуту, огласились стоустнымъ эхомъ и опять замерли, какъ бы испугавшись, что осмѣлились нарушить завѣтъ Того, Кто далъ имъ въ удѣлъ молчаніе и міръ... Оживилась и американская китобойная шкуна; не успѣли мы стать на якорь, какъ уже пріѣхалъ къ намъ на корветъ капитейнъ, рослый, здоровый американецъ, и обратился къ нашему капитану съ просьбою выдать ему необходимой провизіи, такъ какъ онъ въ ней очень нуждался. Разумѣется, просьба его была уважена, и онъ уѣхалъ съ корвета, повидимому, очень довольный своимъ успѣхомъ...

Съ разсвѣтомъ 18 мая, мы вышли изъ Плайя-Пардской бухты и быстро понеслись къ выходу въ Великій океанъ; къ вечеру корветъ былъ уже на открытомъ мѣстѣ... Океанъ встрѣтилъ насъ очень привѣтливо: ни вѣтра, ни качки; въ этотъ моментъ онъ вполнѣ заслуживалъ названіе „тихій", но не надолго... Утромъ 19 мая, дунулъ съ сѣвера вѣтерокъ, сталъ понемногу свѣжеть, свѣжеть—и къ вечеру заставилъ насъ убрать лишнюю парусину и остаться подъ однимъ гротъ-марселемъ. Недолго однако пришлось намъ бороться съ противнымъ вѣтромъ и колыхаться на бурныхъ, пѣнящихся волнахъ разбушевавшагося океана: въ тотъ же день вѣтеръ перешелъ къ юго-западу и сдѣлался, такимъ образомъ, совершенно попутнымъ; быстро стали ставить одинъ за другимъ недавно убранные паруса, и къ утру, 20 мая, корветъ уже былъ весь закрытъ парусиною, и птицею несся къ Вальпарайзо... Плаваніе было очень удачное, спокойное!..

28 мая, мы зашли въ бтхту Коронель (Coronel), главное мѣсто разработки чилійскихъ угольныхъ копей, пополнили здѣсь, какъ можно скорѣе, истощившійся запасъ угля—и понеслись дальше...

31 мая, на сорокъ восьмой день по выходѣ изъ

Буеносъ-Айреса, мы были уже въ виду Вальпарайзо; видъ на него съ моря необыкновенно красивъ; онъ расположенъ у самой подошвы цѣпи довольно крутыхъ и высокихъ холмовъ, изрытыхъ безчисленнымъ множествомъ ложбинъ и ущелій, и едва прикрытыхъ тощею растительностью. Длинный рядъ низкихъ, выбѣленныхъ домовъ тянулся вдоль морскаго берега, то стыдливо скрываясь въ встрѣчающихся оврагахъ, то громоздясь по ихъ наклоннымъ бокамъ, то располагаясь амфитеатромъ по красноватымъ холмамъ, лишеннымъ всякой растительности. Въ сѣверовосточномъ направленіи довольно ясно виднѣлись величественные Анды, позлащенные яркими лучами заходящаго солнца!..

Валпарайзская бухта имѣетъ видъ полумѣсяца, въ глубинѣ ея красовалось самое значительное и замѣчательное предмѣстье Almendral (букетъ миндальныхъ деревъ), лучшее мѣсто прогулки всего населенія: тутъ виднѣлась и богатая зелень, и пышныя деревья, словомъ, все то, чего не хватало въ остальныхъ частяхъ красивой, но печальной бухты.

Гордо вошелъ корветъ на Вальпорайзскій рейдъ, ловко проманеврировалъ среди стоящихъ въ бухтѣ военныхъ и купеческихъ судовъ, и сталъ на якорь на самомъ видномъ мѣстѣ. Не успѣло еще замолкнуть эхо отъ загрохотавшей по палубѣ цѣпи, не успѣлъ еще корветъ придти на канатъ, а уже цѣлая стая мѣстныхъ шлюбокъ, не смотря на позднее время, неслась къ намъ, точно подъ парами, причемъ каждая изъ нихъ, судя по сверхъестественнымъ усиліямъ гребцовъ, желала, повидимому, поспѣть на „Аскольдъ“ какъ можно раньше другихъ; чрезъ нѣсколько минутъ онѣ облѣпили корветъ со всѣхъ сторонъ, точно мухи прильнули къ патокѣ... Стали появляться на палубѣ разные комиссіонеры, прачки, портные и тому подобный людъ, который радуется приходу каждаго иностраннаго судна, потому что надѣется извлечь изъ него кое-какую, а можетъ быть и весьма даже почтенную выгоду.

Всѣ эти господа бѣгали по корвету точно угорѣлые, суя каждому изъ насъ различныя атестаціи, выданныя имъ другими офицерами съ иностранныхъ и русскихъ судовъ, перебывавшихъ въ Вальпорайзо; нѣкоторыя изъ этихъ атестацій были чрезвычайно оригинальнаго содержанія, и ясно было, что выдавшіе ихъ пользуясь незнаніемъ атестуемымъ лицомъ другаго языка, кромѣ роднаго, рѣшились, вѣроятно за какую нибудь его нечестную продѣлку или просто такъ, для препровожденія времени, атестовать его самымъ ѣдкимъ образомъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ документовъ, выданныхъ комиссіонеру Кристобалю и которымъ онъ, повидимому, очень дорожилъ, было между прочимъ сказано: „Кристобаль ловкій мошенникъ, но нужно довольствоваться и имъ, потому что во всемъ Вальпорайзо не найти комиссіонера честнѣе его; онъ хотя и украдетъ, но украдетъ только то, что, по его мнѣнію, ему уже принадлежитъ за хлопоты, между тѣмъ какъ другіе—крадутъ и часть того, что, даже по ихъ мнѣнію, имъ вовсе не принадлежитъ".

Другой комиссіонеръ былъ атестованъ французскими моряками съ броненоснаго корвета „Alma" еще оригинальнѣе: „Господа, кто не жалѣетъ своихъ денегъ, тотъ пусть поручаетъ закупать все необходимое комиссіонеру Петрарди: онъ принесетъ вамъ все порченное, протухшее, лежалое и гнилое, а заплатитъ въ тридорога, причемъ, конечно, и свой карманъ не забудетъ. Впрочемъ, нужно сознаться, нѣкоторыя порученія исполняетъ онъ весьма добросовѣстно..." Конечно, Петрарди безъ порученій не остался; онъ уѣхалъ съ корвета очень довольный, лукаво подмигивая нашей молодежи... Вслѣдъ за нимъ оставили „Аскольдъ" и другіе неотвязчивые субъекты, заваленные разнаго рода порученіями, которыя они обѣщали исполнить „какъ можно аккуратнѣе и добросовѣстнѣе", въ чемъ мы однако сильно сомнѣвались, глядя на ихъ мазурничьи рожи, говорившія вовсе не въ ихъ пользу. Уже съ ве-

чера многіе изъ насъ стали дѣятельно готовиться къ слѣдующему дню, сулившему намъ, послѣ сорока-восьми дневнаго поста, много удовольствій и развлеченій; всѣ уже заранѣе распредѣлили свои свободные часы и мечтали только о томъ, какъ бы лучше и пріятнѣе провести время въ чужомъ городѣ и насладиться вполнѣ наконецъ свободою, которой мы были лишены въ продолженіе полутора мѣсяца. Одни предлагали съѣздить въ Сантъ-Яго, столицу чилійской республики, и побывать въ тамошнемъ театрѣ (а этого удовольствія мы были лишены уже Богъ вѣсть сколько мѣсяцевъ, и потому предложеніе было весьма заманчиво); другіе хватали даже дальше, мечтали о величественныхъ Андахъ, о пріятной прогулкѣ на лошакахъ, о неизмѣримыхъ пропастяхъ, по окраинамъ которыхъ пришлось бы ѣхать чуть ли не зажмуривъ глаза и крѣпко-на-крѣпко привязавшись къ лошаку, о пикахъ и вершинахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ; словомъ мечтали обо всемъ томъ, чѣмъ нельзя было бы насладиться въ Петербургѣ и его окрестностяхъ и что возбуждало бы сильныя ощущенія; третьи же, наконецъ, и именно чревопоклонники, энергично старались всѣхъ увѣрить, что дальше перваго отеля не стоитъ и заходить, не стоитъ даромъ рвать сапогъ и платьевъ и бросать на вѣтеръ деньги, да притомъ еще „золото“, которое умнѣе было бы потратить „на что нибудь другое“, чѣмъ на глупыя экскурсіи подъ облака, на ни къ чему не ведущія осмотры того или другаго города, той или другой мѣстности... Такимъ образомъ все общество раздѣлилось на три лагеря; но вскорѣ однако второй лагерь согласился примкнуть къ первому, такъ какъ, чтобы попасть къ Андамъ, нужно непремѣнно прежде побывать въ Сантъ-Яго, лежащемъ у самаго подножія этихъ величественныхъ горъ, а побывавши въ Сантъ-Яго, отчего же не побывать и въ театрѣ, разсуждали очень разумно коноводы втораго лагеря, и потому рѣшили, что очень недурно было бы примкнуть къ любителямъ

эстетическаго удовольствія и составить такимъ образомъ пріятную компанію (какъ самонадѣянные)... Итакъ дѣло уладилось, и къ тому же пора было на боковую; всѣ разбрелись по своимъ койкамъ и вполнѣ отдались Морфею, въ объятіяхъ котораго и предвкушали заранѣе всю сладость предстоящихъ удовольствій.

ГЛАВА XIX.

Видъ Вальпарайзо.—Лордъ Кокранъ.—Сантъ-Яго.—Чилійцы.—Араукане.—Управленіе, религія, нравы и обычаи.

Почти трехнедѣльная стоянка въ Вальпарайзо позволила намъ не только осмотрѣть подробно этотъ во всѣхъ отношеніяхъ любопытный городъ, но даже сдѣлать нѣсколько небольшихъ экскурсій внутрь страны. Такъ, напримѣръ, небольшая партія любознательныхъ представителей корвета „Аскольдъ" посѣтила Сантъ-Яго, полюбовалась на самомъ близкомъ разстояніи величественными Андами и побывала даже, ради ознакомленія съ сельскою жизнью чилійцевъ, на одной изъ лучшихъ гаціендъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ столицы чилійской республики. Сколько удалось намъ, во время нашихъ непродолжительныхъ прогулокъ, увидѣть любопытнаго, услышать занимательнаго, характеризующаго, какъ семейный, такъ и политическій бытъ чилійцевъ и ознакомливающаго вообще съ внутреннею и внѣшнею стороною ихъ злосчастной родины!... Если перебрать все видѣнное и слышанное, то невольно приходишь къ полугрустному убѣжденію, что Чили [1]) та-

[1]) Существуетъ три разныхъ мнѣнія о происхожденіи слова Чили (Chili), которое испанцы произносятъ «tchilé»: одни производятъ «chili» отъ слова «chil», что означаетъ на перуанскомъ языкѣ—хо-

кая же несчастная и неспокойная страна, какъ и Аргентинская республика, страна почти постоянно разоряемая не только внутренними смутами и безпорядками, но даже страшными проявленіями силы природы—землетрясеніями...

Уже болѣе трехъ вѣковъ прожила Чили подъ владычествомъ европейцевъ, но до сихъ поръ видала одно только позорное и худое; постоянныя и опустошительныя войны съ арауканцами и страшныя внутреннія смуты, безпорядки и революціи, безъ которыхъ, какъ легко можно замѣтить, не можетъ обойтись ни одна страна, гдѣ только поселились испанцы и гдѣ ихъ элементъ преобладаетъ надъ всякимъ другимъ элементомъ, разоряютъ республику Чили, развращаютъ народные нравы, вгоняютъ жителей въ позорную нищету, въ страшное безъисходное положеніе.

Испанцы, этотъ буйный народъ, не признающій надъ собою рѣшительно ничьей власти и любящій мѣнять правителей, жилъ и живутъ по сіе время одними только революціями, безпорядками, грабежами и убійствами, которыя обыкновенно прикрываются ими маскою „войны", „жажды свободы" и „религіозныхъ убѣжденій"... Но напрасный трудъ съ ихъ стороны, потому что они вполнѣ разгаданы и ввести въ заблужденіе не могутъ; каждый здравомыслящій человѣкъ понимаетъ, что источникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, грабежей и убійствъ, гнѣздится въ непреодолимомъ желаніи нѣкоторыхъ господъ „половить рыбы въ мутной водѣ", возвыситься на счетъ другихъ и создать себѣ тронъ на грудѣ изуродованныхъ жертвъ ихъ честолюбія, гнѣздится, въ интригахъ и въ грубомъ фанатизмѣ изувѣ-

---

лодъ; это названіе дано было, по ихъ мнѣнію, потому что она страна сравнительно холодная, вслѣдствіе окружающихъ ее снѣговыхъ горъ. Другіе производятъ «chili» отъ слова «quile», индѣйскаго названія Ріо-Квилоты, одной изъ главнѣйшихъ рѣкъ страны; слѣдуя же мнѣнію туземцевъ и ученаго (Molina), это названіе третьи производятъ отъ мѣстныхъ птицъ, семейства сѣрыхъ дроздовъ, крикъ которыхъ сильно походитъ на слова «tchil» или «chili».

ровъ-монаховъ и патеровъ, думающихъ не о поддержаніи въ народѣ истинныхъ христіанскихъ чувствъ, а только о томъ, какъ бы захватить въ свои цѣпкія руки власть и богатство, какъ бы вооружить массу противъ всего новаго или, по ихъ мнѣнію, противъ „всякой европейской чертовщины". Мѣстное католическое духовенство сильно тормозитъ ходъ общественнаго образованія и представляетъ самое злокачественное бѣльмо республики, отъ котораго можетъ освободить страну только весьма искусный и опытный операторъ; но нужно замѣтить, что всѣ правители Чили были до сихъ поръ очень плохими операторами и даже нѣкоторые изъ нихъ едва не лишили ее зрѣнія, взявшись за дѣло безъ извѣстной доли осторожности и искусства; другіе же не брались за трудное дѣло и вовсе, а третьи даже старались объ увеличеніи этого злокачественнаго бѣльма, вопреки всякаго здраваго смысла и благосостоянія страны...

Кромѣ внутреннихъ безпорядковъ, разоряютъ страну страшныя періодичныя землетрясенія, какъ будто бы и земля не можетъ снести на себѣ изувѣровъ и убійцъ, и въ грозномъ своемъ гнѣвѣ наказуетъ ихъ за гнусныя дѣла и жестокости; но, къ несчастію, вмѣстѣ съ виновными гибнетъ масса ни въ чемъ неповиннаго люда. Всѣ эти страшные порывы природы не внушили однако до сихъ поръ чилійцамъ мысли прекратить свои междоусобныя войны и внутренніе раздоры, не внушили изувѣрамъ-патерамъ мысли прекратить свои подстрекательства, успокоить взволнованные ими же народные умы и дать странѣ миръ и спокойствіе, которое одно только могло бы вознаградить несчастныхъ за печальныя послѣдствія, причиняемыя ужасными землетрясеніями... Но нѣтъ, имъ мало жертвъ, которыя вырываетъ ежегодно природа изъ среды фанатическаго народа: имъ нужно еще крови, еще жертвъ... Не проходитъ года безъ какой нибудь жестокой смуты или отвратительной рѣзни; несчастная Чили бываетъ сви-

дѣтельницею страшныхъ звѣрствъ, самыхъ гнусныхъ, дикихъ выходокъ, какъ духовенства, такъ и правителей.

Исторія Чили въ общихъ чертахъ походитъ на исторію Аргентинской республики, и знакомить съ нею читателей было бы лишнею тратою времени, потому что пришлось бы говорить почти о томъ же самомъ; а потому оставимъ историческій очеркъ страны, и обратимся къ описанію всего видѣннаго и слышаннаго... Видъ на Вальпарайзо [1]) съ рейда, какъ я уже говорилъ, очень красивъ; онъ построенъ амфитеатромъ, въ три яруса, и расположился у подножія довольно высокихъ красноватыхъ холмовъ, едва прикрытыхъ тощею растительностью. Въ нижнемъ ряду помѣщаются роскошные магазины, банкирскія конторы и всѣ присутственныя городскія мѣста, а также главнѣйшія публичныя зданія; выше тянутся дома зажиточныхъ гражданъ, а еще выше, господствуя надъ всѣмъ городомъ, красуются изящные и роскошные дворцы мѣстной аристократіи и банкировъ. Широкія, чистыя улицы напоминаютъ собою европейскія; всюду проведены конно-желѣзныя дороги, совершенно похожія на петербургскія, только плата на нихъ гораздо ниже: за одинъ центъ ($1^1/_2$ коп.) васъ провезутъ съ одного конца города на другой, между тѣмъ какъ на петербургскихъ конно-желѣзныхъ дорогахъ пришлось бы за такое разстояніе заплатить не менѣе десяти копѣекъ...

Вальпарайзо считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ торговыхъ городовъ Южной Америки; и, дѣйствительно, громадное число купеческихъ паровыхъ и парусныхъ судовъ почти круглый годъ наполняютъ его обширный, полукруглый рейдъ, представляющій впрочемъ хорошую и совершенно безопасную стоянку только лѣтомъ (съ ноября до марта); зимою же рейдъ этотъ очень неудобенъ, что мы вполнѣ сами испытали

[1]) Val-Paraiso — значитъ „Райская долина"; такъ назвали этотъ городъ его основатели, негоціанты города Консепсіона.

въ продолженіе трехнедѣльной стоянки: господствующіе въ это время свѣжіе вѣтра отъ сѣвера, которые зачастую переходятъ въ ужасные ураганы, разводятъ на немъ страшное волненіе, на которомъ едва-едва только можно отстояться, но только конечно не при очень свѣжихъ погодахъ; въ противномъ же случаѣ нужно поторопиться лучше сняться съ якоря и уйти въ открытое море, подальше отъ опасныхъ чилійскихъ береговъ, и тамъ уже переждать непогоду...

Корветъ „Аскольдъ" попалъ въ Вальпарайзо въ зимнее время года, а потому стоянка была крайне плохая, а сообщеніе съ берегомъ, вслѣдствіе постояннаго волненія, — трудное и даже опасное... Шлюбку, стоящую у борта, обыкновенно поднимало волною до самой верхней палубы, и вотъ этимъ-то моментомъ и нужно было пользоваться, чтобы попасть въ шлюбку или на корветъ; затѣмъ она быстро отваливала, чтобы ея не разбило о бортъ, и, ныряя въ волнахъ, едва-едва ползла къ берегу, гдѣ нужно было высаживаться съ неменьшимъ искусствомъ и рискомъ. Не смотря однако на такія плохія качества Вальпарайзскаго рейда въ зимнее время года, торговля идетъ впередъ быстрыми шагами, и купеческія суда, не обращая слишкомъ большаго вниманія на океанское волненіе, дѣятельно разгружаются и нагружаются самыми разнообразными продуктами, въ особенности же предметами минеральнаго царства.

Изъ Вальпарайзо товары идутъ въ Сантъ-Фелипе, Сантъ-Яго и другіе внутренніе города республики; такимъ образомъ онъ представляетъ изъ себя главный рынокъ всей страны, а потому проложеніе отъ него внутрь удобныхъ путей сообщенія есть предметъ первой важности; но до сихъ поръ проложены только двѣ желѣзныя дороги; одна идетъ въ Сантъ-Яго, а другая въ Сантъ-Фелипе.

Въ настоящее время Вальпарайзо поддерживаетъ правильные рейсы съ важнѣйшими европейскими пор-

тами; ежемѣсячно уходятъ отсюда почтовые пароходы въ Ливерпуль, Гамбургъ и Бордо. Городъ постоянно очень оживленъ; во всѣхъ его уголкахъ кипитъ необыкновенная дѣятельность, внесенная въ среду апатичныхъ чилійцевъ предпріимчивыми европейцами и сѣверо американцами, захватившими въ свои руки всю внѣшнюю и внутреннюю торговлю страны. Роскошные магазины привлекаютъ взоры изящно разложенными европейскими товарами, но, къ несчастію, къ нимъ нѣтъ никакой матеріальной возможности приступиться: дороговизна на все страшная, а потому приходится только любоваться, а не пользоваться. Впрочемъ, торговля, повидимому, идетъ очень хорошо и купцы на убытокъ не жалуются; кто платитъ имъ за ихъ товаръ шальныя деньги — не знаю: вѣроятно тѣ прекрасныя, черноокія сеньорины, которыя однѣ только съ утра до вечера наполняютъ всѣ магазины, любуются „только что полученными съ послѣднимъ пароходомъ" товарами, предупредительно и съ удивительною ловкостью раскладываемыми передъ ними изящными коми, прикидываютъ и примѣриваютъ, кокетливо всматриваясь въ громаднѣйшія зеркала, наряды послѣдней моды, судятъ, рядятъ и торгуются...

Изъ Вальпарайзскихъ зданій можно обратить вниманіе на госпиталь Св. Іоанна, каѳедральный соборъ, ратушу и Hotel Oddo, который, по комфорту и роскоши, не уступитъ богатѣйшей европейской гостинницѣ. Лучшія зданія группируются вокругъ прекрасной площади Кокранъ, примыкающей къ самой набережной рейда; въ центрѣ ея, лицомъ къ собору, недавно поставленъ памятникъ лорду Кокрану (Cochrane), пользующемуся у чилійцевъ большою популярностью.

Я думаю, не безъинтересно знать, чѣмъ пріобрѣлъ чужеземецъ Кокранъ любовь и признательность чилійскаго народа, который даже вздумалъ почтить его память достойнымъ сооруженіемъ, а потому дамъ краткое описаніе его дѣятельности на пользу «благодарной республики».

Александръ-Томасъ, лордъ Кокранъ, графъ Дондональдъ, родился въ 1775 году 27 декабря, и происходилъ изъ затнѣйшей англійской фамиліи Блёръ. Службу свою началъ во флотѣ, подъ покровительствомъ своего дяди, адмирала Александра Форстера Кокрана, и въ скоромъ времени [1]) своею храбростью и сообраценіемъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Вернувшись въ Англію, онъ былъ избранъ въ члены парламента, но, къ несчастію, въ одно время съ политикою занялся финансовыми спекуляціями, приведшими его къ позорному столбу. Въ 1803 году его обвинили въ соучастіи съ такъ называемыми „stoch-jobber" (барышниками государственными бумагами), которые внезапно повысили общественные фонды при помощи ложнаго курьера, привезшаго вѣсть о мнимой смерти Наполеона I, и Кокранъ былъ приговоренъ за это къ 1000 фунтамъ стерлинговъ штрафу, на годъ въ тюрьму и къ выставкѣ у позорнаго столба. Въ 1806 году онъ былъ освобожденъ изъ заключенія, но возвратить себѣ прежнюю популярность не могъ, на службу его не принимали; между тѣмъ, пристращенный къ морской службѣ и отвергнутый отечествомъ, онъ обратилъ свои взоры на Испанскую Америку и предложилъ въ газетахъ ей свои услуги, конечно за извѣстное вознагражденіе. Чили не замедлила отозваться на предложеніе извѣстнаго моряка и немедленно привлекла его подъ свои знамена заманчивыми обѣщаніями.

1808 года, 18 ноября Кокранъ былъ уже въ Вальпарайзо и немедленно сталъ во главѣ чилійскаго флота, состоявшаго въ то время изъ семи 28 пушечныхъ фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ крейсеровъ и транспортныхъ судовъ. Экипажъ всѣхъ этихъ судовъ состоялъ большею частью изъ искателей приключеній, прибывшихъ въ Чили изъ разныхъ концовъ Свѣта, и держать

[1]) Въ 1803 г. въ сраженіяхъ съ французскимъ и испанскимъ флотомъ.

это разнородное войско въ хорошей дисциплинѣ и подчиненіи было чрезвычайно трудно; но Кокранъ умѣлъ обращаться со своими подчиненными съ такимъ удивительнымъ тактомъ, что во все время его командованія чилійскими морскими силами не было на его эскадрѣ ни одного крупнаго безпорядка или неповиновенія.

Кокранъ чрезвычайно удачно отстаивалъ независимость Чили, всюду истреблялъ ненавистный чилійцамъ испанскій флотъ и, своими громкими побѣдами, снискалъ къ своей новой родинѣ между южно-американскими республиками громадное уваженіе и страхъ; но, къ несчастію, тогдашнее правительство не хотѣло признать его заслугъ; кромѣ того, начались интриги, неудовольствія, которыя принудили Кокрана подать въ отставку, и именно въ самый важный моментъ, когда въ Чили готовилась большая экспедиція въ Перу. Внезапная отставка Кокрана въ критическій для республики моментъ не предвѣщала ничего хорошаго, а потому президентъ O'Higgins и генералъ Санъ-Мартинъ неотступно упрашивали его взять отставку назадъ и принять опять начальство надъ чилійскими морскими силами. Кокранъ согласился на ихъ просьбы, и, какъ-бы въ награду за это, президентъ предложилъ ему отъ имени республики имѣніе въ провинціи Консепсіонъ, отъ котораго адмиралъ счелъ своею обязанностью отказаться, но въ то же время самъ пріобрѣлъ небольшое имѣніе Квинтеро, лежавшее въ восьми лье къ сѣверу отъ Вальпарайзо, на берегу прекрасной бухты Херадура. Экспедиція въ Перу увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ и Кокранъ покрылъ себя новою славою, которая еще больше разожгла ненависть и зависть въ его врагахъ, которые различными недостойными интригами старались уронить его въ глазахъ правительства и вообще добивались его паденія.

Преслѣдуемый своими завистливыми врагами, Кокранъ наконецъ рѣшился предпочесть предложенія бра-

зильскаго императора, и въ 1823 году, 19 января, покинулъ Чили съ намѣреніемъ никогда въ нее не показываться. Только послѣ его отъѣзда опомнились всѣ, что напрасно преслѣдовали славнаго защитника чилійской независимости; но было уже поздно: республика потеряла Кокрана навсегда!

Желая увѣковѣчить память объ этомъ славномъ дѣятелѣ республики, правительство рѣшило поставить ему памятникъ въ лучшей части, Вальпарайзо, что и было исполнено уже въ послѣднее время. Въ настоящее время этотъ памятникъ служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній города, и имъ чилійцы гордятся столько-же, какъ и парижане въ былое время Вандомскою колонною!..

Окрестности Вальпарайзо довольно интересны и могутъ служить пріятнымъ мѣстомъ для прогулокъ; гора Allégre занимаетъ въ ряду ихъ первое мѣсто, какъ по своему прекрасному положенію, такъ и по той дивной панорамѣ, которою вы можете любоваться съ вершины этого, поистинѣ Вальпарайзскаго рая. Вся гора красиво обстроена прекрасными дачами богатѣйшихъ чилійцевъ и иностранныхъ негоціантовъ, имѣющихъ свою зимнюю резиденцію въ самомъ городѣ; она служитъ любимѣйшимъ мѣстомъ прогулокъ для всѣхъ вообще городскихъ жителей, приходящихъ и пріѣзжающихъ сюда толпою подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться прекрасною картиною, растилающеюся у ихъ ногъ. И дѣйствительно, видъ съ Allégre необыкновенно роскошенъ: то взоръ погружается въ мрачныя безплодныя долины, то отдыхаетъ на вершинахъ дикихъ, величественныхъ горъ, то покоится, наконецъ, на безграничномъ океанѣ. Вдали синѣютъ Анды, сверкая на солнцѣ своими снѣжными вершинами!.. Вообще картина очень разнообразная и привлекательная, и гора Allégre достойна вниманія и посѣщенія каждаго туриста...

Изъ Вальпарайзо нѣкоторымъ удалось съѣздить въ столицу Чилійской республики Сантъ-Яго, къ которому

проложена, черезъ довольно красивый городокъ Санъ-Фелипе, сносная желѣзная дорога, прорѣзывающая то низкіе, безплодные холмы, то роскошныя, живописныя равнины, поросшія акаціями и кактусомъ. Сантъ-Яго лежитъ на лѣвомъ берегу Ріо-Мапота, въ обширной равнинѣ окаймленной съ востока величественными Андами, съ запада Ріо-Пурахуель и горою дель-Пардо, имѣющею не менѣе 4,000 футовъ въ высоту.

Какъ большая часть городовъ древней испанской Америки, Сантъ-Яго построенъ чрезвычайно правильно и общимъ своимъ видомъ много напоминаетъ Буеносъ-Айресъ: тѣ же прямыя, отлично выровненныя улицы, пересѣкающіяся подъ прямыми углами; дома группируются въ тѣ же неизмѣнныя квадраты, могущія служить единицею мѣры городскихъ разстояній; та же конструкція домовъ и то же расположеніе службъ!..

Ріо-Мапото, извѣстная также подъ названіемъ Тапакалма и отдѣляющая собственно городъ отъ его предмѣстья Шимбо (Chimbo), течетъ сперва на западъ, а потомъ поворачиваетъ на сѣверъ, образуя при этомъ весьма изящное колѣно; она снабжаетъ водою небольшіе канальцы (мѣстное названіе ихъ assequias), проходящіе въ каждую квадру и развѣтвляющіеся на множество водопроводовъ, идущихъ въ каждый домъ.

Улицы Сантъ-Яго широкія, окаймленныя прекрасными тротуарами и мощенныя мелкимъ кремнемъ и асфальтомъ; дома большею частью одноэтажные, и главная причина подобной постройки гнѣздится въ частыхъ землетрясеніяхъ, которыя высокіе дома разрушаютъ несравненно легче. Они построены обыкновенно изъ кирпича, обожженнаго на солнцѣ (мѣстное его названіе adobes) и тщательно выбѣленнаго; архитектура ихъ однообразна: большія ворота, украшенныя пилястрами и статуями, ведутъ во внутренній дворъ (тотъ же patio, что и въ Буэносъ-Айресѣ), въ глубинѣ котораго обыкновенно расположена столовая; по обѣ ея стороны находятся спальни, рабочіе кабинеты и

пріемныя залы!.. Конечно, я далъ краткое описаніе зажиточнаго дома; дома же бѣднаго класса людей обыкновенно состоятъ только изъ одной комнаты, которая представляетъ и столовую, и пріемную залу, и кабинетъ; спальня же отдѣлена отъ общей комнаты пестрою занавѣскою, на подобіе того, какъ дѣлается это у нашихъ купчиковъ. Помѣщенія, выходящія на улицу, обыкновенно отдаются подъ магазины, лавки и разныя ремесленныя заведенія; окна съ улицы задѣланы изящными желѣзными рѣшетками; за каждымъ домомъ непремѣнно расположенъ небольшой садикъ, позади котораго помѣщается господская конюшня или corral.

Сады большею частью разведены съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ; они украшены прекрасными фонтанами и по-истинѣ представляютъ прелестный уголокъ, въ которомъ съ удовольствіемъ можно скрыться отъ несносной, удушливой лѣтней жары. Масса апельсинныхъ, лимонныхъ, гранатовыхъ, пальмовыхъ, кедровыхъ и липовыхъ деревьевъ распространяетъ вокругъ себя пріятный ароматъ и прохладу; красиво разсаженные пышные цвѣты, самыхъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ, доставляютъ взору нескончаемое развлеченіе. При такихъ роскошныхъ условіяхъ, зажиточные жители Сантъ-Яго не нуждаются въ дачахъ!..

Въ центрѣ города находится большая площадь, украшенная прекрасными фонтанами, распространяющими далеко вокругъ себя пріятную влагу и свѣжесть; по четыремъ ея сторонамъ высятся роскошнѣйшія городскія, общественныя зданія, изъ которыхъ особенно достойны вниманія туриста: дворецъ губернатора, судебная камера, тюрьма, соборъ и епископскій домъ.

Дворецъ губернатора, большое двухъ-этажное зданіе, вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ покоевъ президента Чилійской республики, расположенныхъ въ нижнемъ этажѣ, еще арсеналъ, казначейство, большую залу аудіенціи и

бюро нѣсколькихъ министровъ. Покои президента, по своимъ дорогимъ украшеніямъ и роскошной меблировкѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія; осмотрѣть ихъ очень легко, потому что чилійцы, желая щегольнуть передъ иностранцами своимъ вкусомъ, богатствомъ и изяществомъ, съ удовольствіемъ выпросятъ вамъ право на осмотръ этихъ достопримѣчательныхъ покоевъ, проводятъ васъ, любезно все покажутъ, разскажутъ и объяснятъ. Словомъ губернаторскій дворецъ считается у чилійцевъ музеумомъ рѣдкостей, собранныхъ на добровольныя и посильныя приношенія республики...

Соборъ, одинъ изъ лучшихъ по всей Южной Америкѣ, не такъ замѣчателенъ своимъ величественнымъ стилемъ, какъ роскошью и внутренними украшеніями; извѣстно, что католики вообще не жалѣютъ денегъ на благолѣпіе своихъ соборовъ и, подстрекаемые своими монахами и патерами, несутъ имъ все, что только имѣется у нихъ хорошаго и драгоцѣннаго. Но нужно сознаться, роскошь собора дошла до полнѣйшаго безвкусія, и глазъ поэтому только поражается массою драгоцѣнностей, но не восхищается ихъ изяществомъ и пріятнымъ сочетаніемъ; словомъ, какъ видно, почтенные патеры и ихъ прихожане заботятся больше о томъ, чтобы въ соборѣ ихъ было побольше золота и блеску, а не вкуса и изящества. Всюду фольга, парча; въ нишахъ—роскошно разодѣтыя изображенія различныхъ святыхъ, которые въ своихъ, иногда фантастическихъ костюмахъ, возбуждаютъ вмѣсто благоговѣнія невольную улыбку... Когда бы вы ни вошли въ соборъ, всегда увидите въ разныхъ концахъ его стоящихъ на колѣняхъ прелестныхъ чиліекъ, которыя, граціозно изогнувъ станъ, кажется вполнѣ предались горячей молитвѣ, а между тѣмъ исподтишка бросаютъ своими черными глазами молніи на окружающихъ ихъ молодыхъ людей, исполняющихъ, повидимому, роль какихъ-то тѣлохранителей и провожатыхъ. Молодые люди не молятся, и имъ положительно не до молитвы: они упи-

ваются каждымъ вздохомъ прекрасной донны, любуются ея граціозными, кокетливыми движеніями, восхищаются ею и наслаждаются... Вотъ одна изъ прелестныхъ чиліекъ, повидимому, кончила свою молитву, граціозно поднялась и, шуркая своимъ шелковымъ платьемъ, легко направилась къ выходу изъ собора; за нею потащилась и вся ватага провожающихъ ее молодыхъ людей.

Изъ другихъ зданій Сантъ-Яго замѣчательны: домъ консульства, таможня, театръ и національная библіотека. Въ городѣ не мало учебныхъ заведеній, что доказываетъ, что и чилійцы имѣютъ нѣкоторую любовь къ наукамъ, изъ нихъ замѣчательны: коллегія св. Іакова, лицей для дѣтей богатыхъ родителей, двѣ коллегіи для дѣвицъ, воспитательный домъ и наконецъ что-то въ родѣ чилійскаго университета. Самою лучшею частью города считается предмѣстье Canadilla, или Canada, расположенное въ его юго-восточной части; въ немъ стоитъ гордость чилійцевъ—монетный дворъ, который они считаютъ лучшимь произведеніемъ архитектуры, и, какъ кажется, больше потому, что онъ стоилъ республикѣ до милліона піастровъ. Въ самомъ же дѣлѣ архитектура его менѣе чѣмъ посредственная и не заслуживаетъ той высокой похвалы, которою осыпаютъ ее чилійцы; правда, зданіе вообще очень массивно, но грубо и не имѣетъ той грандіозности, которая всегда поражаетъ, потрясаетъ и удивляетъ; словомъ, монетный дворъ ни болѣе, ни менѣе какъ масса кирпичей, занимающихъ цѣлый кварталъ!.. Фасады его украшены рядомъ грубыхъ колоннъ, увѣнчанныхъ тяжелымъ, безвкуснымъ карнизомъ, и вообще все зданіе смотритъ какъ-то угрюмо и старчески..: Предмѣстье Canadilla соединяется съ городомъ прекраснымъ бульваромъ, служащимъ лучшимъ мѣстомъ для прогулокъ городскихъ жителей; множество изящныхъ фонтановъ украшаютъ этотъ прелестный уголокъ Сантъ-Яго...

На западъ отъ города возвышается одна изъ высо-

чайшихъ вершинъ Чилійскихъ Андъ—гора Tupungato; масса ея состоитъ изъ кварцоваго гранита съ примѣсью гнейса, сланца и базальта; подошва ея покрыта роскошнымъ, пестрымъ ковромъ зелени и цвѣтовъ, а на вершинѣ лежитъ вѣчный снѣгъ. Видъ на Tupungato изъ города необыкновенно красивъ и величественъ; кажется что гора склоняется надъ нимъ и хочетъ придавить своею ужасною массою; сочетаніе яркой зелени и цвѣтовъ съ вѣчнымъ снѣгомъ необыкновенно поразительно: внизу видишь жизнь, радость и вѣчную весну, между тѣмъ какъ вверху—смерть, скуку и вѣчную зиму!..

Время въ Сантъ-Яго мы провели очень весело и, нужно сознаться, съ сожалѣніемъ его оставили, тѣмъ болѣе, что опять предстоялъ намъ длинный, скучный переходъ на Сандвичевы острова. Во время нашихъ кратковременныхъ и неслишкомъ отдаленныхъ экскурсій намъ удалось нѣсколько ознакомиться съ характеромъ и бытомъ чилійцевъ, а потому, насколько могу, познакомлю съ тѣмъ и другимъ своихъ читателей.

Чилійцы, не смотря на свою живость, веселость и страсть къ удовольствіямъ, очень беззаботны и лѣнивы, но, нужно прибавить, лѣнивы только въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь физическомъ или умственномъ трудѣ; они чуть ли не до страсти любятъ всевозможныя зрѣлища, игры и развлеченія, предаваясь которымъ они совершенно перерождаются и забываютъ о своей лѣности.

Чилійцы ловки, сильны и прекрасные наѣздники; въ этомъ случаѣ они не уступятъ аргентинскимъ гаучо, на которыхъ они много походятъ; я говорю не о городскихъ жителяхъ, а о поселянахъ, носящихъ характеристическое названіе гуазо (guassos)... Городскіе же жители мало отличаются отъ испанцевъ; одѣваются въ европейскіе костюмы по послѣдней модѣ, живутъ совершенно на широкую европейскую ногу; но жаль только, что думаютъ и поступаютъ еще до сихъ поръ

не по европейски, потому что они слишкомъ сильно заражены дикими понятіями своей страны и предковъ, и европейскій образъ дѣйствій и мыслей къ нимъ привиться еще не могъ.

Чилійцы большею частью заимствуются отъ англичанъ, и всю обстановку своей жизни хотятъ вывернуть на англійскій манеръ, что имъ впрочемъ неудается и все выходитъ у нихъ вслѣдствіе этого какъ-то натянуто и неестественно...

Гуазо, происшедшіе отъ смѣшенія древнихъ испанскихъ колонистовъ съ туземными индѣйцами, занимаются большею частью земледѣліемъ и скотоводствомъ. Почти весь домашній скотъ былъ вывезенъ въ Чили европейцами, и онъ размножился здѣсь, на привольныхъ, тучныхъ пастбищахъ, до баснословной цифры; здѣсь не рѣдкость видѣть стада въ десять и даже пятнадцать тысячъ головъ, а потому дешевизна домашняго скота необыкновенная. Впрочемъ, здѣсь еще не дошло до того, чтобы подало мысль устроить матадеро и саладеро, какъ въ Аргентинской республикѣ.

Земледѣліе, долгое время забытое въ Чили, дѣлаетъ въ настоящее время громадные успѣхи; растенія, вывезенныя изъ Европы, разводятся необыкновенно успѣшно и могутъ доставить странѣ несмѣтныя богатства. Урожаи ихъ конечно мѣняются съ качествомъ почвы, но обыкновенно бываютъ отъ самъ-сорокъ до самъ-шестьдесятъ; нерѣдко впрочемъ, въ хорошіе годы, урожай доходитъ до самъ-сто и даже до самъ-стодвадцать. Особенно хорошо принимаются рожь, маисъ, пенька и ленъ; виноградъ, оливковое дерево, сахарный тростникъ, апельсинныя, лимонныя и другія фруктовыя деревья Европы даютъ здѣсь почти такіе же сборы, какъ и на своей родной почвѣ. Виноградъ, собираемый по берегамъ рѣки Итата, считается лучшимъ, и его ежегодно въ громадномъ количествѣ высылаютъ въ Перу; изъ него приготовляется прекрасное вино мускатъ.

Грушевыя, миндальныя, орѣховыя и персиковыя де-

ревья растутъ здѣсь безъ всякаго ухода и нерѣдко образуютъ громадныя рощи, занимающія пространство въ 10 и 15 нѣмецкихъ миль. Вообще почва въ Чили можетъ похвалиться своимъ удивительнымъ плодородіемъ и произрастательностью; но только жаль, рабочихъ рукъ мало; кромѣ того, значительная часть чилійской территоріи находится въ рукахъ невѣжественныхъ арауканов, которые рѣшительно не любятъ заниматься земледѣліемъ и такимъ образомъ не пользуются необыкновеннымъ плодородіемъ своей родной земли.

Араукане, или малуши [1]), занимаютъ все пространство такъ называемой Индѣйской Чили, лежащей между 36°49′ и 41° широты; республика не имѣетъ здѣсь другихъ городовъ, кромѣ Вальдивіи, или Озорно, и нѣсколькихъ пограничныхъ фортовъ; такимъ образомъ араукане почти полные хозяева этой обширной страны и не хотятъ признавать надъ собою владычества чилійцевъ. Слово „арауканъ" взято съ чилійскаго языка и служитъ у испанцевъ самымъ ругательнымъ выраженіемъ (разбойныкъ, воръ и т. п.); сами же индѣйцы называютъ себя малушами, что означаетъ на ихъ языкѣ „воины", или аокасами, что значитъ „свободный народъ". Чилійцевъ они въ отместку называютъ или „chiapi", т. е. „дурной солдатъ", или „huinca", что означаетъ на ихъ языкѣ „убійца". Вообще между малушами и чилійцами существуетъ страшная ненависть и вражда, которая часто оканчивается кровопролитіями, рѣзнею и убійствами; народъ этотъ никогда еще не былъ покоренъ, хотя чилійцы считаютъ себя ихъ полными властелинами; онъ одинъ, въ обѣихъ Америкахъ, еще до сихъ поръ энергично поддерживаетъ свою независимость, и за насилія, извергства и убійства платитъ тѣмъ же съ необыкновенною энергіею и стойкостью.

---

[1]) Настоящее названіе индѣйскаго племени малуши, а испанцы ихъ прозвали Арауканами.

Араукане высокаго роста, но формы ихъ некрасивы; лицо у нихъ плоское, съ выдающимися, какъ у монголовъ, скулами; взглядъ суровый и недовѣрчивый; цвѣтъ лица темнокрасный. Черные, длинные, висящіе космами, волосы обрамляютъ некрасивое ихъ лицо съ короткимъ носомъ, большимъ ртомъ и угловатымъ подбородкомъ, изъ котораго тщательно выдернуты всѣ волосы. Араукане сильны, ловки и превосходные наѣздники; они выкидываютъ на своихъ лошадяхъ такія удивительныя сальтомортале, что смѣло могли бы выйти на арену цирка. Я думаю, не безъинтересно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ дикомъ народѣ, а потому пользуясь имѣющимися у меня подъ рукою мѣстными источниками, дамъ читателямъ небольшія свѣдѣнія объ ихъ религіи, нравахъ и обычаяхъ.

Начало, отъ котораго ведетъ религію этотъ народъ, есть дуализмъ, вѣра въ добраго и злаго духа, Меуленъ и Ванкубу (Meulen и Wancubu). Араукане сохранили у себя преданіе о всемірномъ потопѣ, твореніи злаго духа Ванкубу, и о патріархѣ „благочестивомъ изъ благочестивыхъ“, сохранившемся отъ этого бѣдствія по протекціи добраго духа Меулена. Они признаютъ надъ собою верховное существо, извѣстное у нихъ подъ тремя названіями: Пилланъ, что означаетъ небесный духъ, Бута-Женъ — Верховное существо, и Талкаве — богъ грома. Араукане имѣютъ о Пилланѣ чрезвычайно высокое мнѣніе; по ихъ понятіямъ, онъ есть создатель всего міра (Вильвемвое), всемогущъ (Вильпельвіевое), вѣченъ (Молихелли) и безконеченъ (Аунополли).

Затѣмъ слѣдуютъ второстепенныя божества, ульмени и апо-ульмени божества двухъ половъ, которыя напоминаютъ собою греческую миѳологію. Эта безсмертная группа какъ и у грековъ, имѣетъ свои добродѣтели и слабости; можетъ любить и враждовать, и даже въ критическихъ обстоятельствахъ, „придерживается чарочки“, или, выражаясь эстетичнѣе, погружаютъ свои несчастія въ нектарѣ. Эти божества — тѣлохранители

добраго духа Меулена и, кромѣ того, гонятъ отъ хижинъ правовѣрныхъ араукан злаго духа Ванкубу; каждый индѣецъ имѣетъ своего ульменя, котораго онъ призываетъ въ минуты несчастія, которому молится и который есть непосредственный его ходатай и заступникъ передъ Меуленомъ. При этомъ араукан зовется именемъ своего патрона, и тотъ, по ихъ понятіямъ, руководитъ имъ на трудномъ и опасномъ жизненномъ пути, принимаетъ горячее участіе, какъ въ его печаляхъ, такъ и радостяхъ, утѣшаетъ его въ несчастіи, закрываетъ своимъ щитомъ во время сраженія и не покидаетъ до самой смерти.

Араукане чрезвычайно суевѣрны, и ихъ суевѣріе имѣетъ на себѣ отпечатокъ малодушія, несвойственнаго такому воинственному народу; напримѣръ, случайный пролетъ злополучной птицы приводитъ въ содроганіе самаго храбраго араукана; по ихъ мнѣнію, по ночамъ спускаются съ горъ въ долины различные призраки и изъ могилъ выходятъ мертвецы, чтобы позабавиться въ веселой пляскѣ; большинство араукан старается увѣрить, что сами даже не разъ видѣли подобныя дьявольскія оргіи и слышали ужасный стукъ костей расплясавшихся мертвецовъ. Если несется съ вершинъ Андъ гроза, то они это явленіе приписываютъ страшной битвѣ умершихъ воиновъ съ злымъ духомъ Ванкубу. Араукане вѣруютъ въ колдуній или „machis“, но въ то же время они жестоко наказываютъ чародѣйство, если оно причиняетъ кому нибудь смерть; поэтому мѣстныя колдуньи лѣчатъ съ большою осторожностью и берутся за дѣло навѣрнякъ, потому что со смертью паціента ихъ обыкновенно подвергаютъ самымъ страшнымъ мукамъ.

При важнѣйшихъ событіяхъ араукане приносятъ въ жертву различныхъ животныхъ, въ кровь которыхъ обмакиваютъ вѣтви какого нибудь чтимаго дерева и хранятъ ихъ до слѣдующаго жертвоприношенія; религія ихъ не имѣетъ никакой другой внѣшней формы; у нихъ

нѣтъ ни храмовъ, ни идоловъ, ни религіозныхъ процессій и церемоній; они ограничиваются призываніемъ въ критическіе моменты добраго духа. Замѣчательно, они признаютъ въ человѣкѣ два вещества: во-первыхъ тѣло, разрушающееся и матерьяльное, и во-вторыхъ—душу, существо вѣчное и безплотное.

Управленіе у арауканъ—военно-аристократическое; у нихъ существуетъ страшный законъ пустыни „зло за зло", „сила противъ силы", „око за око, зубъ за зубъ". Ихъ владѣнія раздѣляются на такъ называемыя тетрархіи (tetrarchies)[1] или четверовластія, управляемыя токами и касиками.

Тетрархіями управляютъ четыре токи, которые совершенно другъ отъ друга не зависятъ, но въ важнѣйшихъ случаяхъ сибираются на совѣтъ и рѣшаютъ дѣло большинствомъ голосовъ. Кромѣ токи, въ каждой тетрархіи есть еще губернаторъ, или апо-ульменъ, и сорокъ пять начальниковъ уѣздовъ или ульменевъ.

Токи, для отличія своего званія, носятъ порфирные или другаго какого нибудь драгоцѣннаго камня топорики, апо-ульмени—жезлы безъ набалдашниковъ.

Всѣ чиновныя лица тетрархіи составляютъ простой совѣтъ, или іогъ (yoh), который рѣшаетъ всѣ гражданскія и военныя дѣла своей области; собраніе же чиновниковъ всѣхъ тетрархій составляетъ большой совѣтъ, или бутако-іогъ (butaco-yog); на немъ разбираются дѣла, касающіяся всего союза, какъ напримѣръ, заключеніе мира, объявленіе войны и пр. Когда большой совѣтъ рѣшитъ объявленіе какому нибудь народу или племени войну, то разсылаетъ по всѣмъ концамъ тетрархій гонцовъ, или гуерченисъ (guerchénis), съ приказомъ пого-

---

[1]) Тетрархія производится отъ греческаго слова τέτταρα (теттара)—четыре и ἀρχή (архи)—власть. Это есть четвертая часть владѣнія или государства и это упоминаю для того, что нѣкоторые путешественники, описывая Araуканію, раздѣляютъ ее на «четыре тетрархіи», какъ будто можно было предполагать, что тетрархій можетъ быть три или пять!..

ловно возстать на защиту своей родной земли. Всѣ воины собираются въ одно мѣсто, каждый съ присвоеннымъ ему вооруженіемъ и извѣстнымъ запасомъ провизіи; предводителемъ собраннаго войска избирается одинъ изъ четырехъ токи; но нерѣдко случается, что имъ бываетъ и простой ульмень, если только большой совѣтъ найдетъ его достойнымъ занять столь важное и высокое мѣсто. Всѣ военныя экспедиціи араукань снаряжаются съ необыкновенною быстротою, такъ что даже враги ихъ не успѣваютъ приготовиться, чтобы дать имъ хорошій отпоръ; особенно страдаютъ отъ ихъ ужасныхъ набѣговъ чилійскіе города Консепсіонъ, Вальдивія и Талкахуано, которые не разъ были ими разрушаемы и разграбляемы. Арауканское знамя (на лазурномъ полѣ бѣлая звѣзда) не разъ развивалось въ этихъ злосчастныхъ городахъ, расположенныхъ по самой границѣ индѣйской и испанской Чили, не разъ ихъ жители уводились въ тяжкую неволю и рабство!..

У араукань развита полигамія; но при этомъ только первая жена пользуется титуломъ своего супруга, а также считается послѣ него прямою наслѣдницею; остальныя же жены живутъ совершенно отдѣльно, въ видѣ наложницъ, каждая въ своей хижинѣ, и находятся въ полномъ подчиненіи у первой жены. По арауканскимъ законамъ, мужъ властенъ въ жизни и смерти своихъ женъ, а отецъ — дѣтей, и общество даже не спрашиваетъ у нихъ въ этомъ случаѣ никакого отчета. Если арауканъ захочетъ увеличить число своихъ женъ, то собираетъ своихъ друзей и родныхъ, и съ ними уже разыскиваетъ себѣ подходящую невѣсту; когда она найдена, то начинается торгъ, который нерѣдко заканчивается кровавою дракою, если сваты жениха даютъ за невѣсту слишкомъ ничтожный выкупъ, чѣмъ понятно, оскорбятъ ея достоинство, а также задѣнутъ самолюбіе и гордость ея родителей. Положеніе арауканскихъ женщинъ самое несчастное; онѣ угнетены самыми трудными работами и не имѣютъ

минуты отдыха и спокойствія; словомъ, о нихъ можно сказать то же, что я уже говорилъ о патагонскихъ женщинахъ...

Когда умираетъ воинъ, то тѣло его друзьями и родителями кладется на носилки и торжественно несется въ фамильное кладбище (eltun); жены слѣдуютъ позади и громко воспѣваютъ великіе подвиги и храбрость своего отошедшаго въ вѣчность супруга. Усопшихъ кладутъ въ яму со всѣмъ его оружіемъ, лучшею одеждою и провизіею, чтобы воину было чѣмъ защищаться на опасномъ пути въ заоблачный міръ, было-бы въ чемъ явиться къ доброму духу Меулену и чтобы наконецъ не погибнуть въ дорогѣ отъ голода. Не забываютъ положить съ усопшимъ и немного золота, чтобы онъ могъ чѣмъ уплатить старой перевощицѣ Темпу-Лагги (Tempu-Laggi), которая перевозитъ души въ вѣчность черезъ кипящее страшное озеро.

Если умираетъ женщина, то въ могилу кладутъ всю домашнюю утварь и всѣ предметы ея занятія; затѣмъ тѣло зарываютъ и надъ могилою складываютъ изъ камней небольшой холмикъ, величина котораго зависитъ отъ сановитости усопшей. Похороны оканчиваются обыкновенно веселымъ праздникомъ, на которомъ всѣ присутствующіе вдоволь наѣдятся, напьются и натанцуются; странно, араукане, этотъ суровый и серьезный народъ, любятъ танцы безъ ума и въ танцахъ они совершенно перерождаются: дѣлаются нѣжными, мягкими и вполнѣ элегантными; жены ихъ танцуютъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и страстью, въ танцахъ онѣ забываютъ свои тяжелыя работы, свое угнетенное, печальное положеніе. Танцы арауканъ столь хороши, что даже нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались любимыми танцами чилійцевъ, которые, какъ испанцы, большіе знатоки танцовальнаго искусства и худымъ не увлекутся!..

Обыкновенную пищу малушей составляетъ овечье и бычачье мясо, рыба, и особое кушанье «мильковъ»

(milcow), приготовляемое изъ разнаго тѣста и лука или картофеля. Во время походовъ они ѣдятъ мясо сушеное на солнцѣ и разрѣзанное тоненькими ремешками, а также и маисъ. Всѣ кушанья араукане любятъ приправлять перцемъ и запивать крѣпкими напитками, которые выдѣлываютъ обыкновенно въ Вальдивіи или Консепсіонѣ.

Изъ всѣхъ индѣйскихъ племенъ, населяющихъ Южную Америку, араукане считаются наиболѣе цивилизованными; хотя характеръ ихъ во время войны и очень жестокъ, но за то они обладаютъ многими чрезвычайно хорошими качествами, которыхъ трудно найти даже у людей вполнѣ цивилизованныхъ; напримѣръ, они удивительно вѣрны данному разъ слову, гостепріимны и обходительны съ иностранцами, путешествующими по ихъ независимой территоріи съ согласія апо-ульменя или ульменевъ.

Когда иностранный купецъ пожелаетъ завести съ ними торговлю, то онъ, нисколько не стѣсняясь, идетъ прямо къ апо-ульменю, безцеремонно усаживается противъ него и ждетъ формальнаго вопроса.

— Это ты пришелъ? — спрашиваетъ обыкновенно начальникъ, какъ будто купецъ давно уже ему знакомъ.

— Я, почтительно отвѣчаетъ тотъ.

— И что ты принесъ мнѣ?

— Вино, матеріи, оружіе, одежду и проч.; — при этомъ начинается торжественная выгрузка всѣхъ принесенныхъ подарковъ, и, нужво сознаться, ульмень никогда не клянчитъ прибавить того или другаго, какъ это дѣлаютъ обыкновенно африканскіе начальники, но съ подобающимъ достоинствомъ и гордостью довольствуется тѣмъ, что могъ принести ему купецъ. Получивъ подарки, ульмень извѣщаетъ жителей своей провинціи о пріѣздѣ иностраннаго купца, и съ этого момента тотъ торгуетъ совершенно свободно и безопасно; желающіе пріобрѣсть что нибудь, приходятъ къ нему и берутъ все что надо; при этомъ плата обыкновенно

производится уже послѣ того, какъ весь товаръ распроданъ и купецъ намѣревается выѣхать домой; это чрезвычайно удобно и для купца и для покупщиковъ, потому что платятъ за вещи не деньгами, а пончо, быками, овцами, лошадьми и проч.; слѣдовательно у купца остается въ карманѣ содержаніе всѣхъ этихъ животныхъ во все время его пребыванія у арауканъ, что для него чрезвычайно выгодно.

Обыкновенно ульмень извѣщаетъ опять своихъ подданныхъ, что время заплатить за забранные предметы, и тѣ съ необыкновенною добросовѣстностью представляютъ купцу плату за взятые у него товары!..

Араукане въ былое время имѣли нѣкоторое понятіе въ геометріи, занимались поэзіею и медициною; даже въ настоящее время въ языкѣ ихъ встрѣчаются слова: линія, точка, уголъ, конусъ, треугольникъ и т. п. Въ астрономіи же они имѣютъ весьма положительныя свѣдѣнія; они, напримѣръ, различаютъ звѣзды отъ планеты, знаютъ о солнцестояніяхъ, равноденствіяхъ и понимаютъ нѣкоторыя небесныя явленія, какъ напримѣръ, затмѣніе и фазы луны! Звѣзды у нихъ дѣлятся на созвѣздія и млечный путь имъ не безъизвѣстенъ; время они считаютъ почти также, какъ и мы; ихъ годъ, называемый (thipantu), начинается съ 22 декабря, послѣ солнцестоянія, и дѣлится на двѣнадцать мѣсяцевъ (cujen); каждый мѣсяцъ дѣлится на тридцать дней, а сутки на 24 часа. Декабрь у нихъ зовется мѣсяцемъ новыхъ плодовъ (huevun-cujen), январь мѣсяцемъ плодовъ (avudcujen), февраль — мѣсяцемъ жатвы (cogïcujen) и т. д... Араукане занимаются отчасти хлѣбопашествомъ, но больше скотоводствомъ; они сѣютъ маисъ, рожь, овесъ, а изъ огородныхъ растеній — капусту, брюкву, рѣпу и картофель; почти весь трудъ обработки земли и жатва лежитъ на женщинахъ, а мужчины, между тѣмъ, въ мирное время, носятся съ лассо въ рукахъ по доламъ и горамъ за дикими лошадьми и быками. Кромѣ того, араукацки занимаются приготовленіемъ шерстяныхъ

матерій и въ особенности пончо; пончо, вытканное изъ шерсти гуанака цѣнится иногда довольно дорого; самый роскошнѣйшій стоитъ болѣе 100 долларовъ, и надъ ними обыкновенно трудится арауканка не менѣе двухъ лѣтъ.

Араукане, въ противуположность своимъ сосѣдямъ патагонцамъ, очень чистоплотны, часто купаются и даже чешутся; одежда мужчинъ состоитъ изъ неизмѣннаго въ Южной Америкѣ пончо, жилета, короткихъ штановъ, кожанаго кушака, шляпы изъ сахарнаго тростника и кожаныхъ сандалій, называемыхъ ojotes; женщины ходятъ съ непокрытою головою и босыми ногами; платья носятъ онѣ длинныя, обыкновенно голубаго цвѣта (цвѣтъ арауканскаго знамени), безъ рукавовъ и разрѣзанное съ боку à la belle Hélène. Мантія того же цвѣта, схваченная на плечѣ серебряными крючками, серебряные же браслеты и серьги довершаютъ ихъ незатѣйливый костюмъ. Волосы у арауканокъ необыкновенно хороши; они заплетаютъ ихъ въ двѣ длинныя, роскошнѣйшія косы, а на лбу коротко подстригаютъ.

Среди арауканокъ можно найти очень много красивыхъ и съ совершенно европейскимъ типомъ лица, да и немудрено: араукане страстно любятъ бѣлыхъ женщинъ и, во время своихъ внезапныхъ набѣговъ на чилійскіе города, нерѣдко захватывали въ плѣнъ несчастныхъ чиліекъ, которыя моментально расходились по рукамъ ульменевъ и храбрѣйшихъ воиновъ. Никакіе выкупы за женщинъ они не принимаютъ, и ихъ можно отнять отъ нихъ только силою. Отъ подобнаго насильственнаго смѣшенія индѣйцевъ съ бѣлыми женщинами происходитъ тотъ полуевропейскій красивый типъ, который чрезвычайно рѣзко выдѣляется изъ арауканской семьи и поражаетъ взглядъ каждаго путешественника.

———

ГЛАВА XX.

На пути изъ Вальпарайзо на Сандвичевы острова. —Островъ Оагу. — Гонолулу.—Историческій очеркъ города. — Краткій историческій очеркъ Гавайскихъ островов съ ихъ открытія до настоящаго времени. —Король Луна-лило.—Поѣздка въ Палли.—Канаки и каначки.— Выходъ изъ Гонолулу.

Корветъ „Аскольдъ" вышелъ изъ Вальпарайзо 18 іюня утромъ; погода намъ вполнѣ благопріятствовала: дулъ свѣжій южный вѣтеръ, и мы, вступивъ подъ паруса, неслись не менѣе девяти узловъ въ часъ... Но, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ, сорокъ слишкомъ дней пробирались мы на Сандвичевы острова, сорокъ слишкомъ дней не видали ничего, кромѣ лазуреваго, впрочемъ иногда и помраченнаго, свода небесъ и безпредѣльнаго океана, который изрѣдка, по старой дружбѣ дарилъ насъ однимъ или другимъ развлеченіемъ, нѣсколько разнообразившими наше длинное плаваніе.

Переходъ изъ Вальпарайзо въ Гонолулу совершился спокойно и, можно сказать, почти однобразно: не было ни штормовъ, ни ураѓановъ, не было и безконечныхъ, утомляющихъ штилей, словомъ, все прошло безъ особенныхъ авраловъ и аварій, которыхъ ужъ не мало досталось на долю нашего стойкаго „Аскольда". Нептунъ и Борей дали наконецъ возможность свободною грудью вздохнуть нашему герою-корвету и забыть на время ихъ прежнее невѣжество и буйное поведеніе, совершенно не подходящее къ такимъ сановитымъ богамъ древней Греціи.

Переходъ изъ Вальпарайзо на Сандвичевы острова сильно напоминаетъ намъ почти подобный же переходъ съ островов Зеленаго Мыса въ Буэносъ-Айресъ: тотъ же всѣмъ пріятный, освѣжающій пассатъ до и послѣ экватора; та же несносная, утомляющая штилевая по-

лоса; тѣ же развлеченія, невзгоды, непріятности и удовольствія; словомъ, сорокадневное плаваніе наше прошло безъ особенныхъ приключеній и не ознаменовалось ни однимъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, случаемъ или обстоятельствомъ. Правда, были въ общемъ теченіи нашей скитальческой жизни нѣкоторыя особенности, но особенности незаслуживающія вниманія публики, которую наша внутренняя судовая жизнь интересовать не могутъ.

Вообще судовую жизнь можно раздѣлить на двѣ стороны; внѣшнюю и внутреннюю, первая ни для кого не можетъ быть тайною, напротивъ, о ней нужно писать и писать, чтобы дать понятіе «о прелестяхъ морской жизни»; вторая же сторона судовой жизни должна быть всегда закрыта непроницаемымъ, для посторонняго глаза покровомъ, который могутъ приподнять только люди „избранные и свои".

Внѣшняя же судовая жизнь, то есть, можно сказать, жизнь на верхней палубѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и описаніемъ ея избѣгать положительно грѣшно, а кто ею займется, то тому рѣшительно не будетъ времени даже заглянуть во внутреннюю судовую жизнь, а тѣмъ болѣе—разобрать, описать ее и подвести еще итоги, потому что безъ итоговъ, какъ извѣстно, никогда и ничто не обходится...

Пользуясь удачнымъ переходомъ, на корветѣ шли усердныя занятія грамотою, а также парусныя и артиллерійскія ученія; о рекрутахъ уже и помину не было; всѣ глядѣли бравыми, лихими молодцами и трудно даже было повѣрить, что большая часть этихъ молодцовъ отнята отъ боронъ и сохъ съ небольшимъ только годъ. Рвеніе у всѣхъ было необыкновенное, работали всѣ съ такимъ усердіемъ, что пріятно было смотрѣть, и главная причина подобнаго усердія таилась въ желаніи однихъ перещеголять другихъ; особенно старались форъ- и гротъ-марсовые; прежде брали перевѣсъ послѣдніе, но форъ-марсовымъ показалось это слиш-

комъ обидно, и они, въ короткое время, далеко превзошли своихъ соперниковъ, и какую угодно работу кончали первыми.

За то крюйсельные находились у тѣхъ и другихъ въ полномъ пренебреженіи и не потому, чтобы худо они работали, а потому, что все вооруженіе ихъ мачты было, сравнительно съ фоковымъ и гротовымъ, слишкомъ ничтожно. Фокъ- и гротъ-марсовые ихъ мачту, напримѣръ, называли презрительно вѣхою, паруса — платочками, реи—крандашиками, снасти — ниточками, и тому подобное въ томъ же родѣ; такимъ образомъ, крюйсельные служили для всѣхъ предметовъ насмѣшекъ, что имъ было крайне непріятно а въ особенности нашему старому знакомцу Архипкѣ, попавшему по росписанію именно въ злосчастные крюйсельные. Какъ онъ бывало ни огрызался, а все же не могъ возстановить репутацію своей мачты, а тѣмъ болѣе товарищей... Почти ежедневно спорилъ онъ на бакѣ съ фокъ- или гротъ-марсовыми, но всегда уходилъ оттуда, и пристыженный, а иногда и побитый.

— Чего вы форситесь, кипятился, бывало, Архипъ, обращаясь къ своимъ соперникамъ: что, разѣ и мы не матросы, разѣ и мачта наша не въ мачту вамъ?.. Глянь-ко, чѣмъ она меньше вашей—аршиномъ, аль полтора съ вершкомъ, а что тоньше, такъ зачѣмъ и толстой ей быть, коли и такъ не ломится: бываетъ и толсто дерево, да гнилое...

— Эй, ты, пустомеля Вологодская, огрызались фокъ- и гротъ-марсовые: всѣ крюйсельные и ты съ ними мразь корветская, а не матросы, крандашиками ворочать и платочки убирать всякій дуракъ умѣетъ, а пошли васъ на фокъ, да на гротъ, то руки всѣ измозолите, а ничаво съ ними не подѣлаете, потому паруса они есть самые настоящіе.

— Да я вашъ фокъ одною рукою уберу, харохорился Архипъ: какъ есть пузатая образина, и больше

ничаво; одно слово, плевокъ, а вы всѣ такъ и плевка не стоите...

— Ой, не хвались Архипка, а-то дурь какъ разъ вышибимъ, ей-ей вышибимъ, говорили баковые, мы тебя, силача, за вихоръ, да въ танецъ пустимъ... Ты у насъ оченно сроптивый парень, да и храбрецъ видно, прибавляли они усмѣхаясь, насъ всѣхъ не боишься, а мертвой рыбины какъ есть устрашишься, какъ ономнясь, помнишь, головы акулы—рыбы спужался... Баковые знали, чѣмъ можно досадить хвастливому Архипу, а потому не преминули напомнить ему объ извѣстномъ уже читателямъ случаѣ. И, дѣйствительно, Архипъ пришелъ въ ужаснѣйшій азартъ...

— Лопни ваши глаза, окаянные, заголосилъ онъ на весь бакъ; развѣ можно такъ честнаго матроса порочить?.. Да я лампиру-кровопійцу (вампира) не спужаюсь, ляпарда американскаго кулакомъ убью, васъ всѣхъ въ порошокъ изотру, а вы, брандахлысты, такую напраслину на меня взводите!..

Долго кипятился Архипка на бакѣ, пока его не унялъ здоровымъ подзатыльникомъ вахтенный унтеръ-офицеръ, посланный вахтеннымъ начальникомъ возстановить на бакѣ миръ, спокойствіе и порядокъ.

Подобные споры Архипъ затѣвалъ почти ежедневно и энергично стоялъ за свою мачту и товарищей-крюйсельныхъ; но, къ несчастію, всѣ эти споры почти всегда оканчивались не въ его пользу: онъ уходилъ съ бака по большей части окончательно сконфуженный, если не острымъ словомъ, то здоровымъ тумакомъ или подзатыльникомъ. Вообще Архипу всегда и отъ всѣхъ доставалось за его неумѣренную хвастливость и заносчивость, и тѣмъ болѣе потому, что былъ онъ, въ сравненіи съ прочею командою, матросъ слабосильный и тщедушный; но между тѣмъ онъ претендовалъ на силу, чуть ли не на богатырство, неустрашимость, ловкость и молодечество, словомъ, строилъ изъ себя какого то Добрыню Никитича или Бову Королевича, принявшаго

на себя тщедушный образъ крюйсельнаго Архипки. Фокъ и гротъ-марсовые обыкновенно выражались о герое Архипѣ такъ:

— Вишь, отъ земли едва, плюгаваго видно, сплюнуть не на что, а онъ силою и храбростью передъ людьми хвастается... А какая въ немъ сила, скажите на милость?.. Муха на ногу наступитъ—ему ужь и больно, а треснуть его слегка, такъ смотришь и мокраго мѣста не останется... При такой силѣ была бы хоть храбрость, такъ ничего, а то и той нѣтъ: каболка ли гдѣ виситъ—ему ужь змѣемъ большущимъ она кажется; вошь какая ли ползетъ—онъ ужь за тигру лютую ее принимаетъ или за ляпарда кровожаднаго, а ужь какъ мышь встрѣтитъ, то непремѣнно за слона приметъ; потому пословица говоритъ: у страха, вишь, глаза велики... И нѣтъ у нашего Архипки ни храбрости, ни силы, а за то есть хвастливость, то есть, парень онъ оченно хвастливый и глупый, какъ малъ-ребенокъ...

Архипъ подобною атестаціею своихъ товарищей ужасно былъ недоволенъ и при первой возможности энергично начиналъ доказывать, что онъ не глупъ и не хвастливъ, и не трусливъ, я, напротивъ, храбрости безпримѣрной, мужества непобѣдимаго, силы несокрушимой и ума удивительнаго...

Переходъ до Гонолулу былъ для насъ болѣе чѣмъ благопріятенъ; вѣтеръ и бури почти вполнѣ повиновались нашимъ прихотямъ, что уже давно не случалось; даже штилевая полоса не держала насъ долго въ своихъ непріятныхъ, одуряющихъ объятіяхъ, и мы прошли ее въ четыре дня,. не разводя даже паровъ, что бываетъ очень рѣдко. Правда, мы двигались по ней черепашьимъ шагомъ, но все-таки двигались, а не маялись безцѣльно и не колыхались, какъ прикованные, на одномъ мѣстѣ. За то до и послѣ штилевой полосы корветъ несся очень изрядно; до нея гналъ насъ свѣжій южный вѣтеръ, а послѣ—ровный, всѣмъ пріятный и весьма почитаемый сѣверо-восточный пассатъ...

Съ разсвѣтомъ, 29 іюля, мы были уже въ виду острова Оагу, главнаго, по своему политическому положенію, изъ всей группы Сандвичевыхъ острововъ; на чистомъ, лазуревомъ небѣ ярко выдѣлялся знаменитый Діамантовъ холмъ, позлащенный яркими лучами восходящаго солнца; онъ выдавался въ океанъ красивымъ мысомъ, имѣвшимъ видъ прелестнѣйшаго букета самыхъ лучшихъ тропическихъ растеній и деревьевъ, блистающихъ яркою, нѣжною зеленью.

Чѣмъ ближе подходили мы къ острову Оагу, тѣмъ ярче и рельефнѣе выдѣлялись на лазурномъ фонѣ тропическаго неба ряды прелестнѣйшихъ холмовъ, окутанныхъ со всѣхъ сторонъ самою нѣжною зеленью; восходящее солнце бросало на нихъ пурпуровый отблескъ, удивительно гармонировавшій съ общею картиною тропической природы. Роскошнѣйшія кокосовыя пальмы и бананникъ образовывали прелестныя рощи, которыя такъ и просились на полотно пейзажиста; вообще открывающеюся постепенно передъ нами картиною можно было не только залюбоваться, но даже увлечься до поэтическаго восторга. Нѣтъ силъ дать точное описаніе этого тропическаго рая, да и не берусь, потому что нужно здѣсь побольше красокъ, а не чернилъ... Оагу имѣлъ какой-то странно привлекательный видъ; взоры съ жадностью пожирали постепенно открывающіяся особенности и подробностью, и невольно всѣ мысли неслись подъ тѣнь широколиственныхъ, роскошныхъ бананниковъ и кокосовыхъ пальмъ, на мягкую, нѣжную зелень, въ общество прелестныхъ, всѣми воспѣваемыхъ, страстныхъ каначекъ...

Разстилающаяся передъ нами роскошная зелень дѣйствовала какъ-то возбудительно, горячила кровь, раздражала мозгъ и бросала въ какую-то пріятную нѣгу... Недаромъ канаки и каначки такіе страстные, какъ ихъ описываютъ: ихъ жилище, ихъ рай вполнѣ тому причиною—въ немъ можно только думать объ

у ствіяхъ и блаженствѣ... Однако, объ этомъ о каначекъ еще далеко!..

Черезъ нѣсколько времени корветъ вошелъ въ проливъ, отдѣляющій островъ Моротая отъ Оагу, и мы понеслись вдоль ихъ восхитительныхъ береговъ; мимо насъ потянулись пальмовыя рощи; въ воздухѣ запахло свѣжею зеленью, душистымъ жасминомъ и магноліями... Но вотъ и давно-ожидаемый Гонолулу!.. Длинный коралловый рифъ выходилъ далеко въ море и отдѣлялъ внѣшній рейдъ, на которомъ мы сперва и стали на якорь, отъ внутренняго; волны съ шумомъ разбивались о коралловыя стѣны и бурунами бѣжали вдоль рифа, окаймляя островъ бѣлоснѣжною, блестящею пѣною. Прямо передъ нами высился къ небу красивый холмъ, носящій характеристическое названіе „Пуншевой чаши“; на вершинѣ его стояло стражемъ, повидимому, сильное укрѣпленіе, господствуя надъ всѣмъ городомъ и рейдомъ...

На внѣйшемъ рейдѣ мы простояли очень недолго; вскорѣ прибылъ къ намъ лоцманъ внушительной наружности, и корветъ, подъ его проводкою, осторожно сталъ пробираться на внутренній Гонолулскій рейдъ, гдѣ стоять на якорѣ можно гораздо спокойнѣе, да и кромѣ того веселѣе, потому что ближе къ берегу, къ которому, нужно сознаться, льнетъ, послѣ сорокадневнаго перехода, даже самый горячій морякъ, только конечно не морской человѣкъ и не куперовскій „loup de mer“, который берега боится, какъ огня... Проходъ на внутренній рейдъ очень узокъ и извивается вдоль опасныхъ кораловыхъ рифовъ; безъ лоцмана трудно на него пробраться, хотя фарватеръ обозначенъ баканами, вѣхами и тому подобными предостерегательными знаками. Въ гавани стояло нѣсколько китобойныхъ судовъ, самой странной и разнообразной конструкціи, только одно военное судно, а именно —парусный американскій шлюпъ „Портсмутъ“, занимающійся описью въ Тихомъ океанѣ.

Мы стали на якорь чуть ли не у самой нь вид.-ной, чѣмъ были очень довольны; не успѣли ому подать якорь, а ужъ корветъ, по общему обыкновенію, былъ окруженъ массою шлюпокъ съ разнаго рода агентами, комиссіонерами, прачками, портными и тому подобнымъ людомъ, чающимъ прибытіе каждаго военнаго судна, съ котораго всегда и всѣмъ имъ есть большая надежда нажиться. Всѣмъ по опыту извѣстно, что послѣ сорокадневнаго перехода успѣли накопиться въ карманахъ у моряковъ звонкіе доллары, которые такъ и просятся на волю—тоже погулять по бѣлу свѣту, изъ одного кармана въ другой... На пристани толпилась масса народу: тутъ были и туземцы, такъ называемые канаки и каначки, и разношерстная команда китобойныхъ судовъ, американскіе матросы, словомъ всякій сбродъ, пришедшій поглазѣть на вновь прибывшее судно!..

Гонолулу выглядѣлъ снаружи совершенно европейскимъ городомъ; вдоль берега тянулись прекрасные дома европейской архитектуры, принадлежащіе большею частью купечеству, банкирамъ, негоціантамъ и другимъ дѣловымъ людямъ, подвизающимся на торговомъ поприщѣ; саженныя вывѣски, неуступающія лондонскимъ, покрывали эти дома сверху до низу и какъ-то не согласовались съ наружнымъ видомъ туземцевъ, торгующихъ на пристани бананами, апельсинами, кокосами и тому подобными лакомствами тропическаго міра... Немало канаковъ и каначекъ было и на корветѣ; каждый изъ нихъ предлагалъ что нибудь особенное, мѣстное, причемъ главную роль все-таки играли фрукты и кораллы, лучшія произведенія Сандвичевыхъ острововъ. Канаки большею частью были въ матросскихъ рубахахъ, и если-бы не кофейный цвѣтъ лица, ногъ и рукъ, то они мало бы чѣмъ отличались отъ англійскихъ и американскихъ матросовъ, толпящихся тутъ-же, на пристани; каначки, въ широкихъ, некрасиво скроенныхъ блузахъ, выдуманныхъ для нихъ мѣст-

ными миссіонерами, были очень оригинальны въ своихъ роскошныхъ вѣнкахъ, замѣняющихъ имъ большею частью всевозможные головные уборы; впрочемъ, попадались каначки и въ круглыхъ широкополыхъ шляпахъ, но очень рѣдко, потому что онѣ, по своему характеру, предпочитаютъ красивый изящный вѣнокъ, искусно и со вкусомъ сплетенный изъ лучшихъ роскошнѣйшихъ цвѣтовъ и растеній тропическаго міра, всѣмъ уродливымъ головнымъ уборамъ, выдуманнымъ европейскою модою, хотя въ былое время миссіонеры очень энергично проповѣдовали о необходимости носить шляпки, и тѣмъ болѣе потому, что они сами занимались ихъ распродажею и очень ловко наполняли свои широкіе карманы канакскимъ серебромъ... Но объ этомъ послѣ, когда коснемся трудовъ благочестивыхъ отцовъ-миссіонеровъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ...

Надъ городомъ подымались высокіе холмы, среди которыхъ синѣло мрачное ущелье, отъ котораго шла къ городу роскошная долина, красиво пестрѣющая дачами европейцевъ, уютно скрывавшимися среди банановыхъ, кокосовыхъ пальмъ, апельсинныхъ, жасминныхъ, оранжевыхъ деревьевъ и утопавшими въ легкой, граціозной листвѣ тамариндовъ.

Направо и налѣво, вдали виднѣлись незатѣйливые домики и хижины мѣстнаго народонаселенія; они были расположены, какъ нарочно, въ самыхъ живописнѣйшихъ мѣстахъ острова, среди яркой зелени пальмъ, граціозно склонившихся надъ ними и бросавшихъ на нихъ прохладную тѣнь... Вообще общій видъ города съ его окрестностями былъ необыкновенно привлекателенъ, а потому мы, не видавши берега слишкомъ сорокъ дней, съ нетерпѣніемъ ожидали того пріятнаго момента, когда наконецъ удастся вырваться на берегъ и уже вблизи разсмотрѣть то, что издали казалось такимъ прелестнымъ и завлекательнымъ...

Хотя Гонолулу и не богатъ прекрасными зданіями

и историческими воспоминаніями,—во всякомъ случаѣ этотъ городъ требуетъ серьезнаго и подробнаго описанія потому, что это мѣсто есть единственное во всей Полинезіи, гдѣ европейская культура нашла себѣ твердую опору и развилась необыкновенно быстро и удачно. Мѣстоположеніе Гонолулу необыкновенно красиво; дома его тонутъ въ прекрасной тропической зелени и скорѣе походятъ на роскошныя дачи, чѣмъ на городскія зданія. Улицы правильныя, широкія, совершенно европейскія... Изъ зданій особенно обращаютъ на себя вниманіе храмы съ красивою архитектурой.

Гонолулу обязанъ своимъ настоящимъ процвѣтаніемъ, значеніемъ и надеждами на блестящую будущность положительно одной только своей гавани, открытой въ 1764 году англійскимъ капитаномъ Брауномъ; гавань эта, лучшая во всей группѣ Сандвичевыхъ острововъ и созданная самою природою, пріобрѣла важное значеніе въ глазахъ всего морскаго міра и, какъ станція на Великомъ океанѣ, занимаетъ первое мѣсто. Она лежитъ на перепутьѣ судовъ, идущихъ изъ западныхъ портовъ Америки въ восточные порты Азіи и въ Австралію, и служитъ мѣстомъ, гдѣ китобои пріобрѣтаютъ себѣ всѣ необходимые припасы и предметы.

До 1794 года на мѣстѣ, гдѣ процвѣтаетъ теперь Гонолулу, стояла ничтожная, маленькая деревушка, неимѣвшая рѣшительно никакого значенія какъ въ политическомъ, такъ и торговомъ мірѣ. Резиденціею-же правителя Оагу служила небольшая деревня Waikiki, лежащая въ пяти миляхъ отъ Гонолулу. Съ открытіемъ естественной, прекрасной гавани на мѣстѣ дрянной деревушки сталъ исполински расти почти европейскій городъ; съ каждымъ годомъ умножались помѣщенія китобоевъ, купеческихъ и военныхъ судовъ; развивающаяся торговля привлекла народъ со всѣхъ концовъ міра, и такимъ образомъ возникъ прежде небольшой городокъ, который годъ отъ году пріобрѣталъ большее и большее значеніе и наконецъ сдѣлался цен-

тромъ вновь сформировавшагося Гавайскаго королевства, мѣстопребываніемъ правительства и резиденціею короля.

Въ настоящее время Гонолулу представляетъ изъ себя главное складочное мѣсто, откуда товары развозятся по всѣмъ островамъ и землямъ Великаго океана, и кромѣ того онъ сталъ центральнымъ пунктомъ для торговли спермацетомъ, ворванью и китовымъ усомъ, потому что китобои предпочитаютъ продавать свою добычу въ Гонолулу, чѣмъ вести ее за тысячи миль отъ мѣста ловли и такимъ образомъ терять даромъ много времени и трудовъ. Вмѣстѣ съ торговлею процвѣтаетъ и сельское хозяйство, но въ тоже время быстро уменьшается мѣстное народонаселеніе. Выйдя изъ дикаго состоянія, гавайцамъ пришлось, ради удовлетворенія потребностей, созданныхъ новою жизнью, бросить лѣнь и приняться за трудъ... Такимъ образомъ возникло среди нихъ земледѣліе, въ которомъ они дѣлаютъ въ настоящее время замѣчательные успѣхи; но въ скоромъ времени мѣстнаго народонаселенія будетъ недостаточно для разработки естественныхъ богатствъ страны, потому что прибытіе бѣлыхъ на Гавайскіе острова было для туземцевъ столь-же гибельно, какъ и всюду, гдѣ только они хотѣли цивилизовать своихъ цвѣтныхъ братьевъ. Кромѣ новыхъ болѣзней и спиртныхъ напитковъ, они принесли съ собою разнаго рода пороки и недуги; страшная проказа вырываетъ ежегодно изъ среды туземнаго народонаселенія немало жертвъ; кромѣ того, небрежное обращеніе женщинъ съ дѣтьми, положительное непониманіе ими семейнаго начала, ѣзда верхомъ и ранній ихъ выходъ замужъ имѣютъ громадное вліяніе на вымираніе канакскаго племени на Сандвичевыхъ островахъ. Нижеслѣдующая таблица покажетъ ужасающую быстроту этого вымиранія.

Во время открытія острововъ Кукомъ (въ 1778 г.), число жителей на нихъ доходило минимумъ до трехъ сотъ тысячъ душъ; по первой народной переписи, въ

1823 году, считалось только 142,000, а въ 1832 году, оказалось народонаселенія не болѣе 130,000.

Въ	1850	г.	считалось	во	всей	группѣ	85,000	душъ.
„	1854	„	„	„	„	„	71,000	„
„	1860	„	„	„	„	„	69,000	„
„	1866	„	„	„	„	„	63,000	„

При подобномъ уменьшеніи канакскаго народонаселенія, въ недалекомъ будущемъ предвидится положительное исчезновеніе этого племени; не мало имѣетъ вліянія на это исчезновеніе также помѣсь бѣлыхъ съ канаками и каначками, которая производитъ совершенно новую рассу, въ которой различіе кожи и языка постепенно стушевывается и въ ней уже съ трудомъ можно будетъ отыскать слѣды прежнихъ сандвичанъ. Горевать о послѣдней причинѣ исчезновенія канакскаго племени конечно не слѣдуетъ, потому что вмѣсто него появится новая, лучшая расса; но о первыхъ причнахъ слѣдуетъ подумать и изыскать средство спасти народъ отъ страшнаго бича—проказы и пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ...

Чтобы показать какъ пагубны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благодѣтельны были сношенія европейцевъ съ сандвичанами, необходимо прослѣдить историческій очеркъ Сандвичевыхъ острововъ и указать на то вліяніе, какое имѣли „бѣлые“ на нравственность и характеръ своихъ цвѣтныхъ братьевъ.

Гавайскіе острова были открыты въ первый разъ въ 1542 году испанцемъ Гаэтано, во время его путешествія изъ Акапулько въ Миниллу; но съ этого времени и до Кука, т. е. до 1778 года, о нихъ не имѣлъ никто рѣшительно никакихъ свѣдѣній, и они канули въ вѣчность... Капитанъ Кукъ пролилъ наконецъ новый свѣтъ на давно забытую группу острововъ и познакомилъ міръ съ лучшимъ и полезнѣйшимъ даромъ природы; онъ посѣтилъ въ первый разъ группу 18 января 1778 года, и возбудилъ своими огромными кораблями

сильное удивленіе туземцевъ, которые называли ихъ „плавучими островами"; но первое посѣщеніе великаго мореплавателя было непродолжительно и ограничилось только сѣверо-западною частью архипелага. Черезъ годъ Кукъ вторично зашелъ на Сандвичевы острова и сталъ на якорь въ бухтѣ Кіелакекула, на островѣ Гаваи; туземцы приняли его за возвратившагося съ неба, весьма уважаемаго сандвичанами, бога Роно [1]), и начали воздавать ему подобающія его новому званію почести; но между тѣмъ не упускали счастливаго случая похищать у этого богоподобнаго чужеземца болѣе или менѣе нужныя вещи... Воровство было обыкновенно наказываемо ружейными выстрѣлами, которые незсказанно пугали туземцевъ, принимавшихъ ихъ за громъ и молнію...

Прошло такъ нѣсколько времени; гавайцы стали понемногу привыкать къ богоподобнымъ чужеземцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилась въ нихъ и прежняя къ нимъ боязнь; смерть и погребеніе одного матроса окончательно подорвали въ туземцахъ вѣру въ божественность пришельцевъ, и они уже стали обходиться съ послѣдними какъ съ равными себѣ... 4 февраля, 1779 года Кукъ вышелъ въ море; но въ штормъ 6 и 7 февраля одинъ изъ его кораблей былъ настолько поврежденъ, что Кукъ принужденъ былъ вернуться назадъ; туземцы встрѣтили его холодно и уже не воздавали ему божественныхъ почестей; поведеніе ихъ становилось

---

[1]) Изъ безчисленныхъ боговъ Гаваи богъ Роно занималъ первое мѣсто; онъ былъ когда-то королемъ Гаваи, и, въ припадкѣ гнѣва, убилъ свою жену, о которой, впрочемъ, впослѣдствіи такъ сильно сожалѣлъ, что съ горя сошелъ съ ума. Въ этомъ состояніи онъ прошелъ весь островъ сражаясь и разрушая все на своемъ пути, наконецъ, этого ему показалось мало: онъ вздумалъ на утлой лодченкѣ выѣхать въ открытое море, съ цѣлію завоевать себѣ невѣдомыя ему земли, и къ общему удовольствію, больше не возвращался. Не смотря на подобныя выходки Роно, онъ былъ причисленъ народомъ къ богамъ, и память его ежегодно праздновалась военными играми.

все смѣлѣе и наглѣе; воровство усиливалось со дня на день, и наконецъ ночью была украдена лучшая въ эскадрѣ шлюпка. Желая возвратить ее, Кукъ высадился на берегъ съ отрядомъ вооруженныхъ матросовъ, съ цѣлію заманить на судно гавайскаго короля, котораго предполагалось до поры до времени держать заложникомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ розыскивать украденную шлюпку. Во время переговоровъ распространилось извѣстіе, что со шлюпокъ Кука, блокировавшихъ входъ въ бухту, стрѣляли по пирогѣ, пытавшейся пробраться къ берегу, причемъ былъ убитъ одинъ изъ первыхъ вельможъ короля; канакскіе воины схватились при этомъ извѣстіи за копья и дубины и стремительно атаковали малочисленный отрядъ Кука, который принужденъ былъ отступить къ шлюпкамъ. Во время отступленія одинъ изъ канаковъ „осмѣлился" ударить Кука дубиною и вызвалъ этимъ ударомъ у послѣдняго невольный стонъ, который былъ для великаго мореплавателя смертельнымъ приговоромъ, потому что разувѣрилъ дикарей въ его неприступности и божественности.... Вслѣдствіе этого, послѣ перваго удара посыпалась на Кука сотня новыхъ ударовъ, и въ глазахъ всего отряда онъ былъ положительно искрошенъ и превращенъ въ кусокъ окровавленнаго мяса... Только черезъ нѣсколько дней удалось экипажу переговорами и сильными мѣрами вытребовать отъ дикарей останки несчастнаго Кука, которые и были со всѣми почестями опущены въ море, 21 февраля 1779 г.

Исторія Гавайскихъ острововъ начинается для насъ именно съ того момента, когда появился въ первый разъ Кукъ передъ ними и познакомилъ насъ съ тѣмъ, съ чѣмъ испанцы были давно уже знакомы, но что скрывали они отъ постороннихъ глазъ изъ страха флибустьеровъ. Въ то время правителемъ Гиваи былъ Калоніопуу, который пользовался среди другихъ независимыхъ властителей большимъ уваженіемъ и любовью народа; вся группа острововъ была разбита на множе-

ство отдѣльныхъ, самостоятельныхъ владѣній, правители которыхъ почти постоянно затѣвали другъ съ другомъ разорительныя для народа войны и распри; каждый изъ нихъ всѣми силами старался завладѣть землею своего сосѣда и всякими правдами и неправдами распространить свои мизерныя владѣнія. Несчастный народъ страшно бѣдствовалъ и несъ двойное ярмо свѣтской и жреческой тираніи; онъ былъ рабомъ привилегированнаго сословія и находился отъ него въ положительной зависимости; вельможи и жрецы распоряжались имъ какъ было угодно, и старались поставить себя относительно его на недоступную высоту. Они имѣли особенный языкъ, употребляли особыя кушанья, до которыхъ низкій классъ людей не смѣлъ даже дотронуться, и отличались отъ простого народа необыкновенно высокимъ ростомъ, силою и представительностью. Такимъ образомъ, даже сама природа наложила печать на привилегированное сословіе и рѣзко отдѣлила его отъ угнетенной массы нисшаго класса людей!...

Религія сандвичанъ, полная мрачныхъ угрозъ для будущей жизни, увеличивала бремя угнетеннаго народа; гавайскія божества служили только для распространенія среди его страха и ужаса, и вообще олицетворялись въ самыхъ отвратительныхъ изображеніяхъ и чудовищахъ, достойныхъ самой дикой фантазіи. По мнѣнію гавайцевъ, главнѣйшія божества жили въ пылающихъ кратерахъ Мауна-Лоа; трескъ подземнаго огня составлялъ дикую музыку, подъ звуки которой плясали эти отвратительныя созданія воспаленной фантазіи жрецовъ и съ веселіемъ плескались въ волнахъ огненнаго моря...

Нравственное состояніе гавайцевъ было достойно сожалѣнія; женщины были безстыдны и слишкомъ щедро предлагали свои услуги всѣмъ заходившимъ кораблямъ, причемъ познакомились съ сифилисомъ, распространившимся въ настоящее время на островахъ въ ужасаю-

щихъ размѣрахъ; мужчины предавались пьянству, воровству и разврату...

Въ 1780 году умеръ король Калоніопуу, раздѣливъ свои владѣнія между сыномъ Кивалао и племянникомъ Камеамеа; но оба эти правителя жили въ согласіи недолго: честолюбивому Камеамеа показалось, что его обдѣлили и, чтобы не терзаться на будущее время сомнѣніями, онъ рѣшился завладѣть всѣмъ островомъ Гаваи, что ему и удалось безъ особеннаго труда, такъ какъ его соперникъ Кивалао былъ убитъ въ первой же битвѣ. Не довольствуясь и этимъ, онъ задумалъ захватить въ свои руки всю группу, англичане Юнгъ и Дэвисъ [1]) дѣятельно помогали ему въ его отважномъ предпріятіи и уже въ 1794 году онъ покорилъ своей власти острова Мауи, Ланаи и Молакаи.

Не мало помогалъ также Камеамеа своими совѣтами знаменитый мореплаватель Ванкуверъ, заходившій на Сандвичевы острова въ 1792, 1793 и 1794 гг.; онъ посовѣтовалъ ему набрать вооруженную мушкетами лейбъ-гвардію и лично взялся выучить ее и снабдить всѣмъ

---

[1]) Матросъ Исаакъ Девисъ и боцманъ Джонъ Юнгъ попали на службу къ Камеамеа совершенно случайно и, можно сказать, даже силкомъ... Капитанъ Меткальфъ, командиръ корабля «Элеоноръ», поссорившись изъ-за чего-то съ жителями о—ва Мауи, хитростью собралъ ихъ на берегу, въ виду своего судна, и началъ забавляться стрѣльбою въ цѣль изъ орудій и ружей, причемъ перебилъ порядочную массу канаковъ и каначекъ. За подобную жестокую выходку ждало его впослѣдствіи не менѣе жестокое возмездіе: вскорѣ пришелъ къ Мауи сынъ Меткальфа, командиръ шхуны Fail American; канаки, при удобномъ случаѣ, овладѣли судномъ и перебили весь экипажъ, кромѣ матроса Исаака Дэвиса, котораго взяли въ плѣнъ. Черезъ нѣсколько времени капитанъ Меткальфъ пришелъ къ Гаваи и, ничего не зная о кровавомъ возмездіи за свое преступленіе, послалъ на берегъ за закупкою провизіи боцмана Джона Юнга. Камеамеа приказалъ задержать послѣдняго и предложилъ ему вступить къ себѣ на службу, обѣщавъ, въ случаѣ согласія, сдѣлать его своимъ другомъ и совѣтникомъ, а при первой попыткѣ бѣжать— наказать смертною казнью. Выбора дѣлать было некогда, и боцманъ Джонъ Юнгъ сдѣлался первымъ министромъ Камеамеа и, нужно сознаться, принесъ, вмѣстѣ съ Исаакомъ Дэвисомъ странѣ своимъ гуманнымъ вліяніемъ громадную пользу. Дэвисъ умеръ въ 1810 году, а Юнгъ въ 1835 г., на 93 году отъ рожденія.

необходимымъ; онъ убѣждалъ Юнга и Дэвиса внести въ нравы и въ образъ веденія войны гавайцевъ болѣе гуманный духъ и вообще позаботиться о первой цивилизаціи дикарей. Хотя Юнгъ и Дэвисъ были простые, необразованные матросы, но во всякомъ случаѣ они стояли гораздо выше самыхъ просвѣщеннѣйшихъ гавайцевъ, а потому могли принести странѣ своимъ вліяніемъ несомнѣнную пользу. Ванкуверъ убѣждалъ Камеамеа принять христіанство, но послѣдній до конца своей жизни остался вѣренъ вѣрѣ своихъ отцовъ и на всѣ религіозныя наставленія сурово отмалчивался... Вообще, нужно сознаться, посѣщенія Ванкуверомъ Сандвичевыхъ острововъ были счастливымъ событіемъ въ жизни Камеамеа и принесли послѣднему несомнѣнную пользу, потому что знаменитый мореплаватель помогалъ ему не только своими совѣтами, но даже и людьми, и вообще увеличилъ его средства и облегчилъ дальнѣйшія завоеванія...

Въ 1796 году Камеамеа рѣшился завладѣть послѣднимъ островомъ Оагу, куда удалился Каланикупули, племянникъ и наслѣдникъ Кагикили, умершаго короля Оагу и Мауи; онъ перебрался на Оагу съ частью своей арміи и храбро атаковалъ непріятеля, занявшаго весьма сильную позицію въ долинѣ Нуану и рѣшившагося дорого продать свою независимость. Лейбъ-гвардія Камеамеа, поддерживаемая мѣткими выстрѣлами артиллеріи, которою командовалъ Юнгъ, быстрымъ, рѣшительнымъ натискомъ опрокинула войско Каланикупули и гнала его до самаго ущелья Пали, въ которомъ нашли себѣ геройскую смерть послѣдніе гавайцы, отстаивавшіе свою независимость отъ честолюбиваго завоевателя.

Камеамеа, завладѣвъ всею группою, мечталъ о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ; онъ хотѣлъ плыть къ Таити и перенесть за экваторъ свое побѣдоносное оружіе; но этотъ смѣлый планъ былъ разрушенъ, внезапно вспыхнувшимъ на островѣ Гаваи, мятежемъ, который требо-

валъ немедленнаго присутствія короля. Камеамеа разбилъ мятежниковъ, и съ этого момента (1796 году) сдѣлался полновластнымъ правителемъ Гавайскихъ острововъ, и уже никто не смѣлъ противиться его владычеству.

Король Кауи и Нигау добровольно подчинился могущественному завоевателю и призналъ его своимъ леннымъ господиномъ. Система правленія Камеамеа была деспотическая; но, нужно сознаться, онъ не запятналъ свое великое имя ни одною жестокостью, и имъ по справедливости гордятся всѣ канаки, уважаютъ его память и съ неподдѣльнымъ восторгомъ вспоминаютъ объ этомъ славномъ, воинственномъ королѣ.

Камеамеа былъ настолько же дальновидѣнъ, насколько и храбръ, и потому съ самаго начала понялъ всю выгоду дружбы европейцевъ и всѣми силами избѣгалъ насилій съ ними, строго наказывалъ всякое нарушеніе гостепріимства, открылъ имъ военнымъ и купеческимъ судамъ всѣ гавани и вообще умѣлъ вести себя относительно ихъ съ такимъ удивительнымъ тактомъ, который бы сдѣлалъ честь любому европейскому государю. Онъ выстроилъ корабли, экипажъ на которые набралъ частью изъ туземцевъ, частью изъ европейцевъ, и занялся торговлею сандальнаго дерева, которая однакоже, вмѣсто выгоды, принесла ему громадный убытокъ, какъ вслѣдствіе несоразмѣрныхъ пошлинъ, которыя брали съ его товара въ Кантонѣ, такъ и вслѣдствіе плутовства тѣхъ людей, кому онъ довѣрилъ сбывать свой дорогой грузъ. Однакожъ эта неудачная спекуляція принесла ему большую пользу, потому что натолкнула его на мысль брать также пошлины со всѣхъ иностранныхъ судовъ, входившихъ въ гавань, и такимъ образомъ указала ему на способъ увеличить безъ особенныхъ предпріятій государственный доходъ.

Камеамеа умеръ 8 мая 1816 года и передалъ престолъ сыну своему Лиго-лиго (Камеамеа II); этотъ слабый король, преданный пьянству, на пятый мѣсяцъ сво-

его правленія, самымъ грубымъ образомъ рѣшился уничтожить древнее идолопоклонство и объявилъ, что „отнынѣ не будетъ никакой религіи на Гаваи". Идолы были низвергнуты; жрецы энергично начали поджигать народъ поддержать религію своихъ отцовъ и подготовили открытое возмущеніе, въ главѣ котораго сталъ Кекуокалани, двоюродный братъ короля; но въ первой же битвѣ Кекуокалани былъ убитъ и возмущеніе подавлено...

Въ 1820 году, въ апрѣлѣ, прибыли на Гаваи первые американскіе миссіонеры; но король, узнавши о ихъ намѣреніи распространять среди его народа какую-то новую, невѣдомую для него религію, не позволилъ имъ сойти на берегъ и требовалъ, чтобы они немедленно вернулись во-свояси. Но миссіонеры успѣли найти себѣ поддержку въ родственникѣ короля Кареимоку, который весьма логично доказалъ Лиго-лиго, что христіанская религія была бы большимъ благодѣяніемъ для гавайцевъ, которые должны же исповѣдывать хоть какую нибудь религію, если не хотятъ стоять ниже животнаго. Лиго-лиго поддался увѣщаніямъ разумнаго Кареимоку, и миссіонерамъ разрѣшено было сойти на берегъ и начать проповѣдывать новую религію, но съ уговоромъ, что если ихъ проповѣди произведутъ на народъ дурное впечатлѣніе, то они немедленно должны будутъ оставить островъ. Прежде всего миссіонеры изучили гавайскій языкъ и начали обучать туземцевъ чтенію и письму; въ непродолжительное время они успѣли обратить въ христіанство все королевское семейство и знатнѣйшихъ гавайцевъ, примѣру которыхъ послѣдовали вскорѣ почти всѣ подданные Лиго-лиго. Ободренные успѣхомъ, миссіонеры, въ 1822 г. [1]) издали первую

---

[1]) Въ 1822 году издана первая Гавайская грамматика, состоящая изъ 12 буквъ: *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, *h*, *k*, *l*. *m*, *n*, *p*, *w*. Создавая письменный языкъ, миссіонеры стремились достигнуть наибольшей простоты, что имъ вполнѣ удалось. Выучиться читать и писать по-гавайски чрезвычайно легко, а потому процентъ знающихъ грамоту здѣсь больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ.

книгу на гавайскомъ языкѣ и дѣятельно занялись за просвѣщеніе дикарей; положеніе ихъ было по-истинѣ затруднительное: имъ приходилось бороться не только противъ пороковъ самихъ гавайцевъ, но даже противъ насилія и пороковъ бѣлыхъ, которые сильно развращали нравы туземцевъ. Миссіонеры прежде всего потребовали, чтобы всѣ подданные Лиго-лиго прикрыли свою наготу, причемъ большое вниманіе обратили на нравственность женщинъ, которыя въ то время слишкомъ свободно вели себя. Миссіонеры запретили женщинамъ посѣщать суда, оставлять дома послѣ десяти часовъ вечера, а также полную сладострастія пляску „хула-хула", которая сильно вредила утвержденію скромности среди женщинъ.

Китобои, посѣщавшіе острова для пополненія запасовъ и освѣженія экипажа, приняли ограниченія, положенныя миссіонерами относительно прекраснаго пола, весьма недружелюбно и нѣсколько разъ съ оружіемъ въ рукахъ требовали себѣ женщинъ; но, благодаря энергіи просвѣтителей гавайцевъ, низкія попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ и они должны были поневолѣ покориться стѣснительнымъ для нихъ правиламъ. Впрочемъ, разъ миссіонерамъ пришлось уступить силѣ и дозволить временно нарушить изданный законъ; а именно, когда лейтенантъ Персаваль, командиръ американской военной шхуны „Дельфинъ", во главѣ сильнаго десанта, рѣшился силою привести женщинъ на шхуну.

Въ 1823 году молодой Лиго-лиго предпринялъ со своею супругою путешествіе въ Англію, съ цѣлью заключить съ нею тѣсный союзъ и такимъ образомъ обезпечить себя отъ вмѣшательства сѣверо-американцевъ и французовъ, которымъ сильно хотѣлось захватить группу въ свои руки; но поѣздка эта окончилась очень несчастливо: королевская чета заразилась оспою и въ 1824 году въ іюлѣ мѣсяцѣ отошла въ вѣчность, вдали отъ своего любезнаго отечества. Въ 1825 году,

маѣ мѣсяцѣ, трупы Лиго-лиго и его супруги были доставлены на англійскомъ фрегатѣ „Blonde“ на Гаваи, а въ іюнѣ собрался великій совѣтъ для назначенія наслѣдника...

Королю Лиго-лиго наслѣдовалъ его девятилѣтній братъ Камеамеа III; регентами избраны были Кареимоку и властолюбивая жена Камеамеа I—Кагумана. Послѣдніе за свое регентство принесли странѣ большую пользу; они уменьшили налоги, издали законы, обезпечивающіе низшій классъ народа, сократили непомѣрныя портовыя пошлины и всѣми силами способствовали миссіонерамъ распространять среди гавайцевъ начала истинной вѣры.

Въ 1833 году молодой Камеамеа III принялъ бразды правленія и, возмущенный неблагоразумною крайностью миссіонеровъ [1]) объявилъ христіанскую вѣру нетерпимою; храмы были закрыты, идолы возстановлены и всѣ христіане были преслѣдуемы какъ преступники; но, къ счастью, это гоненіе было непродолжительно: Камеамеа III вскорѣ образумился, снова обратился къ христіанству и дозволилъ миссіонерамъ свободно распространять святую вѣру. Въ это время появились на островахъ іезуиты и начали различными ухищреніями привлекать бѣдныхъ канаковъ къ католической церкви; протестантскіе миссіонеры энергично возстали противъ новыхъ проповѣдниковъ и начали громить ихъ сильными проповѣдями; мало того, они начали преслѣдовать католическую вѣру, какъ еретическую, и всѣхъ канаковъ, принявшихъ католицизмъ, объявили преступниками и преслѣдовали по закону. Однако эти строгія и глупыя мѣры привели къ печальному результату; за іезуитовъ и новыхъ католиковъ заступилась французская нація и послала въ Гонолулу фрегатъ „Артемида“,

---

[1]) Миссіонеры объявили чрезвычайно строгій церковный уставъ, пѣніе и танцы преслѣдовали какъ преступленіе и, наконецъ, заставляли учиться грамотѣ не только людей среднихъ лѣтъ, но даже стариковъ...

подъ начальствомъ капитана Лапласа, съ требованіемъ полной свободы католическаго богослуженія, причемъ, въ обезпеченіе этого требованія, просила залогу въ 20,000 піастровъ,—въ противномъ случаѣ грозила войною и опустошеніемъ. Не имѣя достаточно средствъ для веденія войны съ такою сильною державою, какъ Франція, Камеамеа III поневолѣ долженъ былъ покориться всѣмъ требованіямъ Лапласа и дозволилъ іезуитамъ совершать въ Гонолулу католическое богослуженіе. Бывшіе на „Артемидѣ" католическіе священники сошли на берегъ, и 14 іюля 1839 года совершили въ королевскомъ домѣ торжественную литургію, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда французовъ; такимъ образомъ католицизмъ введенъ былъ насильно и вскорѣ нашелъ себѣ много послѣдователей...

Въ 1840 году, 8 октября, обнародована была составленная миссіонеромъ Ричардомъ конституція, составлявшая странную смѣсь древняго феодализма и англо-американскихъ парламентскихъ формъ; рядомъ съ королемъ стояла такъ называемая первая наслѣдственная министерша (сестра или ближайшая родственница); оба они безъ взаимнаго согласія не могли ничего совершить, но veto перваго имѣло все-таки больше силы. Изъ первыхъ вельможъ составлена была наслѣдственная верхняя палата, между тѣмъ какъ члены нижней палаты избирались народною подачею голосовъ.

Въ то время, когда понемногу развивалась на Сандвичевыхъ островахъ организація правительства, когда острова стали пріобрѣтать большее и большее значеніе, независимости имъ грозила большая опасность; особенно мечтали водворить здѣсь свое владычество англичане, французы и сѣверо-американцы.... Впрочемъ поползновеніе трехъ націй было отчасти очень благодѣтельно, потому что какъ французы, такъ и англичане и сѣверо-американцы зорко слѣдили другъ за другомъ, причемъ каждая изъ этихъ націй вполнѣ оправдала относительно Сандвичевыхъ острововъ извѣстную пословицу: „собака

на сѣнѣ лежитъ — сама не ѣстъ и другимъ не даетъ"!...

Въ 1846 году на Сандвичевыхъ островахъ было полное европейское министерство: миссіонеръ Ричардъ былъ министромъ народнаго - просвѣщенія, доктор Вилли—министромъ иностранныхъ дѣлъ, Джонъ-Юнгъ, сынъ боцмана Джона-Юнга, друга великаго Камеамеа I, былъ предсѣдателемъ совѣта министровъ, и наконецъ врачъ Юддъ, прибывшій съ американскою миссіею, несъ трудную обязанность министра финансовъ и, нужно сознаться, дѣла свои велъ великолѣпно, такъ что въ шесть лѣтъ своего управленія съумѣлъ увеличить государственные доходы на 243,000 піастровъ въ годъ [1]).

При слѣдующемъ королѣ Камеамеа IV на Сандвичевыхъ островахъ не произошло никакихъ особенныхъ перемѣнъ, за исключеніемъ присоединенія къ группѣ необитаемыхъ острововъ Лейсана и Лисянскаго, лежащихъ въ 300 нѣмецкихъ миляхъ къ сѣверу отъ Гонолулу, а также острова Джонстонъ, лежащаго на югъ почти въ такомъ же разстояніи. Правда, присоединеніемъ этихъ острововъ не слишкомъ увеличилось маленькое государство, но во всякомъ случаѣ они были богаты гуано, которое приноситъ государству довольно порядочный доходъ...

Въ 1860 году избранъ былъ въ короли, послѣ смерти Камеамеа IV, братъ его Камеамеа V, умершій въ концѣ 1872 года; ему наслѣдовалъ Ульямъ Луналило, въ просторѣчіи „король Билль", сынъ дочери Камеамеа I, избранный на престолъ единодушно всѣмъ парламентомъ, 8 января 1873 года. Король Билль говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, былъ достаточно образованъ и, когда хотѣлъ, могъ держать себя истиннымъ джентельменомъ; своею добротою и справедливостью онъ пріобрѣлъ всеобщую народную любовь, но къ несчастію,

---

[1]) Въ 1846 г. государственные доходы не превышали 41,0000 піастровъ, а въ 1852 г. равнялись уже 284,000 піастровъ.

симпатія къ спиртнымъ напиткамъ заставила причислить его къ компаніи „горькихъ пьяницъ“ и даже была причиною его преждевременной смерти. Луналило пилъ запоемъ, и во время подобнаго ненормальнаго состоянія, продолжавшагося иногда по нѣсколько недѣль, предавался самымъ отвратительнымъ излишестамъ; онъ забывалъ въ это время всякое приличіе и благопристойность, и велъ себя хуже послѣдняго гражданина своего королевства.

Когда мы пришли въ Гонолулу, то „король Билль“ запился до такой сильной степени, что у него стали уже появляться первые симптомы „пьяной болѣзни“, приведшей его въ скоромъ времени на смертный одръ... Въ Гонолулу предполагалось простоять немало, потому что необходимо было послѣ двухлѣтняго плаванія немного подчиститься, поправиться, покраситься и молодцомъ предстать на смотръ адмирала, ожидавшаго насъ въ Нагасаки...

Пользуясь продолжительнымъ отдыхомъ, мы проводили время въ Гонолулу очень весело и этимъ вполнѣ были обязаны нашему предупредительному вице-консулу г. Флюгеру, который старался развеселять насъ всевозможными способами: онъ устраивалъ для насъ балы, вечера, загородныя прогулки и поѣздки, и въ концѣ концовъ устроилъ у себя на дачѣ прежній танецъ канакекъ „хула-хула“, противъ котораго когда-то сильно и энергично возставали гавайскіе миссіонеры. Въ былое время танецъ этотъ совершался въ костюмѣ праматери Евы, но при насъ всѣ канакки были одѣты въ свой національный костюмъ, выдуманный для нихъ миссіонерами, а потому въ танцѣ этомъ не было ничего циничнаго. Правда, всѣ движенія канакекъ были очень сладострастны и отчасти двусмысленны, но за то необыкновенно граціозны и нѣжны, а потому мы съ большимъ удовольствіемъ любовались народною пляскою, отчасти знакомившею насъ съ характеромъ туземцевъ, страстнымъ горячимъ, пылкимъ и мечтательнымъ...

На вечерѣ у г. Флюгера намъ удалось познакомиться съ однимъ весьма оригинальнымъ канакомъ и притомъ канакомъ не простымъ, а королевской крови; онъ имѣлъ большую претензію на высокое образованіе и болѣе потому, что съѣздилъ въ Парижъ и привезъ оттуда нѣсколько модныхъ пиджаковъ, брюкъ, ботинокъ и т. п. принадлежностей мужскаго туалета. Въ сущности же этотъ «высокообразованный» канакъ имѣлъ физіономію самую глупѣйшую и ничего невыражающую; въ разговорахъ былъ невыносимо тошенъ и вообще стоялъ на очень низкомъ уровнѣ образованія. Онъ былъ высокаго роста, длинноногій, и всюду являлся въ зеленыхъ ботинкахъ, до крайности узкихъ брюкахъ, въ цвѣтныхъ коротенькихъ пиджакахъ, высокихъ, старинныхъ подпирающихъ подбородокъ, жабо, въ цилиндрѣ и съ одноглазкою. Ходилъ онъ донъ-кихотскимъ шагомъ, гордо осматривая всѣхъ черезъ свое стеклышко, и вообще велъ себя съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства; только на вечерѣ у г. Флюгера прорвался у него наружу туземный характеръ и, увлеченный танцами прекрасныхъ канačекъ, онъ сталъ съ ними выкидывать такія удивительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ уморительныя антраша, что вызвалъ у всѣхъ присутствовавшихъ невольный дружный хохотъ. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ въ такой азартъ, что бросился обнимать и цаловать только тѣхъ, которыя подходили подъ его вкусъ, а остальныхъ безцеремонно отталкивалъ. Нужно замѣтить, что народъ относился къ этому уморительному члену королевской семьи съ уваженіемъ и низкими поклонами...

Вообще время въ Гонолулу проводили мы весело и весьма разнообразно; въ городѣ два клуба, нѣмецкій и англійскій, въ которыхъ по нѣскольку разъ въ недѣлю давались балы, вечера и обѣды. Обстановка клубовъ вполнѣ европейская; ихъ посѣщаютъ какъ европейское населеніе, такъ и канаки съ каначками; послѣднія своею живостью, простотою нрава, граціею и

легкостью берутъ сильный перевѣсъ надъ европейками; манеры ихъ почти европейскія, но впрочемъ иногда проглядываютъ у нихъ туземныя привычки, отъ которыхъ онѣ еще не въ силахъ освободиться... Такъ напримѣръ, устроилась однажды поѣздка на сахарный заводъ, находящійся за Палли; въ ней приняли участіе нѣсколько каначекъ, въ томъ числѣ и жена вице-консула; на перепутьи, въ гостинницѣ, подали одно туземное кушанье, въ родѣ киселя, которое ѣдятъ здѣсь пальцемъ и притомъ съ необыкновенною ловкостью; каначки не утерпѣли и при всемъ обществѣ принялись за свой способъ ѣды...

Два раза въ недѣлю въ городѣ играетъ военная музыка, обучаемая нѣмецкимъ капельмейстеромъ: по четвергамъ съ 8 до 10 часовъ вечера, въ саду передъ „Hôtel Haval“, а по субботамъ въ саду королевы Эммы, изъ котораго ежедневно намъ присылали на корветъ отъ имени королевы роскошнѣйшіе букеты. Гавайскій оркестръ, состоящій изъ тридцати человѣкъ, доставлялъ жителямъ большое развлеченіе и наслажденіе; онъ былъ настолько хорошо составленъ, что совершенно напоминалъ наши военные оркестры; канаки и каначки сильно любятъ музыку и собираются послушать ее Богъ вѣсть откуда. Кромѣ этого эстетическаго развлеченія, еженедѣльно, по субботамъ устраивается общая верховая ѣзда; въ этотъ день катаются всѣ безъ исключенія: молодые и старые, женщины и мужчины, богатые и бѣдные; каждый старается заранѣе добыть себѣ лошадь и, одѣвшись какъ можно лучше, выѣзжаетъ на прилежащую къ городу равнину, на которую собираются наѣздники со всего острова. Въ опредѣленный часъ начинаютъ носиться по всѣмъ направленіямъ цѣлыя кавалькады, причемъ каждый изъ наѣздниковъ, по силѣ возможности, старается выказать передъ другими свою ловкость, силу, искусство и неустрашимость, словомъ, устраивается настоящая гонка?.. Каначки сидятъ въ сѣдлѣ какъ мужчины, причемъ ноги свои онѣ

окутываютъ большимъ пестрымъ платкомъ и ихъ, по справедливости, нужно причислить къ лучшимъ наѣздницамъ всего міра... Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, слывшихъ за наѣздниковъ, вздумали-было состязаться въ верховой ѣздѣ съ каначками, но были положительно сконфужены; каначки вихремъ умчались далеко впередъ, и сколько наши наѣздники ни бились, но не могли перегнать лихихъ и неустрашимыхъ наѣздницъ, которыя, нужно сознаться, въ искусствѣ верховой ѣзды смѣло поспорятъ съ самымъ лучшимъ нашимъ кавалеристомъ. Какъ пріятно было смотрѣть на цѣлыя кавалькады туземныхъ красавицъ, которыя въ красивыхъ, со вкусомъ сплетенныхъ изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени вѣнкахъ, съ распущенными роскошными волосами, съ развѣвающимися въ воздухѣ платками, окутывающими ихъ ноги, вихремъ носились съ одного конца равнины на другой, не обращая вниманія ни на какія преграды и препятствія... Гавайскія лошади принадлежатъ частью къ чилійской породѣ, частью къ калифорнской, средняго роста, но хорошо сложены, рѣзвы, сильны и неутомимы... При стараніи г. Флюгера, устроилась однажды пріятная поѣздка верхомъ въ ущелье Палли, извѣстное какъ по величественному виду, такъ и по трагической кончинѣ послѣдняго короля Оагу, героически погибшаго здѣсь съ остаткомъ своего войска во время отстаиванія своей независимости отъ воинственнаго Камеамеа I. Дорога къ нему идетъ по долинѣ Нуану, которая по-истинѣ обладаетъ всѣми прелестями природы; бока этой долины постепенно поднимаются и достигаютъ подножія высокихъ утесовъ, замыкающихъ ихъ стѣною. Дорога шла сперва черезъ поля таро, но по мѣрѣ подъема обработанныя поля начали исчезать и мѣстность начала принимать болѣе пустынный характеръ; крутая тропинка извивалась между высокими, фантастическими скалами, склоны которыхъ были покрыты папоротниками, пальмами, обвитыми ліанами, и другою тропическою растительностью. Поднимаясь выше

и выше, мы наконецъ достигли до края отвѣсной стѣны, высотою около 800 футъ, съ которой открылся передъ нами превосходный видъ, которымъ вправѣ гордиться гавайцы; передъ нашими глазами внезапно развернулось все великолѣпіе Палли, этой ужасной пропасти, гдѣ геройски умерли столько храбрыхъ защитниковъ своей независимости. По обѣимъ сторонамъ подымались величественныя базальтовыя скалы; достигающія до 3000 футъ высоты; въ иныхъ мѣстахъ испещренныя темными, глубокими трещинами, а въ другихъ прикрытыя роскошными ползучими растеніями, онѣ придавали общей картинѣ необыкновенный видъ... Подъ ногами лежала долина Нуану, которая своимъ идиллическимъ спокойствіемъ приводила всѣхъ въ истинный восторгъ; разбросанныя купы деревьевъ, хижины туземцевъ, скрытыя въ роскошной тропической зелени, придавали ей привлекательный видъ... Надъ долиною подымались ряды, поросшихъ лѣсомъ холмовъ и горныхъ вершинъ, которыя, позлащенныя яркими лучами тропическаго солнца, придавали общей картинѣ эффектный видъ. Весь этотъ прелестный ландшафтъ обрамлялся мглистою синевою шумящаго океана, который, грозно бушуя бился о коралловые рифы и окружалъ островъ бѣлою полосою клокочущаго буруна... Долго стояли мы на краю отвѣсной стѣны и съ нѣмымъ восторгомъ любовались по-истинѣ чудеснѣйшимъ въ мірѣ ландшафтомъ. Наконецъ заходящее солнце указало намъ время вернуться домой, и мы, поневолѣ, съ глубокимъ сожалѣніемъ оставили это прелестнѣйшее мѣсто во всей группѣ...

Говоря такъ много собственно о Гонолулу, я еще почти ничего не сказалъ о его туземномъ населеніи, а потому посвящу ему нѣсколько строкъ, въ которыхъ, по возможности, познакомлю читателей съ пресловутыми канаками и канačками, о которыхъ писано было уже не мало. Канаки большею частью высоки ростомъ, хорошо сложены и имѣютъ открытыя и благородныя черты лица; каначки красивы, граціозны,

нѣжны, стройны и страстны. Оба пола любятъ проводить время въ праздности и не въ состояніи приняться ни за какой трудъ; лучшимъ ихъ развлеченіемъ служатъ: верховая ѣзда, пѣніе, музыка и танцы. Всѣмъ этимъ удовольствіямъ канаки и каначки предаются съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, свойственнымъ ихъ пылкому, страстному и мечтательному характеру; съ заходомъ солнца они собираются въ большія общества, и, на открытомъ воздухѣ, подъ сѣнью широколиственныхъ пальмъ и душистыхъ магнолій и жасминовъ, устраиваютъ весьма стройные концерты, удивительно гармонирующіе съ тишиною тропической ночи и со всею окружающею ихъ природою. Подобныя ночныя сходбища производятъ, откровенно сказать, на страстныя и пылкія натуры канаковъ и каначекъ очень сильныя впечатлѣнія; они раздражаютъ ихъ страсти, портятъ нравственность, губятъ женское цѣломудріе... Хорошо было бы, если бы все ограничивалось только однимъ пѣніемъ, танцами и музыкою, а то нѣтъ: канаки и каначки, возбужденные душистою, тропическою ночью и обоюднымъ соприкосновеніемъ, увлекаются до такой сильной степени, что къ полночи дѣлятся по парамъ.

Мы думали уйти изъ Гонолулу въ первыхъ числахъ сентября, но въ концѣ августа король Лунолило опасно заболѣлъ, и такъ какъ онъ не имѣлъ прямаго наслѣдника, то европейцы, зная настроеніе туземныхъ жителей, боялись, что со смертью его произойдутъ большіе безпорядки, а потому нашъ вице-консулъ обратился къ командиру корвета съ просьбою—переждать кризисъ болѣзни короля и, въ случаѣ необходимости, отстоять независимость гавайскаго королевства, на которое уже давно точили зубы американцы и англичане... Претендентами на гавайскій престолъ явились: первый министръ короля Луналило—Калакао, вдова покойнаго короля Камемеа IV—королева Эмма, сводная сестра Луналило—Руфь-Кеоликолани, верховный вождь маіоръ Вильямъ Витъ Лелелохоку и верховный предводитель

Пауахи Бернисъ Бишофъ. Изъ нихъ Калакао пользовался народною любовію, а королеву Эмму поддерживала англійская нація; но во всякомъ случаѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ перваго и можно было уже заранѣе предвидѣть, что, если не вмѣшаются иноземцы, то Калакао будетъ избранъ на гавайскій престолъ, что впослѣдствіи и осуществилось. Калакао былъ очень видный мужчина, лѣтъ двадцати пяти, высокаго роста и достаточно образованный; онъ нерѣдко посѣщалъ нашу каютъ-компанію, очень порядочно наигрывалъ на корветскомъ піанино различныя мелодіи, говорилъ по-англійски и своимъ юморомъ очень потѣшалъ нашу холостую компанію. Въ этомъ веселомъ, простомъ канакѣ нельзя было предвидѣть будущаго гавайскаго короля; онъ вообще не высказывалъ особеннаго желанія властвовать и велъ себя съ большимъ тактомъ, за что и пріобрѣлъ всеобщую народную любовь. Королева Эмма могла бы быть избранною на престолъ, если бы только не была такъ дружна съ англичанами, что народу сильно не нравилось; она была очень образована и вела съ королевою Викторіею дружескую переписку. Остальные претенденты на гавайскій престолъ хотя и сильно желали нарядить себя въ королевскую корону, но заранѣе можно было предвидѣть, что они въ своихъ проискахъ успѣха имѣть не будутъ, какъ потому, что не пріобрѣли себѣ среди народа поклонниковъ, такъ и потому, что стояли не на слишкомъ высокой ступени образованія.

Къ половинѣ сентября здоровье Луналило нѣсколько какъ будто улучшилось, въ городѣ стало поспокойнѣе, и мы, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, 16 числа вышли изъ Гонолулу и пошли въ Нагасаки...

Передъ уходомъ изъ Гонолулу едва не похитили нашего стараго знакомца козла—забаву и утѣху всей команды; онъ былъ свезенъ на берегъ „освѣжиться", и преважно разгуливалъ около того мѣста, гдѣ красились наши шлюбки. Въ одно прекрасное утро съ

корвета замѣтили, что къ берегу подошелъ ботъ съ канаками, которые заставъ козла врасплохъ, схватили его, притащили на свою ладью и дали тягу; съ корвета немедленно послана была погоня за похитителями, которая и нагнала ихъ въ милѣ отъ берега, отобрала съ бою козла и съ тріумфомъ привезла его на „Аскольдъ". Команда своему любимцу была очень рада, но радъ ли былъ козелъ, что онъ попалъ опять въ среду своихъ старыхъ знакомцевъ,—не могу вамъ сказать, потому что мудрено узнать козлиную радость, и особенно тогда, когда козелъ трезвъ...

ГЛАВА XXI.

Нагасаки; японскій и европейскій кварталы.—Чайные дома.—Окрестности Шанхая.—Европейскіе кварталы.—Китайскій городъ.—Кварталъ ресторановъ.—Окрестности.—Zi-Ka-Yai, колонія французскихъ миссіонеровъ.—Воспитательный домъ.—Управленіе Шанхая.—Насилія англичанъ и американцевъ.—Гонъ-Конгъ-Рейдъ.—Паланкины.—Китаянки и японки.—Гонъ-конгская полиція.—Февральскія скачки. Проводы корвета «Витязь» на родину.

Весь переходъ изъ Гонолулу въ Нагасаки былъ занятъ разными ученьями, подготовкою къ смотру начальника отряда Тихаго океана, контръ-адмирала Брюммера, который предполагалъ перенести свой флагъ на нашъ корветъ. Еще далеко до Нагасаки всѣ одѣлись въ парадную форму и ждали только, когда откроется давно ожидаемый нагасакскій рейдъ, скрываемый отъ насъ массою самыхъ разнообразныхъ, прелестнѣйшихъ островковъ. Корветъ былъ приведенъ, въ отношеніи порядка, чистоты и работъ, до полнаго совершенства, а потому смотра мы ждали не съ трепетомъ, а съ удовольствіемъ... Быстро прошли мы между островами Каминазимо и Кагхеро и, обогнувъ историческій Папен-

бергъ [1]); увидѣли наконецъ нагасакскій рейдъ, на которомъ стоялъ одинъ только корветъ „Богатырь", а „Витязя", флагманскаго корвета, не было; такимъ образомъ, наши хлопоты и ожиданія оказались пока напрасными. Всѣ, конечно, сейчасъ же разоблачились и высыпали наверхъ взглянуть на незнакомый еще городъ. Погода стояла довольно скверная, что, разумѣется, отнимало нѣкоторую прелесть отъ открывшейся передъ нами картины, но все-таки Нагасаки выглядѣлъ такимъ привлекательнымъ, что большая часть изъ насъ забыла совершенно о худой погодѣ и замечтала, какъ бы попасть поскорѣе на берегъ, какъ бы взглянуть на извѣстныхъ всѣмъ, по множеству описаній „мусуме"...

Нагасаки расположенъ амфитеатромъ, по покатому восточному берегу обширной, глубоко врѣзавшейся въ островъ, прекрасной бухты, обставленной крупными роскошными холмами; по наружному виду городъ замѣтно раздѣленъ на два отдѣльные квартала, европейскій и японскій, отличавшіеся одинъ отъ другаго постройками и расположеніемъ. Окружающіе городъ холмы покрыты роскошными садами, среди которыхъ живописно разбросаны маленькіе японскіе храмы, какъ бы скрывающіеся отъ взоровъ христіанскаго населенія Нагасаки; западный и сѣверный берега бухты усѣяны прелестными деревеньками, рыбачьими хижинами и храмами, которые, совмѣстно съ городомъ, охватили нагасакскій рейдъ живописнымъ поясомъ. Въ глубинѣ бухты, у берега, виднѣется знаменитый искусственный островъ Децима, служившій долгое время мѣстопребываніемъ (скорѣе тюрьмою) нидерландскихъ негоціантовъ и консуловъ, которые были переведены сюда японскимъ правительствомъ съ острова Фирандо во время христіан-

[1]) Высокій, скалистый островъ, стоящій при входѣ въ Нагасакскую бухту; съ вершины его были сброшены въ 1638 году четыре тысячи христіанъ, здѣсь именно были потушены въ самомъ началѣ зачатки японской цивилизаціи. Островъ этотъ извѣстенъ у японцевъ подъ названіемъ Такабоко.

скаго гоненія (въ 1638 г.), когда Японія рѣшилась, вслѣдствіе интригъ португальскихъ іезуитовъ, порвать съ европейскою цивилизаціею всякія сношенія. Извѣстно, какую печальную и низкую роль играли тогда голландцы, выдававшіе себя, ради денежныхъ выгодъ, за нехристіанъ и способствовавшіе японцамъ, въ видѣ доказательства своихъ словъ, истреблять послѣдователей католической пропаганды, причемъ они стремились всѣми силами уничтожить своихъ соперниковъ по торговлѣ—португальцевъ, что имъ вполнѣ и удалось.. Въ настоящее время островокъ Децима служитъ мѣстопребываніемъ голландскаго консула, который не хочетъ покинуть это мѣсто, гдѣ прожили болѣе двухсотъ лѣтъ его единоземцы и гдѣ они выказали себя въ самомъ непривлекательномъ видѣ...

Во все время стоянки въ Нагасаки (съ 16 по 21 октября) погода стояла скверная, но все-таки желающихъ прогуляться по городу и его окрестностямъ было много; да и немудрено: вѣдь не легко, пробывши мѣсяцъ въ морѣ, стоять у привлекательнаго берега и не съѣхать взглянуть, что тамъ творится!..

Нагасаки при первомъ съѣздѣ, произвелъ пріятное впечатлѣніе; правда, японская часть города не отличалась особенною чистотою и опрятностію (что, пожалуй, можно отнести къ дождливой погодѣ); но маленькія японки въ своихъ изящныхъ киримонахъ и со шлепанцами на ногахъ окупали все и заставили забыть дождь, грязь и даже нѣкоторое зловоніе, испускаемое множествомъ порченной рыбы, хранимой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ. Улицы здѣсь узкія, но правильныя, и содержатся, повидимому, въ хорошую погоду въ должной чистотѣ; нерѣдко онѣ пересѣкаются маленькими мостиками и лѣсенками, ведущими изъ нижнихъ кварталовъ въ верхніе.

Лучшею частію японскаго города считается кварталъ Кезіемацъ, лежащій между Децимою и европейскимъ городомъ и занятый преимущественно чайными

домами, въ которыхъ живетъ до нѣсколькихъ тысячъ женщинъ, обучающихся здѣсь танцамъ, музыкѣ и рукодѣлію и получающихъ, по мнѣнію японцевъ-реакціонеровъ, „высшее образованіе, общественный лоскъ и элегантность въ обращеніи".

Жизнь въ чайныхъ домахъ начинается только тогда, когда уличный шумъ въ остальной части города совершенно стихаетъ; съ началомъ сумерекъ зажигаются здѣсь всюду огни въ разноцвѣтныхъ, бумажныхъ фонаряхъ, развѣшанныхъ по заборамъ, карнизамъ, периламъ и вокругъ оконъ и дверей. Молодыя, красивыя женщины, разодѣтыя въ самые роскошнѣйшіе киримоны, толпятся у выходовъ и зазываютъ къ себѣ посѣтителей, которымъ обѣщаютъ музыку, пѣніе и всевозможныя развлеченія. Разумѣется, желающихъ погулять находится много, и къ вечеру чайные дома быстро наполняются; со всего города стекается сюда разгульная молодежь, а за ними тянутся тайно и люди пожилые, женатые, которые всѣми силами стараются скрыть свое инкогнито, изъ боязни, чтобы жены не узнали о невѣрности своихъ мужей [1]). До поздней ночи слышится въ чайныхъ домахъ веселый говоръ, смѣхъ, музыка и пѣніе; затѣмъ все стихаетъ, и въ городѣ наступаетъ полнѣйшая тишина...

Европейскій кварталъ, занятый преимущественно англичанами и американцами, обстроенъ красивыми домами колоніальной архитектуры и содержится въ долж-

---

[1]) Интересны и очень характеристичны небольшіе рисунки изъ японской семейно-общественной жизни—произведеніе туземныхъ талантовъ; они отличаются необыкновеннымъ юморомъ, причемъ выраженія лицъ схвачены чрезвычайно вѣрно и типично.

Одна изъ нихъ представляетъ подобнаго невѣрнаго мужа, прокравшагося въ домъ утѣхи и развлеченія и старающагося всѣми силами сохранить свое инкогнито; но напрасно: черезъ нѣсколько времени прибѣгаетъ жена разыскивать мужа, застаетъ его любезничающимъ съ хорошенькою мусуме, нападаетъ на него фуріею и задаетъ потасовку при всеобщемъ хохотѣ всей публики. Особенно хороша фигура мужа, въ униженной позѣ, съ лицомъ сконфуженнымъ и вымаливающимъ прощеніе, и жены, треплющей его, какъ собаченку.

ной чистотѣ и опрятности; въ немъ нѣтъ того оживленія, какое можно видѣть въ японской части города; всѣ живутъ здѣсь по стрункѣ, и японцы стараются даже порѣже сюда заглядывать. Въ былое время здѣсь совершались большія торговыя сдѣлки, но въ настоящій періодъ, съ открытіемъ иностраннымъ судамъ почти всѣхъ японскихъ портовъ, торговля Нагасаки значительно упала и купцы понемногу стараются выбраться въ Іокогаму.

Въ Нагасаки немало китайскихъ купцовъ, къ которымъ однако японцы чувствуютъ большую антипатію и въ особенности послѣ формозскаго дѣла; по всей вѣроятности, имъ при такомъ общемъ предубѣжденіи туземцевъ, долго тутъ не усидѣть, хотя они и стараются сбить цѣны у европейскихъ купцовъ...

Прогулка по городу совершалась въ небольшихъ двухколесныхъ колясочкахъ (дженриксонахъ), которыя везутъ за собою здоровые японцы-извощики; удивительно, какъ не утомляются эти люди, развозя цѣлый день публику и, главное, по городу, расположенному на покатой мѣстности. Благодаря худой погодѣ и непродолжительной стоянкѣ, трудно было подробно ознакомиться съ Нагасаки и его окрестностями, а потому болѣе подробное описаніе оставлю до другого, болѣе удобнаго раза, а теперь ограничусь однимъ общимъ очеркомъ.

Изъ нагасакскихъ окрестностей слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на одну изъ деревень, а именно Инноса, лежащую на западномъ берегу бухты, при которой расположено небольшое поселеніе русскихъ; при немъ находится хорошенькое русское кладбище, чистенькій видъ котораго невольно бросается въ глаза; на него ежегодно отпускается нѣкоторая сумма, идущая на поддержку его въ благообразномъ видѣ.

Немного южнѣе Инносы лежитъ мѣстечко Акунора, имѣющее видъ небольшаго фабричнаго городка; здѣсь японцы, при помощи голландскихъ офицеровъ и меха-

никовъ, основали въ пятидесятыхъ годахъ механическій заводъ для приготовленія желѣзныхъ частей паровыхъ судовъ. Заводъ этотъ послужилъ для японцевъ отличною практическою школою въ механическомъ дѣлѣ, и въ настоящее время они уже не нуждаются въ учителяхъ и образовали изъ своей среды превосходныхъ мастеровъ. При этомъ нужно замѣтить, что японцы необыкновенно воспріимчивы и легко, въ самое короткое время, изучаютъ и прививаютъ къ себѣ то, что, по ихъ мнѣнію, нужно привить; при этомъ они поступаютъ необыкновенно осмысленно: не тянутся за новизною, потому только, что она нова и привита у другихъ болѣе цивилизованныхъ народовъ; нѣтъ, они воспринимаютъ только то, что имъ собственно можетъ быть полезнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выгодно воспринять...

На другой день, по приходѣ въ Нагасаки, мы получили предписаніе запастись углемъ, свезти команду въ баню, освѣжиться и затѣмъ идти за адмираломъ въ Шанхай; недолго думая, принялись мы за исполненіе даннаго предписанія, и къ 20 октября были уже готовы къ выходу въ море. На слѣдующій день мы снялись съ якоря и, распростившись на время съ многообѣщавшимъ для насъ въ будущемъ Нагасаки, направились въ Шанхай. Переходъ былъ вполнѣ удачный; 23 числа корветъ вошелъ уже въ широкое устье Янсе-Кіанга, воды котораго своимъ желтымъ цвѣтомъ, рѣзко отдѣлялись отъ темно-зеленыхъ водъ океана и казались издали громадною мелью. Справа и слѣва тянулись совершенно плоскіе берега, пустынные и повидимому болотистые; но вотъ впереди начали выясняться величественныя сооруженія верфей и доковъ, принадлежащихъ одной американской компаніи, громадные пароходы которой то и дѣло сновали взадъ и впередъ по желтымъ водамъ „Большой рѣки", какъ величаютъ китайцы Янсе-Кіангъ. На встрѣчу и по одному съ нами направленію шла масса большихъ джонокъ, военныхъ

и купеческихъ, команда которыхъ шумѣла и кричала, точно суда ихъ шли ко дну или горѣли...

На Шанхайскомъ рейдѣ стояло множество купеческихъ судовъ и между прочими нашъ корветъ „Витязь", котораго мы такъ настойчиво преслѣдовали; тысячи джонокъ сновали взадъ и впередъ, заставляли насъ быть очень осмотрительными и пробираться между ними самымъ малымъ ходомъ. Наконецъ мы подошли къ своему мѣсту, рядомъ съ „Витяземъ", и стали на якорь. Моментально окружила насъ сотня джонокъ съ курами, утками, фруктами и разными китайскими бездѣлушками; ихъ конечно начали безцеремонно гнать отъ борта; но чѣмъ больше ихъ гнали, тѣмъ онѣ становились все навязчивѣе и навязчивѣе.

Каждая джонка представляла настоящій плавучій домъ, въ которомъ жили цѣлыя семейства; въ то время, когда отецъ семейства настойчиво предлагалъ намъ свои товары, его дорогая половина занималась приготовленіемъ немудренаго китайскаго обѣда; къ ея услугамъ былъ и очагъ, удобно приноровленный къ походной жизни; ребятишки, точно собаченки или макаки, были привязаны на веревочкахъ и ползали всюду, куда только разрѣшала имъ ихъ привязь.

Носъ каждой джонки былъ украшенъ непремѣнно какимъ-нибудь чудовищемъ съ выпученными, большими, страшно раскрашенными глазами, которые кажется смотрятъ на васъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что невольно хочется спросить: «чего смотришь, бестія?" Китайцы, украшая свои джонки подобными чудовищными пугалами, думаютъ сдѣлать ихъ какъ можно страшнѣе, а онѣ выходятъ смѣшнѣе...

Шанхай, расположенный на плоской болотистой равнинѣ, не имѣетъ въ себѣ, въ отношеніи природы, ничего привлекательнаго, но, какъ городъ, онъ представляетъ полное совершенство: великолѣпные дворцы негоціантовъ, громадные торговые дома, магазины, верфи и доки служатъ лучшимъ украшеніемъ Шанхая, его

патентомъ на первостатейный городъ. Основаніемъ своимъ Шанхай обязанъ неутомимой энергіи и дѣятельности англичанъ, которые побѣдоносно вели здѣсь продолжительную борьбу съ природою и разными другими препятствіями, и, во что бы то ни стало, рѣшили основать городъ на мѣстѣ, обѣщавшемъ сдѣлаться впослѣдствіи центромъ обширной торговли. Глухое, нерѣшительное сопротивленіе китайскаго правительства не привело ни къ чему: городъ все-таки былъ основанъ; быстро сталъ онъ рости и возвышаться и въ продолженіе самаго короткаго времени сталъ на ряду первостатейныхъ городовъ. Быстро возникли рядомъ съ китайскимъ городомъ кварталы: англійскій, американскій, французскій, австрійскій, сѣверо-германскій и образовался такимъ образомъ какой-то оригинальный городъ, принадлежащій всему свѣту и никому въ особенности. Каждый кварталъ имѣетъ свое особенное управленіе и полицію; въ каждомъ кварталѣ пойманныхъ преступниковъ судятъ по своимъ національнымъ законамъ, словомъ Шанхай представляетъ изъ себя нѣсколько отдѣльныхъ, совершенно самостоятельныхъ городовъ, связанныхъ одною только мыслью обогатиться торговлею и разными коммерческими предпріятіями.

Лучше всѣхъ обстроились въ Шанхаѣ англичане; англійскій кварталъ считается центромъ всей торговли и на его долю приходится самая наибольшая часть всѣхъ доходовъ; первый торговый домъ находится именно въ англійскомъ кварталѣ. Онъ тянется вдоль прекрасной набережной, называемой Bund, и состоитъ изъ ряда монументальныхъ построекъ, настоящихъ дворцовъ, построенныхъ въ британскомъ вкусѣ, съ тѣмъ однако исключеніемъ, что къ нимъ пристроены роскошныя веранды, необходимыя въ тропическомъ климатѣ. Трудно себѣ представить что нибудь роскошнѣе и богаче длинной амфилады истинно княжескихъ жилищъ, соперничающихъ другъ съ другомъ изяществомъ и грандіозностью архитектуры; тутъ же помѣщаются различныя

зданія британскаго консульства, дворецъ юстиціи, и домъ англійскаго судьи. Нужно удивляться громаднымъ сооруженіямъ англійскаго квартала, потому что въ Шанхаѣ чувствуется большой недостатокъ въ камнѣ и другомъ строевомъ матеріалѣ, который вывозится очень издалека. На набережной разведенъ очень хорошенькій общественный садъ, который служитъ мѣстомъ прогулокъ для всей шанхайской знати...

За прекрасными дворцами торговыхъ тузовъ тянутся различныя депо, конторы и обширные англійскіе магазины, богато снабженные всевозможными произведеніями англійской мануфактуры и искусства. Правда, въ этихъ магазинахъ можно достать все, что только захотите, но за то дороговизна всего страшная; лучше всего эти англійскіе товары пріобрѣтать въ китайскихъ магазинахъ, въ которыхъ берутъ за все цѣны гораздо умѣреннѣе и отпускаются товары лучшей доброты, потому что китайцы не торопятся обогатиться, какъ европейцы и довольствуются меньшими барышами. Вообще нужно замѣтить то обстоятельство, что гдѣ бы китайцы ни начали торговать, вездѣ они стараются отпускать тотъ же товаръ за меньшую цѣну и тѣмъ привлекаютъ къ себѣ большое число покупателей; если дать имъ ходъ, то пожалуй они захватятъ въ свои руки большую часть торговли. При этомъ нужно сознаться къ стыду нашему что китаецъ, хотя его считаютъ всѣ за отъявленнаго плута, всегда продастъ свой товаръ гораздо добросовѣстнѣе европейца и не рѣшится надуть покупателя, потому что хорошо сознаетъ, что съ первою плутнею онъ потеряетъ всю свою торговлю, потеряетъ репутацію честнаго купца, которою онъ очень дорожитъ, какъ бы въ укоръ европейскимъ купцамъ...

Къ англійскому кварталу примыкаетъ французскій; правда здѣсь дома торговыхъ тузовъ не могутъ сравниться съ англійскими, но за то величественный домъ консульства, большой соборъ и муниципальный дворецъ заслуживаютъ полнаго вниманія.

Къ югу отъ всѣхъ европейскихъ кварталовъ расположенъ собственно китайскій городъ, окруженный высокою стѣною, имѣющею семь воротъ, въ него нужно заглядывать съ большою осторожностью и лучше будетъ если запастись на всякій случай револьверомъ; китайскій городъ состоитъ изъ массы грязныхъ переулковъ и закоулковъ, образующихъ непроходимый для новичка лабиринтъ; тутъ есть мѣста, въ которыя лучше и не заглядывать, потому что легко поплатиться и жизнію. Толпы китайцевъ и китаянокъ снуютъ, шумятъ, спорятъ, толкутся и о чемъ-то неистово хлопочутъ; нѣтъ физической возможности пробираться межъ ними: нужно терпѣливо слѣдовать за теченіемъ толпы. Видъ населенія китайскаго города самый разнообразный: тутъ китайцы желтые, сухіе, тощіе, одѣтые въ легкое платье бумажной матеріи, а немного подальше ползетъ сынъ Небесной имперіи румяный какъ размалеванная кукла, и жирный, какъ самъ Будда; одѣтъ онъ уже чуть-ли не въ полдюжину какихъ-то кофточекъ безъ рукавовъ, а сверху все-таки натянулъ еще кофту съ рукавами, и все еще, кажется, ему холодновато. Среди толпы пробираются, сѣменя маленькими ножками и немного покачиваясь, какъ бы боясь потерять равновѣсіе, некрасивыя китаянки съ величественными шиньонами, которые по-истинѣ могли бы заткнуть за поясъ самые пышные шиньоны петербургскихъ барынь.

Шумъ и гамъ стоитъ здѣсь невообразимый; отъ всѣхъ китайцевъ и китаянокъ несетъ какимъ-то кислозатхлымъ запахомъ, такъ что невольно стараешься избѣжать близкихъ встрѣчъ съ болѣе неопрятными на видъ субъектами. Въ китайскомъ городѣ есть также чайные дома, далеко впрочемъ уступающіе японскимъ; они занимаютъ совершенно отдѣльный кварталъ, въ которомъ разбросано также множество самыхъ разнокалиберныхъ китайскихъ ресторановъ, начиная отъ самаго аристократическаго и кончая плебейскимъ. Въ аристократическихъ ресторанахъ собираются обыкно-

венно торговые тузы и люди самые зажиточные, пріѣзжающіе сюда въ роскошныхъ паланкинахъ; тутъ сидятъ они за маленькими столиками, по четыре человѣка у каждаго, убранными бумажными цвѣтами и апельсинными деревцами; имъ прислуживаютъ чисто одѣтые мальчики, которые съ подобострастіемъ выслушиваютъ всѣ требованія своихъ богатыхъ посѣтителей и спѣшатъ моментально ихъ исполнить. Въ другой улицѣ находятся рестораны для средняго класса людей; здѣсь уже не видно у дверей роскошныхъ паланкиновъ; на столахъ меньше цвѣтовъ и апельсинныхъ деревъ, меньше порядку, но за то гораздо больше брани и еще какой! китайской, которая заткнетъ за поясъ самую энергическую русскую брань! Немного далѣе, пройдя двѣ или три улицы, тянутся плебейскіе рестораны, въ которые приходятъ утолить свой голодъ разною падалью тысячи нищихъ, въ самыхъ отвратительныхъ рубищахъ... Дальше лучше и не заглядывать!.. Однако и въ китайскомъ городѣ есть свои достопримѣчательности, а именно: высокая, въ нѣсколько этажей, пагода, окруженная садомъ, и роскошный дворецъ, называемый Уаменъ, служащій резиденціею мѣстнаго губернатора, или Тао-Тая; противъ этого красиваго зданія стоитъ, какъ нарочно, отвратительная тюрьма; стоитъ она будто для того, чтобы показать поразительный контрастъ, страшную разницу между почти неограниченнымъ судьею и бѣдными преступниками, съ нетерпѣніемъ ожидающими своего приговора, чтобы только избавиться поскорѣе отъ томительнаго заключенія...

Китайское населеніе Шанхая сосредоточивается не только въ самомъ городѣ, но и на джонкахъ; такимъ образомъ, можно сказать, что въ Шанхаѣ есть два китайскихъ города, одинъ материковый, а другой—рѣчной. На джонкахъ стекаются большею частью самые отчаянные бобыли, которымъ на берегу положительно негдѣ преклонить голову. Населеніе это не входитъ въ перепись и трудно даже опредѣлить его чи-

сленность. Пользуясь подобною отчужденностью, плавучее населеніе рѣшается на дерзкіе грабежи и разбои, совершаемые большею частью на самой же рѣкѣ и остающіеся почти всегда безнаказанными, потому что трудно опредѣлить, кто именно совершилъ изъ десятка тысячъ неизвѣстныхъ людей какое нибудь преступленіе; преступникъ тогда только можетъ быть наказанъ, когда будетъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, такъ какъ нѣтъ никакой возможности производить какіе-либо розыски среди неизвѣстнаго населенія... Сколько сотенъ китайцевъ гибнетъ на джонкахъ во время какой нибудь жестокой непогоды, и никто не подумаетъ, куда они дѣлись, что съ ними случилось, почти каждый день можно видѣть на Янсе-Кіангѣ вздутыя тѣла утопленниковъ, которыхъ преспокойно отталкиваютъ отъ джонокъ и якорныхъ цѣпей, если имъ вздумалось какъ нибудь остановиться при своемъ печальномъ путешествіи въ океанъ, и никто при этомъ не даетъ знать полиціи о подобныхъ „незначительныхъ" случаяхъ, такъ какъ ей положительно не хватило бы времени на вытаскиваніе всѣхъ утопленниковъ изъ рѣки и еще для опредѣленія какого они были званія и имени; а сколько бы еще вышло денегъ на нихъ похороны и говорить нечего...

Изъ шанхайскихъ окрестностей обращаетъ на себя вниманіе только одна миссіонерская французская колонія Zi-Ka-Wai, лежащая отъ города приблизительно въ пяти миляхъ. Дорога къ ней идетъ по ровной, совершенно голой равнинѣ, прорѣзанной многими каналами, въ которыхъ вмѣсто воды течетъ какая-то жидкая грязь; тамъ и сямъ разбросаны по пути китайскія деревеньки, состоящія изъ бѣдныхъ хижинъ, построенныхъ изъ тростника и бамбука. Всѣ прилегающія къ дорогѣ поля усѣяны множествомъ гробовъ, разбросанныхъ въ самомъ ужасномъ безпорядкѣ, такъ какъ въ сѣверномъ Китаѣ особыхъ кладбищъ не полагается, и покойниковъ выносятъ прямо въ поле и разставляютъ

тамъ, гдѣ кому заблагоразсудится. Слабый вѣтерокъ доносилъ иногда до насъ страшное зловоніе разложившихся и разлагающихся тѣлъ, и это обстоятельство дѣлало прогулку несовсѣмъ пріятною...

Въ Zi-Ka-Wai разведенъ трудами миссіонеровъ прекрасный садъ, среди котораго помѣщается учрежденная ими коллегія, приносящая туземному населенію громадную пользу; тутъ воспитываются до нѣсколькихъ сотъ дѣтей, вырванныхъ миссіонерами изъ самой ужасной нищеты и заразы. Въ коллегіи три класса: въ младшемъ учатъ читать и писать по-французски, а также разнымъ мастерствамъ, какъ напримѣръ: коробочному, столярному, слесарному, а также обучаютъ и типографноому дѣлу, прясть и ткать хлопчато-бумажныя матеріи; во второмъ классѣ учатъ китайскому письму, а въ старшемъ уже окончательно образовываютъ молодыхъ людей, преподаютъ имъ живопись, музыку, скульптуру, и выпускаютъ ихъ затѣмъ въ свѣтъ достаточно свѣдущими. Въ старшемъ классѣ нерѣдко можно встрѣтить сыновей мандариновъ Небесной имперіи, которые вполнѣ сознаютъ, что хотя учрежденіе это христіанское, но все-таки въ немъ преподаютъ очень много полезныхъ предметовъ, которые не лишними будутъ даже и для китайскаго аристократа.

Большая часть отцовъ-миссіонеровъ французы; они ведутъ свои дѣла съ необыкновеннымъ тактомъ и умѣли привлечь тѣмъ къ себѣ много китайцевъ; они одѣваются и живутъ совершенными китайцами, чѣмъ еще больше пріохочиваютъ къ себѣ туземное населеніе.

Миссія считаетъ у себя до шестидесяти отцовъ, большая часть которыхъ почти круглый годъ посѣщаетъ свои разбросанныя паствы и является въ колонію только на самое короткое время; здѣсь они немного отдыхаютъ отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ и опять отправляются въ свое трудное путешествіе...

Невдалекѣ отъ Zi-Ka-Wai находится воспитательный домъ или, пожалуй, пансіонъ для молодыхъ дѣвушекъ

болѣе или менѣе зажиточныхъ китайскихъ семействъ и сиротскій домъ для малолѣтнихъ дѣтей-сиротъ женскаго пола; оба эти учрежденія находятся подъ управленіемъ и надзоромъ католическихъ монахинь. Пансіонъ состоитъ изъ многихъ маленькихъ комнатъ, окружающихъ обширный дворъ, въ которыхъ живутъ пансіонерки и получаютъ воспитаніе, соотвѣтствующее ихъ будущему общественному положенію. Въ сиротскомъ домѣ живутъ дѣти, вырванныя изъ самой ужасной нищеты и заразы; трудно себѣ представить маленькихъ невинныхъ существъ, худыхъ, желтыхъ, едва дышащихъ и покрытыхъ большею частію ужасными язвами и ранами. Монахини ухаживаютъ за этими несчастными существами съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и любовью, обмываютъ ихъ язвы, перевязываютъ раны, заботясь о нихъ съ тѣмъ рвеніемъ, какъ бы объ своихъ дѣтяхъ. Если дѣти поправятся, то ихъ воспитываютъ на столько, на сколько нужно для дѣвушекъ средняго сословія; послѣ окончанія воспитанія онѣ или выходятъ замужъ за своихъ единовѣрцевъ-китайцевъ, или же поступаютъ въ услуженіе къ христіанскимъ семействамъ.

Нужно отдать монахинямъ полную справедливость за ихъ примѣрное человѣколюбіе и нѣжныя заботы; благодаря ихъ благородному самоотверженію ежегодно спасается отъ ужасной смерти по нѣсколько сотъ дѣвушекъ; онѣ всюду разъискиваютъ бѣдныя невинныя существа, брошенныя на произволъ судьбы, несутъ въ свой домъ и неустанно заботятся о нихъ до ихъ смерти или же до окончанія воспитанія!..

Шанхай лежитъ недалеко (всего въ 80 миляхъ) отъ богатаго, цвѣтущаго города Сучау, который, благодаря своему положенію въ центрѣ сѣти судоходныхъ артерій, считается главнымъ пунктомъ Сѣвернаго Китая; оба города соединены множествомъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, а потому Шанхай сдѣлался природнымъ портомъ Сучау. Еще въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія замѣтили выгодное торговое положеніе Шанхая,

и агенты Индѣйской компаніи думали основать здѣсь факторію, но мысль ихъ была въ то время пока еще неосуществима, такъ какъ китайское правительство строго запретило основывать на своей факторіи какія либо европейскія учрежденія. Воевать съ китайцами тогда никому не хотѣлось и, такимъ образомъ въ продолженіе восьмидесяти лѣтъ не было уже попытокъ на основаніе въ Шанхаѣ какой нибудь европейской факторіи. Только послѣ первой англійско-китайской войны заключенъ былъ, въ 1842 году, Нанкинскій трактатъ, въ которомъ главная статья требовала открытія Шанхая для всѣхъ иностранцевъ. Первыми принялись за дѣло англичане; съ неутомимою энергіею стали они высушивать болотистую, наносную почву, едва возвышающуюся надъ поверхностью рѣки: камня, лѣсу и другихъ строевыхъ матеріаловъ не было, нужно было все это вывозить издалека. Въ теченіе десяти лѣтъ англичане жили бѣдно, едва-едва поддерживая свое существованіе; но наконецъ торговля шелкомъ получила неслыханную свободу—и англичане быстро поднялись; вслѣдъ за ними прибыли въ Шанхай французы и американцы, пріобрѣли себѣ у китайскаго правительства за извѣстную сумму опредѣленные участки и основали свои факторіи. Такимъ образомъ, въ короткое время Шанхай обстроился величественными зданіями и обратилъ на себя взоры всего міра...

Немного обстроившись, англійскій, американскій и французскій резиденты начали хлопотать о внутренней организаціи факторій; трудъ, предстоялъ большой; надо было всѣмъ дѣла свои вести съ необыкновеннымъ тактомъ, потому что, во-первыхъ, необходимо было не затронуть щекотливости императорскихъ властей, во-вторыхъ—уничтожить всѣ предубѣжденія китайцевъ къ европейцамъ, и въ третьихъ—не обидѣть ни одну изъ націй, имѣющихъ въ Шанхаѣ свои факторіи. Поданъ былъ проектъ образовать космополитическое управленіе, но онъ не былъ принятъ французскимъ резидентомъ, а

потому и не состоялся. Тогда рѣшено было образовать два, совершенно отдѣльныя управленія, изъ которыхъ одно должно существовать въ англійскомъ и американскомъ кварталахъ, а другое—во французскомъ; они уже должны были сноситься съ мѣстными властями, распредѣлять городскіе доходы и расходы, заботиться о безопасности и спокойствіи жителей, подавать проекты построекъ общественныхъ зданій; распредѣлять таксы и собирать налоги. Такимъ образомъ дѣло уладилось, никто не былъ обиженъ и всѣ преспокойно занялись своими коммерческими предпріятіями.

Закончу описаніе Шанхая нѣсколькими подробностями, выясняющими отношеніе европейскаго населенія города къ китайскому; между этими двумя разноплеменными народами существуетъ какая-то непонятная, дикая ненависть. Англичане, а въ особенности американцы, считаютъ себя полновластными господами чуть ли не всей Небесной имперіи со всѣмъ ея народонаселеніемъ, а потому обращаются съ китайцами съ необыкновеннымъ презрѣніемъ, наглостью и высокомѣріемъ, за что тѣ отвѣчаютъ имъ самою сильною ненавистью, которая могла бы превратиться во что нибудь и большее, если бы китайцевъ не удерживалъ страхъ возмездія. На каждомъ шагу можно видѣть со стороны европейцевъ самое гнусное насиліе, самую дикую необузданность... Боже сохрани, напримѣръ, если китаецъ, при встрѣчѣ съ англичаниномъ или американцемъ, какъ нибудь не успѣетъ посторониться и нечаянно задѣнетъ своимъ платьемъ щеголеватаго денди: тотъ, не долго думая, ловитъ китайца за косу и тутъ же, посреди улицы, бьетъ его своею тростью до тѣхъ поръ, пока не устанетъ рука и не насытится душа. Прохожіе рѣшительно не обращаютъ на эту „обыкновенную и обыденную“ для нихъ сцену никакого вниманія, и даже сами, при первомъ удобномъ случаѣ, не откажутся задать бѣдному китайцу такую же потасовку... Вотъ несется по улицѣ лихой кавалеристъ; китайцы издали

уже видятъ эту нахальную фигуру и спѣшатъ посторониться какъ можно быстрѣе; но вотъ на одномъ изъ поворотовъ зазѣвались десятка три кули и не замѣтили своевременно быстро приближающагося всадника; тотъ, недолго думая и неуменьшая даже бѣга своего ретиваго коня, врѣзывается въ самую толпу и начинаетъ лупить китайцевъ направо и налѣво не только хлыстомъ, но и ногами, сопровождая каждый ударъ самыми отборными ругательствами... Бѣдные кули моментально разбѣгаются во всѣ стороны, стараясь избавиться отъ незаслуженныхъ побоевъ, разбѣгаются молча, безъ всякаго протеста на дерзкое насиліе, потому что знаютъ, что за самый слабый протестъ съ ихъ стороны, имъ достанется вдвое больше; но достаточно замѣтить брошенные ими изъ подлобья взгляды, чтобы убѣдиться, сказать, что плохо бы пришлось отъ китайцевъ этому наглому джентльмену, если бы его не защищали англійскіе пушки и штыки! Подобныя безобразія можно видѣть ежедневно и почти на каждомъ шагу; китайцы съ необыкновеннымъ терпѣніемъ сносятъ наносимыя имъ оскорбленія; но наступитъ время, когда и они съумѣютъ постоять за свою личность, за свою неприкосновенность и, уже навѣрное постоятъ такъ, что европейцамъ придется жутко...

Корветъ „Аскольдъ" простоялъ въ Шанхаѣ до 8 ноября; въ этотъ день рѣшено было сняться съ якоря и вмѣстѣ съ „Витяземъ" отправиться въ Гонъ-Конгъ; времени терять было некогда, потому что уже насту пала полная вода, при которой только и можно пройти черезъ баръ, лежащій при устьѣ Янсе-Кіанга. Распростившись съ корветомъ «Богатырь», пришедшимъ наканунѣ въ Шанхай и обмѣнявшись съ нимъ законными салютами, мы двинулись въ дальнѣйшій путь; масса джонокъ неслась съ нами по одному направленію, пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, чтобы выйти въ море. Благодаря пару, всѣ онѣ остались далеко позади; мы уже подходили къ бару, какъ вдругъ наша машина отказа-

лась слушаться механиковъ и моментально сама застопорила; сейчасъ же начали изслѣдовать причины ея упрямства и непокорности, и нашли весьма серьезныя поврежденія въ дейдвудной трубѣ.

Пока доискивались причинъ, стало уже темно и идти дальше не было никакой возможности, а потому мы принуждены были вмѣстѣ съ „Витяземъ" стать на якорь передъ самымъ баромъ. 9 числа, утромъ, снялись съ якоря и подали буксиры „Витязю", который и выбуксировалъ насъ на свободную воду; дулъ попутный вѣтеръ, а потому, недолго думая оба корвета вступили подъ паруса, подъ которыми шли до самаго Гонъ-Конга. „Витязь" оказался подъ парусами, въ сравненіи съ „Аскольдомъ", плохимъ ходокомъ, и намъ очень часто приходилось уменьшать парусность, чтобы не уйти отъ него изъ виду. Случайная гонка корветовъ доставила нашимъ матросамъ большое развлеченіе и была источникомъ самыхъ разнообразныхъ съ ихъ стороны каламбуровъ. Въ самомъ началѣ, какъ только корветы вступили подъ паруса, пошли споры, кто кого перегонитъ; а когда замѣтили, что Аскольдъ слишкомъ ужь сильно осаживаетъ Витязя, то посыпались на бакѣ противъ витязанъ и самаго корвета ѣдкія насмѣшки.

— Ишь его, прорва, парусины-то сколько драитъ, скоро изъ-за нея и видно его самаго не будетъ, а все ползетъ черепахою, говорилъ знакомый уже намъ Архипъ,—который изъ деревенскаго, глупаго парня понемногу становился уже бравымъ матросомъ, здраво разсуждающимъ и понимающимъ свое трудное матросское дѣло.

— Куды „Витязю" гоняться за „Аскольдомъ", далеко кулику до Петрова дня, проговорилъ съ самохвальствомъ бравый, усатый унтеръ.

— Усталъ видно, „Витязь", родименькій, сколько ужь онъ тутъ исходилъ, пожалуй и ножки свои богатырскія намозолилъ, ядовито усмѣхнулся пьяница Храмцовъ.

— Скоро, гляди, витязане и койки свои надраять, сами въ нихъ дуть будутъ, чтобы только перегнать, добавилъ не менѣе ядовито его сосѣдъ, красный, какъ вареный ракъ, гротъ-марсовый.

— Пусть себѣ драять хоть всю свою матросскую амуницію, а все позади будутъ, потому никогда витязанамъ не быть впереди аскольдовскихъ лихихъ молодцовъ, проговорилъ съ особеннымъ чувствомъ Храмцовъ...

Цѣлую недѣлю шли мы до Гонъ-Конга, и плаваніе это обошлось безъ особенныхъ приключеній; 15 числа, вечеромъ, подошли мы на видъ города, но войти на рейдъ за темнотою не было возможности; 16 утромъ, пользуясь благопріятнымъ для насъ утреннимъ бризомъ, мы вошли черезъ узкій, извилистый проходъ на Гонъ-Конгскій рейдъ.

Мы очутились въ спокойномъ озерѣ, изумрудныя воды котораго тихо плескались о прибрежные утесы; оно было окружено со всѣхъ сторонъ величественными горами, позлащенными яркими лучами восходящаго солнца. Городъ расположенъ амфитеатромъ по крутизнамъ горъ и имѣетъ не смотря на то, что окружающіе его хребты лишены всякой растительности, необыкновенно очаровательный видъ.

Не успѣли мы стать на якорь, какъ насъ окружила цѣлая стая сампанокъ [1]) со всевозможнымъ людомъ, желающимъ, по видимому, во чтобы то ни стало, попасть къ намъ на палубу; тутъ были прачки съ цѣлымъ ворохомъ всевозможныхъ аттестатовъ о ихъ честности и превосходной стиркѣ; тутъ были и портные, и сапожники, мясники, зеленщики, различные компрадоры (китайцы, служащіе посредниками между продавцами

[1]) Сампанки небольшія, легкія, остроконечныя шлюпки, управляемыя большею частью однимъ человѣкомъ, который голланитъ (способъ гребли однимъ весломъ съ кормы, заимствованный у голландцевъ); обыкновенно сампанка снабжена небольшою каюткою, въ которой можно совершенно скрыться отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Шлюпки эти служатъ обыкновеннымъ перевозочнымъ средствомъ въ китайскихъ портахъ.

и покупателями) и наконецъ разнаго рода спекулянты, мечтающіе нажиться со вновь пришедшаго иностраннаго судна. Гонъ-Конгскій рейдъ былъ наполненъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ судовъ; англичане встрѣтили насъ съ музыкою и полными морскими почестями. Первымъ дѣломъ намъ пришлось подумать о починкѣ, а потому 21 ноября, корветъ былъ введенъ въ Абердинскій докъ, находящійся въ восьми миляхъ отъ Гонъ-Конга; стоять въ докѣ обходилось очень дорого (почти по полтораста долларовъ въ сутки), а потому, вынувъ изъ дейдвудной трубы валъ и поправивъ немного обшивку, 22 ноября мы вышли уже изъ дока...

23-го ноября, стоя у дока, опредѣлили девіацію, а на другой день пошли на стрѣльбу въ цѣль. Окончивъ ученіе, мы хотѣли-было войти на Гонъ-Конгскій рейдъ, но вдругъ поднялся такой густой туманъ, что корветъ принужденъ былъ стать на якорь тамъ, гдѣ туманъ его засталъ, очень не далеко отъ берега. Тишина была мертвая, съ берега совершенно ясно доносились голоса и собачій лай; но вотъ раздался сильный свистокъ: куда-то шелъ неизвѣстно какой пароходъ; однако шумъ его колесъ показывалъ, что онъ отъ насъ очень близко, а потому на корветѣ неистово начали бить рынду, чтобы предупредить его о нашемъ присутствіи; такимъ образомь мы избѣгли очень непріятнаго столкновенія. Наконецъ туманъ началъ опускаться; показались темныя вершины горъ, затѣмъ ихъ откосы, и къ утру 25-го числа открылся нашимъ глазамъ весь берегъ, а потому, пользуясь благопріятными обстоятельствами, мы вошли на Гонъ-Конгскій рейдъ...

Гора, по крутизнамъ которой расположены прекрасные и величественные дома Гонъ-Конга, извѣстна подъ названіемъ „Викторіи"; она лишена почти всякой растительности, но тѣмъ не менѣе имѣетъ необыкновенно живописный и грандіозный характеръ. Видъ съ этой горы восхитительный: передъ вами разстилается обширная живописная мѣстность, простирающаяся почти до

самаго Кантона и Макао. Рейдъ со множествомъ купеческихъ и военныхъ судовъ представляетъ величественную картину; цѣлый лѣсъ мачтъ закрываетъ почти все прибрежье; масса джонокъ, сампанокъ и военныхъ шлюпокъ съ судовъ чуть ли не всѣхъ національностей, прорѣзываютъ изумрудныя воды роскошнаго рейда; всюду видна необыкновенная жизнь и дѣятельность! Городъ представляетъ массу прекрасныхъ публичныхъ зданій, дворцовъ негоціантовъ и сельскихъ домиковъ; правильныя, широкія улицы, отлично вымощенныя камнемъ, тянутся между рядами роскошныхъ домовъ, затѣйливые фасады которыхъ покрыты прекрасными верандами. Всюду виднѣются искусственно-разведенные сады на каменистой, безплодной мѣстности, сады, дѣлающіе честь энергіи и настойчивости англичанъ, которые навезли изъ Китая земли, деревьевъ, различныхъ растеній, съ большими трудами разсадили ихъ и, такимъ образомъ, пользуются въ настоящее время собственною зеленью...

Между дикими горами и хребтами расположены роскошныя поляны и долины, тропическая растительность которыхъ представляетъ рѣзкую противоположность съ окружающимъ ихъ безплодіемъ; н[illegible]ольно взоры ваши обращаются къ этимъ прелестным[illegible]гол-камъ Гонъ-Конгскихъ окрестностей, гдѣ вы [illegible]те найти въ жаркій день тѣнь и прохладу...

По крутымъ, идущимъ уступами, Гонъ-К[illegible] улицамъ нельзя иначе прогуливаться какъ въ [illegible] эластичныхъ бамбуковыхъ носилкахъ, которы[illegible] жете нанять на каждомъ углу; два или четы[illegible] выхъ, сильныхъ кули, въ широкихъ соломен[illegible] пахъ, понесутъ васъ такъ спокойно, такимъ [illegible] гимнастическимъ шагомъ, что вы, убаюкива[illegible] кою, пріятною качкою, невольно клонитесь [illegible] Нужно удивляться этимъ неутомимымъ людямъ [illegible] въ самую сильную жару проносятъ васъ по [illegible]

продолженіе нѣсколькихъ часовъ и не покажутъ слишкомъ замѣтнаго для глаза утомленія; быстрота ихъ бѣга можетъ сравниться только съ конскою, хорошею рысью. Такса этимъ экипажамъ необыкновенно низкая; за одинъ конецъ вы платите только десять центовъ (около пятнадцати копѣекъ), если впрочемъ на него нужно употребить не болѣе получаса. Если же вы пожелаете имѣть носилки на цѣлый день, то заплатите всего только одинъ долларъ (1 р. 33 к.); изъ этого можно заключить и судить, какъ низко цѣнятъ китайцы свой тяжелый трудъ.

Жизнь и дѣятельность на Гонъ-Конгскихъ улицахъ необыкновенная; онѣ кишатъ массою самаго разноплеменнаго народа; проѣхавъ городъ изъ одного конца въ другой, вы встрѣтите: китайцевъ въ синихъ блузахъ, съ длинными, чуть-ли не до пятъ [1]), косами, смуглыхъ, статныхъ индусовъ въ бѣлыхъ чалмахъ, малайцевъ въ соломенныхъ шляпахъ, толсторожихъ парсовъ въ высокихъ, клеенчатыхъ шапкахъ, изнеможенныхъ гебровъ (огнепоклонниковъ), японцевъ и, наконецъ европейцевъ въ самыхъ щегольскихъ, нарядныхъ, тропическихъ костюмахъ... Здѣйшнія китайскія и японскія красавицы не произ ›дятъ особеннаго впечатлѣнія; китаянки большею част одѣваются весьма однообразно и скромно, въ со нно противуположномъ вкусѣ шанхайскихъ ту з красавицъ; куафюрою своею онѣ особенно занимаются и обходятся безъ всякихъ шиньо- дкладокъ, букль, чужихъ косъ и наколокъ. Но онки прическою своею смѣло заткнутъ за по- лаго европейскаго парикмахера, чѣмъ онѣ много ютъ передъ китаянками и обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ болѣе, что красота китайскихъ не можетъ сравниться съ красотою японскихъ. итайскія ножки не копытообразныя, какими

ѣскія косы обыкновенно не очень длинны, но въ нихъ етаютъ шелкъ, чѣмъ придаются имъ желаемые размѣры.

ихъ обыкновенно описываютъ [1]), а маленькія, хорошенькія, обутыя въ изящные лакированные сапожки, имѣютъ свою привлекательность, но вѣдь однѣми ножками восхищаться очень мало и недостаточно...

Прогулка по Гонъ-Конгу можетъ доставить большое развлеченіе и удовольствіе; сборнымъ пунктомъ городскихъ жителей служитъ публичный садъ, разведенный на небольшой возвышенности, съ которой открывается на рейдъ и окрестности прекрасный видъ. Здѣсь играетъ въ извѣстные дни англійская военная музыка, привлекающая въ садъ большую массу публики; въ эти дни можно познакомиться съ самою высшею гонъ-конгскою аристократіею и особенно съ прекраснымъ населеніемъ города, большая часть котораго весьма доступна и легко знакомится со всякимъ. Европейскихъ женщинъ въ Гонъ-Конгѣ очень мало, да и ими, откровенно сказать, никто особенно не нуждается, такъ какъ китаянокъ, а тѣмъ болѣе японокъ, здѣсь въ достаточномъ количествѣ, которыя дѣлаютъ неприсутствіе европейскихъ женщинъ почти незамѣтнымъ...

Въ Гонъ-Конгѣ, на улицахъ, можно быть свидѣтелемъ самыхъ разнообразныхъ характеристическихъ сценъ; здѣсь всѣ предпочитаютъ середину улицъ тротуарамъ, на которыхъ большею частью располагаютъ свои товары разные китайскіе торгаши и занимаются своимъ дѣломъ бродячіе кухмистеры, парикмахеры и тому подобные спекуляторы. На каждомъ углу стоятъ непремѣнно полицейскіе, вооруженные, по примѣру лондонскихъ полисменовъ, короткими палочками, знакомъ ихъ власти и званія. Въ Гонъ-Конгѣ обязанности полицейскихъ чиновъ исполняютъ большею частію индусы и китайцы, изъ которыхъ первые важно разгуливаютъ въ

---

[1]) Мода уродовать ноги уже проходитъ; но все-таки изрѣдка можно еще встрѣтить китаянку съ какими-то уродливыми копытцами вмѣсто ногъ, на которыхъ она выступаетъ какъ-то не увѣренно и не твердо; кажется, достаточно слабаго дуновенія вѣтерка, чтобы уронить эту неправильно покачивающуюся фигуру.

синихъ мундирахъ и бѣлыхъ чалмахъ, а вторые—въ какихъ-то синихъ-же кацавейкахъ, бѣлыхъ чалмахъ, китайскихъ туфляхъ и въ раскрашенныхъ тростниковыхъ шапочкахъ. Власть полицейскихъ здѣсь столь-же обширна, какъ и въ Лондонѣ; стоитъ имъ только прикоснуться къ преступнику или нарушителю общественнаго спокойствія своею палочкою, какъ тотъ или другой считается уже заарестованнымъ и никакая сила не можетъ вырвать ихъ изъ когтей полиціи раньше того, какъ они получатъ за свой проступокъ извѣстное наказаніе. Благодаря бдительности полиціи, по гонъ-конгскимъ улицамъ, можно ходить совершенно безопасно въ самую глубокую ночь; а между тѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ — здѣсь совершались самыя дерзкія убійства, грабежи и воровства. Съ китайцами англійскіе законы рѣшительно не церемонятся, для нихъ лично выдумали новыя статьи, положительнѣе дѣйствующія на сыновъ Небесной имперіи и накладывающія за каждую ихъ вину болѣе строгія наказанія...

Слишкомъ гуманное обращеніе съ ними англичане находятъ неудобнымъ, потому что китайцы, привыкшіе подчиняться только страху, не слишкомъ бы испугались мягкихъ законовъ англійскаго кодекса. Перваго попавшагося нарушителя спокойствія полисменъ беретъ сейчась же за косу, привязываетъ ее къ своей палочкѣ и тащитъ преступника въ общественную тюрьму; бываютъ случаи, что ему приходится тащить въ такомъ видѣ, точно свору гончихъ собакъ, по нѣсколько китайцевъ, и никто изъ нихъ не подумаетъ высвободить свою злосчастную косу, потому что стоитъ только полисмену дернуть палочку, какъ всѣ почувствуютъ въ макушкѣ невыносимую боль. Первое, предварительное наказаніе китайскихъ преступниковъ заключается въ томъ, что передъ вводомъ ихъ въ тюрьму имъ всѣмъ безъ исключенія обрѣзаютъ до самаго корня ихъ длинныя, много лѣтъ лелѣянныя косы. Подобная волосная операція считается у китайцевъ самымъ страшнымъ

позоромъ; они согласились бы лучше двадцать лѣтъ промучиться на галерахъ, чѣмъ лишиться драгоцѣнной для нихъ косы. Китаецъ безъ этого необходимаго украшенія уже не можетъ появиться въ тотъ слой общества, въ которомъ онъ вращался до наказанія; всѣ его родные, друзья, товарищи и знакомые показываютъ ему въ этомъ непріятномъ положеніи самое полное презрѣніе, и по неволѣ онъ долженъ скитаться Богъ вѣсть въ какихъ трущобахъ до тѣхъ поръ, пока не отроститъ себѣ косы законной длины; словомъ, вмѣстѣ съ косою китаецъ теряетъ всѣ свои права, какъ семейныя, такъ и гражданскія, пріобрѣтенныя имъ службою или торговлею...

Лучшею въ городѣ улицею считается Queen's road; она украшена дворцами богатѣйшихъ банкировъ и купцовъ, ихъ конторами и превосходными магазинами, въ которыхъ вы можете добыть самыя рѣдкія китайскія вещицы, но конечно за порядочную цѣну. Разныя вещицы изъ слоновой кости особенно сильно искушаютъ ихъ пріобрѣсть, но, откровенно сказать, къ нимъ опасно приступаться, такъ какъ за все китайцы запрашиваютъ весьма порядочные куши, куши соотвѣтствующіе работѣ.

Правда, съ ними нужно торговаться гораздо больше и энергичнѣе, чѣмъ съ нашими апраксинскими купцами, но все таки дешево хорошей вещицы не добыть; въ настоящее время китайцы отлично уже знаютъ цѣну своимъ вещамъ и не цѣнятъ свой трудъ такъ дешево, какъ цѣнили лѣтъ десять тому назадъ, когда дѣйствительно можно было за ничтожныя деньги пріобрѣсть довольно рѣдкую вещицу...

Гонъ-Конгъ отлично освѣщенъ газомъ и изрѣзанъ превосходными водопроводами; англичане, нужно сознаться, предусмотрѣли все, и изъ ничего сдѣлали очень многое. Городъ дѣлится на нижній и верхній; въ первомъ живутъ люди менѣе зажиточные, а во второмъ, вся гонъ-конгская знать, консулы и банкиры. На

высокой горѣ стоитъ прекрасная обсерваторія, къ которой ведетъ роскошно вымощенная дорога, служащая мѣстомъ катанія по праздничнымъ днямъ; кромѣ этого развлеченія жители увеселяютъ себя балами, концертами и вечерами, даваемыми въ здѣшнемъ нѣмецкомъ клубѣ; но лучшимъ ихъ развлеченіемъ служатъ скачки на громадныя пари, происходящія за городомъ, въ роскошной долинѣ Вунгъ Нее-Чонгъ.

Простоявъ въ Гонъ-Конгѣ около трехъ мѣсяцевъ, намъ удалось присутствовать на такъ называемыхъ февральскихъ скачкахъ, продолжавшихся три дня. Долина Вунгъ-Чонгъ представляла въ эти дни необыкновенно оживленную, пеструю картину; шумъ и гамъ стояли невообразимые: одинъ другому предлагалъ держать пари за извѣстную лошадь, пари, доходящее у богатыхъ людей до нѣсколькихъ тысячъ долларовъ. Ристалище обозначалось на зеленѣющей долинѣ громаднымъ оваломъ, окруженнымъ величественными гранитными горами; вокругъ устроены были павильоны для зрителей, причемъ они подраздѣлялись на нѣсколько отдѣльныхъ группъ: въ одномъ мѣстѣ стояли павильоны высшей гонъ-конгской аристократіи, въ другомъ—для купцовъ и жителей средняго сословія, дальше для китайцевъ, гебровъ, индусовъ и парсовъ; словомъ, каждая каста, каждая народность имѣла свое особенное помѣщеніе. Мы, какъ иностранные гости, получили лучшія мѣста и притомъ безплатно; богатые люди, кромѣ павильона, имъ предназначеннаго, раскинули еще въ живописномъ безпорядкѣ роскошныя палатки, въ которыхъ устраивались у нихъ въ антрактахъ хорошія закуски и отличныя выпивки. Къ услугамъ менѣе зажиточныхъ людей сновали среди толпы китайскіе разнощики со всевозможными явствами и сластями; тутъ вы можете встрѣтить китайцевъ со множествомъ распластанныхъ, вяленыхъ утокъ, нанизанныхъ на тонкую жердь, съ китайскими сластями и вареньями, съ фруктами, и наконецъ цѣлыя артели кухмистеровъ, зазывающихъ публику барабаниньемъ па-

лочкою въ деревянную тарелку, эмблему ихъ искусства, и производства.

Передъ скачками всѣмъ зрителямъ роздали программы, въ которыхъ перечислены были всѣ гоняющіеся, но не по фамиліямъ, а по костюму, напримѣръ: красная рубашка и черная шапка, голубая рубашка съ сѣрою шляпою и такъ далѣе. Такимъ образомъ слѣдить за скачкою было чрезвычайно легко; желавшіе держать за кого-нибудь пари записывали свои фамиліи противъ соотвѣтствующей костюмировки и отдавали программы распорядителямъ. Скачки продолжались три дня; онѣ начинались обыкновенно въ первомъ часу и кончались въ шесть; каждый бѣгъ совершался не болѣе какъ въ двѣ минуты; въ продолжительные антракты играла англійская военная музыка. Въ скачкахъ участвовали и китайцы, которые, заразившись отъ англичанъ, держали также довольно крупныя пари.

Во время бѣга съ препятствіями случилось два паденія, но оба удачныя, при чемъ одна изъ лошадей, потерявъ сѣдока, продолжала гонку, перегнала всѣхъ и уже была близка къ призовому столбу, какъ вдругъ съ чего-то раздумала дальше бѣжать и преспокойно вернулась къ своему господину. Такимъ образомъ она лишилась вполнѣ ею заслуженнаго приза, но все-таки возбудила къ себѣ общее сочувствіе. Во время самой скачки десятки тысячъ зрителей почти не дышали: съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили они за всѣми случайностями бѣга; но какъ только призы взяты,— долина принимала необыкновенно оживленный видъ; вся публика немедленно расходилась въ разныя стороны: люди богатые располагались въ своихъ палаткахъ, гдѣ закусывали и пили, при громѣ музыки въ честь побѣдителей; а люди побѣднѣе разсаживались прямо на травѣ, гдѣ попало, и, образовавъ множество самыхъ разнообразныхъ, пестрыхъ и характеристическихъ группъ, наполняли свои желудки разными подозри-

тельными явствами, приготовленными, на скорую руку, бродячими кухмистерами.

Время на скачкахъ мы провели необыкновенно весело, да и вообще Гонъ-Конгъ доставилъ намъ, въ продолженіи почти трехъ мѣсячной стоянки, не мало развлеченій, за что мы ему премного благодарны и никогда его не забудемъ.

16 декабря 1873 года, мы проводили корветъ „Витязь" на родину; сколько было ему пожеланій, сколько сердецъ сжалось отъ невыразимаго ощущенія, отъ досады, что имъ долго еще не биться на дорогой родинѣ, въ кругу давно ожидающихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ. Проводы были торжественные, вполнѣ соотвѣтствующіе такому важному, дорогому для витязанъ событію; грустно стало у многихъ на душѣ, когда „Витязь", при неумолкаемомъ „ура" разбѣжавшихся по вантамъ матросовъ и торжественномъ „Боже Царя Храни", проходилъ гордо мимо судовъ, салютовалъ флагомъ и какъ бы прощался съ оставшимися на чужбинѣ изгнанниками... Прощай, „Витязь", Богъ дастъ и мы будемъ когда-нибудь на родинѣ, которую такъ ждетъ каждое сердце, о которой всѣ думаютъ и вспоминаютъ почти каждый день!... Прощай, дай Богъ счастливаго плаванія; дай Богъ скорѣе войти въ родныя для тебя воды!

ГЛАВА XXII.

Городъ Пакнамъ.—Рѣка Менамъ.—Неприятные сосѣди.—Бангкокскіе храмы.—Первая аудіенція у сіамскаго короля. — Королевская пагода.—Сіамскій театръ.—Вторая аудіенція у сіамскаго короля.—Священные слоны.—Возвращеніе на „Аскольдъ". — Жители и костюмы.

12 февраля, 1874 года, корветъ „Аскольдъ" снялся съ якоря съ гонъ-конгскаго рейда для слѣдованія въ Бангкокъ, столицу Сіамскаго королевства; переходъ

былъ вполнѣ удачный: сперва штили, затѣмъ маловѣтріе отъ востока; но какъ только проплыли группы острововъ Лема и достаточно удалились отъ берега, подулъ свѣжій сѣверный муссонъ, который довелъ корветъ, при десяти узлахъ ходу, до самой южной оконечности Кохинхины. Здѣсь вѣтеръ сталъ стихать и отходить къ юго-востоку, а къ 21 февраля онъ совершенно стихъ и заставилъ насъ развести пары, но не надолго, такъ какъ мы были уже близки къ цѣли нашего путешествія. Духота наступила невыносимая; солнце пекло такъ, что казалось хотѣло сжечь весь корветъ; сверху съ такелажа капала смола; палуба раскалилась до такой степени, что по ней положительно нельзя было ходить...

22 февраля прибылъ къ намъ на корветъ лоцманъ, родомъ баварецъ, который долженъ былъ поставить насъ на якорь на внѣшнемъ бангкокскомъ рейдѣ, въ девяти миляхъ отъ берега, такъ какъ „Аскольдъ" не могъ перейти бара, находящагося передъ рѣкою Менамъ, и стать на якорь на внутреннемъ рейдѣ. Прежде чѣмъ вести корветъ къ мѣсту якорной стоянки, лоцману пришлось отвѣчать на массу самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые положительно сыпались на него со всѣхъ сторонъ; всѣмъ хотѣлось какъ можно скорѣе разузнать вывѣдать что нибудь о новомъ городѣ, его развлеченіяхъ, а главное о его прекрасномъ населеніи. Баварецъ бойко отвѣчалъ на всѣ задаваемые ему вопросы и притомъ, какъ послѣ оказалось, немилосердно вралъ и преувеличивалъ; но, тѣмъ не менѣе, мы съ жадностью слушали отъ него бангкокскія новости, и ждали съ нетерпѣніемъ того момента, когда намъ самимъ придется все увидѣть и испытать...

Лоцманъ поставилъ насъ на якорѣ при устьѣ рѣки Менамъ, въ тридцати пяти миляхъ отъ Бангкока и въ девяти отъ берега, который выяснялся на горизонтѣ едва замѣтною полосою. Такая отдаленность берега показалась намъ необыкновенно странною, тѣмъ болѣе,

что до сихъ поръ мы становились на якорь почти у самаго берега; но ближе подходить было уже нельзя, такъ какъ лотъ показывалъ всего только пять саженъ глубины. На рейдѣ стояло четыре купеческихъ судна и лоцманскій ботъ; такимъ образомъ, обществомъ похвалиться мы не могли, и внѣшній рейдъ вообще имѣлъ видъ очень печальный и скромный.

На слѣдующій день былъ отправленъ въ городъ нашъ ревизоръ, съ цѣлію разузнать на счетъ провизіи, и, между прочимъ, сообщить германскому консулу Вернеръ-фонъ-Бергену (такъ какъ нашего консула здѣсь нѣтъ) о желаніи адмирала осмотрѣть городъ. Сіамское правительство, получивъ заявленіе Вернеръ-фонъ-Бергена и зная, что корветъ „Аскольдъ" не можетъ перейти бара рѣки Менамъ, немедленно выслало въ распоряженіе нашего адмирала небольшую, старую, паровую яхту, на которой прибыли: губернаторъ провинціи Пакнамъ и чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которые привезли отъ сіамскаго правительства адмиралу приглашеніе посѣтить городъ и быть, все время пребыванія въ Бангкокѣ, гостемъ его величества сіамскаго короля; затѣмъ пакнамскій губернаторъ заявилъ, что его величество, король сіамскій, очень радъ приходу русскаго военнаго судна и очень сожалѣетъ, что до сихъ поръ не имѣлъ съ Россіею никакихъ офиціальныхъ сношеній.

25 февраля, корветъ „Аскольдъ" поднялъ національный сіамскій флагъ и отсалютовалъ въ честь сіамской націи двадцатью однимъ выстрѣломъ; затѣмъ адмиралъ, въ сопровожденіи офицеровъ составлявшихъ его свиту, и пакнамскаго губернатора, пересѣлъ на яхту, которая, снявшись съ якоря, пошла по направленію рѣки Менамъ. При съѣздѣ съ „Аскольда" пакнамскаго губернатора отсалютовали еще пятнадцатью выстрѣлами, и, такимъ образомъ, всѣмъ воздана была должная почесть; пройдя баръ, мы пошли въ устье рѣки Менамъ; справа и слѣва потянулись низменные берега, густо заросшіе

кустарникомъ, сквозь роскошную зелень котораго иногда можно было замѣтить какіе-то степи, тянущіяся на довольно значительное разстояніе. Оказалось, что это были сіамскія укрѣпленія, защищающія входъ въ рѣку; въ былое время ни одно судно не могло войти въ Менамъ раньше, чѣмъ не сниметъ всѣхъ своихъ орудій и не сдастъ порохъ и снаряды; въ настоящее же время эта долгая процедура уничтожена, и каждое военное и купеческое судно, желающее пройти въ внутренній бангкокскій рейдъ, обязано только сдать весь грузъ пороха; сдача эта обыкновенно производится въ Пакнамѣ, небольшомъ городѣ съ крѣпостію, лежащемъ недалеко отъ устья рѣки Менамъ.

Мы подошли къ Пакнаму около часу пополудни и стали на якорь; немедленно отвалила отъ крѣпости шлюпка и подошла къ нашей яхтѣ; пакнамскій губернаторъ передалъ на нее нашъ флагъ, и объявилъ, что сейчасъ будетъ салютъ русской націи и адмиралу, отвѣтъ на салютъ, произведенный съ корвета „Аскольдъ". Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени съ крѣпостнаго флагштока, былъ спущенъ сіамскій флагъ, съ изображеніемъ бѣлаго слона на красномъ полѣ; вмѣсто него поднялся нашъ, и крѣпостца, скрывшись въ пороховомъ дымѣ, загремѣла изъ своихъ небольшихъ орудій законнымъ числомъ выстрѣловъ въ честь русской націи и адмирала. Послѣ салюта мы немедленно снялись съ якоря и пошли вверхъ по рѣкѣ Менамъ; тянувшіеся мимо насъ низменные берега хотя и были покрыты роскошною тропическою растительностью, вѣяли какимъ-то, скоро наскучающимъ однообразіемъ; среди густой зелени, прижимаясь къ рѣкѣ, виднѣлись туземныя, бамбуковыя хижины, съ остроконечными крышами, построенныя на сваяхъ или просто на плотахъ; вокругъ каждой хижины шли небольшія терассы, прикрытыя разноцвѣтными соломенными цыновками. Чѣмъ ближе подходили мы къ Бангкоку, тѣмъ берега рѣки становились все оживленнѣе; вотъ потянулись паровыя лѣсопильни,

рисовыя мельницы, склады строеваго лѣса, доки, какіе-то казенные магазины и тому подобныя постройки сіамскаго порта... Наконецъ, показались, черезъ вершины кокосовыхъ пальмъ, высокіе шпицы и минареты Бангкока; еще нѣсколько поворотовъ по извилистой рѣкѣ— и глазамъ нашимъ представилась величественная картина: передъ нами разстилалась во всей своей прелести столица Сіамскаго королевства, азіятская Венеція; зубчатыя стѣны, бѣлыя башни придавали ей какой то фантастическій видъ; сотни пагодъ простирали къ небу свои золоченные шпицы, свои дивные купола, облитые фаянсомъ и сіяющіе хрусталемъ и затѣйливыми глазурными украшеніями... Берега рѣки сплошь были покрыты тысячами пловучихъ домовъ, расположенныхъ въ рядъ, оригинальныя крыши которыхъ какъ нарочно были выведены въ одну линію; туземное населеніе въ своихъ яркихъ одеждахъ сновало по рѣкѣ, на маленькихъ челнокахъ, и еще больше разнообразило дивную картину... По срединѣ рѣки стояло нѣсколько десятковъ купеческихъ судовъ разныхъ національностей, но больше англійскихъ и американскихъ; среди нихъ гордо красовались военныя сіамскія суда, совершенно европейской конструкціи.

Въ Бангкокѣ адмиралу былъ приготовленъ красивый домъ, построенный на сваяхъ, въ которомъ оказалось одно большое зало, столовая и нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ для сопровождавшихъ его офицеровъ; сіамское правительство, повидимому, всѣми силами старалось доставить своимъ гостямъ всевозможныя удобства; къ ихъ услугамъ были шлюбки съ королевскими гребцами, экипажи и, наконецъ, чиновники министерства иностранныхъ дѣлъ, которые должны были служить намъ переводчиками и показывать всѣ достопримѣчательности города; чиновники эти обыкновенно назначались только къ высокимъ иностраннымъ гостямъ, и подобная любезность со стороны сіамскаго правительства еще больше показывала, что мы для него гости довольно пріятные.

Какъ только ввели насъ въ отведенный намъ домъ мы были немедленно приглашены въ зало, гдѣ придворный спикеръ объявилъ намъ, что сіамское правительство отдаетъ домъ въ наше полное распоряженіе и проситъ себя ничѣмъ не стѣснять; затѣмъ насъ всѣхъ размѣстили по комнатамъ, и угостили отличнымъ джиномъ, приготовленнымъ на англійскій маneръ; сервировка присланная для нашего употребленія изъ королевскихъ запасовъ, была превосходная; столъ былъ украшенъ прекрасными тропическими цвѣтами, разставленными съ необыкновеннымъ вкусомъ и умѣньемъ...

Было уже поздно, когда всѣ разошлись отъ ужина а потому каждый и поспѣшилъ немного отдохнуть; но, по правдѣ сказать, отдыхъ былъ не очень пріятенъ: домъ, построенный для тропическаго климата, безъ потолка, хотя и представлялъ съ отворенными на всю ночь дверями и окнами довольно прохладное убѣжище, но непріятныя отвратительныя ящерицы, всевозможныхъ породъ и видовъ, ползающія по стѣнамъ, полу и даже постели, долгое время не позволяли намъ заснуть и дѣлали сонъ нашъ очень тревожнымъ. Хотя сознаешь вполнѣ, что животныя эти совершенно безвредны, но все таки непріятно проснуться и вдругъ увидѣть, чуть ли ни у себя на носу, какую нибудь зеленую, желтую или бурую ящерицу, необращающую на васъ положительно никакого вниманія. Только, что вы отгоните непріятное животное и заснете, какъ чувствуете во снѣ, что къ вашему лицу, открытой груди или рукѣ прикасается что-то холодное, скользкое, отвратительное; просыпаетесь—опять ящерица, еще больше, отвратительнѣе и сквернѣе; невольно вскакиваете съ постели, а ящерицы и слѣдъ простыль. Трудно привыкнуть къ подобнымъ непріятнымъ сосѣдямъ, но все-таки привыкнуть современемъ можно, что подтверждаютъ собою туземные жители, которые на ящерицъ, доходящихъ иногда до весьма порядочной величины, обращаютъ

столько же вниманія, сколько мы обращаемъ у себя вниманіе на таракана, клопа или жука, случайно забредшаго въ наши комнаты...

Всѣ мѣстныя ящерицы удивительно быстро размножающіяся на низменной болотистой мѣстности, на которой раскинулся Бангкокъ, совершенно безвредны, безвреднѣе нашей мухи или таракана, которые иногда весьма непріятно кусаются; ящерицы же никогда не кусаются, и всѣми силами, по видимому, стараются жить съ людьми въ полномъ мирѣ и согласіи...

Благодаря ящерицамъ, ночь для нѣкоторыхъ, немогущихъ слишкомъ скоро свыкнуться съ этими непріятными животными, прошла довольно безпокойно. Утромъ, 26 февраля, напившись чаю и немного закусивъ, адмиралъ отправился съ визитами къ разнымъ сіамскимъ сановникамъ; его сопровождалъ германскій консулъ Вернеръ-фонъ-Бергенъ и одинъ изъ приставленныхъ къ намъ чиновниковъ, человѣкъ весьма предупредительный и услужливый, очень хорошо говорящій по англійски; онъ былъ одѣтъ, по случаю предстоящихъ визитовъ, въ черный фракъ, въ петлицѣ котораго болталось нѣсколько европейскихъ орденовъ; европейскія же брюки онъ рѣшилъ лучше замѣнить, по случаю нестерпимой жары, своимъ національнымъ костюмомъ, то есть обвернулъ попросту свои ноги въ синюю, весьма легкую матерію. Странно было видѣть человѣка въ полуевропейскомъ и полусіамскомъ костюмѣ, но дѣлать было нечего: такая уже тутъ мода, а къ модѣ извѣстно надо привыкать...

Въ этотъ день адмиралъ сдѣлалъ визитъ тремъ министрамъ (иностранныхъ дѣлъ, военному и морскому), регенту и первому королевскому секретарю; всѣ эти чиновники живутъ совершенно на европейскій ладъ; дома ихъ украшены бронзою, дорогими коврами и роскошною мебелью; всюду адмирала принимали съ большимъ почетомъ и угощали превосходнымъ чаемъ и па-

пиросами изъ сіамскаго табаку [1]). Въ этихъ офиціальныхъ визитахъ время протекло незамѣтно до самаго завтрака, послѣ котораго адмиралъ отправился въ сопровожденіи того-же германскаго консула чиновника Лонгъ-Байса и своей свиты, осматривать бангкокскія пагоды. Всѣ бангкокскіе храмы расположены въ одномъ мѣстѣ и обнесены высокою каменною стѣною, а потому и осмотрѣть ихъ непредставляло особеннаго труда. Это священное мѣсто имѣетъ видъ какого-то фантастическаго города, съ массою вздымающихся къ небу разноцвѣтныхъ куполовъ, шпицевъ и башенъ; при солнечныхъ лучахъ картина по-истинѣ ослѣпительная! Самая грандіозная изъ пагодъ лежитъ почти на самомъ берегу рѣки Менамъ; ее окружаетъ небольшой, зеленѣющій лѣсокъ; она состоитъ изъ множества причудливыхъ башенокъ, которыя вѣнчаются роскошнымъ центральнымъ шпицемъ, въ 300 футъ вышины, поддерживаемымъ хоботами трехъ громадныхъ бѣлыхъ слоновъ. При солнечныхъ лучахъ храмъ этотъ представлялъ ослѣпительную массу: разноцвѣтная эмаль, фаянсъ, украшенный множествомъ роскошныхъ розетокъ придаетъ этой пагодѣ фантастическій, дивный видъ; кажется, что она собрана изъ разноцвѣтныхъ камней, блестящихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги...

Всѣ храмы непремѣнно посвящены Буддѣ—божеству, высокочтимому сіамцами; куда ни взглянешь—всюду Будда, во всѣхъ видахъ, положеніяхъ и всевозможныхъ размѣровъ: тутъ Будда лежащій, тамъ сидящій, стоящій, благословляющій и т. д. При входѣ въ пагоду стоятъ непремѣнно такъ называемые геніи, охранители священнаго мѣста; эти геніи представлены въ видѣ самыхъ разнообразныхъ, исполинскихъ чудовищъ съ звѣрскими безобразными лицами, съ открытыми ртами, изъ которыхъ непремѣнно торчатъ страшныя клыки. Но,

[1]) Чай и папиросы считаются у сіамцевъ первымъ угощеніемъ, все равно, что у насъ вино и закуска; отказаться отъ этого угощенія—это прямо обидѣть гостепріимство хозяевъ.

къ удивленію нашему, мы замѣтили передъ одною пагодою вмѣсто обыкновенныхъ геніевъ охранителей двухъ голландцевъ, передъ другою—какихъ-то штатскихъ въ цилиндрахъ и съ тросточками въ рукахъ, а передъ третьею двухъ солдатъ съ обнаженными саблями. Какія обстоятельства побудили сіамцевъ присоединить всѣхъ вышеприведенныхъ субъектовъ къ своимъ геніямъ охранителямъ, добиться было нельзя, и намъ положительно никто не могъ объяснить откуда появились среди страшныхъ чудовищъ, эти обыкновенныя для насъ фигуры...

Различныя изображенія на стѣнахъ пагодъ тоже возбудили наше любопытство, потому что зачастую видишь, рядомъ съ картиною изъ жизни божественнаго Будды или изъ мученій ада, виды европейскихъ эскадръ, атаки англичанъ какихъ нибудь китайскихъ укрѣпленій, какое нибудь сраженіе и тому подобное, нисколько не относящееся къ религіи. Изъ всего этого можно заключить, что сіамцы вообще не слишкомъ религіозно относятся къ своему божеству и имъ положительно все равно,—видятъ ли они передъ собою Будду во всѣхъ его видахъ и положеніяхъ, или какое нибудь другое изображеніе, далеко на похожее на этого великаго мужа. Вообще сіамскіе храмы можно причислить скорѣе къ какимъ нибудь хранилищамъ, музеумамъ, въ которыхъ собраны не только туземныя рѣдкости и богатства, но даже ветошь и хламъ, собранный Богъ вѣсть гдѣ и когда. Сіамцы хотя и хвалятся своею религіею, и тѣмъ, что среди нихъ нѣтъ ни одного христіанина, но, тѣмъ не менѣе, они ее положительно не уважаютъ, что можно заключить изъ вышеприведеннаго описанія; во всѣхъ храмахъ показалось мнѣ довольно грязно для такого священнаго мѣста; служба бонзами совершалась какъ-то на отмашь, разсѣянно, только-бы съ плечь долой; а молельщики были заняты скорѣе жеваніемъ и куреніемъ бетеля, чѣмъ вознесеніемъ молитвъ къ своему божеству. Вообще не-

религіозное настроеніе молельщиковъ произвело на насъ весьма непріятное впечатлѣніе: странно, дико было видѣть какой-то базаръ вмѣсто божественной службы, жеваніе и куреніе бетеля вмѣсто молитвъ, неумѣстную болтовню и шумъ вмѣсто должной благопристойности и религіозности!..

Изо всѣхъ храмовъ по внутреннему украшенію, обратилъ наше вниманіе храмъ возлежащаго Будды. Прежде всего мы увидѣли цѣлую массу разныхъ чудовищъ изъ инкрустованнаго мрамора: тутъ были трехголовыя слоны, крылатые крокодилы, полутигры-полузмѣи и тому подобные диковинки фантазіи сіамскаго воображенія; но что ждало насъ впереди—положительно трудно было даже себѣ представить. Мы вошли въ роскошную колоннаду изъ тиковаго дерева и были поражены громоздящеюся передъ нами золотою массою; съ перваго раза трудно было разобрать, что за новое чудовище возвышается передъ нашими глазами; но не много всмотрѣвшись, можно было замѣтить въ этомъ чудовищѣ человѣческія формы и, въ концѣ концовъ, увидѣли передъ собою гигантскаго золотаго Будду, лежащаго на правомъ боку, головою къ выходу изъ пагоды; правая рука божества подпирала голову, а лѣвая—лежала вдоль бедра. Глаза у Будды серебрянные, губы изъ розовой эмали, а на головѣ роскошная золотая корона украшенная драгоцѣнными каменьями; размѣры его по-истинѣ изумительные: длина 160 футъ, а высота—35 футъ. Въ ноздряхъ этого чудовищнаго произведенія легко можно спрятаться человѣку; одинъ ноготь божества равняется человѣческому росту; словомъ, страшно даже сравнивать себя съ этимъ исполинскимъ Буддою, составляющимъ величайшую гордость сіамцевъ. Никогда и нигдѣ религія не украшалась подобными несмѣтными богатствами: одѣяніе Будды, отлитое изъ чистаго золота, стоитъ милліоны рублей; самъ же онъ сдѣланъ изъ камня, обложеннаго мѣдью и представляетъ величайшее изображеніе одушевлен-

наго предмета въ мірѣ. Будда лежитъ на высокомъ (около шести футъ) пьедесталѣ и почти подпираетъ собою крышу храма, кругомъ его оставленъ не широкій проходъ, въ которомъ во всякое время вы можете видѣть молельщиковъ, возносящихъ къ величественному Буддѣ свои молитвы вмѣстѣ съ бетелемъ и плевками... Отдѣлка храма необыкновенно роскошная: всѣ двери и ставни оконъ сдѣланы изъ прекраснаго чернаго дерева, изукрашеннаго превосходною перламутровою инкрустаціею. Трудно описать величественность этой замѣчательной пагоды, гдѣ сіамская святыня положительно раздавила насъ своею страшною массою и богатствомъ; солнечные лучи, проникая черезъ окна, играли и отражались отъ драгоцѣннаго металла, ярко выдѣляя эту поражающую массу изъ общаго таинственнаго полумрака. Интересно было бы знать, сколько человѣческихъ трудовъ и усилій, сколько денегъ положено на созданіе этой замѣчательной громады, этого чудовищнаго произведенія сіамскаго воображенія?!..

Осмотрѣвъ храмы, мы переправились на другую сторону рѣки Менамъ, съ цѣлію посѣтить расположенный тамъ буддистскій монастырь; на берегу прежде всего бросились намъ въ глаза туземные монахи, съ выбритыми головами и бровями, одѣтые въ какія-то римскія тоги шафраннаго цвѣта. Каждый изъ монаховъ держалъ въ одной рукѣ желѣзный жезлъ, а въ другой—большое опахало изъ пальмовыхъ листьевъ—знаки ихъ священной обязанности...

Монахи вообще очень почитаемы сіамцами, и хотя подчинены весьма строгимъ правиламъ монастырской жизни, но грѣшатъ больше всякаго обыкновеннаго смертнаго, потому что правила эти положительно нелѣпы, и они приносятъ монахамъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, и пріучаютъ ихъ къ лѣни, невоздержанности и неумѣренности. Приведу для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Монахамъ не разрѣшается ѣсть мясо и пить вино

(а приносить божеству эти продукты не запрещается, чѣмъ монахи конечно пользуются).

2) Обработывать землю считается большимъ грѣхомъ, такъ какъ во время вспашки можно умертвить нечаянно какого-нибудь жучка или червяка; а жизнь животныхъ должна быть неприкосновенна, потому что они олицетворяютъ собою переродившуюся душу какого-нибудь человѣка.

3) Монахи должны жить милостынею, а не трудомъ, не варить рисъ, такъ какъ въ немъ есть зародышъ жизни.

4) На кобылахъ и ослицахъ ѣздить строго воспрещается.

5) Если монахъ увидитъ во снѣ молодую дѣвушку то это считается самымъ страшнымъ грѣхомъ, за который Будда наказываетъ чрезвычайно строго; чтобы избѣгнуть этого наказанія, монахъ долженъ принести публичное покаяніе.

6) Монахамъ слѣдуетъ избѣгать женщинъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ подаютъ имъ ѣсть.

Каждый день монахи отправляются собирать подаянія. Быстро наполняютъ они свои карманы и чаши добровольными приношеніями и пожертвованіями, затѣмъ приносятъ все это въ храмъ и поѣдаютъ съ удивительнымъ обжорствомъ; кромѣ того, истинно вѣрующіе сами приносятъ въ храмъ самыя лучшія кушанья и напитки, и ставятъ ихъ передъ своимъ божественнымъ Буддою; конечно божество ихъ ничего не попробуетъ, но монахи за его здоровье истребятъ все до тла.

По сіамскимъ законамъ всѣ безъ исключенія должны побывать опредѣленное время въ монашескомъ званіи, между 20 и 21 годомъ; даже король не можетъ избѣжать этой участи и тоже нѣсколько недѣль живетъ въ монастырѣ, вполнѣ подчиняясь уставу монастырской жизни. На это время со всѣхъ снимаются всѣ почести чины и свѣтское ихъ званіе, а король лишается пре-

стола и власти; послѣ окончанія искуса всѣ занимаютъ предоставленныя имъ прежде должности, и король вторично коронуется.

Въ монастырѣ мы зашли осмотрѣть находящуюся здѣсь роскошную пагоду, построенную пирамидально; во внутреннихъ колонадахъ храма стояло до сотни алтарей, въ большомъ количествѣ украшенныхъ золотыми, серебряными, порфировыми, мѣдными и каменными статуетками Будды во всѣхъ видахъ и положеніяхъ; главное же изображеніе божества помѣщалось совершенно отдѣльно. Въ святилище это вела изъ храма громадная, прекрасная дверь изъ чернаго дерева, роскошно инкрустованнаго разноцвѣтнымъ перламутромъ. Войдя въ святилище, мы были поражены величіемъ открывшейся нашимъ глазамъ картины; передъ нами сидѣлъ, на высокомъ пьедесталѣ въ 45 футъ вышины Будда со скрещенными ногами, въ остроконечной золотой коронѣ на головѣ; божество это было по крайней мѣрѣ сорока футъ вышины, такъ что общая масса достигала до девяносто пяти футъ и представляла по-истинѣ, величественную картину. Будда помѣщался подъ высокой, пятиэтажною крышею, покрытою голубою, желтою и зеленою черепицею; вокругъ него висѣли большія бронзовыя чаши, въ которыхъ горѣло ароматическое масло; стѣны пагоды были украшены разными доспѣхами, роскошными фресками и картинами. Солнечные лучи, проникая черезъ слуховыя окна гигантской крыши, придавали общей картинѣ необыкновенно эффектный и торжественный видъ; нѣсколько десятковъ бонзъ неистово били въ гонги производили такой непріятный, оглушающій шумъ, что намъ, новичкамъ, показалось въ храмѣ очень жутко, почему мы и поспѣшили вонъ.

По выходѣ изъ пагоды, намъ предложено было нашими провожатыми взобраться на пирамидальную крышу храма, откуда долженъ былъ, по ихъ словамъ, открыться хорошій видъ на городъ и его окрестности. Обѣщаніе нашихъ провожатыхъ вполнѣ оправдалось;

Бангкокъ лежалъ передъ нами, какъ на ладони; его небольшіе дома тонули въ густой, тропической зелени, изъ которой виднѣлись только ихъ сѣренькія, соломенныя крыши; рѣка Менамъ, извиваясь между роскошными берегами, тянулась передъ нами блестящею лентою, испещренною темными пятнами, происходящими отъ множества сновавшихъ вверхъ и внизъ пирогъ...

Собственно городъ не представлялъ слишкомъ большаго разнообразія, но за то мѣстность, занятая храмами и дворцами, имѣли необыкновенно оживленный, оригинальный и роскошный видъ; болѣе тридцати пагодъ вздымали къ небу сотни фаянсовыхъ шпицевъ, башенъ и колоколенъ, переливающихся на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги; казалось, видишь передъ собою какой-то сказочный городъ изъ „Тысяча одной ночи!..“

Монастыремъ мы окончили свою прогулку, такъ какъ на слѣдующій день намъ предстояло имѣть аудіенцію у сіамскаго короля, а къ ней небходимо было приготовиться... Аудіенція была назначена въ 4 часа пополудни, а потому, не желая тратить даромъ времени, адмиралъ посвятилъ все утро осмотру бангкокскаго адмиралтейства, которое намъ показывалъ доковый адмиралъ (dock-admiral), сіамецъ, получившій образованіе въ Англіи; осматривать пришлось немного, такъ какъ портовыхъ учрежденій здѣсь очень ограниченно число, а потому осмотръ нашъ окончился скоро. Нѣсколько сараевъ, предназначенныхъ для склада разныхъ судовыхъ вещей и лѣса, маленькая кузница, кранъ и два дока:—вотъ всѣ постройки сіамскаго адмиралтейства; вообще, видъ его былъ очень непривлекателенъ; въ кучахъ разнаго мусора и хлама валялись старыя чугунныя пушки, развалившіеся станки, дырявые котлы, трубы и наконецъ, только-что привезенныя изъ Англіи орудія Армстронга. Все это было перемѣшано и сложено безъ всякаго порядка и никто, кажется, особенно не заботился о сохраненіи всѣхъ этихъ вещей и мате-

ріаловъ. Вообще Бангкокское адмиралтейство находится въ младенческомъ состояніи и много еще надо будетъ потратить сіамскому правительству денегъ, чтобы сдѣлать изъ него что-нибудь путное, достойное вниманія... Сіамскій военный флотъ состоитъ въ настояще время изъ двухъ корветовъ, трехъ канонирскихъ лодокъ и трехъ шхунъ; кромѣ того скоро будетъ готовъ еще одинъ корветъ, а затѣмъ намѣреваются приступить къ постройкѣ двухъ броненосныхъ канонирскихъ лодокъ съ опускающимися въ трюмъ орудіями. Корветы, какъ главныя боевыя суда, вооружены двумя нарѣзными, заряжающимися съ казенной части орудіями, сорокафунтовыми армстроновскими и традцати-шести фунтовыми гладкостѣнными пушками; команда ихъ снабжена скорострѣльными ружьями системы Снайдера, принятой на англійскихъ военныхъ судахъ. Кромѣ этихъ судовъ, нужно упомянуть еще о двухъ колесныхъ яхтахъ, изъ которыхъ одна принадлежитъ регенту, а другая—королю; корпуса почти всѣхъ этихъ судовъ строились въ бангкокскихъ докахъ туземными мастеровыми, а скрѣпленіе, машины и вооруженіе выписывались изъ Англіи и Франціи. Окончивъ осмотръ адмиралтейства, мы вернулись въ отведенное намъ помѣщеніе, позавтракали и начали собираться къ предстоящей аудіенціи нашего адмирала съ его величествомъ, сіамскимъ королемъ...

Одѣвшись, мы усѣлись на королевскія шлюбки, отданныя въ наше распоряженіе, и, въ сопровожденіи германскаго консула, переводчика и королевскаго чиновника, отправились въ старый городъ, въ которомъ находятся королевскіе дворцы, обнесенные высокою, каменною стѣною. Гребцы наши, все сіамцы, одѣтые въ синія брюки и куртки, обшитыя широкою красною тесьмою, лихо подкатили насъ къ городской пристани, на которой встрѣтили адмирала четыре камергера сіамскаго короля, главный судья, пакнамскій губернаторъ и почетный караулъ со знаменемъ. По выходѣ на берегъ, адмиралъ былъ приглашенъ въ такъ называемый

международный домъ, въ которомъ обыкновенно принимаются, передъ королевскою аудіенціею, всѣ иностранные послы и гости. Здѣсь всѣхъ угостили, по сіамскому обычаю, чаемъ, во время котораго полевая артиллерія отсалютовала адмиралу съ пристани пятнадцатью выстрѣлами; послѣ чая насъ усадили въ придворныя коляски, запряженныя прекрасными рослыми лошадьми австралійской породы, въ англійской упряжи; при каждомъ экипажѣ находилось по два кучера и лакея; послѣдніе стояли на запяткахъ и были одѣты въ англійскія куртки и узкія брюки съ золотыми позументами. До дворца было не болѣе двухъ верстъ; чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ нему, тѣмъ окружающая насъ мѣстность становилась все многолюднѣе и оживленнѣе; множество носилокъ [1]), тянулось по одному съ нами направленію, поднося ко дворцу придворныхъ и военныхъ, долженствующихъ присутствовать при аудіенціи нашего адмирала у сіамскаго короля; массы полуодѣтаго народа толпились на всѣхъ углахъ и съ любопытствомъ посматривали на давно невиданныхъ гостей (первыя русскія суда—клиперъ Гайдамакъ и корветъ Новикъ посѣтили Сіамъ въ 1863 году). Подъѣхавъ къ мѣсту, занятому дворцами, мы были поражены роскошью поднимающихся передъ нами королевскихъ построекъ; высоко къ небу вздымался первый портикъ королевскаго жилища, построенный изъ роскошнаго бѣлаго камня; масса величественныхъ колоннъ поддерживала громадную капитель, состоящую изъ девяти, постепенно уменьшающихся, коронъ, наложенныхъ одна на другую, надъ которыми вздымался къ небу прекрасный шпицъ.

[1]) Сіамскіе носилки состоятъ изъ широкой скамейки съ двумя бамбуковыми жердями; при нихъ необходимы непремѣнно четыре носильщика и еще одинъ съ огромнымъ зонтикомъ, обязанность котораго прикрывать сидящаго въ носилкахъ отъ жгучихъ лучей тропическаго солнца. Сіамскіе носилки не такъ удобны какъ китайскіе паланкины.

Короны и шпицъ были покрыты роскошною эмалью съ тысячами фарфоровыхъ розетокъ—красныхъ, голубыхъ, желтыхъ и зеленыхъ; зрѣлище было по-истинѣ восхитительное: казалось, по капители разбросаны были массы драгоцѣнныхъ камней, блистающихъ на солнцѣ самыми яркими цвѣтами! Съ каждой стороны портика прилегали жилища для священныхъ слоновъ; въ глубинѣ обширнаго двора виднѣлось главное зданіе дворца, глазуренная черепичная крыша котораго была ослѣпительнаго блеска. Края крыши были отдѣланы тонкою, изящною рѣзьбою, въ видѣ кружевъ, опускающихся совершенно вертикально; общая архитектура королевскаго помѣщенія была такъ причудлива, что невольно приходило въ голову, что видишь передъ собою зданія, перенесенныя сюда изъ сказочнаго міра.

На дворцовомъ дворѣ насъ встрѣтили два батальона сіамскаго войска со знаменемъ и музыкою; солдаты были одѣты совершенно по англійски и вооружены ружьями системы Снайдера.

Дворъ сіамскаго короля еще не собрался, а потому намъ пришлось немного подождать; насъ ввели въ прекрасное зало, гдѣ начали угощать, по обыкновенію, чаемъ, который подавалъ намъ главный экономъ короля, швейцарецъ, одѣтый въ изящный фракъ, бѣлый жилетъ и галстукъ. Между тѣмъ понемногу зало начало наполняться придворными и дворянами, имѣющими доступъ во дворецъ; всѣ были одѣты необыкновенно изящно: однобортные сюртуки европейскаго покроя красиво сидѣли на статныхъ сіамцахъ; кушаки, сплетенные изъ тонкой золотой цѣпи, съ пряжками, украшенными драгоцѣнными камнями, плотно обхватывали ихъ стройныя таліи; ноги, вмѣсто брюкъ, были обернуты въ легкія, синія, сіамскія шали и обуты въ синіе же чулки и башмаки съ пряжками, тоже украшенными у нѣкоторыхъ драгоцѣнными камнями. Головной уборъ ихъ состоялъ изъ легкой, шелковаго войлока, каски, на вершинѣ которой красовались остроконечныя сіам-

скія короны. Сюртуки ихъ были сшиты изъ легкой индѣйской золотой парчи, тканой на голубомъ, зеленомъ или красномъ фонѣ; такимъ образомъ, весь костюмъ придворныхъ и дворянъ былъ необыкновенно легокъ и совершенно соотвѣтствовалъ тропическому климату страны; военные отъ гражданскихъ лицъ отличались только тѣмъ, что были опоясаны саблями. Всѣ сіамцы производили чрезвычайно хорошее впечатлѣніе; но жаль только, что они до сихъ поръ не оставили свою скверную привычку жевать бетель, отъ котораго чернѣютъ зубы и уродуются десны: даже во дворцѣ они не могли пробыть безъ этого продукта, жевали и плевались точно на базарѣ...

Только что мы успѣли достаточно ознакомиться съ окружающими насъ лицами, какъ явился министръ иностранныхъ дѣлъ и предложилъ адмиралу отправиться въ тронное зало, на аудіенцію короля. Когда мы вошли въ зало, король молодой, красивый человѣкъ, одѣтый необыкновенно просто въ сравненіи съ окружающими его придворными, стоялъ передъ своимъ трономъ, поставленнымъ на небольшомъ возвышеніи; по правую его сторону помѣщалась военная свита короля, а по лѣвую — всѣ королевскіе принцы, одѣтые совершенно также, какъ и прочіе придворные, но только съ орденомъ Братской Короны на шеѣ. По сіамскому этикету, мы должны были при входѣ въ зало сдѣлать поклонъ королю, на срединѣ ея другой и передъ трономъ третій; сопровождавшіе насъ сіамцы остановились у дверей въ почтительномъ разстояніи отъ своего владыки. Послѣ форменнаго представленія, король обратился къ нашему адмиралу съ рѣчью, въ которой высказалъ свою надежду, что Сіамъ съ Россіею будетъ находиться въ такихъ же дружественныхъ отношеніяхъ, какъ и съ остальными державами и что въ скоромъ будущемъ между ними подпишется трактатъ, который еще болѣе утвердитъ добрыя отношенія между двумя государствами. Послѣ этого король спросилъ о здоровье адми-

рала и окружающихъ его лицъ и, кончивъ этимъ аудіенцію, вышелъ изъ зала...

Тронное зало было отдѣлано съ необыкновенною роскошью; поддерживаемое рядомъ высокихъ золоченыхъ колоннъ, оно глядѣло какъ-то величественно и гордо; его потолокъ былъ отдѣланъ золотомъ, полы украшены яркими, мягкими, дорогими, коврами... На одной изъ стѣнъ, отдѣланныхъ подъ желтый мраморъ, противъ королевскаго трона, помѣщался огромный сіамскій гербъ, изображавшій трехъглаваго слона; по правую сторону трона красовалась большая, масляная картина, представляющая первую аудіенцію сіамскихъ пословъ у королевы Викторіи.

Наша аудіенція продолжалась не болѣе десяти или пятнадцати минутъ; послѣ нея мы отправились, по приглашенію германскаго консула, осматривать королевскую пагоду, о баснословныхъ богатствахъ которой мы слышали и читали такъ много, что намъ очень хотѣлось все провѣрить собственными глазами. Насъ повели черезъ лабиринтъ фарфоровыхъ лѣстницъ, пестрыхъ, затѣйливыхъ башенъ и многоэтажныхъ терассъ; но вотъ мы и передъ храмомъ; наружныя стѣны его были положительно залиты золотомъ, двери и ставни у оконъ были чернаго дерева, роскошно инкрустованнаго перламутромъ и серебромъ.

Передъ входомъ стояли геніи—охранители самаго разнообразнаго и ужаснаго вида, а рядомъ съ ними двѣ коровы (животныя очень уважаемыя сіамцами), вылитыя въ Европѣ изъ свинцу. Но что увидѣли мы внутри храма, то рѣшительно превосходило всѣ наши ожиданія: роскошь и драгоцѣнности положительно ослѣпили насъ. Первое, что бросилось намъ въ глаза, какъ невиданная нами рѣдкость, это Будда, помѣщенный на алтарѣ и сдѣланный изъ величайшаго въ свѣтѣ смарагда; онъ представленъ въ сидячемъ положеніи и имѣетъ два фута вышины и футъ ширины. Эта рѣдкость, взятая сіамцами съ бою у бирманцевъ, не имѣ-

етъ цѣны и служитъ гордостью всего Сіамскаго королевства; внизу, передъ алтаремъ, помѣщались еще двѣ статуи Будды, величиной съ человѣческій ростъ и вылитыя изъ чистаго золота, въ дюймъ толщиною; онѣ представляютъ Будду благословляющаго, и роскошью своего одѣянія положительно соотвѣтствуютъ сидящему божеству. Ладони рукъ ихъ обращены къ молящимся и въ каждой вставлено по огромному брильянту; все платье, короны, пояса и кольца были совершенно залиты драгоцѣнными каменьями лучшей воды: тутъ были брильянты, изумруды большой величины, сафиры, опалы, рубины, жемчугъ и т. д. Нельзя оторвать глазъ отъ этой массы драгоцѣнностей, и невольно приходитъ на умъ, откуда все это добыли?.. Весь алтарь былъ уставленъ, кромѣ того, множествомъ маленькихъ изображеній божества, осыпанныхъ также драгоцѣнными каменьями, разными дорогими индѣйскими вещицами и, между прочимъ двумя, большими деревьями, въ сажень вышиною, изъ которыхъ одно отлито изъ чистаго золота и другое изъ серебра... Интересно было бы знать, сколько потрачено золота на отливку имѣющихся въ пагодѣ драгоцѣнностей?.. Богатства королевской пагоды невольно заставляютъ обратить вниманіе на простоту и бѣдность бонзъ, которымъ ввѣрены эти неоцѣнимыя драгоцѣнности; они ходятъ среди раззолоченнаго храма въ такомъ бѣдномъ, нищенскомъ одѣяніи, что невольно хочется подать имъ мелкую монету...

Подробно осматривать всѣ королевскія постройки намъ было не въ моготу, такъ какъ жара стояла невыносимая, а мы одѣты были не по тропическому; бросивъ бѣглый взглядъ на остальные храмы, памятники, обелиски и другія болѣе или менѣе замѣчательныя сооруженія, мы отправились къ германскому консулу, пригласившему насъ на парадный обѣдъ, данный въ честь нашего адмирала.

Въ такихъ оффиціальныхъ прогулкахъ протекъ весь день и мы съ большимъ удовольствіемъ вернулись на-

конецъ въ свое прохладное помѣщеніе, сбросили тяготившіе насъ мундиры, и легли отдохнуть...

Слѣдующій день мы провели также оффиціально, какъ и предъидущій; утромъ адмиралу дѣлали визиты всѣ сіамскіе сановники, а вечеромъ самъ онъ представлялся второму королю [1]). Представленіе это прошло безъ особеннаго церемоніала; король очень долго разговаривалъ съ адмираломъ, по домашнему, сидя вокругъ круглаго стола, разспрашивалъ объ „Аскольдѣ", о русскихъ судахъ, плавающихъ въ китайскихъ водахъ, о русскомъ морозѣ, и вообще интересовался весьма многимъ, касающимся вооруженія нашей арміи и флота. Онъ хорошо говорилъ по-англійски, а потому весь разговоръ велся безъ переводчика; онъ оказался даже весьма образованнымъ человѣкомъ и показывалъ намъ карты Сіама собственной работы... Послѣ аудіенціи мы были приглашены сопутствующимъ насъ чиновникомъ въ индійскій частный театръ, который онъ содержалъ на собственный счетъ; чиновникъ этотъ оказался очень богатымъ человѣкомъ и жилъ въ роскошномъ плавучемъ домѣ, украшенномъ коврами, дорогими картинами и превосходными зеркалами. Театръ его тоже помѣщался на плоту, огороженномъ легкими жалюзи и прикрытомъ пальмовою крышею; всѣ актеры были женщины, набѣленныя и нарумяненныя до-нельзя; костюмы ихъ были необыкновенно роскошны, и по нимъ уже можно было судить, что нашъ гостепріимный хозяинъ богатъ какъ Крезъ.

Сюжетъ игранной передъ нами трагедіи заключался въ томъ, что короля похищаетъ всеразрушающая смерть; королева горько оплакиваетъ своего любимаго супруга,

---

[1]) Въ Сіамѣ всегда царствуютъ два короля; одинъ изъ нихъ управляетъ, а другой—только пользуется царскими почестями и государственными дѣлами не занимается; второй король обыкновенно выбирается изъ ближайшихъ родственниковъ штатнаго короля, имѣетъ свой дворецъ, придворныхъ, войско и всѣ иностранные послы и гости должны представляться ему наровнѣ съ первымъ королемъ.

ищетъ средства возвратить его къ жизни и, наконецъ, при помощи какихъ-то чаръ, достигаетъ своей желанной цѣли, причемъ всѣ окружающіе выказываютъ самую неудержимую радость. Все представленіе шло самыми неграціозными пантомимами, актеры то и дѣло присѣдали, кланялись одинъ другому, разводили руками, какъ-то дико и неестественно выворачивали кисти рукъ и пялили другъ на друга свои глаза; во время игры пѣлъ женскій хоръ и играла весьма нестройная музыка: музыканты неистово били палочками, съ маленькими шариками на концѣ, въ бамбуковыя, мѣдныя и чугунныя пластинки.

Представленіе шло чрезвычайно долго, и своимъ однообразіемъ начинало уже намъ пріѣдаться; значительно утомленные, мы наконецъ обратились къ хозяину съ вопросомъ, когда будетъ конецъ трагедіи; на это получили въ отвѣтъ, что актеры будутъ играть до тѣхъ поръ, пока гости не разойдутся, и даже, если представится надобность, цѣлую ночь. Все время любезный хозяинъ угощалъ насъ разными сіамскими сластями, преимущественно засахаренными фруктами и какими-то кореньями; ѣсть эти туземныя лакомства не было возможности: они были сильно жгучи и остры на вкусъ; приходилось ихъ пожевать только для виду, чтобы не обидѣть гостепріимнаго хозяина, и затѣмъ выбрать удобную минуту, чтобы все выплеснуть въ уголокъ. Мы просидѣли у нашего спутника до двѣнадцатаго часу...

На слѣдующій день адмиралъ завтракалъ у морскаго министра, обѣдалъ у министра иностранныхъ дѣлъ,—и наконецъ являлся на частную аудіенцію къ первому королю. Король принялъ въ этотъ разъ совершенно по домашнему, долго разговаривалъ съ нимъ, разспрашивалъ о русскомъ флотѣ, плавающемъ въ китайскихъ водахъ, и, въ концѣ концовъ, благодарилъ адмирала за посѣщеніе имъ Сіама, и заявилъ опять желаніе вступить непремѣнно съ Россіею въ такія же

дружественныя сношенія, въ какихъ находится въ настоящее время съ другими европейскими державами...

Передъ аудіенціею мы ходили смотрѣть на сіамскихъ, священныхъ бѣлыхъ слоновъ, живущихъ въ роскошномъ помѣщеніи при дворцѣ; каждый слонъ имѣетъ свой особый домъ, надъ входомъ котораго непремѣнно красуется большая красная доска, на которой прописанъ золотыми буквами весь титулъ этого священнаго животнаго [1]), Слоны стояли обыкновенно на небольшомъ возвышеніи, подъ роскошнымъ балдахиномъ, украшеннымъ разноцвѣтными шелками и цвѣтами; они были накрыты дорогими бархатными чепраками, вышитыми золотомъ и серебромъ и украшены золотыми браслетами, ожерельями и драгоцѣнными каменьями. У каждаго слона есть свои слуги, обязанность которыхъ— лелѣять и ухаживать за этими высокопочитаемыми божествами; пища имъ обыкновенно подается съ колѣнопреклоненіемъ на громадныхъ золотыхъ или серебряныхъ подносахъ, а вода—въ прекрасныхъ чашахъ того же металла. Вообще эти животныя пользуются въ Сіамѣ большимъ почетомъ и уваженіемъ, такъ какъ, по мнѣнію сіамцевъ, въ нихъ непремѣнно должна присутствовать душа Будды. Когда поймаютъ новаго слона, то это обстоятельство считается у сіамцевъ громаднымъ праздникомъ, большимъ торжествомъ; его приводятъ въ Бангкокъ съ торжественною процессіею, съ почестями, присвоенными только однимъ божествамъ; самъ король встрѣчаетъ это священное животное въ полной формѣ и отводитъ ему при своемъ дворцѣ удобное и роскошное помѣщеніе...

---

[1]) Чѣмъ слонъ бѣлѣе, тѣмъ онъ считается цѣннѣе и священнѣе; при этомъ обращаютъ еще вниманіе на его глаза: они тоже должны быть свѣтлые, что случается весьма рѣдко. Слонъ удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ святости, носитъ королевскій титулъ, немного потемнѣе—титулъ Чау-фіа, присвоенный только министрамъ Сіамскаго королевства, а еще хуже зовется просто фіа, или губернаторомъ.

День этотъ закончился обѣдомъ у министра иностранныхъ дѣлъ; роскошный, богато-убранный, домъ этого сіамскаго сановника произвелъ на насъ чрезвычайно хорошее впечатлѣніе. Обѣдъ сошелъ, при роскошной, истинно-царской, сервировкѣ, очень удачно и торжественно; все время гремѣла музыка и тостъ шелъ за тостомъ; мы слышали давно намъ знакомые мотивы изъ разныхъ оперъ, и невольно душою и мыслями переносились на дорогую намъ родину, которую не видали уже почти два года...

Этимъ днемъ закончилось и наше пребываніе въ Бангкокѣ, произведшемъ на насъ хорошее впечатлѣніе; на другой день адмиралъ уже былъ готовъ возвратиться на „Аскольдъ". Въ наше распоряженіе отданъ былъ тотъ же пароходикъ, на которомъ мы прибыли въ столицу; предполагалось, до вечера, во время прилива, пройти баръ рѣки Менамъ, но это предположеніе, вслѣдствіе неисправности машины на пароходѣ, не оправдалось, и мы должны были поневолѣ переночевать въ Пакнамѣ. Нашъ переходъ къ Пакнаму былъ очень неудаченъ; за неимѣніемъ манометра, нельзя было держать должное количество пару, а потому мы шли все время малымъ ходомъ; кромѣ того, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неисправностей и поврежденій, машина нѣсколько разъ останавливалась и на отрѣзъ отказывалась везти гостей сіамскаго короля. Въ эти критическія минуты пароходъ, отданный на произволъ одного только теченія, несло на какой-нибудь берегъ, и мы положительно засѣдали въ кустахъ, откуда приходилось выбираться съ большими затрудненіями, такъ какъ вода, вслѣдствіе отлива, быстро шла на убыль. Благодаря присутствію нашего судоваго механика, машина была наконецъ, на скорую руку, приведена въ порядокъ, и мы, съ грѣхомъ пополамъ, добрались до Пакнама. Здѣсь всѣ, по приглашенію губернатора, перебрались на берегъ и размѣстились въ гостиницѣ, такъ какъ собственнаго губернаторскаго дома въ Пакнамѣ нѣтъ

и самъ онъ живетъ обыкновенно въ Бангкокѣ. На другой день утромъ сѣли мы опять на несчастную нашу яхту и, при салютѣ адмиралу, отправились на корветъ; въ 10 часовъ были уже на мѣстѣ, а въ два—снялись съ якоря и пошли въ Сингапуръ...

Заканчивая эту главу, скажу еще нѣсколько словъ о Бангкокѣ и его жителяхъ. Улицы города не отличаются чистотою и опрятностью; узкія, неправильныя— онѣ служатъ стокомъ всевозможныхъ нечистотъ; обыкновенно, по нимъ рѣдко кто и ходитъ; каждый согласится лучше проѣхать на шлюпкѣ, такъ какъ весь городъ изрѣзанъ множествомъ каналовъ, которые и служатъ здѣсь самыми лучшими путями сообщенія и замѣняютъ наши проспекты. Каналы эти имѣютъ необыкновенно оживленный видъ: съ обѣихъ сторонъ тянутся легкіе, плавучіе дома туземнаго населенія и выходцевъ изъ Китая; по всѣмъ направленіямъ снуютъ тысячи мѣстныхъ пирогъ, служащихъ здѣсь самымъ обыкновеннымъ перевозочнымъ средствомъ. На плотахъ толпятся массы самаго разнообразнаго народа; тутъ вы увидите чистокровныхъ сіамцевъ, китайцевъ, малайцевъ и разную смѣсь тѣхъ и другихъ.

Сіамцы имѣютъ почти одинаковый цвѣтъ кожи съ малайцами, но рѣзко отличаются отъ нихъ тѣмъ, что брѣютъ, всѣ безъ исключенія—мужчины, женщины и дѣти, себѣ голову такъ, что оставляютъ только на макушкѣ пучекъ волосъ, очень смахивающій на пѣтушиный гребешекъ. Костюмъ туземцевъ обоего пола весьма несложный и чисто тропическій; онъ состоитъ изъ куска какой-нибудь цвѣтной бумажной матеріи, накинутой на плечи и стянутой между ногами, и другого куска, обернутаго кругомъ ногъ; иногда же они довольствуются только послѣднимъ кускомъ и ходятъ такимъ образомъ полуголыми... Женщины любятъ всевозможныя украшенія: ихъ ноги и руки обыкновенно украшены золотыми и серебряными браслетами, а шея— ожерельями въ нѣсколько рядовъ...

Вода рѣки Менамъ, вслѣдствіе сильнаго теченія и илистаго грунта очень мутна, и пить ее нѣтъ возможности; обыкновенно ее заблаговременно разливаютъ въ огромные кувшины, даютъ отстояться и затѣмъ только употребляютъ ее въ питье и пищу; купаться въ рѣкѣ чрезвычайно опасно, такъ какъ въ ней не мало ядовитыхъ змѣй и небольшихъ крокодиловъ. Вообще окружающая Бангкокъ болотистая мѣстность служитъ большимъ притономъ всѣмъ отвратительнымъ туземнымъ гадамъ; ложиться въ постель нужно съ большою осторожностію, такъ какъ нерѣдко на нее заползаютъ не только безвредныя ящерицы, но даже и змѣи, часто ядовитыя, одно укушеніе которыхъ можетъ причинить скорую смерть. Вообще жизнь въ Бангкокѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, нельзя назвать пріятною, а для человѣка, чувствующаго ко всѣмъ гадамъ понятную антипатію, она можетъ быть пыткою, и пыткою весьма серьезною...

ГЛАВА XXIII.

Сингапуръ.—Его населеніе.—Основаніе Сингапура.—Его торговое положеніе.—Курильщики опіума.—Китайскіе и индусскіе храмы.—Вампоа.—Его садъ.—Манилла.—Старый городъ и его предмѣстье Бинондо.—Населеніе Маниллы.—Тагалы и тагалки.—Ихъ одежда.—Сигарныя фабрики. Дома.

Переходъ до Сингапура былъ удачный: свѣжихъ вѣтровъ, ненастья и качки какъ небывало; постоянные штили или маловѣтріе дозволили намъ располагать курсомъ по усмотрѣнію; конечно лучше бы было, если бы задулъ хорошій попутнякъ, но и за то надо благодарить Бога, что насъ не тормозили несносные противные вѣтры... Достаточно уже мы намучились длинными, тяжелыми переходами и теперь намъ предстояло совершать, большею частью, дамскія плаванія, въ водахъ

не бурныхъ, при обстоятельствахъ самыхъ благопріятныхъ... Весь нашъ небольшой переходъ до Сингапура совершился большею частью подъ парусами; къ парамъ мы прибѣгали только въ крайнемъ случаѣ, а именно: при выходѣ съ Банкокскаго рейда, второй разъ съ цѣлью отойти отъ берега, къ которому мы уже слишкомъ приблизились и третій—при входѣ на Сингапурскій рейдъ и то только потому, что передъ самымъ почти Сингапуромъ корветъ заштилѣлъ и паруса его безсильно захлопали, точно въ страшномъ изнеможеніи отъ экваторьяльной жары...

8 марта, утромъ, подъ парами вошли мы въ узкій Сингапурскій проливъ; справа и слѣва потянулись то низкіе, болотистые берега, покрытые роскошною тропическою растительностью, то высокія вулканическія вершины, лишенныя всякой растительности; въ два часа мы бросили якорь на Сингапурскомъ рейдѣ, почти въ 1½ миляхъ отъ берега. Городъ былъ скрытъ отъ насъ массою тропической растительности; и такъ мы не могли его разсмотрѣть, хотя этого сильно добивались; окружающая насъ мѣстность была необыкновенно роскошна; къ главному острову, на которомъ раскинулся знаменитый Сингапуръ, примыкало множество прелестныхъ низменныхъ островковъ, заросшихъ такою массою разнообразной тропической растительности, что положительно не видно было самыхъ островковъ, а вмѣсто нихъ, какъ будто, живописно разбросаны были роскошные букеты яркой зелени. На рейдѣ царствовало большое оживленіе и разнообразіе: тутъ, казалось, собрались со всего земнаго шара; тысячи сампанокъ съ китайцами, малайцами и африканцами сновали по всѣмъ направленіямъ и придавали общей картинѣ необыкновенное оживленіе...

Городъ Сингапуръ со своимъ осѣдлымъ населеніемъ напоминаетъ, по своей разноплеменности, лагерь арміи Наполеона I при его нашествіи на Россію; здѣсь сгруппировалось такое разнообразіе племенъ и народовъ, что даже трудно себѣ представить, чтобы можно было

собрать на такомъ миніатюрномъ кусочкѣ земли такую разновидность. Китайцы, индѣйцы, малайцы, малабарцы, бенгальцы, арабы, персы, европейцы, американцы — собраны здѣсь точно на показъ; эта пестрая смѣсь распредѣлена въ городѣ чрезвычайно акуратно: у каждой народности есть свой кварталъ; здѣсь она развиваетъ свои силы, размножается, живетъ или прозябаетъ, смотря по вкусу и энергіи и, такимъ образомъ, представляетъ какъ-бы отдѣлъ всемірной выставки, гдѣ вы можете познакомиться достаточно подробно съ народомъ, въ странѣ котораго можетъ быть никогда не бывали. Въ каждомъ отдѣльномъ кварталѣ течетъ совершенно своеобразная жизнь; каждый отростокъ человѣческой расы знаетъ только самого себя; другимъ онъ не интересуется, другой его не безпокоитъ, а потому между этимъ подобіемъ наполеоновской великой арміи существуетъ полнѣйшій міръ и согласіе. Только китайцы, которые представляютъ главную массу населенія, заводятъ иногда между собою весьма крупныя, уличныя драки, причина которыхъ гнѣздится въ различіи религіозныхъ сектъ, по которымъ разсыпались сыны небесной имперіи; драки эти, при многочисленности китайскаго населенія, принимаютъ иногда такое направленіе, отъ котораго можетъ пострадать цѣлый городъ; но до этого англичане не допускаютъ и обыкновенно высылаютъ противъ дерущихся свои войска, которыя для этого нарочно и содержатся... До 1818 года Сингапуръ служилъ убѣжищемъ только тиграмъ и нѣсколькимъ малайцамъ, занимавшимся разными морскими промыслами, начиная съ добыванія коралла, раковинъ, жемчуга и другихъ рѣдкихъ даровъ океана и кончая грабежемъ. Въ 1819 году, англичане, потерявъ послѣ парижскаго трактата островъ Яву, который окончательно перешелъ къ голландцамъ, пожелали во что бы то не стало стать въ Малайскомъ архипелагѣ на твердой почвѣ; благодаря прозорливости сэра Стамфорда Ральфса, губернатора потерянной англичанами богатой колоніи, Англія возмечтала основать

здѣсь, если можно выразиться, моральное свое государство, взявъ въ матерьяльную подпору, по указанію Ральфса, незначительный островокъ Сингапуръ, который, повидимому, ни къ чему другому не былъ годенъ, какъ только развѣ быть убѣжищемъ для кровожадныхъ тигровъ и не менѣе кровожадныхъ малайцевъ.

Ральфсъ энергично утверждалъ, что Сингапуръ ждетъ богатая будущность, что этотъ ничтожный, повидимому, островокъ сдѣлается грознымъ противникомъ голландцевъ на ихъ торговомъ поприщѣ. Для этого, по его мнѣнію, необходимо было основать на Сингапурѣ порто-франко, единственное на всемъ китайскомъ прибрежьѣ. Сэръ Ральфсъ, человѣкъ удивительно энергичный, разумный и глубоко знакомый съ вопросами колонизаціи и съ восточными интригами, безъ особеннаго труда водрузилъ на островѣ Сингапуръ англійское знамя, заплативъ за это джохорскому раджѣ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ—кушъ чрезвычайно большой за клочокъ земли, но англичане не остались въ проигрышѣ: они отлично знали, что творили...

Съ этого момента Сингапуръ сталъ быстро расти и возвышаться, и скоро сдѣлался грознымъ соперникомъ Батавіи. Въ то время, когда голландцы наложили на вывозной товаръ слишкомъ большія пошлины, англичане объявили Сингапуръ порто-франко, и этимъ привлекли сюда всѣ коммерческія суда. Голландской торговлѣ былъ нанесенъ жестокій ударъ; напрасно голландцы начали обѣщать коммерческимъ судамъ всевозможныя льготы, напрасно уменьшили свои непомѣрныя пошлины — Сингапуръ, благодаря своему превосходному торговому положенію, вскорѣ сталъ выше всѣхъ портовъ китайскаго и малайскаго прибрежья. Торговля его стала быстро расти: онъ сдѣлался складочнымъ пунктомъ всѣхъ произведеній окружающихъ его острововъ; но съ открытіемъ нѣкоторыхъ китайскихъ портовъ значеніе его нѣсколько уменьшилось, такъ какъ вся торговля чаемъ сосредоточилась тогда въ Шанхаѣ и Гонъ-Конгѣ.

Центральное положеніе Сингапура между Калькутою, Бирманомъ, Явою, Сіамомъ, Борнео и Китаемъ дѣлаетъ изъ него мѣновой рынокъ для всѣхъ произведеній острововъ Индѣйскаго архипелага. Изъ Лондона присылаютъ сюда всевозможные товары, назначенные для отправки въ Китай, Сіамъ, на Яву и даже въ Японію, но преимущественно бумажныя издѣлія, оружіе и желѣзо; смотря по тому, гдѣ за какой товаръ въ извѣстное время даютъ больше, туда и направляютъ сингапурскіе негоціанты свои морскіе караваны и берутъ за все баснословные барыши. Америка высылаетъ въ Сингапуръ стеклянныя издѣлія, Австралія—лошадей и каменный уголь, Индія—хлѣбъ, каучукъ и опіумъ, Китай—золото, чай, камфару и квасцы, Кохинхина—рисъ, Манилла—табакъ и сахаръ, голландско-малайскіе острова—гутаперчу и каменный уголь, Целебесъ—сандальное дерево и ласточкины гнѣзда... Особенно успѣшно идетъ здѣсь торговля опіумомъ; онъ уничтожается въ громадномъ количествѣ: одинъ Сингапуръ потребляетъ его болѣе чѣмъ на 500,000 рублей. Этотъ ужасный товаръ, разрушающій жизнь милльонамъ китайцевъ, даетъ англичанамъ громадные барыши, ради которыхъ они не скоро бросятъ эту гнусную торговлю ядомъ, унижающую такую цивилизованную націю, какою считается англійская.

Странное дѣло, англичане пѣтушатся, кипятятся, чуть-ли не воюютъ изъ за одной отрасли гнусной торговли,—торговли людьми, а между тѣмъ сами своимъ опіумомъ приносятъ милльонамъ гораздо больше вреда.

Стоитъ только заглянуть въ одну изъ особо устроенныхъ лавочекъ въ китайскомъ кварталѣ, гдѣ занимаются куреніемъ опіума, чтобы произнести рѣшительный приговоръ надъ гнусною торговлею медленнымъ ядомъ. Представьте себѣ обширный бамбуковый баракъ, полутемный, съ душною атмосферою, пропитанной наркотическими испареніями; на широкихъ нарахъ, покрытыхъ смрадными, полусгнившими циновками, лежатъ

въ разныхъ положеніяхъ до нѣсколькихъ десятковъ несчастныхъ любителей опіума; подлѣ каждаго изъ нихъ горитъ небольшая лампочка съ кокосовымъ масломъ, служащая для закуриванія трубки.

Курильщики имѣютъ видъ самый отвратительный; мутные, неподвижные глаза ихъ устремлены въ одну точку съ какимъ-то скотскимъ, неестественнымъ выраженіемъ; губы отвисли, грудь судорожно вздымается и опускается; по всей раскинутой ихъ позѣ замѣтно, что они предаются какимъ-то невѣдомымъ наслажденіямъ, золотымъ грезамъ и обманамъ чувствъ. Трудно передать то тяжелое впечатлѣніе, которое производитъ на свѣжаго человѣка эта комната съ десятками несчастныхъ, ободранныхъ курильщиковъ, вкушающихъ райскія наслажденія на вонючихъ нарахъ, похожихъ на страшные скелеты, минуты которыхъ уже сочтены.

Подобныя грязныя лавчонки нерѣдко образуютъ цѣлый отдѣльный кварталъ; съ окончаніемъ дневныхъ работъ сюда собираются всѣ несчастные курильщики, которые нерѣдко покупаютъ на скудно заработанныя деньги скорѣе кусочекъ опіума, чѣмъ съѣстныхъ припасовъ, и цѣлую ночь предаются золотымъ грезамъ и галлюцинаціямъ: бѣднякамъ кажется, что они и богаты, и сыты, и одѣты, и обуты, имъ кажется, что они будто окружены красивыми женщинами, съ которыми вкушаютъ райскія наслажденія; словомъ, накурившись опіума, они наслаждаются точно въ Магометовомъ раю... Куреніе опіума ведетъ къ полному истощенію, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ силъ; этотъ медленный ядъ губитъ тысячи несчастныхъ, которые погибаютъ иногда даже въ цвѣтѣ лѣтъ. Въ курительныхъ лавчонкахъ можно встрѣтить очень часто совсѣмъ юныхъ сыновъ небесной имперіи, которые стоятъ однако уже на рубежѣ могилы: худые, какъ скелеты, съ мутными, безсмысленными глазами, разслабленные до самаго мозга костей—вотъ вамъ портретъ, умирающихъ въ страшномъ опьяненіи...

Однако—дальше, дальше отъ этихъ отвратительныхъ картинъ и изъ этого гнуснаго квартала перенесемся ближе къ центру города, къ рѣчкѣ Сингапуръ, отдѣляющей европейскую часть города отъ кварталовъ, занятыхъ малайцами, китайцами и индусами.

Отъ городской пристани тянется прекрасная набережная, къ которой примыкаетъ обширная площадь, окруженная тѣнистыми деревьями; посреди площади возвышается изящный обелискъ, поставленный въ память сэра Стамфорда Ральфса, основателя Сингапура. На этой-же площади пріютилась лучшая гостинница въ городѣ, длинное двухъ этажное зданіе, со всѣми приспособленіями къ тропическому климату, съ верандами, жалюзи и гигантскими вѣерами (пунка [1]).

Городская набережная служитъ сборнымъ пунктомъ всей сингапурской аристократіи, которая прогуливается здѣсь обыкновенно не раньше, какъ спадетъ дневной жаръ и наступитъ пріятно-освѣжающая прохлада... Европейскій кварталъ не представляетъ ничего особеннаго, заслуживающаго вниманія, а въ другіе—лучше не стоитъ и заглядывать: смрадъ, духота, вонь и все, что хотите, самое безобразное. Читатели уже достаточно ознакомились съ китайскою общественною жизнью вообще въ очеркѣ „Пребываніе въ Шанхаѣ", а потому говорить о ней больше нечего, такъ какъ тамъ и тутъ пахнетъ той-же вонючей непріятной китайщиной и на всемъ лежитъ таже китайская печать гадости и гнусности.

И такъ, оставимъ все это въ сторонѣ, а скажемъ нѣсколько словъ о китайскихъ и индусскихъ храмахъ, такъ какъ объ нихъ я до сихъ поръ не промолвилъ ни слова.

---

[1]) Вѣера эти устраиваются чрезвычайно просто: поперекъ комнаты подвѣшивается длинная, легкая рама, обтянутая полотномъ, низъ рамы обшитъ широкою холщевою оборкою. Отъ рамы идутъ шнурки, за которые и качаетъ ее малайская или китайская прислуга; этимъ постояннымъ движеніемъ рамы въ комнатѣ производится пріятная прохлада.

Китайскіе храмы отличаются отъ индусскихъ пагодъ необыкновенною пестротою, яркостью красокъ и слишкомъ фантастическимъ наружнымъ и внутреннимъ видомъ. Представьте себѣ одноэтажный домъ, прикрытый узорчатою крышею, съ загнутыми кверху углами и украшенною фарфоровыми драконами, змѣями и другими непонятными гадами, надъ опредѣленіемъ вида которыхъ цѣлый синклитъ извѣстнѣйшихъ въ мірѣ естествоиспытателей сталъ бы въ положительный тупикъ.

Внутренность храма поражаетъ посѣтителя еще большею пестротою; всюду позолота, фольга и безвкусная смѣсь самыхъ яркихъ красокъ; потолокъ храма поддерживается рядами гранитныхъ колоннъ, имѣющихъ видъ гигантскихъ рыбъ, вызванныхъ изъ области китайскихъ чудесъ и фантазій. Главный алтарь и два меньшихъ, находящихся по обѣимъ его сторонамъ, заставлены массою искусственныхъ цвѣтовъ, свѣчами и разными приношеніями болѣе благочестивыхъ прихожанъ; по сторонамъ главнаго алтаря стоятъ какіе-то красные шесты съ позолочеными неизвѣстными фигурами. Въ нишахъ храма помѣщается самъ Будда во всѣхъ видахъ и положеніяхъ; не вдалекѣ отъ главнаго алтаря виситъ громадный барабанъ, который служитъ для того, чтобы громомъ своимъ будить лѣниваго Будду и тѣмъ заставлять его внимательнѣе слушать молитвы его поклонниковъ; при богослуженіи, находящіеся при храмѣ бонзы не жалѣютъ силъ и барабанятъ съ такою энергіею, что, если-бы въ самомъ дѣлѣ Будда слышалъ постоянно этотъ барабанный громъ, то навѣрное черезъ нѣсколько времени совершенно бы оглохъ и былъ бы окончательно аппатиченъ не только къ барабанному бою, но даже и къ горячимъ моленіямъ своихъ ревностныхъ поклонниковъ...

Индусскій храмъ гораздо проще: въ немъ нѣтъ всепоглощающей въ китайскомъ вкусѣ позолоты, фольги и яркихъ красокъ; только одни идолы, разставленные

въ глубокихъ нишахъ, блистаютъ позолотою и горятъ такими яркими красками, такимъ безвкусіемъ, что тому и другому китайцы положительно бы позавидовали. Всѣ индѣйскіе идолы отличаются необыкновеннымъ безобразіемъ, и чѣмъ они на видъ страшнѣе и ужаснѣе, тѣмъ большимъ пользуются почетомъ и уваженіемъ. Тутъ вы увидите идоловъ съ шестью и даже восемью руками, съ звѣрскими глазами, съ необыкновенно уродливыми лицами и съ ужасно раскрытыми ртами, изъ которыхъ торчатъ такіе зубы, которымъ бы позавидовали даже бенгальскіе тигры и акулы.

Какое различіе существуетъ между китайскими и индусскими храмами, такое же сильное различіе легко замѣтить между религіознымъ настроеніемъ китайцевъ и индусовъ. Первые относятся къ своимъ храмамъ и божествамъ какъ-то небрежно, хладнокровно и флегматически; китаецъ входитъ въ храмъ почти съ тѣмъ же настроеніемъ, какъ можетъ быть входилъ за часъ передъ тѣмъ въ чайный домъ или въ кабакъ. Онъ не чувствуетъ къ своему божественному Буддѣ никакого уваженія и не требуетъ его даже и отъ постороннихъ посѣтителей: вы можете преспокойно входить въ самыя сокровенныя мѣста храма въ шляпѣ и съ сигарой во рту; вы можете, если желаете, разсматривать всѣ изображенія китайскаго божества въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ, дергать ихъ за носъ, за бороду, похлопывать по щекамъ, по толстенькому брюшку—и на все это окружающіе васъ бонзы не обратятъ никакого вниманія. Съ флегматическимъ видомъ будутъ они посматривать на всѣ ваши продѣлки и, въ случаѣ надобности, принесутъ даже вамъ какой нибудь табуретъ, если вы пожелаете дернуть за носъ Будду, сидящаго слишкомъ высоко...

Ничего подобнаго не замѣтите вы у индусовъ: въ храмѣ они имѣютъ видъ вполнѣ религіозный, божества свои хранятъ какъ зеницу ока; и не только не позволятъ вамъ дотронуться до какого нибудь идола, но

даже строго воспрещаютъ входить въ самую нишу, гдѣ онъ помѣщается. Въ храмѣ индусовъ вы должны вести себя вполнѣ благопристойно—иначе васъ попросятъ выйти, а въ крайнемъ случаѣ—съ позоромъ прогонятъ, какъ недостойнаго ходить подъ тѣмъ же кровомъ, подъ которымъ хранятся ихъ божества. Самый храмъ индусовъ высматриваетъ черезъ это какъ-то торжественнѣе, и въ него входишь съ какимъ-то совершенно особеннымъ настроеніемъ, чѣмъ въ китайскій, который весьма нерѣдко напоминаетъ какой нибудь базаръ...

Единственная достопримѣчательность Сингапура—это садъ нашего консула, извѣстнаго здѣшняго негоціанта Вампоа, родомъ китайца. Онъ прибылъ сюда еще маленькимъ, пообтерся среди европейскаго населенія и, благодаря своему уму, энергіи и коммерческой ловкости, быстро разбогатѣлъ и сдѣлался милліонеромъ. Домъ Вампоа лучшій въ Сингапурѣ, а его роскошнымъ имѣніямъ и загороднымъ дачамъ позавидовалъ бы самый богатый повелитель въ мірѣ...

Съ лучшимъ изъ загородныхъ домовъ Вампоа, при которомъ находится знаменитый садъ, намъ удалось вполнѣ ознакомиться, такъ какъ мы были приглашены консуломъ на обѣдъ, данный въ честь нашего адмирала; на обѣдѣ этомъ, въ числѣ прочихъ приглашенныхъ, присутствовалъ джегорскій раджа, независимый, владѣтельный князь на малайскомъ полуостровѣ, число подданныхъ котораго доходитъ до полутораста тысячъ человѣкъ.

Всѣ комнаты дома Вампоа представляютъ оригинальную и эффектную смѣсь китайскаго вкуса съ европейскимъ; дорогія, тысячныя китайскія бездѣлушки, рѣдкія громадныя, фарфоровыя вазы, роскошная рѣзная бомбейская мебель—все это было перемѣшано со всевозможными европейскими цѣнными вещами (между которыми впрочемъ попадались очень не цѣнныя), мебелью и предметами роскоши и изящества. Одна только

столовая была убрана въ совершенно европейскомъ вкусѣ; одна изъ стѣнъ ея была занята громаднымъ, двуглавымъ орломъ съ распростертыми крыльями, внизу котораго красовался изящно сдѣланный овальный щитъ съ нашимъ государственнымъ гербомъ; по обѣимъ сторонамъ щита висѣли большіе портреты Государя Императора...

Послѣ обѣда мы осматривали знаменитый садъ Вампоа, достойный особеннаго вниманія; садъ этотъ можно назвать мертвымъ и живымъ звѣринцемъ; представители мертваго звѣринца чрезвычайно искустно сдѣланы изъ проволоки, по которой вьется какое нибудь растеніе, и такимъ образомъ вы видите передъ собой крокодиловъ, слоновъ, собакъ, тигровъ и другихъ животныхъ, прекрасно сформированныхъ изъ роскошной зелени. Дальше вы видите цѣлыя деревья, такъ искустно поддѣланныя, что растутъ въ видѣ разныхъ чудовищъ, животныхъ, птицъ, корзинъ, башень, китайскихъ джонокъ и т. п.

Повидимому, Вампоа отличный садоводъ и много ему стоило труда и терпѣнія, чтобы подчинить деревья своей прихотливой фантазіи; но во всякомъ случаѣ онъ достигъ своей цѣли и садомъ своимъ удивляетъ всѣхъ иностранцевъ и путешественниковъ.

Изъ представителей живаго звѣринца особенно замѣчательны два урода—черепахи, изъ которыхъ одна имѣетъ шесть ногъ, а другая, въ противуположность,—ни одной, и отличнѣйшія свиньи, съ красивою щетиной и до того откормленныя, что при ходьбѣ, животы ихъ волочатся по землѣ... Множество прудовъ, переполненныхъ всевозможными рыбами и водяными растеніями, доверщаютъ общее великолѣпіе сада... Уже поздно вечеромъ вернулись мы на корветъ, и долго еще не выходилъ изъ головы фантастическій садъ Вампоа...

Въ Сингапурѣ мы ждали перемѣны NO муссона на SW, но, однако, не дождались, и 3 апрѣля ушли

въ Маниллу. По выходѣ изъ Сингапура, мы или штилевали, или едва ползли подъ парусами при самомъ тихомъ вѣтрѣ; въ десять сутокъ мы едва доползли до меридіана острова Борнео; уголь былъ на исходѣ, а потому рѣшено было спуститься въ англійскую колонію Викторію, расположенную на островѣ Лабуанъ, у сѣвернаго берега Борнео и запастись тамъ углемъ.

Островъ этотъ имѣетъ отличнѣйшія угольныя копи и служитъ станціею судамъ, идущимъ отъ Сингапура въ Гонъ-Конгъ; здѣсь они запасаются всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго плаванія.

16 апрѣля, къ заходу солнца, мы стали на якорь въ Victoria Harbour, слѣдующій день праздновали день рожденія Государя Императора и только 18 числа дѣятельно принялись за пріемку угля...

21 апрѣля, принявъ около шести тысячъ пудовъ угля, мы снялись съ якоря и, подъ парами, при тихомъ восточномъ вѣтрѣ, вышли изъ Victoria Harbour для слѣдованія въ Маниллу. При постоянныхъ почти штиляхъ или даже маловѣтріи, мы къ 26 апрѣля пришли на видъ гористыхъ береговъ острова Люсона, а въ полдень того же числа стали на якорь на громадномъ манильскомъ рейдѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, густо поросшими всевозможной тропической растительностью.

Передъ входомъ на рейдъ, стоятъ, точно стражи, два высокихъ гористыхъ острова, совершенно скрытыхъ въ густой зелени; на восточной сторонѣ рейда виднѣлось цѣлое море низенькихъ домовъ, надъ которыми рѣзко выдается, повидимому, грозная крѣпость, господствующая надъ всѣмъ городомъ и его предмѣстьемъ Манниллы, но выглядитъ скорѣе настоящимъ городомъ. Собственно городъ, или старая Манилла, окруженъ рвомъ и высокой каменной стѣной; онъ выглядитъ настоящимъ стариннымъ испанскимъ городомъ, въ каждой башнѣ, около каждой бойницы котораго, кажется, сидитъ горячій испанецъ въ холодныхъ латахъ и зорко,

подозрительно посматриваетъ на окружающую городъ мѣстность. На улицахъ стараго города какъ-то пустынно и уныло; монастыри и іезуиты встрѣчаются на каждомъ шагу, постоянный колокольный звонъ наводитъ на грустныя и тяжелыя мысли...

Лучшимъ мѣстомъ стараго города считаются его набережныя, служащія любимымъ мѣстомъ прогулокъ всего населенія; по вечерамъ играетъ здѣсь музыка, которая привлекаетъ сюда массу публики. На набережной, окаймляющей рѣку Пассига, стоитъ гранитная колонна, съ глобусомъ на вершинѣ, поставленная въ честь знаменитаго мореплавателя Магеллана, первымъ посѣтившаго Филиппинскіе острова...

Совершенную противуположность старому городу представляетъ предмѣстье Бикондо, выросшее напротивъ его, на лѣвомъ берегу рѣки Пассига. Тутъ кипитъ особенная жизнь и дѣятельность; монастырей не видно; іезуиты, монахи и патеры встрѣчаются очень рѣдко и, повидимому, чувствуютъ себя здѣсь не въ своей тарелкѣ. Масса народу, народу самаго разнообразнаго, пестраго, движется по всѣмъ направленіямъ; пестрота населенія Манилы замѣчательная: тутъ вы увидите чистокровныхъ испанцевъ, малайцевъ или тагаловъ, какъ ихъ называютъ испанцы, китайцевъ и японцевъ; но бо̀льшая часть населенія представляетъ такую странную прихотливую смѣсь, что положительно трудно разобрать, которая изъ всевозможныхъ народностей потрудилась больше въ созданіи этихъ субъектовъ.

Вѣковая смѣсь испанцевъ съ тагалами, японцами и китайцами, подмѣшанная и приправленная побывавшими здѣсь англичанами, французами, голландцами, русскими и даже полинезскими морскими разбойниками—вотъ вамъ главное населеніе города Маниллы и даже почти всего острова Люсона...

Костюмъ тагаловъ и тагалокъ весьма незамысловатъ и совершенно подходитъ къ здѣшнему жаркому климату; первые носятъ просто бѣлую бумажную рубашку,

такія-же брюки и соломенную шляпу; франты же наряжаются въ такую же безукоризненно бѣлую рубаху, но только сшитую изъ тонкой, блестящей мѣстной ткани, вытканной изъ тончайшихъ волоконъ пинмы или ананасовыхъ кореньевъ; панталоны ихъ, часто цвѣтныя, охвачены шитымъ поясомъ изъ китайскаго краснаго крепа; а на босыхъ ногахъ красуются лакированные сапоги.

Тагалки одѣваются не менѣе просто; блестящая, прозрачная, ананасовая рубашка, спускающаяся до тальи, одѣвается прямо на голое тѣло, такъ что черезъ нее достаточно ясно можно разсмотрѣть роскошные бюсты туземокъ. Красивый, цвѣтной шелковый поясъ сдерживаетъ длинную пеструю юбку, опускающуюся почти до земли; на босыхъ ножкахъ ихъ красуются миніатюрныя туфли, такія миніатюрныя, что едва, едва прикрываютъ кончики изящныхъ пальчиковъ. Длинные, мягкіе, густые роскошные свои волосы, которымъ позавидовала-бы любая европейская красавица, тагалки обыкновенно зачесываютъ назадъ и схватываютъ золотою шпилькою; нѣкоторыя изъ нихъ ходятъ съ распущенными косами и при этомъ еще больше выказываютъ всю роскошь, всю красоту своихъ великолѣпныхъ волосъ, чуть-чуть не достигающихъ земли.

Тагалки шляпъ не носятъ, но прикрываютъ свою голову платкомъ изъ самой тончайшей ананасной ткани, передъ которымъ долженъ спасовать самый лучшій батистъ. Тагалки хорошо сложены, обладаютъ маленькими, роскошными ручками и ножками и выразительными черными глазами; смуглыя ихъ лица имѣютъ какую-то особенную привлекательность, но красивыми ихъ назвать нельзя: немного приплюснутый, широкій носъ портитъ общее хорошее впечатлѣніе. Кромѣ того, тагалки уже сами портятъ себя тѣмъ, что курятъ, причемъ много плюются, что отъ прекраснаго пола странно, даже, дико видѣть, и притомъ жуютъ бетель, который, какъ извѣстно, придаетъ деснамъ и всей по-

лости рта темно-красный, какъ бы воспаленный цвѣтъ. На каждомъ почти шагу вы можете встрѣтить женщинъ или дѣвушекъ, иногда очень миловидныхъ, съ сигарами во рту и плюющихся, какъ наши извощики, что производитъ на новичка непріятное впечатлѣніе...

Въ предмѣстьѣ Бикондо изготовляются знаменитыя манильскія сигары; работой этой на нѣсколькихъ большихъ фабрикахъ занимаются круглый годъ до двадцати тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ; первые изготовляютъ папиросы, предназначающіяся только для мѣстнаго потребленія, а прекрасный полъ крутитъ сигары всевозможныхъ сортовъ, формъ и величинъ.

Въ наше время трудно было достать хорошихъ сигаръ потому, что, вслѣдствіе неизвѣстной болѣзни табачнаго листа, онѣ поѣдались небольшими жучками, которые заводились уже въ готовыхъ сигарахъ, какъ бы онѣ не были хорошо укупорены и точили ихъ до такой сильной степени, что вмѣсто сигаръ оставались однѣ только ихъ оболочки.

Нѣкоторые изъ нашихъ курильщиковъ, охотниковъ до хорошихъ сигаръ, сдѣлали къ своему несчастью запасъ ихъ въ нѣсколько сотъ штукъ, но имъ удалось выкурить только нѣсколько десятковъ, а остальное пришлось выбросить за бортъ или же отдать матросамъ, которые крошили ихъ и, когда былъ на исходѣ ихъ крѣпкій тютюнъ, съ удовольствіемъ дѣлали изъ нихъ себѣ папиросы, въ которыхъ бумаги всегда оказывалось больше табаку...

Дома въ Маниллѣ не представляютъ ничего особеннаго: одноэтажные [1]), пестрые на видъ, съ галлереями вокругъ всего дома—они не производятъ новаго впечатлѣнія. Галлереи днемъ закрываются выдвижными рамами, въ которыя вмѣсто стеколъ вставлены перламутровыя раковины, хорошо пропускающія свѣтъ, но

---

[1]) Ихъ рѣдко строятъ выше, потому что на островѣ Люсонѣ нерѣдко бываютъ землетрясенія и сильнѣйшія бури.

задерживающія при этомъ жаръ, что для манильскихъ жителей—прекрасное открытіе, такъ какъ здѣсь, даже зимой, бываетъ чрезвычайно жарко.

Вслѣдствіе этой несносной жары, днемъ обыкновенно здѣсь сидятъ по домамъ и только къ вечеру начинаютъ оживляться городскія улицы, на которыхъ появляются подышать свѣжимъ воздухомъ разряженныя сеньорины и франтоватые хвастливые сеньоры, назойливо ухаживающіе за своими прекрасными, черноокими дамами...

Ночи въ Маниллѣ восхитительны; прохладный, освѣжающій, переполненный ароматомъ цвѣтовъ и деревьевъ, воздухъ пріятно заигрываетъ послѣ несносной жары тропическаго дня; ночную тишину нарушаютъ иногда только отдаленные звуки гитары, акомпанирующей пріятному пѣнію: вѣроятно какой нибудь страстный гидальго даетъ серенаду своей возлюбленной... Ночная мгла прорѣзывается множествомъ свѣтящихся насѣкомыхъ, которыя подобно маленькимъ ракетамъ носятся въ воздухѣ, перелетаютъ съ дерева на дерево, кружась въ вышинѣ и молніей падаютъ на землю, ища себѣ отдыха въ густой листвѣ роскошныхъ деревьевъ...

7 мая корветъ „Аскольдъ" оставилъ Маниллу и пошелъ въ давно уже знакомый Нагасаки.

ГЛАВА XXIV.

Общее впечатлѣніе. Владивостокъ въ военномъ и торговомъ отношеніи.—Корейцы.—Общій видъ города.—Портъ.—Мавзовскій (китайскій), базаръ. Фанзы.—Собственно городъ.—Слободки: офицерская, новая и матросская.—Пути сообщенія.—Мосты.—Общій очеркъ климата.—Торговля морскою капустою и трепангами.—Сибирская флотилія.—Бухта «Золотой Рогъ».

20 мая, мы были уже въ Нагасаки; оставимъ описаніе новыхъ нагасакскихъ впечатлѣній до слѣдующаго посѣщенія корветомъ этого японскаго порта, когда удастся еще короче съ нимъ познакомиться, а теперь

прямо перейдемъ къ нашему вновь выросшему порту Владивостокъ, куда корветъ „Аскольдъ“ прибылъ 21 іюня, выйдя изъ Нагасаки 15 числа.

Общее, первое впечатлѣніе Владивостокъ произвелъ очень хорошее; расположенный на сѣверномъ берегу бухты „Золотой Рогъ“, глубоко вдавшейся въ материкъ, и окруженный зеленѣющими, живописными холмами, онъ имѣлъ въ себѣ много привлекательнаго, много картинности; деревянные домики, разбросанные въ одномъ направленіи, на протяженіи около пяти верстъ, замѣтно дѣлились на три какъ бы отдѣльныхъ квартала: собственно городъ, офицерскую слободу, въ которой построились наши офицеры и матросскую слободку, заселенную женатыми матросами... Маленькіе домики ползутъ выше и выше, располагаются по склонамъ живописныхъ холмовъ, которые идутъ отъ берега сперва отлого, но потомъ рѣзко возвышаются до значительной высоты...

Въ былое время, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, холмы эти были покрыты густою, разнообразною растительностью; но въ настоящее время, кромѣ приземистаго, кудряваго дубняка, жалкой березы и мелкихъ кустарниковъ ничего не видно; эта растительность такъ печальна, что невольно пожалѣешь о прежнихъ непроходимыхъ дебряхъ, до которыхъ теперь надо ѣхать чуть ли не десять верстъ. Уничтоженіе лѣсныхъ богатствъ идетъ здѣсь быстрыми шагами; съ каждымъ годомъ доставка строеваго лѣса дѣлается затруднительнѣе и затруднительнѣе; не болѣе какъ три-четыре года тому назадъ лѣсъ вывозился за двѣ, за три версты, а въ настоящее время приходится ѣхать за хорошимъ бревномъ не менѣе десяти, двѣнадцати верстъ. Особенно поѣдаютъ много строеваго лѣса наши казенныя постройки; десятки тысячъ бревенъ доставляются почти ежегодно и все еще до настоящаго времени не окончена и четвертая часть всѣхъ предполагаемыхъ казеныхъ зданій. Впрочемъ, можно достовѣрно ска-

зать, что Владивостокъ при настоящемъ ходѣ дѣла, будетъ строиться во все свое существованіе, потому что деревянныя постройки *недолговѣчны*; по мѣрѣ того, какъ будутъ строиться новыя казенныя зданія, старыя будутъ гнить, разваливаться и требовать, если не перестройки, то капитальныхъ исправленій.

Чтобы предотвратить эту вѣчную постройку, это безбожное уничтоженіе лѣсныхъ богатствъ необходимо всѣ казенныя зданія выстроить капитально изъ камня или кирпича; но почему-то, до настоящаго времени, на это не рѣшились, и вѣроятно потому, что Владивостокъ еще не очень твердо стоитъ на своемъ основаніи, какъ портъ, какъ нашъ опорный пунктъ на Великомъ Океанѣ...

До 1872 года единственнымъ нашимъ портомъ на берегахъ Великаго Океана былъ Николаевскъ, расположенный, какъ извѣстно, недалеко отъ устья великаго, но мало пригоднаго, Амура. Дѣятели нашихъ далекихъ окраинъ обѣщали ему великую будущность, пророчили, что пройдетъ нѣсколько лѣтъ съ его основанія и онъ станетъ на ряду въ дѣйствительности съ великимъ Санъ-Франциско, наряду съ первѣйшими портами Великаго Океана; но этому, какъ бы на зло всѣмъ сторонникамъ великой будущности Николаевска, не суждено было сбыться... Чѣмъ больше обстраивался нашъ «въ будущемъ великій» портъ, тѣмъ больше и больше находили въ немъ недостатковъ, тѣмъ больше задумывались надъ тѣмъ, что не пора ли уже бросить, вновь созданный дѣятелями, портъ и перенести его въ другое, болѣе удобное мѣсто. Заговорили, что Николаевскъ никуда не годенъ, какъ портъ военный и даже коммерческій, потому что въ Амуръ не могутъ войти суда большаго ранга и кромѣ того эта великая рѣка замерзаетъ чуть ли не на восемь мѣсяцевъ въ году. Впрочемъ, нѣкоторые умные люди увѣряли, что то и другое имѣетъ для спокойствія вновь созданнаго порта громадную и несомнѣнную выгоду, потому что, въ слу-

чаѣ войны съ иностранными морскими державами, ни одно судно ихъ большаго ранга не попадетъ къ Николаевску, а слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ естественно уже защищенъ, а для безопасности его не нужно строить особенныхъ фортовъ и баттарей и онъ можетъ преспокойно строиться и процвѣтать подъ толстымъ снѣжнымъ покровомъ, забытый людьми, міромъ и просвѣщеніемъ...

Съ того момента, какъ начали находить недостатки вновь созданнаго порта, Николаевскъ сталъ колебаться, и наконецъ, когда окончательно рѣшили, что перенести его въ другое мѣсто необходимо, онъ началъ разрушаться и приходить въ негодность, хотя онъ никогда и не былъ особенно годнымъ...

Другое мѣсто, куда рѣшено было перенести портъ, окрестили громкимъ — Владивостокъ; бухту, на берегахъ которой долженъ былъ стоять „тоже многообѣщающій портъ“ назвали не менѣе громко—„Золотымъ Рогомъ“, проливъ, которымъ нужно войти въ бухту — Босфоромъ Восточнымъ, словомъ — одними названіями всѣхъ окружающихъ будущій портъ мѣстъ — дѣятели пообѣщали ему не менѣе великую будущность, какую когда-то обѣщали и Николаевску... Но это только были однѣ обѣщанія, обѣщанія ничѣмъ не оправдываемыя, слишкомъ смѣлыя и торопливыя; восхваленный Владивостокъ оказался немногимъ лучше, канувшаго въ вѣчность Николаевска.

Хотя бухта его и замерзаетъ всего только на четыре почти мѣсяца въ году (дѣятели говорили, что она совсѣмъ не замерзаетъ), хотя онъ и расположенъ «почти у устья рѣки Суйфунъ, соединяющей его будто бы съ великимъ Амуромъ», хотя онъ и лежитъ всего только въ нѣсколькихъ сотняхъ миляхъ отъ главныхъ торговыхъ рынковъ Японіи и Китая; но къ чему все это для града, который въ сущности не можетъ пользоваться всѣми этими будто-бы значительными выгодами...

Въ военномъ отношенiи Владивостокъ стоитъ очень низко; его расположенiе въ отношенiи обороны такъ неудобно, природа такъ мало позаботились объ его естественной защитѣ, что непрiятельскiя суда могутъ сдѣлать съ нимъ, что захотятъ: сжечь—сожгутъ, уморить голодомъ—уморятъ. Для его безопасности намъ нужно или строить дорого стоющiе многочисленные форты и баттареи, или же содержать такую броненосную эскадру, которая во всякое данное время могла бы выйти изъ нашей бухты «Золотой Рогъ», сразиться съ непрiятельскимъ флотомъ и не допустить его даже на выстрѣлъ къ нашему богоспасаемому Владивостоку. Но чего это стоитъ, и стоитъ ли Владивостокъ этихъ громадныхъ затратъ и работъ? Вѣроятно нѣтъ, если не успѣли еще перенести портъ на югъ, какъ уже снова начали мечтать перенести его еще южнѣе, въ предѣлы Кореи, которые, однако, нужно прежде забрать къ своимъ рукамъ, а это нелегко, потому что англичанамъ, французамъ, и даже американцамъ очень не хочется, чтобы мы наложили руки на мало еще извѣданную, богатую страну; чтобы мы, а не они, завели съ ея населенiемъ дѣятельную торговлю, несомнѣнно выгодную и обширную.

Разсмотримъ теперь, насколько позволятъ наши небольшiя силы, можетъ ли Владивостокъ пользоваться выгодами своего будто бы счастливаго матерiальнаго положенiя? Во первыхъ, дѣятели говорили, что бухта его не замерзаетъ впродолженiи чуть ли не цѣлаго года и портъ расположенъ лишь въ нѣсколькихъ сотняхъ миль отъ торговыхъ рынковъ Японiи и Китая; но какая можетъ быть намъ въ настоящее время отъ этого выгода? Положимъ, выгода та, что насъ эти рынки могутъ чуть ли не круглый годъ снабжать всѣмъ необходимымъ и съ голоду мы не помремъ, но дальше что?..

Эта выгода отрицательная; она не можетъ служить залогомъ матерiальнаго благосостоянiя страны, а вмѣ-

стѣ съ тѣмъ и порта; привозный товаръ выжимаетъ изъ страны деньги и мы остаемся съ товаромъ, который скоро уничтожается, но безъ денегъ; а развѣ это называется полнымъ благосостояніемъ страны? Намъ нужно вывознаго товара, чтобы деньги наши не уходили за границу; намъ нужно развитіе торговли и промышленности и тогда только матеріальное богатство страны будетъ полное.

Но что мы будемъ вывозить, чѣмъ подѣлимся мы съ торговыми рынками Японіи и Китая? Всѣ естественныя богатства края находятся еще слишкомъ далеко отъ человѣческихъ рукъ, нужно ихъ найти, разработать, нужно провести хорошіе пути сообщенія, чтобы эти богатства безъ затрудненія подвозить къ порту, гдѣ уже ихъ и нагружать на коммерческія суда. Кромѣ того, страна страдаетъ большимъ недостаткомъ рабочихъ рукъ, такимъ недостаткомъ, что всѣ осуществленія пылкихъ надеждъ находятся въ такомъ отдаленномъ будущемъ, что даже трудно предвидѣть, когда они осущесвятся...

Положеніе Южно-Уссурійскаго края дѣйствительно чрезвычайно выгодное, и нужно стараться, чтобы онъ воспользовался этими богатыми выгодами. Онъ близокъ къ богатому торговлей Китайскому морю, которое въ послѣднія двадцать лѣтъ, по громадности совершающейся въ немъ всемірной торговой дѣятельности, стало выше всѣхъ средиземныхъ морей свѣта; онъ близокъ къ многолюдной, богатой Кореи и Манджуріи, съ которыми завести правильныя торговыя сношенія чрезвычайно для насъ выгодно.

Край этотъ отъ природы такъ богато надѣленъ, что ему недостаетъ только рукъ, чтобы принять дѣятельное участіе на общемъ торговомъ поприщѣ Китайскаго моря; связь этого края посредствомъ исправной водной системы и хорошихъ дорогъ съ многолюдной Кореей, богатой Манджуріей и Забайкальемъ придала бы ему

еще большее значеніе, поставила бы его наряду производительнѣйшихъ мѣстъ нашей обширной Россіи.

Матеріальное благосостояніе Владивостока прямо зависитъ отъ матеріальнаго благосостоянія всего края; самъ по себѣ онъ ничего не значитъ... Другое дѣло, если бы онъ лежалъ на какомъ-нибудь богатомъ морскомъ пути, гдѣ могъ бы служить станціею купеческимъ судамъ, складочнымъ мѣстомъ и мѣновымъ рынкомъ, что возможно, если объявить бы его при этомъ порто-франко. Онъ между тѣмъ лежитъ въ глубинѣ обширнаго залива Петръ-Великій, слишкомъ далеко отъ всѣхъ торговыхъ путей, слѣдовательно, онъ долженъ самъ создать себѣ торговлю и сдѣлаться складочнымъ пунктомъ всей торговой дѣятельности, какъ нашего крайняго Востока, такъ и Манджуріи, Кореи и Забайкалья. Съ этого только момента обезпеченъ приливъ коммерческихъ судовъ къ Владивостоку; съ этого только момента можетъ завязаться дѣятельная торговля не только съ Японіею и Китаемъ, но даже съ Индіею и Америкою. До того же момента вся его торговля будетъ ограничиваться только однимъ незначительнымъ привозомъ, едва удовлетворяющимъ мѣстныя надобности.

При этомъ нужно обратить особенное вниманіе на Корею и Манджурію, которыя положительно могутъ обогатить Уссурійскій край; но нужно нашему правительству дѣятельно противодѣйствовать настойчивому требованію англичанъ—открыть корейскіе порты для европейской торговли. Понятно, что вооруженному союзу европейцевъ не трудно было бы этого достигнуть и Россія принесла бы имъ большую услугу, если бы взяла на себя починъ этого невыгоднаго для насъ предпріятія, потому что намъ пришлось бы работать болѣе для другихъ, чѣмъ для самихъ себя. Въ этомъ случаѣ торговля несомнѣнно направилась бы моремъ т. е. пошла бы рукамъ англичанъ и американцевъ, что положительно не въ нашихъ интересахъ...

Оставляя же Корею замкнутой, мы избавляемся отъ опасныхъ конкурентовъ морской торговли; сами же въ тоже время несомнѣнно будемъ пользоваться многими торговыми выгодами сосѣдства; но при этомъ необходимо, какъ можно скорѣй, заключить съ Кореею торговый трактатъ и такимъ образомъ воспользоваться всѣми выгодами сосѣдства безраздѣльно.

Такое пріобрѣтеніе можно считать большимъ благомъ для молодаго, богатаго края, а потому необходимо прибѣгнуть къ слѣдующимъ благодѣтельнымъ мѣрамъ: переходъ корейскихъ семействъ—поощрять всевозможными средствами, селить выходцевъ посреди русскихъ, поощрять браки съ русскими, распространять между ними русскую одежду, нравы и грамотность и снабжать ихъ за деньги хорошими земледѣльческими орудіями, которыя привозить сюда моремъ и, наконецъ, черезъ опредѣленный срокъ наложить на нихъ общія государственныя подати. Кромѣ того необходимо составить изъ лучшихъ нашихъ миссіонеровъ миссію, которая должна распространять между ними начатки христіанской религіи и поддерживать ихъ на новомъ истинномъ пути...

Видя всѣ выгоды подданства Россіи, народъ въ Кореѣ будетъ стремиться въ наши предѣлы съ большею охотою, будетъ имѣть, вопреки всѣмъ запрещеніямъ своего правительства, постоянныя торговыя и другія сношенія со своими соотечественниками и, въ этомъ случаѣ, въ рукахъ одной Россіи будутъ всѣ выгоды этихъ сношеній...

Манджурскій городъ Хунъ-Чунъ и теперь уже служитъ общимъ рынкомъ для русскихъ, манджуръ и корейцевъ и слѣдуетъ только позаботиться о томъ, чтобы торговля, уже существующая въ этихъ мѣстахъ между Манджуріей и Россіей, была узаконена трактатомъ.

Всѣ вышеприведенныя обстоятельства даютъ большія надежды торговымъ домамъ въ Китаѣ и японскому правительству, которое желаетъ само заняться торгов-

лей съ нашимъ молодымъ краемъ, не передавая ее въ руки своихъ торговыхъ фирмъ; эта рѣшимость явилась послѣ войны съ Китаемъ изъ за Формозы, когда у него оказалось много лишнихъ пароходовъ, очень удобныхъ для его предполагаемыхъ торговыхъ операцій. Какъ китайскіе торговые дома, такъ и японское правительство (въ послѣднее время) постоянно заявляютъ о своей готовности начать разнообразныя торговыя дѣла и предпріятія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ; но ихъ горячія стремленія охлаждаются пока настоящимъ отсутствіемъ въ краѣ полнаго обезпеченія въ законѣ, невыработанностью правилъ относительно пріобрѣтенія поземельной собственности, малою населенностью края, отсутствіемъ путей сообщенія, а вмѣстѣ съ ними и мѣстной промышленности и предпріимчивости.

Край изобилуетъ богатствами, изъ которыхъ казна могла бы извлечь для себя доходы, съ избыткомъ покрывшими бы всѣ требуемыя краемъ затраты; для его благосостоянія необходимо, какъ можно скорѣе, уяснить образъ дѣйствія нашего правительства относительно частной дѣятельности и, уже ни въ какомъ случаѣ, разъ принятый образъ дѣйствія не измѣнять, какъ только торговыя фирмы затратятъ свои капиталы на предпріятія въ новомъ краѣ, что не разъ случалось и случается по настоящее время. Такъ напримѣръ, Владивостокъ объявленъ былъ порто-франко и вдругъ, черезъ самое короткое время, нарушена эта свободная торговля наложеніемъ акциза на ввозные напитки и табачныя произведенія.

Избавляя отъ безполезныхъ стѣсненій иностранцевъ, нужно стараться въ тоже время расширять, сколько возможно болѣе, поприще предпріимчивымъ людямъ, идущимъ изъ Россіи искать счастья на берегахъ Японскаго моря. Этимъ правительство достигнетъ того, что избавитъ край отъ полнаго захвата его иностранными купцами и промышленниками, захвата, который уже начался и неминуемо совершился бы, если бы не было

принято мѣръ къ привлеченію сюда русскихъ купцовъ, промышленниковъ и крестьянъ.

Русскія торговыя общества, которыя желаютъ и пожелали бы заняться разработкой богатства этого края и торговлей, заслуживаютъ всякаго поощренія отъ правительства; безъ этого же поощренія имъ трудно, почти невозможно, продолжать дѣла и начать новыя въ мѣстности малоизвѣстной, отдаленной и соперничать съ иностранцами, имѣющими въ близкомъ отъ края сосѣдствѣ прочно установившіяся торговыя предпріятія, съ выработанными способами и пріемами... Это соперничество особенно трудно намъ въ морской торговлѣ, которая со временемъ неминуемо должна возникнуть въ омывающемъ наши берега Японскомъ морѣ...

Южно-Уссурійскій край, эта конечная точка нашихъ пріобрѣтеній въ Азіи, добытая постояннымъ, трехъ-вѣковымъ, наступательнымъ нашимъ движеніемъ на востокъ, ни въ коемъ случаѣ не долженъ сдѣлаться достояніемъ иностранцевъ.

Эта главная точка нашего наступательнаго движенія на востокъ должна быть однородна со всею лежащею за ней цѣпью населенія; будучи нашимъ аванпостомъ на Великомъ Океанѣ, она должна сдѣлаться крѣпкою, неотъемлемою частью нашего обширнаго отечества. Сибирь вообще представляетъ замѣчательное явленіе въ исторіи человѣчества; могучая своими задатками народность, впродолженіи почти четырехъ вѣковъ ширилась и разросталась по направленію, пробитому ея смѣльчаками, и захватила, наконецъ, крѣпкою цѣпью городовъ и селеній сѣверную половину стараго материка... Это единственное твердое расширеніе съ запада на востокъ представляетъ отрадное явленіе для народной гордости. По всему этому громадному пути крѣпко сѣла и сложилась здоровая русская жизнь, вездѣ слышенъ одинъ чистый великорусскій языкъ, одна бойкая, удалая рѣчь; однѣ и тѣже родныя черты лицъ окружаютъ русскаго путешественника...

Отъ древнихъ обитателей Сибири остались нераскопанные курганы, отъ болѣе позднихъ — падающія и исчезающія племена: татаръ, бурятъ, тунгузовъ и т. п., отброшенныя къ сѣверу отъ пути, которымъ потекла русская жизнь и цивилизація...

У Тихаго Океана эта четырехъ-вѣковая ширь русской народности останавливается, идти ей дальше пока некуда: къ сѣверу Ледовитое море, съ востока Великій Океанъ и наконецъ на югѣ — крѣпкія, тысячелѣтіями сложившіяся, многомилліонныя народности, которыя долго дремали въ стѣнахъ своихъ; но теперь, когда стѣны эти пробиты англійскими пушками, выступаютъ на общее поприще народовъ...

Южно-Уссурійскій край представляетъ точку прикосновенія молодого русскаго народа съ этими древними, когда-то жившими и теперь вновь воскресающими въ исторіи расами. Лучшій оплотъ для этого важнаго нашего передоваго поста — заселеніе его тѣмъ чисто русскимъ, честнымъ народомъ, которымъ заселена вся наша Европейская Россія, народомъ, который встаетъ поголовно при первой опасности, угрожающей его дорогому отечеству, — который смѣлою грудью встрѣчаетъ вторгающагося врага...

Въ настоящее время Владивостокъ стоитъ не на слишкомъ твердой почвѣ и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ похвалиться не можетъ; одинъ наружный видъ его доказываетъ, что онъ еще очень далекъ отъ тѣхъ высокихъ надеждъ, которыя къ нему имѣли наши мѣстные дѣятели...

Представьте себѣ рядъ деревянныхъ домиковъ, которыми можетъ развѣ похвалиться только хорошее селенье; впрочемъ, не будемъ рвать изъ середины, а начнемъ съ одной окраины вновь выросшаго порта, понемногу перейдемъ къ другой и, такимъ образомъ, дадимъ достаточно подробное описаніе нашего опорнаго пункта, нашего аванпоста на Великомъ Океанѣ.

На западномъ берегу бухты „Золотой Рогъ“ распо-

ложены портовыя учрежденія Владивостока, объ которыхъ впрочемъ неинтересно слишкомъ распространяться, такъ какъ онѣ не представляютъ ничего особеннаго. Представьте себѣ рядъ досчатыхъ, кое-какъ сколоченныхъ сараевъ, именуемыхъ громкими названіями: магазинами, механическими заведеніями, кузницами, модельными и т. п.; все это вкупѣ окружено плохенькимъ тыномъ, какимъ обыкновенно охраняютъ огороды отъ неразумныхъ животныхъ; повидимому, „богатствомъ" порта не дорожатъ. Этому служитъ еще доказательствомъ то, что очень много, дѣйствительно нужныхъ и дорогихъ, вещей и матеріаловъ раскинуто по порту прямо подъ сводомъ небеснымъ; поэтому кражи изъ порта тутъ не рѣдкость, и почти постоянно удается матросамъ и рабочимъ выносить при извѣстныхъ хитростяхъ все, что только можно вынести, спрятать и сбыть съ рукъ.

Со стороны бухты портъ не огражденъ ничѣмъ; нѣсколько вытянувшихся въ нее полусгнившихъ деревянныхъ пристаней своимъ печальнымъ наружнымъ видомъ увеличиваютъ общее неблаголѣпіе порта.

На одномъ концѣ порта, ближайшемъ къ выходу изъ бухты, расположены начатки предполагаемаго дока, который въ настоящее время походитъ на какую-то неправильнаго вида, яму съ водой, огражденную со, стороны бухты полусгнившимъ и развалившимся бокомъ, при чемъ, оставленъ небольшой проходъ для входа и выхода мелкимъ портовымъ пароходамъ, заходящимъ сюда на отдыхъ. Слѣдуя по берегу, вы наткнётесь на нѣсколько рядовъ элинговыхъ полозьевъ, именуемыхъ громко „элингами", на которые поднимаются для починокъ, при помощи громадныхъ талей и человѣческихъ рукъ, самыя мелкія суда сибирской флотиліи.

Суда же болѣе крупнаго ранга не могутъ пользоваться совѣтами и помощью нашего порта, когда ихъ необходимо вытащить на берегъ, а потому приходится высылать ихъ волей-неволей на исправленіе или осмотръ

подводной части въ нагасакскій докъ, что обходится достаточно дорого, пожалуй въ сложности дороже, если бы мы сами построили въ Владивостокѣ нѣсколько хорошихъ доковъ, какъ сухихъ такъ и плавучихъ. Кромѣ судовъ сибирской флотиліи въ нихъ могли бы входить для исправленій и суда отряда Тихаго Океана, которыя поневолѣ обращаются по настоящее время къ иностраннымъ докамъ, платя за постой и исправленія весьма крупные куши, которымъ гораздо было бы полезнѣе оставаться въ русскихъ рукахъ. Кромѣ судовъ нашего военнаго флота, въ доки заходили бы и коммерческія суда, которыя часто, по приходѣ во Владивостокъ, вслѣдствіе какихъ нибудь аварій, нуждаются въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ и осмотрѣ подводной части; въ настоящее время имъ нѣтъ этой возможности сдѣлать осмотръ поврежденныхъ частей судна, а потому они торопятся въ этомъ случаѣ разгрузиться и идти для исправленій въ тотъ же Нагасакскій или Шанхайскій докъ. Такимъ образомъ Владивостокъ пока лишенъ возможности капитально исправлять и осматривать суда нашего флота, лишенъ возможности въ тоже время получать съ коммерческихъ судовъ нѣкоторый, иногда значительный доходъ...

Впрочемъ до доковъ и вообще до полнаго благообразія порта еще далеко, и не мудрено: онъ не существуетъ еще и пяти даже лѣтъ. Люди знающіе говорятъ, что портовыя учрежденія выведены на скорую руку потому, что самый портъ думаютъ перенести въ другое мѣсто, на сѣверный берегъ бухты, гдѣ уже и собрано нѣсколько желѣзныхъ магазиновъ; но когда совершится этотъ переносъ—еще неизвѣстно. Нужно сознаться, впрочемъ, въ томъ, что безъ хорошей внѣшней обороны порта, жалко и рискованно образовывать его на слишкомъ капитальныхъ началахъ; при первомъ же раздорѣ съ какою нибудь державою, онъ можетъ вполнѣ тревожиться за свою безопасность, за цѣлость своихъ сооруженій...

По сѣверному берегу бухты Золотой Рогъ, отдѣльныя части Владивостока расположены въ одну линію, въ слѣдующемъ порядкѣ: манзовскій кварталъ, упирающійся въ Амурскій заливъ, собственно городъ и слободки: офицерская, новая съ казармами сибирскаго экипажа и матросская съ госпитальными постройками на первомъ планѣ.

Манзовскій кварталъ состоитъ изъ значительнаго числа скученныхъ, но больше просто привѣтливыхъ, снаружи чистыхъ фанзъ, вокругъ которыхъ, благодаря надзору полиціи, поддерживается достаточная чистота, вообще рѣдкость въ китайскомъ кварталѣ.

Постройка фанзъ весьма незамысловата: прежде всего дѣлается скелетъ фанзы, состоящій изъ нѣсколькихъ бревенъ, врытыхъ въ землю и соединенныхъ между собою толстыми жердями; затѣмъ скелетъ этотъ забирается гибкими прутьями, на подобіе того, какъ вьются у насъ тыны. Когда это готово, то дѣлается мѣсиво изъ земли, воды и крошеннаго сѣна, которымъ замазываютъ стѣны, какъ снаружи, такъ и съ внутренней стороны. Въ концѣ концовъ, когда мѣсиво это засохнетъ, стѣны бѣлятъ съ известкой, что придаетъ фанзамъ очень чистенькій и привѣтливый видъ; крышу обыкновенно дѣлаютъ изъ сѣна и притомъ весьма искусно.

Внутреннее убранство каждой фанзы въ общихъ чертахъ состоитъ изъ ряда прикрытыхъ цыновками и, расположенныхъ вдоль стѣнъ, наръ, подъ которыми обыкновенно проходитъ дымовая труба отъ печки манзовскаго издѣлія, болѣе 1½ арш. вышины съ вмазаннымъ въ нее большимъ братскимъ котломъ. Въ холодные дни, на нарахъ достаточно тепло; но стоитъ только сойти съ нихъ, какъ почувствуешь прохладу нежилаго покоя; зимой же, температура въ фанзахъ, вслѣдствіе оригинальнаго расположенія дымовой трубы, распредѣляется весьма неравномѣрно; такъ, что если лечь на нары, то одинъ бокъ подвергается дѣй-

ствію тропической жары, а другой—пронизывающему холоду нашей русской зимы. Манзы этимъ нисколько не смущаются; переворачиваясь съ боку на бокъ, они поочередно согрѣваютъ то одну, то другую половину своего тѣла и, такимъ образомъ, поддерживаютъ въ себѣ правильное кровообращеніе. Посреди фанзы стоитъ обыкновенно небольшая жаровня, на которой, почти всегда, что нибудь жарится или варится, распространяя вокругъ себя крайне удушливый чадъ и дымъ; кромѣ того внутренность фанзъ пропитывается невыносимымъ, особеннымъ китайскихъ запахомъ, непріятнымъ, вонючимъ и присущимъ всѣмъ вообще китайскимъ домамъ и, въ нѣкоторыхъ городахъ, даже цѣлымъ кварталамъ...

Манзы снабжаютъ Владивостокъ всѣми необходимыми жизненными припасами и, кромѣ того, они представляютъ нѣкоторый рабочій элементъ города; порядочные каменьщики—они воздвигаютъ въ городѣ каменные фундаменты, подвалы, строятъ даже каменные дома; выдѣлка кирпичей, выжиганіе извести, какъ каменной такъ и ракушечной, лежитъ на ихъ рукахъ. Хотя манзы работаютъ лѣниво, большею частью кое-какъ, но при хорошемъ за ними присмотрѣ, ихъ сооруженія достаточно прочны и при томъ не дороги. Большею частью работы они берутъ по контракту, причемъ доставка всѣхъ необходимыхъ для постройки матеріаловъ, производится ихъ собственными средствами: водой—при помощи большихъ фунъ (почти тоже, что и джонки), а берегомъ—на двухъ колесныхъ массивныхъ телѣгахъ, въ которыя обыкновенно впрягаютъ по нѣскольку лошадей или быковъ.

Кромѣ того есть манзы плотники, даже столяры и наконецъ просто воловая сила; къ послѣднему заработку прибѣгаютъ самые бездомные, самые ничтожные, ни на что другое неспособные, представители Небесной Имперіи... Грязные, въ отвратительныхъ рубищахъ и даже полуголые, копаютъ они канавы, вы-

ваютъ погреба, взрываютъ землю для огородовъ, выкатываютъ изъ бухты на берегъ бревна, ворочаютъ кулями, разгружаютъ и нагружаютъ коммерческія суда, словомъ, исполняютъ только тѣ работы, гдѣ нужно приложить особенный трудъ, физическую силу и неутомимость. Воловая сила эта въ Владивостокѣ не постоянная; зимой очень незначительная, но съ первыми теплыми днями все прибывающая и прибывающая изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ и достигающая къ лѣту, къ самому разгару работъ, до порядочной цифры. За неимѣніемъ помѣщенія въ фанзахъ, часть этой воловой силы нашего порта располагается обыкновенно въ шалашахъ и палаткахъ, которыя раскидываютъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ требуетъ ихъ присутствія извѣстная работа; эти бездомные труженники проводятъ такимъ образомъ большую часть года почти подъ открытымъ небомъ, въ дырявыхъ шалашахъ и палаткахъ; непогода не смущаетъ ихъ: сорветъ ли вѣтеръ легкое ихъ помѣщеніе, вымочитъ ли дождь ихъ рубища до послѣдней нитки—это имъ ни-почемъ; хладнокровно и аппатично поставятъ они шалашъ или палатку на старое мѣсто, вывѣсятъ на солнцѣ свои рубища, просушатся и преспокойно займутся опять продолженіемъ своей трудной работы...

Изъ городскихъ построекъ обращаютъ на себя вниманіе: два двухъэтажныхъ полукаменныхъ дома, построенные однимъ изъ здѣшнихъ купцовъ и домъ главнаго командира, съ разбитымъ передъ нимъ „паркомъ". Безцѣльная, непонятная вырубка повсюду лѣса привела къ очень печальному результату: Владивостокъ остался совершенно почти безъ той освѣжающей зелени, которая такъ необходима при здѣшнихъ лѣтнихъ жарахъ.

Трудно повѣрить, что на мѣстѣ, гдѣ еще такъ недавно шумѣли своими пышными вершинами столѣтнія, роскошныя и дающія прохладу рощи, теперь „разводятъ" тощій паркъ, усаживая по сторонамъ предпола-

гаемыхъ аллей какіе-то отростки вмѣсто деревьевъ!.. И въ настоящее время не рѣдкость здѣсь увидѣть, какъ срубаютъ роскошныя деревья „на дрова", оставляя на поверхности земли только одинъ безобразно торчащій пень; при этомъ, повидимому, руководствуются одною мыслью: „зачѣмъ, молъ, стоять дереву тамъ, гдѣ неприказано; мѣста развѣ мало за долами, за хребтами, за далекими горами!" Такимъ образомъ, сами жители лишили себя тѣни и прохлады, драгоцѣннѣйшаго дара природы—зелени и затѣмъ уничтожили ее, чтобы черезъ нѣсколько времени замѣнить ее казеннымъ, искусственнымъ разведеніемъ рощъ, парковъ и скверовъ, такихъ дырявыхъ, что въ каждое отверстіе, въ каждую щелочку такъ и жжетъ васъ раскаленное лѣтнее солнце!.. Нѣтъ въ нихъ ни тѣни, ни прохлады, ни пріятнаго отдохновенія!..

Въ концѣ города, на рубежѣ, отдѣляющемъ его отъ слободокъ, стоитъ почти отстроенный морской клубъ, который обѣщаетъ быть лучшимъ зданіемъ въ городѣ. Жители съ нетерпѣніемъ ждутъ его окончанія и думаютъ, что къ будущему году онъ будетъ совершенно готовъ.

Въ настоящее время городскимъ жителямъ положительно негдѣ повеселиться и общественная жизнь ихъ находится въ застоѣ; каждое семейство живетъ въ своей скорлупѣ, нужно сознаться, иногда весьма непригядной, потому что Владивостокъ пока не можетъ похвастаться количествомъ и качествомъ квартиръ... За клубомъ тянется линейная слободка, состоящая изъ дрянныхъ казармъ и домиковъ женатыхъ солдатъ; къ ней примыкаетъ офицерская слобода, которая одна только можетъ похвалиться болѣе опрятнымъ и пріятнымъ своимъ видомъ; хорошенькіе домики, на каменныхъ фундаментахъ, расположены въ нѣсколько правильныхъ линій, при чемъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ разведены небольшіе садики, придающіе общему виду пріятное впечатлѣніе.

Вообще, нужно сознаться, что морскіе офицеры обстроились здѣсь весьма хорошо, фундаментально и привѣтливо, завелись хозяйствомъ, держатъ большею частью, благодаря плохимъ путямъ сообщенія, лошадей, содержаніе которыхъ здѣсь хорошему хозяину обходится очень недорого.

Въ жилыхъ казарменныхъ помѣщеніяхъ, въ которыхъ было тѣсновато, но за то тепло и хорошо, особенно для людей, проживишхъ нѣсколько мѣсяцевъ на бивакѣ. Пройдетъ еще годъ, два и экипажъ обстроится настолько, что командѣ будетъ просторно и почти также удобно, какъ и въ другихъ болѣе обстроенныхъ экипажахъ. Въ настоящемъ году приступлено къ штукатуркѣ внутри и обшивкѣ тесомъ снаружи двухъ казармъ, построенныхъ первыми; работы эти къ осени окончатся, и тогда казармы примутъ благообразный видъ; кромѣ выстроенныхъ четырехъ казармъ, предполагается построить еще четыре, манежъ и всѣ хозяйственныя постройки, а также домъ главнаго доктора и дома нѣкоторыхъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, образующіе докторскую слободку.

Матросская слободка состоитъ изъ чистенькихъ, небольшихъ избъ построенныхъ для себя женатыми нижними чинами; она ничего не представляетъ привлекательнаго: дома невзрачные, въ дождливое время на улицѣ непроходимая грязь, въ которой валяются сытыя свиньи; всюду поражаетъ глазъ неопрятность, бѣдная, забитая деревенщина. Нужно сознаться матросская слободка не пользуется хорошей репутаціей: пьянство, драки, буйство—постоянныя здѣсь происшествія.

Давъ общій очеркъ всему Владивостоку въ 1874 г., остается еще сказать о его путяхъ сообщенія, климатѣ, торговлѣ и составѣ и дѣятельности Сибирской флотиліи. Причемъ не лишнее будетъ обратить вниманіе: приноситъ ли она ту пользу, которую отъ нее ожидали и вознаграждаетъ ли дѣлаемыя на нее затраты?

Владивостокъ не можетъ гордиться своими дорогами и улицами, которыя какъ въ первобытномъ состояніи; большая часть ихъ усѣяна пнями, торчащими камнями, выбоинами, ухабами и подобными прелестями нашей русской глухой проселочной дороги. Въ сухое время страшная пыль, а въ сырое—непролазная грязь—вотъ два главныя состоянія Владивостокскихъ улицъ. Немощеныя и безъ тротуаровъ улицы незнакомы съ чистотой, а почти усѣяны битыми бутылками и щепками и даже помоями; въ жаркіе дни положительно надо пробѣгать съ быстротою лани и зажавши носъ по такимъ улицамъ. Мосты всѣ деревянные, гнилые, развалившіеся, дырявые, съ перилами, безъ перилъ и даже безъ досокъ; словомъ мосты самой разнообразной конструкціи и прочности...

И всего только послѣ пятилѣтняго существованія, выстроенные за хорошіе деньги—могутъ похвастаться полной ветхостью и негодностью. Впрочемъ по отдаленности края, все здѣсь существуетъ по усиленному положенію: служащіе получаютъ усиленное содержаніе, въ военномъ вѣдомствѣ три года считаются за четыре, такъ почему же и мостамъ не существовать по тому же усиленному положенію, вмѣсто десяти лѣтъ, два года? Поэтому и вина падаетъ только на усиленное положеніе, а потому оставимъ строителей, а перейдемъ къ другимъ описаніямъ шиповъ и розъ Владивостока.

Климатъ во Владивостокѣ нельзя назвать вполнѣ хорошимъ, несмотря на то, что Южно-Уссурійскій край сравниваютъ съ Италіей, а самый Владивостокъ чуть ли не съ Неаполемъ; хотя географическое положеніе Владивостока подъ 43^{0} сѣверной широты и даетъ возможность сравнивать по климату хоть съ какимъ нибудь мѣстомъ благодатной Италіи; но въ сущности, климатъ Владивостока такъ далекъ, что никакого сравненія нѣтъ.

Съ марта во Владивостокѣ уже достаточно тепло и весна вступаетъ въ свои права, одѣвая холмы, ямы, долины и луга нѣжною зеленью и освобождаетъ окру-

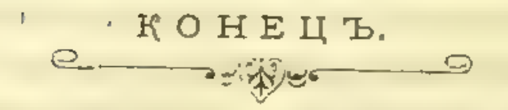
жающій видъ отъ холоднаго льда и снѣга. Только бухта Золотой Рогъ вслѣдствіи своего замкнутаго положенія въ это время спитъ мертвымъ сномъ подъ ледянымъ покровомъ и ждетъ когда хоть одно судно сибирскаго экипажа получитъ предписаніе освободить ее отъ рыхлаго льда, при помощи своего носа и машины. Обыкновенно къ апрѣлю желаніе бухты исполняется. Весна тогда въ полномъ разгарѣ! Окрестности принимаютъ привѣтливый видъ и ласкаютъ взоръ молодою, свѣжею зеленью; подъ теплыми лучами солнца, ярко блестящаго, тучная земля и окружающія воды даютъ сильныя испаренія и Владивостокъ окутывается непроницаемымъ туманомъ; дѣлается сыро всюду въ квартирахъ и непріятно отъ нескончаемаго тумана, что приходишь къ невольному замѣчанію, что не всегда весна достойна пѣсенъ и хвалы. Такая погода тянется до конца іюля мѣсяца; то прояснетъ, то пойдетъ проливной дождь, въ чемъ заключается все развлеченіе весны и начала лѣта. Это время можно назвать скучнѣйшимъ; туманы раздражаютъ страшно; августъ, сентябрь и октябрь можно считать лучшими мѣсяцами въ году; большею частью стоятъ ясные теплые, дни; туманы, а съ ними и сырость, пропадаютъ; дожди бываютъ изрѣдка; словомъ эти три мѣсяца составляютъ лучшее время года. Съ ноября наступаетъ осень, но осень не петербургская, не сырая, не слезливая, а ясная, пріятная, послѣ лѣтняго зноя; но вмѣсто тумановъ и дождей начинается господство свѣжихъ сѣверныхъ вѣтровъ, которые иногда бываютъ не болѣе двухъ, трехъ разъ въ году; но все-таки хорошіе дни вполнѣ искупаютъ ненастные и холодные.

Въ половинѣ или въ концѣ ноября бухта покрывается льдомъ, суда кончаютъ компанію и окружающая природа принимаетъ зимній видъ. Зима во Владивостокѣ очень непостоянна: то очень холодно, то тепло, то снѣжная, то безснѣжная! Зима въ 1874 и 1875 гг. почти совсѣмъ не видала снѣга и объ саняхъ никто не

думалъ; благодаря сильнымъ морозамъ, доходившимъ до 20° *R*, колодцы, родники вымерзли и жители бѣдствовали безъ воды и ѣздили за ней верстъ за пять или за шесть; между тѣмъ въ слѣдующую зиму было такое изобиліе снѣга какого не запомнятъ старожилы.

Приложенный рисунокъ вида Владивостока въ 1895 году показываетъ, до чего измѣнился онъ за истекшія двадцать лѣтъ, а вмѣстѣ съ нимъ измѣнились и всѣ условія какъ жизни такъ и природы.

КОНЕЦЪ.

2007041404